Александр Стаматин

Экспат

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Город. Оазис посреди бескрайних пустошей. Роскошь, разум и высокие технологии. Кровь, нищета и порок. Сможешь ли ты остаться собой, детектив? Особенно — если ты, детектив, начнёшь копаться в навозной куче и вытаскивать дурно пахнущие дела одно за другим. Особенно — если твоя кандидатура будет рассматриваться теми, кого не захочешь заметить при всём желании. Теми, кто стоит вне вертикали власти и насилия. Организацией.

- Экспат
  - Введение
  - Интерлюдия 0
  - I. Один прекрасный день
  - Глава 1.1
  - Глава 1.2
  - Глава 1.3
  - Глава 1.4. Часть первая
  - Глава 1.4. Часть вторая
  - Интерлюдия 1
  - II. Один неплохой день
  - Глава 2.1
  - Глава 2.2. Часть первая
  - Глава 2.2. Часть вторая
  - Глава 2.3
  - Глава 2.4
  - Глава 2.5
  - Интерлюдия 2
  - III. Один не очень хороший день
  - Глава 3.1. часть первая
  - Глава 3.1. Часть вторая
  - Глава 3.2. Часть первая
  - Глава 3.2. Часть вторая
  - Глава 3.3
  - Глава 3.4. Часть первая
  - Глава 3.4. Часть вторая
  - Глава 3.5
  - Интерлюдия 3
  - IV. Один отвратительный день
  - Глава 4.1
  - Глава 4.2
  - Глава 4.3. Часть первая

- Глава 4.3. Часть вторая
- Глава 4.4
- Глава 4.5
- Интерлюдия 4
- V. Один странный день
- Глава 5.1. Часть первая
- Глава 5.1. Часть вторая
- Глава 5.1. Часть третья
- Глава 5.2
- Глава 5.3
- Глава 5.4
- Интерлюдия 5
- Заключение
- Информаторий

Экспат

Введение

Вспышка лазерного разряда озарила дурно обставленную комнату, высветив два голых женских тела. Их я убил десять минут назад, в неожиданно накативший момент холодного разума. Тогда же, если честно, следовало пристрелить и мужчину. Только чудо меня спасло от его крика после выстрелов, да и пытать его было совершенно необязательно. Чудо. Или же — святая уверенность жертвы, что Эрнест А. Н. не тронет своего старого друга?

Смешно.

Я подошёл ближе. Последний выстрел оказался чуть–чуть смазанным. Не так уж удивительно, с учётом того, что ваш покорный слуга избивал умершего большую часть из тех самых десяти минут. Сбил костяшки, погнул нейрошокер, распугал соседей очень приличного кондоминиума. Слегка перебрал адреналина, в общем. Через три минуты люди осмелеют настолько, что вызовут местную службу безопасности.

Кто их там сейчас охраняет? «Агни Корп»? Полумёртвая «Гагана»? Может быть, безжалостные «Нокс»? Плевать.

Табурет. Единственное не заляпанное пустыми мозгами и грязной кровью место в этой чёртовой квартире. Отличное место для того, чтобы достать трубку. Вскрыть свежий кисет табака, плотно его набить в чашку и закурить. Для полноты спокойствия не хватало только знойной красотки и банки «Троки». Хотя нет, красотка была. Слегка некомплектная после попадания в шею и контрольного в голову. Но была.

За стенкой начались какие–то шорохи. Ваш покорный слуга слегка недооценил противника. Недоработка. Впрочем, не такая уж критическая. Если Организация сдержит своё слово, то можно выкурить хоть три трубки. Ведь в этом случае никто на вызов паникующих обывателей не приедет. Можно даже не сжигать квартиру, а оставить разгромленной и густо посыпанной уликами. Они ни к кому не приведут.

Стоило ли оно того?

Ещё как.

Предательство окупается предательством.

Если честно, я бы предпочёл вместо девушек пристрелить ещё как минимум двоих из одной группки. Не то чтобы был когда–то идейным анархистом, но конкретно эти офицеры прилично мне насолили. Да и Городу — тоже. Некрупное начальство вдруг решило, что может ворочать человеческими судьбами, словно картами в дешевом игорном доме. Одной из этих карт оказался я.

Эрнест Андреас Н. «Н», кстати — это полная фамилия.

С чего это началось?

Когда я вышел в терминал и увидел цветовую сегрегацию?

Или когда одно из чужеродных существ признало меня почти за своего, пропоров руку при выдаче «бусины» и ободрительно похлопав по плечу?

А может, всё началось ещё в метрополии?

Я не знаю. Мне очень тяжело абстрагироваться от произошедшего. Даже в собственной голове события выстраиваю слегка… со стороны. Не обессудьте.

Но возможно, всё началось ещё за полтора месяца до моего прибытия. В месте, называемом «Логово». С него я и начну свою исповедь. Не обессудьте.

Интерлюдия 0

Место: Сто десять километров от географического центра Города

Локация: Сто метров вглубь от уровня поверхности. «Логово».

Время: За месяц до прибытия Кандидата.

Фигура в тёмном неподвижной статуей стояла у голопанели, занимавшей немаленькую стену. В матовой поверхности отражался излучаемый глазным имплантом тусклый синий свет, но человека это не беспокоило. Он должен был смотреть на лежащий за стеклом ночной город. Во всяком случае, по каноническим шаблонам той самой староземной литературы, которой иногда развлекался Мастер. А именно им ужасающий многих человек и являлся. Но на глубине ста метров панорамного окна не нашлось, пришлось удовлетвориться интерактивной картой Города.

Подчиненные временами косились на свои терминалы, вздыхали от облегчения (критических ситуаций нет) и продолжали заниматься текущими делами. Руководство чувствует серьёзную опасность, на то оно и руководство. В Городе и без того уже за этот вечер случилось множество критических ситуаций. Есть из–за чего беспокоиться.

Впрочем, даже текущая ситуация полностью устраивала «хозяев». Как и наличие множества независимых служб безопасности. При желании они придавили бы их всех, как молодого кордула или беспомощного лангуса в луже. Хотя, справедливости ради, кое–кто из «хозяев» был бы неприятно удивлен, попав в «Логово» Организации. Точнее — в третий, «оперативный» блок.

Сидящие в первом уровне (самом мелком) рядами операторы находили или регистрировали любое аномальное или подозрительное событие. Прослушивали, просматривали или ломали полицейские сети, читали сотни сетевых записок от мелких доносчиков. Тщательно вносили в базу данных.

Машинные специалисты уровнем ниже вносили события в глобальную программу, фиксировали попытки проникновения в системы Организации и углубляли цифровую защитную систему. Постоянный писк коммуникаторов тут сменялся стуком пальцев об архаичные клавиши и тихим гулом систем охлаждения, иногда — оптимистичными мелодиями. Машинистам нужно было иногда расслабляться, поэтому в промежутках между непосредственными обязанностями они целыми отделами играли в дартс или гурьбой бегали к соседним отделам, с ругательствами помогая

техническим обеспечением.

А уже прямо под ними аналитики уже шумели, упрямо спорили, много курили и поглощали кофе в товарных количествах. Но в итоге писали подробный разбор ситуации. Или корректировали старый. Или добавляли альтернативный вариант развития событий. В любом случае, готовый отчёт уже ждали молчаливые кураторы в полутьме четвёртого уровня, на откуп которым отдавалась львиная доля, как их тут называли, ситуаций.

Однако стоящему у голопанели мужчине как раз львиная доля не нужна была. И заячья — тоже. Сегодня Третьего Мастера занимала далеко не критическая, но очень чувствительная проблема.

Организации нужно было пополнить свои ряды. И пополнить качественно.

— Мастер… — решилась прервать его Катерина, нечто среднее между аналитиком и рефрентом. Она была единственным человеком, которого был обязан пропустить каждый телохранитель из числа «личной гвардии» руководителя. Без исключений. Что бы она с собой не несла — хоть активированную термоядерную боеголовку.

— Какао, — буркнул в ответ Мастер, не отрываясь от созерцания карты со вспыхивающими красными точками.

— Простите, — смущенно начала помощница — но есть три срочных доклада. Передел рынка «гостевых» наркотиков, возможный бунт джосеров, а так же…

— А мне нужно какао, — упрямо ответил Третий, наконец повернувшись к ней. — Остальное может подождать пяти минут, не так ли?

— Так точно, — покраснела Катерина и убежала куда–то во тьму. Наверняка — в смежный с операционным хозяйственный блок. А может быть, и просто к аналитикам. Они тоже иногда пили какао.

Итак, пополнение.

По нелюдям план в целом соблюдается. Досадным неразумением остается отсутствие информаторов среди *Асакку* и *кордулов*. Но первые упорно опровергали своим существованием сочетание «обмен информацией», а вторые в основном пытались сожрать агентов. Некоторые данные по ним поступали — и отлично. Пробелы нивелировались регулярными доносами. Забавно, но большая часть из доносящих совсем не понимали, кому же конкретно они доносят. Множество расплодившихся служб безопасности тут играли Организации на руку.

А вот по людям… Агенты всех категорий выбывали со

страшной скоростью, даже иппи. Специфика профессии. Множественные риски, накладывающиеся на риски ложных жизней, или, как он слышал это называли, личин. И вот с этим необходимо было что–то делать. Срочно. Да, пожалуй, это именно та проблема, которая беспокоила его последнее время.

— Катерина, — бросил Мастер подошедшей девушке, не глядя забирая гигантскую кружку какао. С корицей.

— Да, Мастер? — бодро откликнулась та, словно и не бежала сломя голову, откидывая бывалых оперативников и взлохмаченных аналитиков.

— В какой стадии находится очередной отбор кандидатов?

— Операция «Кандидат-128» находится в подготовительной стадии. В поле зрения находится около четырёхсот личностей, потенциально пригодных к прямой работе на Организацию.

— Почему так мало? — осведомился руководитель после короткой паузы.

— После уточнения психологического портрета и данных из Метрополии отсеялось уже сто пятьдесят лиц. Полагаю, в дальнейшем их станет больше.

— Отвратительно.

Помощница сдержанно склонила голову.

— К вам никаких претензий нет. Но намекните отделу отбора, что если повторится история с двадцать седьмой — я буду весьма недоволен. А пока, пожалуйста, принесите мне профайлы… — Мастер поморщился, — лиц, в которых мы заинтересованы.

Ответа он не дождался, и уже думал сделать выговор отвлекшейся помощницы, но взгляд зацепился, наконец, за информационный планшет, который держала спокойная Катерина.

Сто двадцать седьмой набор был неплохим. Однако смертность его финалистов сильно превышала стандартную для Организации. Кто–то проваливался и был убит. В основном, конечно, противником, но кое–кто и своими — как раскрытый носитель чувствительной информации или же как попытавшийся работать «на сторону». Некоторые просто показывали себя очень серо. Ремесленником, а не творцом. А из ремесленников выходили плохие агенты.

Не прерывая чтения, Мастер дошел до кресла в атриуме (где была оборудована зона отдыха для самого нижнего уровня) и грузно опустился в него. Не поднимая глаз, осведомился:

— На ваш взгляд, есть фавориты?

— С три десятка. В основном, бывшие силовики…

— Которых придется отучивать ломать дрова, — проворчал

руководитель

— … но есть и научные работники, «белые» и «синие» воротнички, личности, связанные с Флотом, а также авантюристы с достаточно твёрдыми моральными принципами, — выпалила Катерина.

— Хм, достаточно широкий спектр. Диверсификацию одобряю. Пока свободны, спасибо.

На двадцатом досье «лица, в котором заинтересована Организация» Мастер не выдержал и пробежался взглядом по мероприятиям, сопровождавшим инициацию предыдущих кандидатов. Удивился. Загрузил двадцать шестой набор. Двадцать пятый. Да, вот оно, подумал он. С каждым разом мы всё больше пускали на самотёк отбор. Неудивительно, что в итоге вся селекция пошла наммунгу под хвост.

Третий Мастер решительно встал и направился к лифту. Пора наводить шум среди кураторов, а то они явно что–то расслабились. Пусть поработают не просто передаточным звеном от руководства к агентам, а поломают голову над разрешением нестандартной задачи.

— Мастер, чем обязаны? — мрачно поприветствовал его старший куратор Филлипос, отойдя от информационного табло. Его подчинённые вскочили с мест и встали по стойке «смирно». Третий поморщился.

— Вольно! Занимайтесь работой… я, Филлипос, пришел к выводу о необходимости коррекции программы индоктрикации наших кандидатов. Предыдущие кампании прошли, на мой взгляд, сыровато.

— Мне казалось, она и без того достаточно комплексная, — поднял бровь Филиппос. Он мог себе позволить такую вольность. В отличие от многих других.

— Действительно, — сощурился Мастер, глядя на какую–то диаграмму. — Однако мы слишком многое отдали на откуп судьбе. Пора заставить её работать на нас, вам не кажется?

Старший куратор склонил голову. Он понял невысказанное задание. Правда, как к нему подойти — пока не сообразил.

— Хорошо. Я жду ваших предложений через неделю, не дольше.

Не прощаясь, Третий насквозь прошел сквозь зал аналитиков. Отозвался на пару предложений по оптимизации. Принял пяток инфопланшетов. Получил пару просьб личного характера (об одном пометил в памяти «выдать нагоняй кадровикам»). Спустился обратно, на «минус шестой» уровень, незаметно повеселев. Неуловимая проблема, мучившая его всё утро, выявлена, и лучшие умы на этой планете начнут работу над её

нейтрализацией. В своей команде он не сомневался.

Если всё получится с первого раза, то уже через полгода у него будет десяток хороших агентов. Не уровня «Чёрного» Тони или «Бешеного» ЛаМотта, о нет. Просто хороших, подготовленных агентов. Способных бескомпромиссно (возможно даже — болезненно) претворять волю Организации, но не сломаться.

В любом случае — в этот раз всё будет по–другому.

I. Один прекрасный день

-

Глава 1.1

Место: Город
Локация: Хаб.
Время: 0 ч. 45 минут от прибытия Кандидата. Зимний сезон.

После криогенной фуги Эрнест, как и остальные пассажиры челнока, пребывал в смешанных чувствах. Его слегка мутило, периодически накатывала сонливость и адски, безумно хотелось курить. И если первые два пункта он частично нивелировал неплохим кофе в «чистой» зоне, то с никотином пришлось подождать — багаж всё ещё задерживался. В этом пока что Город ничем не отличался от привычных вокзалов, аэропортов, хабов.

Зато было время поглядеть на разнокалиберную ползущую и шагающую инопланетную живность да почитать буклет для впервые приехавших. «Город для новоприбывших за двадцать пять страниц».

— Блаблабла, право на Хартию… — пробегался глазами Эрнест, — вытекающие права на общественную деятельность, старшая ответственность относительно «гостей», младшая перед «хозяевами»… Мда, увидеть бы ещё тех хозяев города.

— Не города, планеты, — встрял жизнерадостный приземистый толстячок, стоявший за ним в очереди на выдачу багажа. — Поверьте, молодой человек, если увидите их без маски — пару дней без сна вам обеспечено. Минимум.

— Мне с лица воду не пить, — хмыкнул Эрнест.

— Простите?

— Да так, приклеилась одна поговорка за время службы.

— Армия?

— Экспедиционный корпус.

— О, у меня сын хотел туда завербоваться. Не взяли, — вздохнул собеседник. — Зато во Флот удалось завербоваться.

— Тоже неплохо, — поддакнул Эрнест, не питавший тёплых чувств к «чернофлоту». Он хотел развить мысль, однако мимо прошелестела тройка арахнидов размером с такси. Джосеры. С ними он уже сталкивался. Правда, в прошлую встречу сержант Эрнест А. Н. и пауки находились по разные стороны прицела. И это чувство было довольно странным. Сосед, видимо, увидел его взгляд.

— Не волнуйтесь, местные пауки — вполне мирные, — прошептал он.

— Вполне?

— Раз в пять лет, как по расписанию, они начинают бунтовать. Требуют включения в Хартию.

— И как успехи?

— Хозяева подряжают местные СБ, сами распечатывают арсеналы. Достают свои хурутукули и стирают в порошок бунтующих.

Эрнест хмыкнул и по инерции похлопал по карманам куртки. Без оружия на бедре было всё ещё непривычно. За прошедшее с демобилизации время он уже перестроился к гражданской жизни. В основном. Не в части отсутствия чего–то, что поможет при встрече с бешеной нелюдью.

> *Лэндинг*: [данные удалены]
>
> *Заголовок*: Ситуация с иммигрантами выходит за приемлемые рамки
>
> *Одобрено Хозяевами*: нет
>
> Доброго утра, перцы.
>
> Как вы знаете из более официозных и сухих газет, сегодня утром пребывает очередной лайнер с эмигрантами, покинувшими душные и безнадежные системы. Одно слово — Метрополия, дом наш страстно желаемый. На самом деле — нет, разумеется. Какой человек в здравом уме туда денется? Я знаю, перцы. Никто из вас.
>
> А вообще–то есть нехорошая перспектива. Один лайнер — это пять тысяч человек, которые две недели будут жить в отличном таком социальном жилье и пытаться урвать работу, борясь за неё, как урдалеб в брачный сезон. Драться, сбивать цену, отбивать хорошую работу у добрых граждан. Оно нам надо, перцы? Я предлагаю сделать очень просто. Выпустить бы нам ещё одну сегрегационную метку.
>
> Вы скажете — это какая–то диктатура. Антиутопия.
>
> Но ей–богу, живём же мы с разделением на «чистые» и «нечистые» генотипы? Тех же кордулов записали всей толпой в «нечистые», а ведь они на самом деле…
>
> <ОШИБКА ЧТЕНИЯ. ЛЭНДИНГ ЗАБЛОКИРОВАН ХОЗЯЕВАМИ. РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАТЕРИАЛА БУДЕТ ВЕСТИ К ПОСЛЕДСТВИЯМ>

Наконец, прозрачная труба начала шуметь и вяло выплевывать на вращающуюся ленту чемоданы. Небольшой — прилично одетого мужчины. Два объемистых — модно одетой девушки (её спутник дождался своего рюкзака и подозвал носильщика). О, а вот и Эрнестов контейнер. И облепивший его маскировочный «хамелеоновый» чехол, постоянно привлекающий внимание зевак. Чемодан глухо стукнулся о ленту и медленно

стал окрашиваться под её цвет. Эрнест привычно схватил за единственное видимое место (ручку), выдернул чемодан на пол и обернулся к соседу по очереди:

— Спасибо за познавательную беседу. Удачи вам…

— Подождите, месье, — замахал руками тот и начал рыться в карманах. — Если вам нужна будет историческая, финансовая или алкогольная справка — звоните и пишите в любое время суток, — собеседник протянул синюю визитку, на которой медным пятном подмигивал архаичный чип.

«Жак, Гаспар. Консалтинговые услуги» — гласил текст

— Я — Эрнест, — просто представился он и пожал руку месье Жак. — К сожалению, не смогу вам дать свои контакты. Я только прибыл, и коммуникатор ещё не перерегистрирован.

— Не проблема, — отмахнулся консультант, выхватывая небольшой чемоданчик с ленты под ворчание очереди. — В любое время дня и ночи, помните, Эрнест!

Оставив смущенного собеседника, мсье укатился в сторону особого коридора с покрытием синего цвета, где пристроился за тремя моржеподобными созданиями (урдалебы, если брошюра не врала). А демобилизованному приезжему осталось вздохнуть и пройти в обычный, «зеленый» коридор. Там хоть и было меньше созданий, чем в «гостевом», но всё равно — не легче. И всё так же хотелось курить.

— Полное имя и фамилия, место отправления, цель прибытия? — осведомился сухощавый человек–таможенник.

— Эрнест Андреас Н, метрополия, квота на эмиграцию.

Латинизированное «Андреас» вместо привычного «Андреевич» резало ухо, но не более. Человек свыкается ко всему.

— Гм, — поднял брови чиновник. — Именно Н?

— Именно, — спокойно подтвердил А. Н. — Вы не представляете, сколько проблем у меня из–за этого уже было. В основном как раз при проверке документов

— Представляю, — хмыкнул чиновник. — Цель прибытия, на какое время планируете остаться на планете и где?

— Моя квота на эмиграцию предполагает принятие на работу от агентства. В городе прибытия, минимум на полгода. Виза есть.

— Да, вижу… Что ж, удачи вам, мистер Н! — усмехнулся чиновник, резко провёл картой по считывателюи отдал документ в лоток. — Следующий!

Таможенный коридор очень удачно выходил на улицу. Эрнест отошел от входа, сдернул чехол и понял — курить не хочется. Отпустило.

Воздух был не без химического привкуса (всё–таки это Хаб, как–никак), но и не удушающим. Отлично. Прохладно, однако. И

не скажешь, что город стоит посреди пустошей… И как же добраться до города только? Ага, точно, что–то подобное было в брошюре…

«Если вам будет угодно направиться сразу в город, то к вашим услугам скоростная ветка маглева (платформа отбытия — А 1-А5, информацию уточняйте на месте). Обратите внимание, что вагоны имеют сегрегированную посадку: синий цвет — уважаемые хозяева, зеленый — хартийцы, красный — гостевые расы, чёрный — вход для остальных. Не рекомендуем садиться в красный вагон без опытного сопровождающего. В чёрные вагоны не рекомендуем садиться даже с сопровождающим.

Кроме того, на платформах В1-В10 к вашим услугам представляются аэро– и наземные такси, а у причалов С1-С4 вы можете воспользоваться услугами паромов. Обратите внимание — на паромах сегрегация отсутствует. Приятной поездки!»

Тихо выругавшись на неведомых составителей, Эрнест отправился к маглеву. От выходного пособия после раздачи семейных долгов осталось не так уж много. Траты на кэб не входили в его бюджет. Пока что.

Уже в поезде он внезапно для себя узнал, что аэротакси стоит существенно дешевле наземного (на всё воля «хозяев», как ему пояснили). И преступность конкретно в поезде околонулевая, на всё воля «хозяев». Вот в самом городе местами бывает туговато. Но если выбрать район с хорошей службой безопасности, то беспокоиться не о чем. А если и будет о чём — страховка, особенно «синяя», поможет. Ну да на всё воля «хозяев».

Город в целом крайне напоминал человеческий. Небоскрёбы «нового» города и приземистые здания «старого». Хотя нет–нет, да мелькал синий монолит из «хозяйского» камня без окон («проницаемого», как подсказал путеводитель). А ещё странные, словно вырезанные из камня дома, и за ними виднелись явные громоздкие, «бумажные» улья джосеров. И не только их, как подсказывала всё та же брошюрка, в Лесопилке много кто жил.

Часы «улитки» Эрнест настроил ещё в аэропорту, и теперь мог с чистой совестью сверять время — скорее по привычке, чем по необходимости. Помехами сеть тут никто не засорял, пока что. 11:45 по местному времени, иммиграционная конторка его фирмы работает до 19:00. Время есть и сориентироваться, и прокатиться по городу на экскурсионном дирижабле (реклама во всё той же брошюрке, бюджет потянет). Кстати, а вот и ларьки экскурсионных фирм виднеются прямо на перроне. Хорошо, что маглев сильно замедляется в городе, подумалось экс–комбатанту.

— Смотрите, — начал объяснять кассир в ярко–синей униформе — у нас есть три основных маршрута. Обзорная

экскурсия на эшелоне стопятьдесят, без посадок. Четыре часа. Обзорная экскурсия с посадками в главных районах, шесть часов. И экскурсия–гранд, — торжественно протянул молодой служака, — девять часов, обед на борту, посадки в районах, включая пригороды. Поверьте, там есть на что посмотреть, и всего восемьсот крон (это если в валюте метрополии, разумеется)…

— Так, — оборвал его Эрнест. — У меня времени немного. Сколько будет стоить краткая экскурсия?

— Сто пятьдесят крон, — буркнул кассир.

— Ближайшее отправление?

— В двенадцать, места ещё есть.

— Запиши меня туда, раз места есть. Спасибо. Откуда отправление?

— Синяя мачта номер три, обойдете вокзал справа. Следующий!

Интересно, подумалось Эрнесту, а «справа» — это лицом к вокзалу, или от него? Впрочем, если передвигаться рысцой, то он успеет проверить оба варианта.

К счастью, первый же выстрел оказался в цель. Действительно, справа от вокзала (если встать лицом к нему) виднелись синие невысокие мачты, подмигивающие габаритными огнями. Номер ближайшей совпадал с указанным на билете. Багаж отправился в охраняемую ячейку, трубка и кисет — в карман куртки. Осталось только зайти в лифт, послушать восторженное щебетание студенток (и вспомнить университетские дни), выгрузиться на платформе и спокойно зайти в достаточно просторную гондолу.

— Доброе утро, а точнее, уже день, уважаемые пассажиры! Меня зовут Роландо, и сегодня я буду вашим провожатым в чудесном маленьком мире большого Города. Если кому–то нужен «Город за двадцать пять страниц», то моя помощница Андроника с удовольствием выдаст их вам бесплатно, — провозгласил спокойный экскурсовод, показывая на улыбающуюся в тридцать два зуба девушку, машущую рукой «от локтя». Наша экскурсия продлится три часа…

Каждый раз одно и то же. Впрочем, у экс–комбатанта имелся выработанный механизм игнорирования напыщенных речей. Эрнест пристроился в дальнем углу гондолы и начал разворачивать карту, прилагавшуюся к брошюре. С определенного момента он стал ненавидеть попадать в полностью незнакомые ему места, а город пока был именно что полностью ему незнакомым. Обзор спереди–слева закрывала обширная рыжая шевелюра, но и его личный иллюминатор обеспечивал вполне приличный вид.

Что ж, всё просто. Город прижался к реке юго–западной границей, за которой лежат некие «Ямы» (близко) и Хаб (далеко) вместе с ещё тремя небольшими районами и промышленными предприятиями. Сейчас дирижабль взлетает из района вокзала, а это южная окраина Старого города. Пройдётся над Старым и его Бесильней плюс Цитаделью (точнее «их» Цитаделью). Протиснется между небоскрёбами Нового, пробежится над Инсектарием, повисит над Стеклянными Пирамидами и пойдёт на снижение.

Что ж, для первого знакомства — сойдёт.

— Внизу вы видите здания времён Основания. Старый город характерен своей эклектикой, он был первым местом, в котором стала взаимопроникать культура «хозяев» и человечества… — бубнел экскурсовод в отвратительно работающую гарнитуру, пока его помощница изображала улыбающийся комод и приглядывала за галдящими пассажирами.

— Боги, они что, везде такие? — произнёс в пустоту молодой женский голос перед Эрнестом.

— Профессиональная деформация, — буркнул он, не отрывая взгляд от освещённых гирляндами даже днём улиц Бесильни. Краем глаза он заметил, что в рыжем облаке появился бледный просвет, и повернул голову.

Девушка. Молодая. Удивленная. Лицо красивое, но очень уж бледное. Ярко–зелёные глаза и тёмная косметика. Слегка курносый нос.

— Ну не под пресс же их мозги кладут?

— Не знаю как насчёт пресса, но условные инстинкты им точно меняют. Смотрите.

Эрнест, не отрывая от неё пристального взгляда, медленно опустил руку в карман и достал трубку.

— Мистер, мистер! — раздался из динамиков голос на грани нервного срыва. — В нашем дирижабле курить строго запрещено! Уберите трубку!

Эрнест и незнакомка расхохотались, а мгновенно успокоившийся экскурсовод продолжил бубнить заученные фразы. Едва уняв хохот, рыжая решительно рывком переместилась на задний ряд, рядом с Эрнестом, и протянула тонкую ладонь.

— Агнетт, лаборант, последипломная практика.

— Эрнест, экс–комбатант, послевоенная работа, — аккуратное рукопожатие. Руки ледяные у неё, некстати подумал мужчина.

— Звучит как начало прекрасной дружбы, вам не кажется?

Глава 1.2

Место: Воздушное пространство Города.

Локация: Где–то над Новым Городом.

Время: Понедельник, 12:30.

Они много говорили. Она рассказывала о важности изучения чужаков, он — армейские байки. Над Инсектарием Эрнест подшучивал над повадками джосеров, а над стеклянными пирамидами Агнетт поминала коллег по кафедре. В целом, можно было сказать, что полёт прошёл успешно. Особенно с учётом того, что временный безработный и экс–комбатант в целом запомнил направление главных улиц и транспортных магистралей Города.

— Зря ты смотришь на дороги, — безаппеляционно заявила рыжая. — Смотри на крыши.

— С чего бы это?

— С некоторых крыш Старого и Нового города открывается вид на половину города.

— Ты часто скачешь по крышам на каблуках?

Агнетт прыснула в кулак, а затем — ткнула им же в плечо. Легонько. Но, всё же — неожиданно для А. Н.

— Дурак. Нет, но мне показали одну крышу… С неё видно четыре оккулатория, и реку. Очень хочу на ней побывать во время какого–то из звёздных праздников «хозяев».

— А река на закате — не то?

— Сейчас узнаем. Никак до неё не добиралась в это время суток.

Завершающую часть полёта дирижабль провёл вдоль реки. Эрнест наконец–то нашел способ прикрутить громкость экскурсионного динамика, и всё время над рекой задний ряд гондолы провёл в тишине. Чем несколько успокоил изрядно нервничающего Роландо, видавшего за время работы всякое. А задний ряд молча любовался насыщенным синим цветом медленно текущей реки. Ну и началом заката первого из трёх солнц, разумеется.

На сетевых форумах советовали смотреть лишь первый закат. Начинавшийся медленно и незаметно, но обрывающий день в глубокие сумерки после окончания. Эрнест помнил совет. Агнетт, видимо, тоже — почти всё время над рекой они смотрели в иллюминатор. Лишь когда судно пошло на снижение, сквозь материю рукава он почувствовал настойчивые хлопки пальцев.

— Мы снижаемся, — заметила рыжая, показывая подбородком на приближающуюся землю.

— Эм, о да. Приятно было пообщаться, Агнетт.

Девушка натянуто улыбнулась и отвернулась. Эрнеста осенило, какую бестактность он допустил, поэтому он предпринял попытку отбить позиции:

— И сможем пообщаться ещё? У меня нет местной регистрации, но не думаю, что…

— У меня тоже, не волнуйся.

— И как нам быть? — поднял бровь экс–комбатант.

— Пожалуйста, пристегнитесь, — между сидений быстро перемещалась озадаченная Андроника. — Мы снижаемся и приземлимся в течение десяти минут.

— Давай так, — быстро проговорил Эрнест. — Сегодня я освобожусь вечером. Совсем вечером. Назначь день, место и время — и я буду там.

— Хм… — подчёркнуто задумалась Агнетт. Земля приближалась всё быстрее. — А у меня будет очень насыщенная неделя, надо подумать.

— И ближайшие полгода? — криво усмехнулся Эрнест. Ответом ему был мелодичный смех.

— Не так всё плохо. Что ж, сегодня я тоже освобожусь… — она замялась, — вечером. Если ты настаиваешь…

— Настаиваю.

— Дай подумать.

Дирижабль мягко уткнулся в швартовую мачту. Через пару минут его зафиксировали швартовщики, и Роландо, уставший успокаивать вскочивших пассажиров, молча открыл выходной люк. Пассажиры оживленно полезли прочь, не слушая стандартных фраз окончания полёта. Уже у выхода, вежливо прощаясь с заметно повеселевшими экскурсоводом, пилотом и проводницей, Эрнест обратил внимание на время. 16–30. Многовато. Чёрт, подумалось ему, а если бы задержка была не в полчаса, а час? И так не факт, что он успеет — и тогда придется, по старой памяти, ночевать под открытым небом.

— Задумался?

Вышедшая следом Агнетт явно путалась в руках и принадлежностях. Эрнест спокойно забрал небольшой (но весьма тяжелый) рюкзак девушки и берет, пока попутчица разбиралась с рукавами зеленого пальто и перчатками. Становилось всё прохладнее.

— Ещё б не задуматься тут, когда ты тянешь с ответом.

— Смешно… — закатила глаза рыжая. Но с лёгкой улыбкой. — Давай так. В Старом Городе есть кафе–бар. Называется он «Грязный Гарри». Я буду ждать тебя там в десять вечера. И до десяти–тридцати. Как тебе такой расклад?

— Идёт.

— Тогда до встречи, — подмигнула Агнетт и развернулась на месте.

Вскоре её зелёное пальто растворилась в толпе. Эрнест некоторое время нелепо стоял на месте. Затем встряхнулся и пошёл к ячейке. Доверять ячейкам хранения в незнакомом городе он пока не собирался.

Надо будет купить тренч с первой же зарплаты, невпопад подумалось Эрнесту, кое–как отвлекшемуся от воспоминаний об Агнетт. Форменная куртка хоть и была удобной, но совершенно не располагала к посиделкам к девушкам.

Контору он нашёл достаточно быстро. На деле её здание располагалось в двадцати минутах ходьбы от вокзала. Ну, как «здание» — зажатая между двумя массивными строениями скорлупка. Одна из десятков подобных в городе. И одна из тысяч с сегрегационным зеленым значком. Всем, кроме хартийцев и хозяев — вход воспрещён.

Не в привычках Эрнеста было — зайти в помещение, не посмотрев путей отхода. Но времени оставалось немного. А внутри наверняка были помещения с полными скамейками таких же доходяг, как и он сам. Хотелось свежеиспечённому экспату того, или нет — но надо было идти сразу. И А. Н. решился.

Звякнул колокольчик на входной двери. Не успел Эрнест открыть рот, как его уже встретил выбежавший служака.

— Добрый вечер, добрый вечер. Нам всегда приятно видеть сородича.

— Да… и мне, — поморщился экс–комбатант.

— Пожалуйста, возьмите талон и ждите своего вызова.

Талон в век лазера и криогенной фуги, неплохо так, — подумал Эрнест. Но бумажку взял. Впрочем, ждать пришлось недолго — едва он снял шляпу и куртку, как его номер зазвали к шестому окну. У стойки его уже ждала спокойная женщина с ободряющей улыбкой.

— Здравствуйте. Эрнест А Эн.

— Добрый вечер. Вашу идентификационную карту, пожалуйста… Так, всё в порядке. Пакет документов готов, ждать ничего не нужно. Вы обязаны сдать отпечатки пальцев прямо сейчас. Если сдадите образцы тканей и феромонный след — получите скидку на страховку «красного» класса. Пятнадцать процентов. Поверьте, это неплохое предложение.

Женщина, сидевшая за конторкой, выглядела приветливо и сочувственно. Но вросшее за время службы чувство сомнения дало о себе знать А. Н.

— Спасибо, откажусь, — поморщился Эрнест и поднял указательный палец. Из столешницы выдвинулся бесконтактный

сканер. Считал отпечаток пальца, мигнул и исчез.

— Так… у вас погашенное заявление о банкротстве, не так ли?

— Именно.

— «Хозяевам» всё равно на них, да и большей части других финансовых организаций. Но… — бюрократ даже доверительно наклонилась, — Если вам нужна ссуда, то абсолютно неофициально…

— Спасибо, откажусь и от этого предложения, — холодно улыбнулся Эрнест.

— Что ж, тогда всё в порядке. Ваша квартира находится в очень удобном месте. Старый Город, переулок 15b, дом22, квартира 812. У места, конечно, есть и нормальное название, но оно на «хозяйском», и в бумагах оно не указано.

— Меня полностью устраивает.

— Если вы в течение двух недель не найдёте официальную работу, то будете лишены права на социальное жильё. Если в течение четырёх — будете депортированы.

А. Н. поднял брови. Он понимал, что миграционная контора в Метрополии о много умалчивала. Но теперь в нём закрадывалось подозрение, что сказано не было слишком о многом. Может его и вовсе вместо депортации пустят на кебаб? Кто знает местные традиции?

— Ого, лихо, — только и сумел выдавить из себя Эрнест. Странно, что о таких нюансах мне не говорили перед отправлением.

— О, милок, там много о чём умалчивают, — неожиданно перешла на «ты» женщина–бюрократ. — После трёх месяцев постоянной работы вид на жительство продляется до конца года. Каждый год ты обязан писать отчёт о наличии работы.

— Звучит так себе, если честно. А когда дадут вид не на год?

— После трёх лет проживания в городе. Но ты не волнуйся, вот тебе… — на стойке появилась кипа буклетов — …стопка актуальных вакансий. Ты ведь умеешь что–то?

— Кое–что и немного сверху, — усмехнулся Эрнест.

— Тогда ты найдешь работу ещё раньше, чем выговоришь полное название города. Так, вот пакет с твоей идентификационной картой. Старую можешь оставить как талисман — её почти нигде не принимают. В пакете есть код активации сборника основных городских законов, полный скачаешь сам. Коммуникатор, пожалуйста. Готово, он теперь зарегистрирован. Распишись вот тут и ты свободный хартиец, поздравляю!

Зеленый бланк. Эрнест посмотрел на свет — водяные знаки

чёткие. Поднёс к ультрафиолетовой лампе — водяные знаки ожили, словно выпрыгнули в пространство.

— Каждый раз удивляюсь их технологиям, как первый, — вздохнула женщина.

Архаичная ручка. Роспись. Второй экземпляр, снова ручка, снова роспись.

Пакет документов отправился в извлеченный из чемодана армейский герморюкзак. Туда же были перенесены вещи первой необходимости — табак, трубкочистка, немного налички и зонт. А вот кастеты Эрнест незаметно положил в куртку. Он, конечно, был наслышан о праве резидентов (или хартийцев, он пока ещё путал эти понятия) на оружие. В том числе — холодное. Но пока не прочувствовал это право.

Пока что.

Лэндинг: Старая газета Старого Города

Заголовок: Пресс–секретарь Ао_Ао Групп — преступность в пределах статистической нормы

Одобрено Хозяевами: да

Пресс–секретарь Ао_Ао Групп Нил Вагельхоф дал комментарий нашему журналисту на тему жалоб жителей юго–западной части Старого Города. По мнению господина Вагельхофа, степень активности преступников существенно преувеличена слухами.

— Никаких организованных банд на подведомственной нам территории нет. Как вы знаете, Ао_Ао контролирует исключительно «зелёные» районы и исключительно на средства частных страховок. Таким образом, мы не зависим от взносов муниципалитета и способны вести дела независимо. Раскрываемость преступлений находится на высоком уровне в 56%.

Напомним, ранее жители переулка «Тринадцать Бэ» и нескольких прилегающих жаловались на несколько банд, состоящих из малолетних представителей человеческой расы. Анонимный источник сообщает, что не так давно застал троих подростков, размахивающих холодным оружием прямо на тротуаре, один из которых, вдобавок, был оснащён кинетическим пистолетом. Однако господин Вагельхоф отрицает возможность подобной ситуации:

— Нет, этого не может быть. Единственная банда, которая существовала последние три недели — банда джосеров из улья Вагут. Она была ликвидирована неделю назад, и с тех пор крупные криминальные

формирования не лезут в подконтрольные нам районы.

Опрошенные нашим корреспондентом мирные жители отреагировали на пересказ речи г-на Вагельхофа неоднозначно. К сожалению, мы не можем передать точно их высказывания по соображениям редакционной политики. Однако отметим, что гневные отзывы включали в себя как минимум восемь не связанных с собой правонарушений, наказываемых дисциплинарной отработкой как минимум третьей степени.

Новоиспеченный хартиец решил пройтись пешком. Коммуникатор заработал, проанализировал маршрут — сорок минут. Переулки «а» идут от реки к Новому Городу, переулки «б» — перпендикулярно. Не так сложно, как могло показаться сразу. В общем, никаких «лабиринтов чужаков», обычный город.

Который в целом ему уже начинал нравиться. Атмосферой Вавилона. Причудливым сочетанием давно забытых в Метрополии стремительных человеческих архитектурных стилей и никогда не ведомых там «гостевых» и «хозяйских». Слишком рубленных или слишком плавных, показательно плевавших на гармоничность или — встраивающихся в пейзаж. Город имел характер и не стеснялся его показывать. И свежеиспеченному хартийцу А. Н. это нравилось.

А ещё после нескольких месяцев фуги Эрнесту хотелось размять конечности. Хотя бы ноги.

Он с удовольствием прошёлся по «блошиному рынку», потратив сотню марок на откровенные безделушки. Старые книги из самой обыкновенной бумаги, трубку ручной работы. Присмотрелся к почерневшему от времени кастету, несущему следы многих жестоких драк. Услышал подозрительное:

— Мистер! Мистер! Гостевая эмна за один жетон! Всего один жетон, почти монеро!

— Спасибо, девочками не интересуюсь, — буркнул А. Н. и поспешно добавил: — Пока что.

— Ха–ха, а вы, мистер, шутник! Фазис, карандаши, спидола — у меня есть всё это!

Не обращая внимания на пушера, Эрнест двинулся в сторону явных патрульных при дробовиках и матово–чёрной броне. Назойливый продавец растворился сам собой. Как сахарная вата в луже с водой. Хмыкнув, А. Н. двинулся на соседнюю улицу. С него пока хватило людских толп.

И у тринадцатого «а» переулка его попытались зацепить.

Тройка местных оболтусов шла широким строем. В последнюю кампанию Эрнест видел немало идиотов, идущих на

врага именно так — и гибнущих под кинжальным огнём. Впрочем, напомнил он себе, для него лично любая кампания уже закончена. И пока он вспоминал, его толкнули плечом. Размашисто, хоть и со слабоватым выходом.

— Папаша, широко шагаешь слишком, — мгновенно набычился тот, что шёл в центре построения. Тощий, с торчащим острым кадыком и длинными руками. — Не видишь что ли, это Проклятая Двенашка идёт!

— Мне это ни о чём не говорит, — холодно ответил Эрнест.

Ему очень не хотелось начинать опыт проживания в Городе с убийства. Тем более — с убийства троих идиотов.

— А нам говорит, пошёл в переулок!

— А то — что?

Доморощенные юные мафиозо непонятливо переглянулись, оглянулись вокруг. Наконец главный вытащил замызганный и покрытый блестящими потёками смазки пистолет.

Кинетический, мысленно поморщился А. Н. Неточный, немощный и архаичный. Обидно, но для этого расстояния его вполне хватит.

— Ладно, ладно, попутал, извините, — начал А. Н. заискивающим тоном. Нужно было как–то убраться с тротуара. Так пуля хотя бы не попадёт в случайного прохожего.

— Пошёл, пошёл в проулок! И руки, руки на виду держи!

— Да, да, стрелять только не стоит, — продолжил причитать Эрнест, заходя в тёмную и весьма вонючую подворотню.

— А то — что? — передразнил Главный и глумливо захохотал. Его приторможенные соратники засмеялись не сразу, а только после того, как увидели обращенное к ним лицо «босса». Это их и сгубило.

Эрнест рывком через себя перекинул чемодан. Тридцать два килограмма памятного и нужного хлама, облеченные в полипласт, влетели в грудь подростку. Сбили с ног и заставили выронить пистолет. Подельники растерялись на несколько секунд, а большего и не требовалось. Как и предполагал экс–комбатант, ещё двух пугачей у банды не было. А вот два кастета у Эрнеста были. И привычно легли в кисти. Апперкот правой по ближайшему, доработать локтём. Уйти от неточного удара дальнего, кросс левой. Получить по гермомешку каким–то хламом. Труба? Кирпич? Неважно. Развернуться, пнуть встающего главаря под колено армейским ботинком. Осмотреться. Доработать не до конца повалившегося от кросса. Отвести душу на главаре.

Остановился Эрнест только на пятом «душевном» ударе. К тому моменту брюки и рубашка были безнадежно измазаны в

пятнах и потёках крови. Нос тощего смялся, расплющился и активно кровил. Да и в целом лицо главаря производило не лучшее впечатление: несколько растекающихся кровоподтёков, рассечение, разбитая губа. А. Н. рывком поднялся на ноги, прислушался. Все трое противников дышали. Тяжело, с хрипами — но дышали. Странно, подумал Эрнест, а я уж думал, что избавился от всех боевых имплантов. А иначе откуда такая потеря самоконтроля?..

Традиции родного депрессивного пригорода требовали от А. Н. «инсталляции». Забавных поз, придаваемых поверженным противникам. Но сейчас в нём взял верх добропорядочный гражданин… хартиец, простите. Поэтому он просто оттащил неудачливых грабителей вглубь проулка. Забитого баками и просто горами хлама. Прислонил сидя к стенке. Голова тощего постоянно заваливалась на плечо крепкого соседа, и после третьего падения Эрнест решил оставить всё, как есть. Затем — обшарил карманы. Никаких документов, три ножа. Два годились только на открывание банок, третий ковал умелец. Его хартиец и забрал, заткнув за голенище ботинка.

А вот пистолетом и аномально большим количеством бумажек, каких–то пластиковых разноцветных жетонов и чего–то вроде бусин размером с виноградину он побрезговал. Чутьё подсказывало Эрнесту, что это — местные вариации денег, и вариации, явно замазанные кровью. А проблемы такого калибра ему пока не по зубам.

Едва обтерев руки от чужой крови и выйдя из закоулка, он остановил первого попавшегося прохожего. Крепкий работяга напрягся, поджал губы. Покосился на замаранную одежду А. Н. Но на агрессию не сорвался. Что ж, подумал Эрнест, и на том спасибо.

— Приятель, я тут грабителей немного побил. К кому обратиться?

— Опять «черноротые» мух ловят, — скривил рот мужик, резко выдохнув. — А ведь дерут таксу за безопасность, словно мы живем в синих районах! Забей болт и иди по своим делам.

— Черноротые?

— Ты новенький, что ли?

— Пять с хвостиком часов как местный. Кстати, огоньку не найдётся? Нервы что–то ни к чёрту… — Эрнест отставил чемодан и начал набивать трубку. Собеседник несколько расслабился. Вздохнув, он достал помятую пачку сигарет и универсальную зажигалку. Мужчины затянулись дымом. Мимо безучастно шли редким потоком прохожие, лишь иногда косившиеся на красные пятна.

— Черноротыми мы зовём «Ао_Ао Групп». Служба безопасности, которая приглядывает за кварталами с двенадцатого по четырнадцатый, — рабочий сильно затянулся. — Носят баллистические маски, низ чёрный, верх красный. Осторожнее с ними, те ещё отморозки. Ладно, бывай, боец. Работа не ждёт.

— Спасибо за огонь.

Собеседник отмахнулся, не глядя, и пошёл прочь. Эрнест вытряхнул пепел вперемешку с несгоревшим табаком и пошёл прочь. Не оглядываясь.

Дом 22 оказался неплохим. Изящные линии фасада, в окнах — торшеры и светильники. Но всего лишь пять этажей, что несколько смутило Эрнеста, помнившего о восьмерке в номере квартиры. При уточняющем вопросе консьерж на входе только поморщился:

— Социальщик?

— Ну… мигрант.

— Тогда тебе во двор, — равнодушно ткнул пальцем куда–то дальше в подъезд мужчина, возвращаясь к инфопланшету. — Там две «внутренности», в ближайшей к тебе — комнаты с сотой по пятисотую, дальней — с пятисотой по тысячную. Удачи.

Двор разительно контрастировал с фасадом. Безликие кирпичные коробки напротив друг друга. Узкие окна–бойницы смотрели на остальной мир, и только на «фасадах» тех самых «внутренностей», обращённых друг к другу, имелся какой–то намёк на эстетику. Нормальные окна, открытые галереи, огражденные перилами с изящными литыми балясинами. И открытые лестницы, представлявшие собой не менее радующее глаз зрелище. Впрочем, подумалось Эрнесту, во время ветров нужно будет держаться за всё, более–менее выступающее. А уж что будет твориться зимой… впрочем, одернул он себя, до зимы ещё надо дожить. И не быть депортированным.

Ворча, ругая ушлую контору, и не менее ушлых архитекторов почём свет стоит, Эрнест втащил чемодан на свой этаж. Нашел дверь, достаточно прочную и достаточно невзрачную. Облегчённо увидел, что замок мигнул зелёным цветом в ответ на ключ–карту. Открыл дверь.

Квартира скорее напоминала кубрик. Небольшой «предбанник» на поверку оказался основным жилым пространством. В котором умудрились уместиться и диван, и письменный стол со стулом, и (главное) узкая, «холостяцкая» кровать. Вдали маячила кишка, ведущая к смежному и очень тесному санузлу. А у дальнего окна–бойницы — тусклый ящик кухонного комбайна.

— Что ж, могло быть и хуже, — буркнул скорее себе, чем кому–либо, Эрнест. — По крайней мере, не воняет трупом.

Трупом действительно, не воняло. Правда, в квартирке стоял крепкий табачный дух, но уж к этому новому жильцу было не привыкать. В кубриках, казармах и палатках временами дым стоял столбом. Иногда — вперемешку с перегаром. А уж их на своём веку он повидал немало.

Думая об этом, Эрнест спокойно, на автоматизме, раскладывал вещи по встроенным ящикам и шкафам. Там же обнаружились подарки от предыдущих жильцов. Немного постельного белья, полотенца (одно покрыто подозрительными бурыми пятнами), отсыревшая пачка дешевых папирос. Пара банок армейского грибного супа–пюре. И, пожалуй, главное. Небольшой, початый, но — ящик пива. Даже с не истекшим сроком годности. Одну бутылку Эрнест тут же и открыл об угол заскрипевшего стола.

— Хм, весьма неплохо. «Веселый урдалеб», вот так название.

Именно после этих слов в животе недовольно забурчало. Некоторое время мужчина прислушивался к ощущениям и вспомнил — последнее, что он ел, был невнятный бутерброд в Хабе. Пора было разведать район обитания. Но прежде — сменить рубашку и брюки. Ну и смыть кровавую пленку с неубиваемого материала куртки. Как минимум.

— Вечер добрый ещё раз, — поприветствовал Эрнест уже откровенно сонного консьержа. — А где тут неподалеку можно перекусить? Толком ничего не жрал, аж желудок сводит.

— Хм, — призадумался собеседник, — у старой Гренн неплохое мясо, да и картошку она где–то умудряется найти отличную. На углу четырнадцатых найдешь кафешку, она там одна.

— Век должен буду, приятель, — хмыкнул А. Н.

— Пиво поставишь как–нибудь — и мы в расчете, — пожал плечами консьерж и упал обратно в кресло: листать сеть и убивать время.

Кафе оказалось весьма недурным. Интерьер может и был несколько обшарпанным, но ещё в метрополии и колониях Эрнест привык — именно в таких местах может скрываться сытная и дешевая еда.

Впрочем, судя по забитым столикам, тут еда как раз не скрывалась.

— Ганс, у нас новый гость! — крикнула кому–то дородная женщина из–за стойки и более спокойно осведомилась: — Ты у нас первый раз, милок?

— Да я, если честно, и в городе первый раз, — неожиданно

для себя признался Эрнест.

— Заметно, — уверенно закивала женщина (видимо, та самая «старая Гренн»). — Ты не беспокойся, накормим так, что еле уйдешь на своих двоих, и кошельку это нисколько не повредит.

— Буду очень благодарен, — только и оставалось ответить смущённому Эрнесту.

Вскоре ему уже принесли «базовый и очень бюджетный набор» — пинту безымянного лагера, густо покрытый подливкой и жареными овощами картофель и небольшую сковородку нашинкованного, шкворчащего мяса в перечном соусе.

Эрнест не стал церемониться, и проглотил почти всё за пять минут. Отполировал безымянным, но весьма приличным (хоть и водянистым) лагером. Обнаружил почти пустую тарелку и дозаказал мяса. Уставший официант принял заказ, а экс–комбатант и почти законопослушный хартист достал брошюры, которыми его снабдил иммиграционный центр.

Вариант «номер один». Кассир в некоем арендном центре. Спасибо, нет. Смять, отложить в сторону «мусорка».

Вариант «номер два». Агент по продажам экспорта «гостевых» товаров. Спасибо, не то. Смять, отложить в сторону.

Вариант «номер три». Консультант по вопросам межвидового взаимодействия. Требования: понимать ситуацию в городе, иметь гуманитарное образование, навыки деловой переписки. Зарплата… приличная по меркам метрополии, хоть платят в кронах. Интересно, но вряд ли пригодится в первый месяц — тут бы хотя бы понять, какой вид как называется. Отложить в сторону.

Вариант «номер четыре». Частная служба безопасности «Agni Corp». Требования: физическая подготовленность, психологическая устойчивость. Зарплата — сильно ниже предыдущей. Но на выбор — в любой из ходящих в городе валют. Вот это точно интересно. Отложить в сторону.

Вариант «номер пять». Грузчик. Смять… развернуть и отложить. На всякий случай.

Вариант «номер шесть». Управляющий в ресторане, расположенном в некоем Монтауке. Зарплата — сдельная, проживание и питание за счёт работодателя. Неплохо. Но, наверное, всё–таки смять. Свои силы Эрнест рассчитывал вполне здраво, и, несмотря на определенным образом подвешенный язык — никто не будет на такую должность брать свежеприбывшего иммигранта.

Он забарабанил пальцами по столешнице, не обратив внимания даже на столь привлекательный минутой ранее звук шкворчящего мяса, поставленного официантом минуту назад.

Что же выбрать?

Глава 1.3

Место: Новый Город.

Локация: Штаб–квартира службы безопасности «Agni Corporation».

Время: Понедельник, 20–25 по местному времени.

Вербовочный пункт оказался круглосуточным. Типовое здание из стекла, пристроенное к краю квартала, состоящего из потрепанных, видавших виды складов. Или «складов». Как подсказала ранее Эрнесту сеть — именно этот квартал был штаб–квартирой АгниКорп. Куда будущий кандидат и направился, едва расплатившись за ужин. Кстати, цена оказалась действительно терпимой для кошелька.

Впрочем, встретили его не так любезно, как в предыдущих местах города. Ну, за исключением памятной подворотни у тринадцатого «А» переулка. Никто из служащих даже не поднял глаз, когда колокольчик у входной двери звякнул. Наконец, один из них встал, сунул под нос пакет форм и вернулся обратно, за конторку. Но не к работе.

— Господь Бог и пресвятая Мария, опять мясо, — вздохнул мужчина, весь вид которого (седина, обветренность, паук ожога на лице, кривой шрам от джосерского жвала) намекал на характеристику «старый сержант, которого списывать из боевого состава давно пора, а из состава вообще — жалко». — В общем слушай…

— Эрнест.

— Да мне плевать, как тебя зовут. Пока ты заполняешь папифакс своими каракулями, я, Эльм с пятью нашивками «крови» и контузиями без нашивок, расскажу, что тебя, сопляка, ждёт. Тебя ждут не дождутся монотонные восьмичасовые патрули. Не меньше ждут владельцы тревожных кнопок, в каждом шорохе видящие кордула, лезущего через окно. Поменьше ждут — всякая шваль, которую наши досточтимые оперативники умудряются вычислить. И совсем не ждут — хозяева «гостевых» кварталов, которых милостью звонкой валюты и досточтимых «хозяев» мы должны охранять…

Эрнест смиренно слушал вполуха. Не очень внимательно — потому что нечто подобное он уже слышал два года назад, когда записывался на «короткий контракт» в Экспедиционный корпус. Но всё же слушал — потому что живой человек, явно потрёпанный в ходе поддержания (какого–никакого, но) порядка в данный момент был весьма и весьма ценным источником. Которого не заткнёшь при всём желании.

В целом, Агни Корп представлялось чем–то средним между комплексным подразделением безопасности и отмороженной официальной «крышей». От первого «корпорации» досталась основная специфика работы. Огневое сопровождение, полицейские и штурмовые операции, патрулирование. Как в рамках страховки, так и в рамках тарифной сетки. «Боевые», конечно, не очень высокие, но они есть. И на том спасибо.

Лэндинг: Деловой вестник
Заголовок: Оптимизация побочных расходов
Одобрено Хозяевами: да

Служба безопасности «Сыновья Аякса» сообщает, что в строгом соответствии с правами, данными Хартией, проводит оптимизацию некоторых профильных и непрофильных активов.

В частности, с понедельника будут законсервированы следующие участки:

— Участок 9–13 на улице Третьей заводской, район Мыловарни

— Участок 2–02 на улице Возрождения, район Последний дуст

— Участок 10–22 на площади Мироздания, район Лесопилки.

Кроме того, будут закрыты опорные пункты № 8, 15, 16, 23 и 42.

Планируемая оптимизация не скажется ни на стоимости страховки безопасности, ни на качестве обслуживания. Уже тридцать лет как компания «Сыновья Аякса» достойно обеспечивают сохранение общественного порядка в Городе, чему свидетельством служит пройденная ежегодная аккредитация на охрану «зелёных» районов…

— Мясо, смотрю, ты пару берц уже истоптал. В тебе остались военные импланты после этого?

— Вырезал всё, до чего мог дотянуться.

По конторкам разнёсся лёгкий, но слышимый вздох облегчения. Боевые импланты могли сотворить чудо. Заставить заживить тяжелые раны за несколько часов. Сделать из человека берсеркера или, наоборот, осадить ярость и горячку. Но платой за это были расшатанная психика, куча химической дряни в крови — и как итог, сильно шалящие почки с печенью и абсолютная непредсказуемость любителя «железа» вне боя. Именно поэтому Эрнест сразу после демобилизации избавился от большей части военного «наследства».

А ещё потому, что на чёрном рынке это «наследство» прекрасно оплачивалось.

— И блок боевого сопряжения? — как бы невзначай осведомился один из соседей Сержанта.

— Если вы знаете о его существовании, то и знаете — его просто так не удалить. Во всяком случае, насколько мне известно.

— Твоё счастье, мясо, иначе бы пришлось тебя запихнуть на натурный полигон. Ребята, подключите этого ханурика к симуляции, а я проверю его бумазюльки.

— Пошли, парень, — поманил за собой куда более молодой сотрудник. Но тоже, судя по шрамам на руках, видавший разное. — Я проведу.

Эрнест и сопровождающий вышли в соседнее помещение, где в ряд стояли знакомые по армии откидные кресла, опутанные хаосом проводов. На автомате ушли куртка и рубашка, а тело само замерло в ожидании датчиков.

— Не, не это. На нём контур глючит, может замкнуть. Да, лучше вот это, — «Видавший» показал на облупленное кресло, с виднеющимися свежими проводами. Ты не обижайся на Эльмо, он иногда забывает, что не в бараке.

— Понимаю.

— Какой стаж?

— Полторы полных кампании и пять инцидентов в колониях.

— Полторы?

— Перемирие не вовремя заключили.

— Тогда поймешь что делать. Возможно.

Эрнест только поморщился. Но наблюдатели вполне могли списать это на реакцию к игле, вводящей нейростабилизатор в кровь. Без него — никак, иначе можно было и умереть от шока. Не слезая с кресла. Двенадцать датчиков, обруч сопряжения — на голову. В левом углу зрения появились подзабытые часы и пока что условный тактический номер. AA104302. И наконец, глазная маска. Сквозь разгорающийся свет он услышал только:

— Удачи, браток.

Очнулся Эрнест уже идущим посреди улицы. Вокруг простирались откровенные трущобы — пожелтевшие блоковые сооружения, отдельные дома того же «высеченного» типа, который он видел ранее. В руках он сжимал «полирежимку» — многорежимную винтовку Mk10. Потертую, но не дребезжащую. Проверять ход затвора и заряд батареи лазерного модуля он не стал. Местные явно не поймут. Да и он же не идиот — как–никак, при принятии из арсенала снаряжения и выходе в патруль проверка оружия обязательна.

По ощущениям, он был одет в облегченную, «десантную»

броню. Защитная полумаска и очки вместо полноценного забрала, да и на ногах неполные щитки. Горжет отсутствует. Да, действительно, слева–спереди шёл напарник в облегчённке. Костяного белого цвета. Не очень маскирующего. Вокруг сновали люди и нелюди — в редкостных лохмотьях. Против потока шло нечто, напоминающее шарообразный аквариум на ходульных ножках. И исключительно цивилизованным голосом возмущалось.

— О, великий Океан, за что мне такие страдания! Наземники, почему вы так сильно не любите идти гармоничным потоком?

Ох уж эти условности симуляции, подумалось Эрнесту.

— Ох уж эти лангусы, — подал голос соратник. — На их месте я бы давно бы завёл курсы межкультурной коммуникации для выходящих на сушу, чтоб они не обижались на первых встречных.

Интерфейс участливо подставил при наведении взгляда на напарника: AA104301. И на том спасибо.

— Сто четыре триста два, как ситуация? Прием.

Ситуация был средняя. Некоторые личности отшатывались от патруля или спешно что–то прятали в гору мусора, но в районах, подобных этому, обыск и поиск запретных вещей в тариф не входили.

— Сто четыре триста два на связи, ситуация пока контролируемая, база.

— На дистанции десять минут хода есть биобот, вызывайте при обострении.

— Принято, база.

Пока шёл диалог, Эрнест проверил снаряжение. В правом наруче явно скрыт выдвигающийся клинок. Странная вещь. Штык–нож, кобура с лазпистолетом. Неплохо. Стандартная армейская аптечка. Прекрасно. Четыре гранаты на перевязи. Две газовые и две светошумовых. А вот это не очень хорошо, но пойдёт. Да и в патруле осколочно–фугасные обычно не должны пригодиться. В конце концов, на случай осложнений есть кавалерия.

А осложнения намечаются.

— Триста второй, на одиннадцать часов.

— Принял.

Слева вдалеке действительно, шумно шумели покупатель и продавец. Человек и нечто, напоминающее палочника–переростка. Окапи, как уже успел запомнить Эрнест. Покупатель уже не просто надсаживался — он орал и багровел.

— Двести марок за управляющий блок? Это не смешно!

— Найди мне хотя бы за сто девяносто — и я отдам тебе десяток таких блоков, наземник!

— Да твои родственники на соседней улице продают за сто семьдесят!

— На соседней улице, — прошипел «гость», — нет моих родственников.

— А грёбаные джосеры тогда кто?

Палочник выпрямился. Во весь свой трёх с половиной метровый рост.

— Триста первый, идём разбираться. База, у нас ситуация, — Эрнест поднял голос и попытался охладить толпу: — Внимание, служба безопасности! Соблюдайте спокойствие!

— Офицер, эта смесь соломы с пауком меня пытается обдурить!

— Двуногая опилка, ты же даже не знаешь значения слова «солома»!

Толпа разошлась, и явила взору арахнида грязно–жёлтого цвета. Все звуки затихли, уступив щёлкающим звукам.

— Ты вплетаешь нити оскорблений в ткань личности, грязное насекомое.

Судя по всему, этот джосер вступился исключительно из–за личности продавца. Так же, как и несколько мрачных обитателей трущоб, вставшие за палочника. Напарник безуспешно пытался разнять сближающиеся стороны, но его откровенно отпихивали в сторону. Что–то надо было делать. И Эрнест решительно сдернул винтовку, чтобы дать очередь в воздух.

— Сто четыре триста два, запрещаю вам использовать оружие до того момента, как его применят противоборствующие стороны.

— Если я не дам залп в воздух, база, то это случится через тридцать секунд, — прошипел Эрнест.

— Оцениваю ваши слова, как нестабильность в боевой обстановке. Блокирую ваше оружие до получения уточняющих обстоятельств.

Бесшумно выругавшись, «сто четыре триста два» снял газовую гранату, сдернул предохранительный колпачок. Убедился, что этот жест остался незамеченным разгоряченной и всё громче орущей толпой. Выдернул чеку и закинул гранату прямо в напарника. Вскоре у него под ногами стало распространяться облако нежно–голубого цвета, а обитатели трущоб начали вполне реалистично и весьма грязно ругаться.

Взяв старт с места, Эрнест рванул пробиваться в центр толпы, кого раскидывая, кого пиная, а кому — врезая кулаком или прикладом. Ему остался какой–то метр, когда палочник выдернул из–за прилавка что–то, подозрительно напоминающее лазерную винтовку.

— Ложись, триста один! — заорал Эрнест. Действительно,

лазерная винтовка. В трущобах. Первыми же залпами окапи разнес головогрудь джосера, затем нацелился на ошарашенного покупателя и снес ему голову ярко–фиолетовым лучом. Напарник успел упасть пластом и накрыть оружие, так что по нему разве что немного потоптались.

— База, у нас стрельба!

— Оружие разблокировано. Вам нужна поддержка с воздуха?

— Пока нет, база!

Эрнест переключил режим огня на кинетический. Вскинул винтовку и, практически не целясь, выстрелил. Очередь разнесла палочника в клочья. С такой дистанции тонкому «гостю» хватило и пары попаданий. А их было больше, чем пара. Следующий выстрел пришелся на человека, доставшего какой–то самострел. Люди с похвальной расторопностью стали разбегаться, разваливая неплотный строй.

Светошумовая граната в осколок толпы, выдержать затемнение очков, взять на прицел. Иных действий не понадобилось — остальные разбежались уже после шумного и яркого хлопка, спотыкаясь и падая. Триста первый кое–как встал, отряхиваясь, и присоединился в прицеливании. Толпа тем временем рассосалась сама собой.

— Дааа, попали мы.

— Да ну нет, — нахмурился Эрнест. — Все обитатели рассосались по гнёздам.

— Это тебе так кажется. Виновные мертвы, а пар не выпущен. Остались только мы.

Переглянувшись, патруль ринулся осматривать магазины. Лавка зеленщика имела легко баррикадируемый задний выход и массивную выкладку на улице, что весьма устраивало и «триста первого», и «триста второго». В ней патруль и окопался, вызвав подкрепления.

— Триста второй, вы должны продержаться полчаса. Усиленный взвод прибудет по воздуху. При необходимости запрашивайте биобота, он неподалеку.

— Принято, — напряженным голосом ответил Эрнест, ощупывавший взглядом окрестности.

Первые пять минут над улицей стояла гробовая тишина. Наконец, неподалеку раздалось странное чавкание грязи, словно стайка манекенщиц на шпильках неслась с соседней улицы. А на соседней улице обитали…

— На два часа! Грёбаные джосеры! — вскрикнул напарник и стекло очков автоматически слегка потемнело. Лазерный залп.

Эрнест переключил режим огня и дал две короткие очереди по слишком близко подобравшемуся арахниду. Тот вздрогнул и

упал. В секторе напарника было всё нормально, но секунды, потраченной на взгляд, хватило, чтобы пропустить нечто длинное, метнувшееся с земли к Эрнесту через длинный лоток. Нечто, усеянное шипами и короткими ножками, обвившееся вокруг руки. Сильный укус, боль. Винтовка летит на пол. Броня вроде не прокушена, но рука напоминала свитый в пружину шланг, шевелящийся хитиновыми кольцами.

— Триста первый, прикрой мой сектор!

— Есть!

Подавив инстинкты, Эрнест выдернул из ножен штык–нож и несколько раз со всей силы ткнул в руку. Раздалось шипение, тварь размоталась и начала вертеться на полу, забрызгивая всё ихором. Не обращая внимания на боль, Эрнест выдернул из кобуры лазпистолет и прикончил тварь длинной серией выстрелов. На иное время не оставалось — с короткого козырька свесилась вторая и попыталась схватить отвлекшегося на очередного арахнида напарника. Короткая очередь, она упала.

— Что это за хрень?

— Падальщики приперлись! Кордула не видел никогда, что ли?

— Бог миловал! — покачал головой Эрнест, и продолжил стрелять из пистолета в облако из хлама, зелени и овощей — один арахнид пытался прорваться прямо через лотки и добрался до окна, даже успев повредить хлипкую стенку под ним. Двое сородичей попытались развить успех, но даже не дошли до лотков. Ещё одна пара развернулась и ринулась в соседние проходы, видимо, сменив намерения. По ним патруль уже не пытался стрелять.

Остальные джосеры как–то закончились сами собой. Не пришлось даже вызывать ударный дрон. Через минуту после того, как улица очистилась от живых, пришлось уделить внимание руке. В одном месте укрепленная ткань рукава оказалась прокушена, ещё в одном уже сам Эрнест умудрился слегка повредить её ножом. Раны сочились кровью и чем–то отвратительно–зелёного цвета. Аптечка вскрыта, универсальный антидот растекся по венам горячей жидкостью. «Комариной мочой» — сверху, по ранам, отполировать укольчиком обезболивающего. Два шприца отправились в угол, а баллон с ферментом — обратно в аптечку.

— Как сам, триста первый?

— Зацепили слегка, но жить можно, — поморщился напарник. Ему досталось куда больше: броня помята, винтовка дымится от перегрева. Когда только успел?.. — Ты глянь, кажется, вылезла противостоящая сторона.

Действительно, из примыкающих проулков стали просачиваться мрачные оборванцы с различным хламом в руках.

— Напоминаю, что против хартийцев запрещена стрельба на поражение при отсутствии опасности… — забубнела диспетчер, но Эрнест не стал дожидаться блокировки оружия. Он кивнул напарнику и кинул газовую гранату. Голубое облако, надсаживающийся кашель. Кто–то стал блевать прямо на месте. Вскоре кашляющая толпа рассеялась. На время.

Потому что через каких–то пару минут облако стало рассеиваться. Слишком быстро.

— Триста первый, поддай газку.

Напарник молча размахнулся и кинул гранату. Перелет — облако попало за приземистый сарай напротив, вызвав поток ругательств. И не пресекая подползание толпы.

— Вторую!

— Вторую я ещё в соседнем районе израсходовал на мародеров.

— Светошумовые хоть остались?..

Триста первый не успел ответить. Откуда–то сбоку в поле зрения вбежал молодой парень. Он с гримасой ярости выдернул пистолет–пулемет и заорал:

— Сдохните, псы цепные!

Уже разворачиваясь в его сторону, Эрнест понял: пацан целится и палит в напарника, даже не успевшего среагировать. Две очереди. Треск лазерных разрядов и грохот выстрелов слились в один звук. Через мгновение два тела грохнулись. Одно из них — в броне костяного цвета.

— Триста первый? Ох, дерьмо…

Незнакомый соратник лежал, распластавшись на спине в глупой позе и пытаясь зажать шею. У «десантной» брони не было горжета. А баллистическая ткань не могла выдержать выстрела в упор. Эрнест распрямился, взглянул на приближающуюся группу из пары десятков оборванцев. Трое — с оружием (винтовка, самострел и дробовик), держат наперевес и целятся в него. Остальные — с «холодняком», мрачные, подбирающиеся ближе, но не атакующие. Полирежимная винтовка — вещь страшная, и репутация заставляет считаться с её обладателем.

— Согласно сборнику городских законов, вы обвиняетесь в создании угрозы жизни сотруднику службы безопасности, — диспетчер молчала, пока А. Н. вскидывал оружие. — И за это будете казнены на месте, — он вскинул винтовку и успел снять одного.

Толпа, не дожидаясь выстрела, двинулась вперед. Двое выстрелили. Один промазал, другой попал в грудь. Импульс

почти сбил с ног Эрнеста, но самострел был слабоватым. Выстрел в целящегося из дробовика. Готов. Очередь разрядами по толпе. Батарея пустая, менять времени нет. Очередь кинетическими. Передний ряд — перемолот. Рваные раны, оторванные конечности, передние ряды валятся, но задние напирают.

Эрнест уже видел подобное, так что знал, как следует реагировать. Он заблокировал винтовку, бросил её под ногу и выдернул штык–нож. Наугад сделал отмахивающееся движение правой рукой и увидел выдвигающийся клинок. И начал движение навстречу обезумевшей толпе.

По шлему тут же прилетел удар трубой. В броню полетели тычки острыми предметами, но ни один пока не попал в сочленения на торсе, а конечностями Эрнест размахивал, словно в прошлой жизни был джосером. Удар наотмашь, тычок. Пнуть в пах, ударить по голове. Стряхнуть с плеча вцепившегося воющего мужика, разрубить ручным клинком пузо замахивающегося топором гиганта, ударить в челюсть лезущего худощавого субчика.

— База! — на выдохе заорал Эрнест. — Вызываю дрон! Срочно! По своим координатам!

— Принято, триста второй. Продержитесь две минуты.

Пока толпа напирала друг на друга, у «триста второго» было преимущество — нередко удары приходились не на безопасника, а на другого нападавшего. Но теперь, когда толпа была прорежена — количество ударов увеличилось. И Эрнест решил не рисковать. После того, как штык–нож застрял в рёбрах очередного нападавшего, он выдернул лазпистолет и дал несколько выстрелов в упор. Повернулся к проредевшей части правым боком, левой рукой с пистолетом раздал несколько ударов рукоятью.

Выстрелы. Очередной удар по спине, на этот раз на ногах не устоять. Упасть на спину и стрелять на набегающих, выставив клинок. Один спотыкается о труп товарища, падает прямо на остриё и служит щитом, через которого пистолет очень даже пробивает. А удары холодным оружием — нет. Остатки толпы не могут достать, по инерции пытаются бить труп… и падают от коротких очередей. Смерть с небес, пули с неба. Биобот проходится по всем, кто стоял на ногах и невозмутимо уплывает восвояси, на подзарядку.

А Эрнест рискует перекатиться с трупом. Поднимает голову и понимает — немногие выжившие разбежались. Винтовки остались на месте. У напарника резервного боезапаса почти не осталось — следствие налёта кордулов. У Эрнеста патронов побольше, но не сильно. Видимо, в том упоминаемом ранее столкновении

пришлось пострелять. Времени до подкрепления — семь минут, и оставалось только надеяться, что штурмов, подобных первому, больше не будет.

Надежды пошли прахом через две минуты, когда в косяк двери врезался мощный лазерный разряд. Присевший «триста второй» увидел — с крыш спускается пять окапи, каждый тяжело вооружен.

— Они что, в подвалах плазменное оружие вместо копченостей хранят? — буркнул про себя Эрнест и стал выцеливать наиболее сильно вооруженного палочника. Очередь, очередь, отказ модуля. Очередь разрядами, батарея опустошена. Низкий простенок под окном разрывается от попаданий неизвестного оружия. Похоже, подумал «триста второй», придется снова рисковать.

Он выдернул чеку у последней светошумовой гранаты и метнул на площадь. Некоторое время ничего не происходило, затем раздался хлопок — и выстрелы стихли. Не теряя времени, Эрнест выскочил, уже привычно выдвинув наручный клинок. Удар–тычок в тонкий «торс», лезвие проходит насквозь. Достать лазпистолет, в упор расстрелять ромбическую голову следующего. Почувствовать отказ пистолета на третьем, ударить рукоятью, доработать клинком, подобрать неизвестное энергетическое оружие, разрядить его в очнувшегося четвёртого. Всё. Больше живых на площади не осталось, кроме него самого.

— Надеюсь, это же всё? — пробормотал Эрнест.

— Триста второй, доложите обстановку.

— Имею один холодный груз, число погибших нападающих уточняю.

— Принято, триста второй, подкрепление прибудет через пять минут.

Позже, вспоминая последующий момент, Эрнест взял с себя клятву ни в коем случае не вздыхать облегчённо раньше времени. Но тогда, посреди трупов он именно что вздохнул. И через минуту на него выплыл фырчащий урдалеб. Размером, как уже успел убедиться Эрнест ранее в Хабе, сильно превышающим любого джосера. Даже трёх джосеров, поставленных друг на друга.

— Что вы тут устроили! А ещё смеете называть себя хартистом! Службой безопасности! Чьей безопасности? Моего бизнеса? Лавка разгромлена! Площадь будет зваться проклятой!

— Прощу прощения, но это…

— Прощения! О да, вам нужно просить прощения! Я подам на вас жалобу, и не начальству, а Хозяевам!

— Мистер…

— Мистер, — осекся моржеподобный «гость» и слеповато присмотрелся к «безопаснику» чёрными глазами. Помолчал и заорал: — Мистер? А ну иди сюда, червь наземный, я тебе покажу, каково это, назвать высокородного ур'далебкху «мистером»!

От вида несущейся туши весом в несколько тонн Эрнест оцепенел, но рефлексы сработали за него и швырнули тело в сторону. Моржеподобный чужак пронесся мимо и остановился только в груде строительного мусора, минутой ранее бывшего сараем.

Хотя в руках у Эрнеста и была потенциально убийственная ручная пушка окапи, он даже и не подумал её задействовать, наоборот — выкинул сразу же. Во–первых, как он успел убедиться, моржеподобная раса пользовалась определенным положением в обществе. Так что возможно, убить его будет хуже, чем быть покалеченным. Во–вторых, не факт что удастся попасть, ведь урдалеб передвигался очень и очень быстро…

За этими размышлениями «триста второй» набрал скорость и двинулся нарезать круги по образовавшейся площади. За ним рывками перемещался гневный и фырчащий владелец лавки. После его движений тела и людей, и джосеров, и палочников перемещались в дурно выглядящую кашу, на которой Эрнест пару раз едва не подскользнулся и один — всё–таки подскользнулся. Прямо у злосчастной лавки у тела бедного «триста первого». Снаружи был слышен нарастающий рёв урдалеба.

Тупик. Задняя дверь завалена самими патрульными, в единственный выход несётся злой чужак. А до прибытия — длинных полторы минуты… взгляд Эрнеста упал на тело напарника и уперся в гранату. Светошумовую. Схватить её, встать. Снять предохранительную крышку. Дождаться разгона хозяина, отпрыгнуть к стене, выдернуть чеку. Бросить к стене, у которой застряло ругающееся тело, выскочить из лавки.

Хлопок, чужеземный вой. Звуки винтов. Кавалерия прибыла. Эрнесту оставалось только в бессилии, когда чёртов урдалеб всё–таки выскочил, весь измазанный кровью и чуть ли не перекатываясь.

— Знаешь что, сопляк?

— Ну, — вяло ответил «триста второй».

— Я убью тебя, чёртов…

— База, вы слышали?

— Так точно, триста второй.

Вертолёт открыл огонь. Спарка из лазерных пушек не распылила тело моржа сразу, но от длинной очереди оно растаяло, словно кусочек сахара под струёй кипятка. Вскоре борт приземлился и усиленный взвод рассыпался по местности.

Захотелось лечь и уснуть. Этому желанию Эрнест противиться не смог…

Освобождался от проводов и датчиков он без грома аплодисментов. Но под внимательными взглядами сотрудников. Интересно, подумалось «почти–триста два», где можно было улучшить результат и, наоборот, откровенно накосячить. С гранатами вышло неудобно — лучше бы сразу уточнил их наличие у напарника. Ну и с урдалебом вышло так себе, хоть и не по его ответственности…

Его попросили одеться в примыкающей к машинному залу раздевалке.

— Вас вызовут, — спокойно пояснил тот же служака, что подключал его к креслу симуляции.

И Эрнест ждал вызова. Десять минут, пятнадцать. На двадцатой он стал порываться выйти и уйти в конкурирующую контору, даже к «черноротикам», но на двадцать третьей его всё–таки вызвали в переговорную. Там сидело трое. Памятный «сержант», сухощавый мужик с пронзительным, режущим взглядом в комбезе без без знаков отличий. И широкоплечий рыжий в костюме, борода которого старательно прикрывала небольшой шрам на подбородке. Везёт мне на рыжих сегодня, отстраненно подумал Эрнест. И именно последний из троицы взял слово после того, как все поручкались (Эльм Свериге, Йозеф Тиммерман и Стефан Кюсте соответственно) и уселись.

— Что ж, Эрнест, ваши результаты нам понравились.

— Очень рад.

— Если честно, молокосос — первый за последние два года, кто дотянул до эвакуации, — проворчал Эльм–сержант, но повернул голову к соискателю: — Хотя тебе не стоит взлетать от удовольствия. Ты прилично накосячил в процессе. Но боевка тебя вытащила.

Эрнесту стоило сильных усилий не сморщиться. Как раз небоевые навыки он считал у себя отличными.

— Вот что скажите нам лучше, — тихо начал Йозеф. — Вы прилетели по квоте на эмиграцию. Почему?

Начинается, мысленно вздохнул Эрнест.

— Потому что мой отец на скачках просрал весь свой капитал и заложил львиную долю моего. Чего не имел права. Я расплатился с законными долгами, начистил кое–кому морду и счёл за благо улететь подальше.

— И вы считаете, что в нашем городе вам удастся начать всё с нуля?

— Именно.

Йозеф кивнул с усмешкой, показывая, что данный ответ его

полностью устраивает. Эльм молчал, глядя на начальство, и оно не заставило ждать.

— Когда вы прибыли?

— Сегодня утром.

Троица переглянулась с поднятыми бровями.

— То есть вы не знаете о ситуации в городе ничего?

— Ничего кроме того, что вычитал в брошюре «двадцать пять».

Стол разразился смешками.

— О да, отличное чтиво на ночь, — кое–как подавил смех Свериге.

— Что ж, — спокойно взял слово Кюсте, подняв ладонь. — Тогда я выражу общее мнение. Вы отличный боец, а такие нам нужны. Если вы пройдете медобследование — мы с удовольствием зачислим вас в учебную роту. А когда… точнее, если пройдёте обучение — с удовольствием примем вас, пока что на должность рядового. Как вам это предложение?

— Вполне приличное.

— Тогда послезавтра приходите на медосмотр, — вся троица поднялась. — Пакет документов и подъемные получите у квартирмейстера, кабинет сто два.

Снова пожать руки, кивнуть. Пойти в сто второй, расписаться за прием документов и денег (снова марки), расписаться в учебном контракте. Выйти на улицу и обнаружить, что уже как без пятнадцати минут десять и он на противоположной части от дальнего края Старого Города. Где «Грязный Гарри» и Агнетт.

Место встречи Эрнест разведал ещё до того, как пойти в вербовочную контору. Но адреналин после боя (пусть и в симуляции) ещё бушевал в крови, и он взял старт, едва выйдя за пределы базы. Пробежал четыре квартала, проверил часы. Без семи десять. Нет, не успеет. Увидев привычное покрытие — «вафельницу», он подбежал туда, но такси не было. Хотя в потоках сверху была туча машин. В отчаянии он вскинул руку — и через десяток секунд сверху, с потока, спустился жёлтый кэб.

— Куда едем?

— «Грязный Гарри», старый город. Марки принимаешь?

— Мы принимаем всё, приятель. Спешишь?

— Немного.

— Не бойся, по воздуху домчим в мгновение ока.

В мгновение ока не вышло, но у бара такси приземлился в десять ноль восемь. Расплатившись приличным количеством купюр, Эрнест кое–как ввалился в бар и обвёл его взглядом несколько раз. В самом дальнем углу, у маленького столика сидела Агнетт и невозмутимо из заиндевшей рюмки тянула некий

аперетив алого цвета. Оставалось только вздохнуть и готовить извинения.

Глава 1.4. Часть первая

Место: Старый Город.
Локация: Кафе–бар «Грязный Гарри».
Время: 22–10 по местному времени.

Хотя заведение гордо именовалось «кафе–бар», в родном пригороде Эрнеста такие обычно называли «Дыра в стене». Узкое помещение, дым стоит столбом так, что на него можно повесить кобуру, нормальные столики — только на улице. Правда, в отличие от памятных «дыр», эта на первый взгляд, выглядела весьма прилично.

Деревянные стенные панели (пусть и рассохшиеся), не лишенные изящества светильники (хоть и дающие мало тусклого света). Посетители тянут коктейли не сплошь из «Коллинзов» и шотов. Пепел стряхивается не на пол, а в керамические пепельницы. И даже вышибала был одет чисто, а не в рабочий комбинезон. В общем, на первый взгляд неплохо.

Лэндинг: Огни в Пустоши!

Заголовок: Эксперт: Бары так называемой «Бесильни» неуклонно теряют популярность.

Одобрено Хозяевами: да

Видеотрансляция. Небольшая комната, заставленная подчёркнуто архаичным радиооборудованием. Электронные лампы горят через одну, заметно, что их начинка давно заменена на светодиоды и компактные плазменные осветители. Внимательный зритель может заметить, что проводной микрофон подключён к осциллографу.

Ведущий: Как сообщает наш собственный корреспондент в Новом Городе Джим Замецки, новооткрытый бар «Двести Двадцать» привлекает всё больше гостей. Желающие занять столик столпились уже в семь вечера — представьте себе, за шесть часов до полуночи и четыре до экс–полуночи!

Кадр переключается на дрона, зависшего над куском очереди. По видео невозможно понять ни место, ни время. Журналист надсаживается, ветер регулярно сносит дрон.

Замецки: Да, друг мой! Расходятся совершенно дикие слухи! Поговаривают, что на открытии присутствовал десяток хозяев, и в режиме «зелёного» оно проработает не более трёх недель! Возможно, именно из–

за этого тут столько народу! Дело в том, что я был внутри и поверьте мне, там ни…

Видео резко переключается на студию.

Ведущий (не моргая): Как сообщает наша техническая служба, ветер сильно снёс дрон. К сожалению, мы его потеряли. Впрочем, у нашей студии всегда есть запасной план! Видите ли, как сообщают наши личные источники в светских кругах, культурная активность человеческой части Города уже давно сползает в сторону Нового. Мы пригласили в редакцию нашего старого друга Вилли Екатерина, который в своё время лангуса съел на поиске новых шикарных мест. Вилли, что скажешь? Всё, старую добрую Бесильню можно вычеркивать из списка желанных заведений?

Вилли: Хэй, хэй! Ну насчёт доброй ты конечно очень загнул, дружа. Но вообще да, кому нужна та Бесильня? Старые разваливающиеся здания и бары как дырка в стене — где пробили, там и устроили зал с барной стойкой. Никаких танцполов, никаких даблджойнтов, никаких кэмниска эмна, никаких модных голозвуков! Это совсем никак, дружа.

Ведущий: То есть, Вилли, бары и дансинги Старого города безнадежно устарели?

Вилли: Ну конечно! Дружа, там иногда есть бары с жёлтой, а то и красной сегрегацией! Не знаю как ты, а я совсем не хочу пить или жрать эмна рядом с каким–нибудь слизняком или разумным насекомым…

<Комментарий аналитика Б.: не представляю, чем это должно нам пригодиться. обычный ксенофобный бред слишком плотно знакомящихся с химическими веществами>

<Комментарий аналитика Р: по крайней мере тем, что мы знаем точно, у кого они берут деньги. поставьте задачу на оперативников. пусть оценят их прейскурант.>

Несколько раз Эрнест глубоко вздохнул. Попытка пробежки всё ещё давала о себе знать. Ароматы тут конечно были… Лакричный дух абсента или анисовки, стойкий кислый запах пролетарского пота, смешанный с тонкими духами. И сверху всего этого — горькое послевкусие смеси дымов.

Спокойным, медленным шагом протиснулся мимо стойки и «стоячих» столиков, за которыми курили, пили и смеялись. Едва не оступился и не полетел вниз, в подвальный этаж. Из которого,

в свою очередь, так же несло густым и сладким дымом. Но вкупе с несколько пугающими запахами, самой простым из которых был дух чистого спирта.

— Пешком шёл из дома через Лесопилку? — иронично осведомилась Агнетт вместо приветствия.

— Из дома я бы дошёл за десять минут, — парировал Эрнест, без спроса усаживаясь рядом. — Что пьём?

— Апероль. Буду благодарна, если возьмёшь мне ещё, — покачала пустым бокалом девушка.

— Учти, — серьёзно заявил свежеиспечённый хартист и безопасник, прежде чем развернуться, — если я вернусь от стойки с бокалами, а ты сбежишь — выпью оба и буду рад.

У стойки сильно поддатая разнополая и разновозрастная компания смотрела на голопанели некое реалити–шоу, и вовсю его обсуждала.

— А вот что она это самое?

— Да что ты на неё, ты посмотри на него!

— Приятель, бутылку апероля и бокал.

— Местного, коренного или из метрополии?

— А они отличаются?

— Ох, мужик, местный лучше не пить. Травы у них сильно по голове бьют.

— В общем, что та рыжая пьёт?

— Два бокала средненького за то время, что я помню. По бюджету не ударит, по голове — вполне.

— Тогда давай бутылку и бокал. Сколько с меня в кронах?

— Боги, хочешь бесплатного совета от старого Эла? Бросай носить с собой эти бумажки. Бросай всё на карточку, её ломать куда тяжелее, чем челюсть. Двести.

— Спасибо за совет.

Эрнест на ощупь отсчитал две купюры, проверил. Пятисотенные. Хм, а если остальные тоже не сотенные? Вот чёрт, а чего ему в конторе подсунули так много? Он положил одну на стол и удостоился хмурого взгляда бармена, отвлекшегося от протирания стаканов.

— Малец, я по тебе вижу, что ты не убежишь и сядешь надолго с ведьмой. Расплатишься по итогу, не бойся.

Оставалось только кивнуть и вернуться к столику с занятыми руками. Поражаясь местной доверчивости.

— Тебя только за смертью посылать.

— Посылали, вернулся самостоятельно. Кстати, местные довольно доверчивы — обычно за такие объёмы просят расплатиться вперед.

— Их прикрывают «Аргусы», а с ними шутки плохи.

— Банда? — лишняя информация никогда не помешает.

— Безопасники. Имеющие лицензию на охрану «синих» районов, а это чего–то, да стоит.

Алая жидкость полилась в охлажденные рюмки. Звонко чокнуться, пригубить. Дать горьковатому аперитиву растечься по глотке, «разнюхать» апельсиновое послевкусие, вздохнуть.

— И чего ты не взял что–нибудь лёгкое на закуску? — изогнула бровь рыжая.

— Ты же просила взять кордиал, а не шоты, — развёл руками он, — не сориентировался, уж извини.

Эрнест и Агнетт обменялись укоризненными взглядами и дружно засмеялись.

— Расскажи о себе, — повелительно вдруг сказала рыжая. — На дирижабле мы больше смеялись и обменивались байками. Пока я тебя ждала, поймала себя на мысли, что ничего о тебе не знаю. Ну, кроме того, что — она начала загибать пальцы, — ты где–то служил, пьешь шотами ликеры, куришь трубку и не лезешь за словом в карман.

— Ты знаешь больше, чем я. Так что предпочту пока послушать и покурить. Тяжелый день, нужно собраться с мыслями.

— Ну ладно, — неожиданно девушка осеклась и замолчала. Эрнест спокойно достал кисет и принялся набивать трубку. — Я из метрополии. Вторая дочь в очень приличной семье. Родители — профессор и доцент на одной кафедре хорошего университета. Очень спокойные и очень настойчивые. Только потом я поняла, что в таких семьях дочки обычно либо избалованные, либо — с комплексом самозванца.

— А на избалованную мадам ты не тянешь, уж извини.

— Мадмуазель, попрошу. Как же много ты можешь сделать выводов за три часа знакомства, — едко сообщила Агнетт, но пикировку развивать не стала. — Да, я была очень не согласна с тем, что за меня решали и решили родители. Часто срывалась в путешествия, какие–то глупые авантюры… без криминала или веществ — просто очень глупо звучащие сейчас. Я собиралась уйти в журналистику, но как назло, именно в момент поступления убили группу Боски.

— Подожди, это когда — коррумпированный мэр, мясорубка и шесть журналистов?

— Именно. В общем, была истерика, грань сердечного приступа, угроза остракизма. Пояснять, что такое остракизм, нужно?

— Не стоит.

— Как мило… так что я ушла в сторону социальной

антропологии. Интересно, и есть потенциал оказаться подальше от дома. Четыре года, последипломный отпуск, стипендия. И вот я тут, дальше только глухие колонии.

— На мой взгляд, неплохое развитие истории.

Они чокнулись и снова отхлебнули.

— Знаешь, Агнетт, могло быть сильно хуже.

— Ну и насколько?

— Представь, что не ты тяжелый ребёнок у флегматичных родителей, а флегматичный ребёнок у тяжелых родителей. Отец — безумно ревнует мать и неспроста. Та уходит со всеми вещами, пока ты учишься в убогой школе, а отец пашет в мастерской. Не оставив даже записки. Твой старик пытается отвести душу хоть на чём–нибудь. А ты вытаскиваешь себя за шкирку из депрессивного, умирающего пригорода, и попадаешь в университет. А в то время, как тебе заливают сказки про постдок и научную степень — старик садится плотненько на отводящее душу занятие. На ставки.

Рыжая опустила глаза.

— Я не понимал, насколько это дерьмово, пока не увидел, как он спустил две тысячи крон за десять минут. Десять! Настаивать, блокировать счета обходными путями, давать пощёчины и ввязываться в драки — бесполезно. Он говорит «Это был последний раз», а потом знакомый букмекер встречает тебя на вокзале и сразу же начинает выбивать свежий долг. Я решил разорвать порочный круг, закрыть все долги и сдать отца в хорошую клинику, где ему бы поставили блок–имплант.

— Это очень дорогое удовольствие, — тихо проговорила Агнетт, внимательно следя за лицом Эрнеста.

— Особенно долги. Долгов было тысяч на двадцать. Эмэнэсы заработают столько за год. А за год он бы проиграл ещё пять минимум. Так что я отчислился и записался в армию, — глубокий глоток, долить апероль. — В экспедиционный корпус. Короткий контракт, два года. Там платят сорок восемь в год, если с доплатами определенного рода. Мне они полагались. Вот только когда я вернулся домой, то обнаружил, что папаша умудрился заложить не только всё и вся, включая этот самый дом и свою душу. Но и львиную, блядь, долю моих боевых.

— И как ты поступил?

— Расплатился с некоторыми из займодателей, чтобы усыпить бдительность остальных. Подкупил знакомого офицера, чтобы тот оформил моё опекунство над отцом. А заодно спугнул «серых» и «чёрных» букмекеров и ростовщиков. И официально обанкротился прежде, чем получил боевые. Коррупция иногда здорово помогает, сама понимаешь. Перевёз отца на недальнюю

колонию. По местным законам его забрали в дом престарелых. Видишь ли, на нормальное по их меркам частное лечение денег уже не оставалось. Но оставалось на спокойную жизнь в приличном заведении, так что пришлось подчиниться. Иногда я получаю сообщения, что он и там умудряется играть. На конфеты.

— Я не тот, кто может тебя винить. Хотя, если честно, многие на моём месте станут, — хмыкнула Агнетт. — А как ты выбил эмиграционную квоту? С колонии и сюда… даже мне это стоило кучи нервов.

— Выполнял кое–какую не очень чистую работу, а что заработал — тем и платил. Не будем об этом.

Некоторое время они молчали, наблюдая, как через один столик от них двое крепких работяг всё громче спорят о «хозяевах». Точнее, девушка наблюдала, а парень остывал после резкой вспышки эмоций. История ещё не покрылась пылью, и сомнения о том, верно ли он поступил, всё ещё иногда приходили в голову молодому иммигранту.

Впрочем, как известно, чем меньше настроение выпивать — тем лучше идёт попойка. Так что дальше должно было быть лучше. А так «Грязный Гарри», несмотря на весь свой шум и дым, Эрнесту нравился. Много людей, но большая часть знает друг друга и периодически перебрасывается парой фраз. Незнакомых не задирают. Алкоголь не очень дорогой, а в помещении достаточно тепло при хорошей вентиляции. А что дым стоит туманом, и на нулевом этаже творится нечто — так бывает всякое.

— И где с таким багажом историй тебе можно работать? — наконец подала голос Агнетт

— О, много где, — вяло ответил Эрнест.

— Ну, например? — продолжала допытываться рыжая.

— Грузчиком. Продавцом экскурсий. Управляющим. Потрошителем урдалебов.

— Ты их хоть видел? Они же пуськи, редко вылезают дальше бассейнов, светских раутов и вечеринок.

— Вот, ты поняла всю пикантность ситуации.

Снова мелодичный смех. Хотя пил в основном Эрнест, рыжая выглядела весьма навеселе. Подыгрывает? Плевать. Куда больше напрягает, что соседи разбежались. И ближайший столик, к кому могут направиться разгоряченные спором рабочие — их.

— А так я работаю в сфере безопасности.

— Вышибалой?

— Патрульным вышибалой, — снова смех — и мой стаж превышает… а, извиняюсь, юбилей. Ровно полчаса.

Агнетт залилась смехом, пытаясь погасить звук ладонями. Не

вышло. Эрнест услышал звук отодвигающегося стула и передвижения тел. Приблизился анисовый запах. Рыжая осеклась и отодвинулась подальше. Пришлось поднять взгляд и увидеть, естественно, еле держащихся на ногах «соседей».

— Чем–то могу помочь? — вежливо осведомился Эрнест.

— Можешь. Можешь заткнуть пасть своей дуре. И метнуться кабанчиком нам за анисовкой.

Эрнест оценил степень алкогольной интоксикации и размеры рабочих. Невысокие, но весьма широкие. «Носорог плохо видит, но при его размерах это — не его проблема» Мысленно вздохнул. Встал.

— Ты гляди, Лестер, мы в опасности?

Гогот. Стихание звуков в баре. Асинхронная фокусировка взглядов на их столике.

— Господа, — занудно начал Эрнест, нащупывая кастеты в карманах, — если вы хотите…

— Хотим, — с готовностью начал хрустеть костяшками кулаков Лестер, но не закончил. Потому что в основание черепа ему прилетела початая бутылка апероля. Звон разбивающегося стекла, красные капли повсюду. Напарник спорщика только и успел удивленно посмотреть на оседающее тело, как в скулу прилетел удар Эрнеста.

Смазанный и слабоватый. От первого ответного удара уклониться удалось. От второго — нет, но привинченный столик удержал слышащего колокола в ушах Эрнеста. И даже несколько спружинил, позволив выдержать ещё один смазанный удар. А ещё — вложить всю силу и дурь в один удар противнику по челюсти. Который он, может быть, и выдержал бы. Но не после пары бутылок анисовой водки на двоих.

Тело упало без грохота — падение внизу смягчил товарищ. Бар разразился жидкими аплодисментами, а Эл, подмигнув, выставил на стойку новую, непочатую бутылку. Ворчащие вышибалы вытаскивали тела на улицу, старая уборщица принялась алкоголь, брызги крови и осколки стекла. А Эрнест, наконец, обратил внимание на растрёпанную, но очень счастливую Агнетт, зажавшую в руке обломок бутылки. Оставалось только отсалютовать оставшимся целым и даже не опрокинутым бокалом.

У стойки завсегдатаи удостоили Эрнеста хлопками по плечу, а бармен — яростным отказом в принятии денег, ибо «была красивая командная игра». Пришлось вернуться за столик с новой бутылкой и новым бокалом, где рыжая уже его нетерпеливо ждала. Бар быстро отходил от тишины и через минуту стал шуметь даже ещё больше, чем до драки. Можно было

возобновлять разговор.

— Ты быстро сообразила, что нужно делать,

— На самом деле, я просто спасала бутылку. Но в какой–то момент поняла, что если её не разбить — то дальше буду пить одна.

— Я бы, конечно, так не сказал… — замялся Эрнест и продолжил: — …но собеседником, конечно, был бы сейчас не очень.

Они дружно засмеялись.

— В общем, спасибо за помощь. Скажи честно, тут такое часто?

— Ну, раз через раз. Не обижайся, я не хотела тебя «проверить», — Агнетт прищурилась и показала кавычки жестом, — или посмеяться. Просто мне нравится атмосфера Старого города. Не Бесильни. А именно Старого города.

— А в этом заведении дух района чувствуется сильнее всего?

— Я бы сказала так: органичнее всего. Есть ещё пара мест, но в них или употребляют дурь, или у них что–то… слишком современное.

— Типа этого, — кивнул Эрнест на голопанель над стойкой.

— Угу. Только на всю стену. В результате — стен даже толком и не видно из–за засветки.

— Знаешь, я люблю и бары, которые кичатся современностью. Ну знаешь — неон, тьма, если есть блок сопряжения — можешь попробовать блюда в симуляции при выборе. Но гармоничности они редко достигают.

— Господи, как ты с такими заумными фразами выжил в армии?

— Имел позывной «Умник» и стенгазету, — абсолютно честно ответил Эрнест, но вызвал у девушки смешок. — Я серьёзно. «Достижения сто тринадцатой роты в экологическом дозоре.» Представляешь? За неделю до этого авиация выбомбила ущелье, но приехал местный бургомистр и начал гундосить, мол, это был уникальный памятник природы, парк–заповедник для всего округа. Ну нас и заставили с лопатами высаживать деревья, пока чёртовы джосеры улепетывали.

— И каково тебе — видеть их повсюду?

— Пока непривычно. Но как я слышал, тут они поспокойнее своих кочевых сородичей.

— Могу тебя заверить — это так. У них даже под постоянной угрозой геноцида появилась новая каста. Может, сходим, покурим на улицу? Хочется подышать холодом.

Глава 1.4. Часть вторая

Место: Старый Город.
Локация: Кафе–бар «Грязный Гарри».
Время: 23–25 по местному времени.

— Агнетт, Агнетт. А я-то думал, приличные родители…

Девушка закатила глаза и извлекла откуда–то изящную маленькую папку. Портсигар, длинный и тонкий мундштук. Процесс сбора курительной принадлежности (мундштук–фильтр–папироса) напомнил ему сборку полирежимки и он улыбнулся. Агнетт почувствовала взгляд и впервые за вечер тепло улыбнулась, и не в ответ на шутку. Или удачный удар. А просто так. Это было необычно.

Эрнест попросил у бармена знак «Занято», а в залог оставил новую (и опять–таки початую) бутылку. За это время рыжая накинула уже знакомые по дирижаблю пальто и маленький рюкзак. Они вышли, по дороге принимая комплименты за удары. Причём все озвучившие одобрение сходились во мнении, что бутылка апероля сыграла решающую роль в кабацкой драке.

Кроме них, никто не решился курить снаружи, и уже выйдя, свежеиспеченный барный хулиган/безопасник/хартиец понял, почему. Стоял крепкий мороз, и безо всякого табака у пары изо рта валил густой пар. Тротуар и дорога были покрыты густой изморозью. А у рыжей начинали краснеть щёки, чуть пониже острых скул.

— Вот уж не думал, что посреди пустыни ночью может быть так холодно, — проворчал Эрнест, закуривая трубку.

— А ведь это ещё конец зимы, — выпустила сизеватое кольцо дыма Агнетт. — А вот когда лето, то ооох. Перепады температуры куда более резкие и крупные. Днём можно спокойно ходить в бикини, но ночью — не меньше, чем в свитере.

— Я бы посмотрел на это зрелище.

— О да, мой шерстяной свитер — зависть женской половины города.

Они синхронно фыркнули. На улице почти не было прохожих и машин. Хотя сверху, на эшелонах, машин было много, тут, на уровне земли царила тишина. Лишь где–то сверху вдалеке выли двигатели. Некоторое время они курили. Молча, просто любуясь видом ночного Нового Города, возвышающегося над Старым. В какой–то момент Эрнест почувствовал, что его взяли под руку. Противиться не стал.

— Может ну его, этот бар? — услышал он тихий вопрос. И решительно ответил:

— Ну уж нет. Теперь я просто обязан выпытать у тебя, где же ты научилась бить людей по голове бутылками.

— Эй!

Тычок в бок, хохот и — они снова в баре. Не под руку, но активно болтающие друг с другом. В помещении жизнь продолжала бить ключом. Четверо упившихся вусмерть парней (по виду — студентов) пытались вытащить из подвала пятого, беспомощно болтающего конечностями и головой. На верхней ступеньке замыкающая пара разъехалась в стороны, сотворив воздушный шпагат. Бар охватил вой проснувшегося «раненого бойца». Вздохнув, один из вышибал отогнал «носильщиков», поднял под руки всё ещё матерящегося студента и прислонил к стенке. Его товарищи либо скатились вниз, либо кое–как поднялись на верхнюю ступень и истерично хохотали.

— Кое–что мне это напоминает, — шепнула в ухо рыжая, обдав Эрнеста ароматом аперитива и малиновых духов.

Уже за столиком Агнетт рассказала, как в шестнадцать она пошла добывать «репортаж» о подпольных боях, и едва отбилась от букмекеров, принявших её за новую проститутку (по совпадению — тоже рыжую, но с ещё более резким характером). Когда–то тогда она и ударила в первый раз бутылкой. В тот раз — из–под шампанского.

— Из–под шампанского или с шампанским?

— О, я знаю разницу, поверь. Так вот, там был боец, который три раза падал в нокдаун, но умудрился нокаутировать противника. И он точно так же, как эти парни, стоял на четвереньках, блевал и в перерывах — истерично хохотал.

В ответ Эрнесту пришлось поведать историю, как его в незнакомом месте постоянно пытаются ограбить. Город был лишь девятым, даже не юбилейным, в списке. Правда, пришлось умолчать, что пару раз приходилось уйти без ценностей и денег. И едва живым. Вышло куда менее драматично. Но оно и к лучшему — драмы сегодня было и так много.

Разговор сам по себе разогнался и не думал останавливаться. Они перескакивали с одного забавного случая на другой. Задевали современный и старый кинематограф, не сошлись в отношении к театральным видам искусств. Начали ожесточённо спорить, закидывая друг друга аргументами и срываясь на прикрикивание. И только через пятнадцать минут не без чужой помощи поняли, что Эрнест имел в виду линейку кинетических пистолетов «Хауэр», а Агнетт — роли некоего древнего актера синемы.

В общем, бутылка апероля медленно, но верно, опустошалась, а разговор смещался в целом в сторону города.

— Хотела бы я жить в Старом Городе, — вздохнула рыжая. — Но квартиру дали мне в Новом, вот так ирония.

— А ты когда–нибудь видела «внутрянку»? Жить в ней удовольствие не для всех, прямо скажу.

— Ты в ней жил, чтобы так говорить? — нахохлилась собеседница.

— Живу, почему же.

— И сколько?

Эрнест взглянул на часы. Час ночи.

— Целых двенадцать часов. Почти целая жизнь.

Двойной взрыв смеха. Дать подкурить в дымину пьяному мужику, подошедшему за огоньком. Спокойно, с улыбкой выслушать его искренние и удивительно чистые комплименты Агнетт. Отсалютовать рюмкой, улыбнуться, выпить.

— Ты напрягся, — сощурилась рыжая.

— Инстинкты, что поделать.

Вздох.

— Ты не думал, что поймал ПТСР?

— Отчего же, думал. Стараюсь контролировать себя. И судя по тому, что это замечаешь только ты (а ты весьма внимательная девушка, этого не отнять) — это у меня выходит.

— Надо тебя будет регулярно напаивать. Пьяным ты перестаешь говорить этими своими рублеными фразочками, и сильнее похож на нормального человека.

— Это мне говорит социальный антрополог?

— Эй, я могу и обидеться!

— А я думал, совершишь камлание над синими камнями, и у меня отвалится что–нибудь.

— О, смотрю, ты заметил местную особенность?

— Не понял.

— Камни посреди площадей и скверов. Не понял?.. Местные, «Хозяева», почитают две вещи превыше всего. Камни и воду. Остальное: звёзды, луны, метеоры — сильно слабее. Вода для них — символ жизни и мира живых. Камни — мир мёртвых, где все они рано или поздно окажутся.

— Не понял, причём тут камни на площадях. Они поклоняются смерти?

— Нет, нет, ты не дослушал. Те, что лежат на площадях, состоят из специфичного минерала, который меняет цвет. С коричнево–красного на насыщенный синий во время дождя и на некоторое время после. А синий…

— Священный цвет, угадал?

— Да. Эта дуалистичность камня для них — как связь с загробным миром и напоминание о том, что жизнь занимает

всего лишь мгновение на мёртвом камне. Я не перебрала?

— С аперитивом — чуть–чуть. А вот с терминами — не очень. Не забывай, у меня хоть и оквадраченные армией, но гуманитарные мозги. Уж дуализм от архаизма могу отличить.

Разговор свернул куда–то в сторону общегуманитарных знаний, а тем временем «Грязный Гарри» затихал.

Дело в том, что бар работал до середины ночи. Но впереди была рабочая неделя, и люди потихоньку начали разбредаться по домам. Первыми давно ушли старики, чувствовавшие в кипении бара ритм жизни. Потом упорхнули «белые воротнички», за ними — «синие», и вовсю расходились шумными компаниями работяги с регулярных и иррегулярных работ. Оставалась только очень шумная молодежь, к которой (формально) принадлежали и они с Агнетт. Но, пожалуй, что–то придется оставить или утащить с собой. А бутылку — закинуть в рюкзак.

— Знаешь что, давай наконец–то обменяемся номерами коммуникаторов, — подала голос рыжая. — Ты не мог получить работу без карты хартиста, значит и чип тебе выдали.

— Выдали. Записывай… — Эрнест спокойно надиктовал номер, дождался звонка. Принять, поёрничать в трубку. Заслужить укоризненное выражение лица Агнетт, сбросить. Записать её в «контактные данные». Вздохнуть: — Кажется, пора расходиться.

— Пора, — уныло согласилась рыжая, но оживилась: — Но сначала давай допьём рюмки и подымим на свежем воздухе.

Они опрокинули в себя кордиалы, и Агнетт пошла к стойке, относить посуду. А. Н. упаковал бутылку в свой рюкзак и принялся набивать заранее трубку. Он заканчивал утрамбовывать табак, когда малиновый аромат вперемешку с духом апероля возвестил о возвращении рыжей. Прежде, чем ледяные ладони закрыли глаза.

— Угадай, кто?

— Агнетт Рыжая, леди болота, хранительница убойной бутылки аперитива.

— Зануда, — фыркнула рыжая и нетвердой походкой двинулась к выходу, вращая берет на пальце.

К удивлению Эрнеста, он шёл куда твёрже, хоть ему и приходилось концентрироваться на цели. Через некоторое время приличное количество алкоголя без закуски ударит по желудку, но до этого времени необходимо будет закрыть небольшой долг чести. Главное, чтобы у дамы был схожий взгляд на ситуацию. А. Н. уклонился от закрывающейся двери, умудрившись не просыпать табак, и поднял взгляд. Наткнулся на застывшую зачарованной статуей Агнетт. Поднял глаза.

В воздухе стояло серое сияние, а улицы резко побелели. Снег! Он был редким и очень медленным, но смотрелся максимально необычно. Особенно когда мимо бара, шкворча на непонятном языке, со скоростью резвого инвалида проползло нечто, напоминающее синего слизня. Но с два метра длиной и нарушающее общую гармонию не то фырчанием, не то шкворчанием.

— Намму, — прокомментировала рыжая, обратив, наконец, внимание на Эрнеста.

— Кому?

— Намму, дурак. Причём, судя по интонации, любящий снег.

— Они способны ещё различать эмоции?

— Ты ещё не видел их резьбу по камню. Почитай о них хотя бы лёжа на диване, довольно любопытные «гости».

— Учту. У меня как раз есть диван. Правда, если на него лечь — ноги немного свесятся, — фыркнул А. Н.

— Покажешь?

— Уж твои ноги точно не немного свесятся с него, — фыркнув, выпустил кольцо Эрнест. — А ты где живешь?

— Общага на улице Легионеров.

Чёрт, подумал Эрнест. Улица Легионеров хоть и начиналась на границе Старого Города, но по диагонали пересекала весь Новый Город. Возможно, было бы действительно проще положить рыжую у себя дома.

— Улица Легионеров большая, — озвучил свои сомнения А. Н.

— Ой, кто–то настолько не хочет вести девушку к себе, что изучил карту? Дом 3А, не волнуйтесь, сир Гавейн, — засмеялась Агнетт.

— Тогда веди меня, зелёная леди, — усмехнулся Эрнест, выставив локоть.

Рыжая усмехнулась, взяла за локоть и резко взяла старт с места. Едва пробежав в таком состоянии сто метров, парочка поскользнулась и едва не грохнулась на тротуар, окатив немые стены улиц хохотом.

Несмотря на холод и то перестающий идти, то усиливающийся снег, прогулка оказалась приятной. Никто их не посмел задирать, наоборот — пару раз патрули безопасников останавливали парочку, проверяя документы. И как потом призналась Агнетт, отдельно спрашивали — всё ли в порядке с ней лично и по своей ли воле она идет.

Старая вычурная архитектура уступило место «квадратно–гнездовым» небоскрёбам и блок–зданиям из стекла и полибетона. Прохожие почти исчезли с тротуаров — в этой части города

предпочитали перемещаться воздухом или монорельсом. Правда, постепенно снижался и шум с воздушных трасс. Улица Легионеров находилась в стороне от главных эшелонов, а город постепенно впадал в спячку.

— А вот и моя общага, — кивнула рыжая

— Небоскрёб с цоколем в стиле ар–деко?

— У тебя неплохое образование, но нет. Бетонная коробка рядом с ним.

— Оу.

— Да, всё куда хуже.

Оставшиеся метры они прошли в тишине, только Агнетт ещё теснее прижалась к Эрнесту. Наконец, они остановились у распашной двери, за которой горел тусклый свет и виднелся пост охраны. С хмурым и сонным нарядом сил.

— Извини, но дальше нельзя. Не пойми неправильно… — рыжая замялась. — Много бумажек нужно заполнять, и они имеют права отказать. Из–за алкоголя в крови.

— Женский монастырь прямо.

Рыжая виновато развела руками, но затем игриво улыбнулась.

— А ты только и рад, тоже мне, рыцарь!

Звонкий смех.

— Это был хороший вечер, Агнетт.

— Согласна.

Молчание.

— Ты же меня не заблокируешь утром?

— Пф, ещё вечером.

Хохот. Эрнест протянул руку.

— Тогда до встречи?

Рыжая нарочито широко размахнулась рукой и ударила по ладони:

— До встречи!

Так, посмеиваясь, они и разошлись.

Обратно Эрнест с чистой совестью прокатился на такси — он замёрз, а пить на улице не хотелось. Уже дома, на диване, потягивая пиво и матерясь на холодные батареи, он взвешивал итоги дня. Даже если с рыжей ничего не выгорит, а СБ окажется бандой мудаков — сегодня был отличный день.

Интерлюдия 1

Место: Мыловарни.

Локация: Штаб–квартира банды «кислых»

Время: 19–30 по местному времени. Две недели от прибытия Кандидата. Весенний сезон.

Каждый, вне зависимости от сегрегационного цвета, пола и возраста, мог зайти в любое время суток на базу «кислых». Таково было неофициальное правило, заведённое ещё со времён молодости Весельчака Димми. Гости могли попросить о помощи, сотрудничестве, торговле. Или же — испытать свою удачу вместе с удалью. То есть — попытаться влиться в ряды «кислых».

— Так значит, хотите вступить в банду? Молоко хоть с губ облизали?

Окружавшие вожака «быки» загоготали. Весельчак Димми неприязненно осмотрел троицу. Быки чувствовали себя не в своей тарелке. А вот тощий держался нагло, несмотря на желтые следы на лице и грубо зашитые следы рассечений. Недавно его очень серьёзно били — как впрочем, и остальных из числа новичков. Кто бы это не сделал — Димми готов был его взять в число «кислых» сразу. А вот с этими щеглами нужно будет повозиться.

— Мужик, на нашей совести пятеро трупов… — начал тот из быков, что помельче. Осекся, увидев повелительный взгляд Весельчака. И вскоре уже катался в покрывавшей пол пыли, под ударами настроенного «на боль» нейрошокера.

— Мне плевать, сколько там на вашей совести мертвяков. На моей вот ни одного, — начал вожак, почесав щетину. — А знаете почему? Не знаете, вы слишком тупы, чтобы дойти до этого. Потому что срал я на этих ваших убитых. Мной, тобой, им — вообще срать!

— А что насчёт грабежей? — поднял взгляд, не голову тот, что тощий. — Чистых, как слизь наммунга, старых добрых грабежей. Мы можем действовать аккуратно, если нужно.

— Если нужно? Эй, ребят, у нас тут чистюля!

Новый взрыв хохота.

— А иначе бы никто из нас не выжил, мужики. Да и вы тоже, — сверкнул глазами тощий.

Димми встал. Отобрал нейрошокер. Активировал его на максимальную боль. Фиолетовое свечение, окутавшее кончик тонкого посоха стало таким ярким, что шлюха, устроившаяся было на подлокотнике кожаного трона вождя, испуганно пискнула и сорвалась вниз.

— А ты значит, из всей троицы умный, посмотрю. Да?

— Да, — спокойно подтвердил тощий.

— Ну и как тебя зовут, умник?

— Барри.

— Барри, по фамилии Схреналли? Ладно. Люблю умников. Но предложение для них такое же. Стандартное, простое и лёгкое, как чёртово монеро. Каждый из вас — наедине с очень злым джосером. Кто выдержит пять минут, тот получит место в банде. Остальные пойдут на корм арахнидам. Сегодня мне лень вынянчивать куски мяса. Усекли?

Молчание.

— Усекли, — подтвердил Барри, улыбаясь не очень–то здоровой ухмылкой.

— Вот и славно. Кто не согласен — может идти к мамочкиной сиське прямо сейчас, держать или отправлять на мясо никто не будет. Так что валите, вперед!

Меньший из троицы встал, бросил неприязненный взгляд на толпу и лично на тощего Барри. Развернулся и под всеобщее улюлюканье пошел к выходу. Его никто не задерживал.

— Ну что ж, — с широкой улыбкой посмотрел Весельчак на оставшуюся пару, — отправим наших Гензеля и Грету на встречу с великаном!

* * *

Место: Пустоши, точное местоположение неизвестно.

Локация: Оперативная база «Логово».

Время: 25–20 по местному времени. Два месяца от прибытия Кандидата. Весенний сезон.

Аналитик второго класса Радим как раз заканчивал скармливать лазерному шредеру документацию и свои оперативные наброски по закончившемуся проекту, когда на коммуникационный имплант пришёл вызов. Кто–то из Организации нуждался в нём, однако абонент предпочёл скрыть имя. Или же — был обязан скрыть.

— Ох, да чтоб вас всех туда и обратно, — обратился аналитик в потолок, пока система лазеров неспешно превращала в пепел последнюю пачку покрытых каракулями листов. Правильный почерк в его лаборатории считался моветоном.

Сигнал повторялся. Судя по звуку и цвету уведомления, это был кто–то из нижних отделов. Однако какие–либо пометки о срочности отсутствовали. Что странно. Заинтригованный Радим, придерживая почти уничтоженные листы, принял вызов.

— Отдел три–восемь слушает.

— Радим, — сухо ответил голос, от которого у служащего самопроизвольно вытянулся хребет, — спустись ко мне. И прихвати отчёт по сто двадцать восьмым. Жду через пятнадцать минут.

— Есть, — только и оставалось ответить Радиму. Дождавшись, когда из уголка глаза пропадёт пиктограмма активного вызова, он тяжело вздохнул.

Вызывает Третий.

Третий Мастер всегда считался чем–то совершенно непредсказуемым. Не такой жестокий, как Второй, но и не такой прямой. Не такой человечный, как Четвёртый или Пятый, но и не Первый, всегда остававшийся для рядовых исполнителей мрачной фигурой в маске и странном костюме. А уж любовь к какао с пряностями вошла в местный фольклор ещё до вербовки Радима.

Упрямый шредер, как по мановению руки, съел последнюю партию без запинки. Аналитик отметился в журнале и, прихватив со стола нужную опечатанную папку, понёсся к лифту. Уже прошла треть отведенного срока. И все Мастера, кроме разве что пятого относились к опозданиям несколько… неприязненно.

Скоростной лифт. Остаток шесть минут. Гермодверь в стороне от гигантских, сейчас задраенных ворот (напряженный период, обычная процедура). Шлюз, сканирование тела, сканирование радужки, сканирование чипа, небольшой укол — проверка биоматериала на примеси. Четыре минуты.

— Мастер ждёт вас в атриуме, — сообщил охранник, сверив данные.

Короткое ругательство. Радим сорвался на рысцу, однако перед атриумом притормозил. Сегодня Третий был в созерцательном настроении и любовался искусственным водопадом, украшавшим ближнюю стенку. Отведённые и отфильтрованные грунтовые воды, пущенные по грубым камням декоративной кладки. На приглушенные шаги человек внимания не обратил. А вот «ближняя гвардия» — очень даже обратила. И задержала Радима, причем довольно грубо.

— Пустите его, — бросил Третий, не отвлекаясь от созерцания водопада. Амбал, закручивавший руку аналитика назад, выкрутил её обратно и пожал плечами, дескать, не суди строго.

Радим и не собирался, однако приветственная речь от болевого приема вылетела прочь, как депортированный мигрант из Города — после облавы.

— Присядь, — указал на кресло сбоку Мастер, взяв большую чёрную кружку. — Извини за мою оплошность. Новички ещё бывают слишком рьяные. Путевка в Монтаук тебе и жене, под

окончание летнего сезона. Отгулы — за счёт Организации, дорога — за твой. Идёт?

— Гм… конечно,

— Тогда к делу. Для начала расскажи мне об основных тенденциях происходящего.

Радим вздохнул. Он готовил доклад совсем не по тому, но материал давно уже был у него в голове. Привычка. Профессиональная деформация, если угодно.

— Развёрнутые отчёты будут готовы к концу недели. Из тенденций, от менее критичных к наиболее. Несколько служб безопасности опасно пересекли неофициальную границу власти. «Хагуро», «Викси» и «Гагана» втроём контролируют шестьдесят процентов рынка.

— У вашего отдела есть варианты нивелирования их роли в городе?

— Несколько, как всегда, — тонко улыбнулся Радим.

— Начинайте их реализацию. Постепенную, разумеется. Резкий обвал вызовет ненужные сейчас волнения. Далее.

— За последний месяц мы можем наблюдать рост производства наркотиков в «алых» и «чёрных» районах. Выросли закупки прекурсоров и случаи вербовки химиков. Информаторы из окапи докладывают о росте цен на лабораторное оборудование. Его спрос превышает обычный втрое. С учётом того, что рынок стабилен и растёт медленно, ожидается падение цен на наркотики и несколько нарковойн.

— Цикличный процесс. Ещё?

— В улье Арбетху намечается бунт джосеров.

— Арахниды… — Третий невнятно выругался и отставил кружку. — Рано они.

— Положение текущей матки крайне нестабильное. К тому же, Просвещённые Арбетху не смогли выторговать изменение статуса района на красный, что вкупе с миролюбивой политикой и демографическим взрывом, вызывает нервозность молодняка.

— Признаки ранние или мы проспали беду?

— Пока скорее разговоры. Но несколько стай уже строят планы покушений на Просвещённых. Если окружение матки их не передавит, улей запылает.

— Помогать арахнидам не будем. Пока. Единственное исключение — Шимун Арбетху должен выжить. Если на него нацелено хоть одно жвало стаи — вырезать всех сородичей. Нам нужна эта личность.

Аналитик сделал пометки, прежде чем продолжить. Хотя разработка операций не находилась в его ведении, судя по настроению Третьего, его отдел явно будет разгребать ближайшие

кризисы. А небольшая толика инсайдерских данных в прогнозировании не повредит.

— Что из некритичного вы припасли на сегодня?

Радим вздохнул. Ему не нравились сегодняшние прогнозы «некритичного». Данные изменялись слишком часто чтобы, по его мнению, быть надежными. Что он и озвучил, прежде чем начать.

— У нас есть несколько прогнозов по влиянию картелей и банд, а так же контрабандном рынке «гостей». Есть невнятные свидетельства о росте влияния «LX-18»…

— Палочники?

— Именно. Ещё есть несколько банд джосеров, которые, по моему мнению, будут вырезаны поголовно в ближайшие две–три недели. По людям. Четыре группы грабителей с Метрополии и одна — профессиональных мошенников. Кроме того, имеются странные доклады с Мыловарен и Ям. В первых в последнее время слишком тихо, во вторых — слишком шумно.

— На что вы ставите?

— Через неделю–две мы найдем признаки успокоения обстановки. Через ещё одну–две — рост неприятия к службам безопасности. И наконец, после первого же прокола безопасников — как минимум один бунт хартийцев. Который пройдет с потерей влияния СБ и людей.

— Полагаю, эта проблема куда критичнее предыдущих, — тихо проговорил Третий.

— Отнюдь. Как я уже упомянул, прогноз пока слишком неточен.

Мастер побарабанил пальцами по подлокотнику, но промолчал.

— Рассмотрим этот вопрос на ближайшем планировании. А пока перейдём непосредственно к теме вашего визита.

Аналитик вскрыл папку, привстал, чтобы передать Третьему. Тот даже не шелохнулся.

— Краткую выжимку или полноценный отчёт?

— Выжимку. Отчёт я почитаю сам.

— Четверть субъектов отсеялась по тем или иным причинам. Ещё тридцать человек — под вопросом. Я выделил двадцать три перспективных лица, которые с большой вероятностью станут кандидатами.

— Среди них есть текущие силовики?

— Да. Сразу трое — в «Экстеррелиале», ещё трое в «Гагане», два — в «Агни Корп», ещё два — в «Сыновьях»…

— Стоп. У нас есть люди в «Гагане»?

— Да. Один из членов совета директоров. Семь лет внедрения.

— А в остальных СБ «большой тройки»?

— Да, несколько групп.

— Перспективно. Проработайте варианты, как бы нам решить проблему трущоб и слишком жирных безопасников.

— Но, Мастер… а кандидаты? А наши внедрённые агенты?

— Они ещё не кандидаты, — ледяным голосом ответил Третий. — Если выживут в мясорубке — станут ими. А выведение агентов оставьте куратором, это их задача.

Радим склонил голову. Он собирался рассказать о том, кто и насколько перспективен в плане отбора или отсеивание. Но инстинкты подсказывали — сидящий перед ним зверь не интересуется такими нюансами. Пока что. Но кое–что уточнить нужно было в любом случае.

— Прорабатывать их взаимодействие с ситуацией?

— Слегка обострим противоречия, не более того. Слишком сильно высовываться из–за кулис суфлёру не стоит.

Третий отвернулся к стене. Водный поток продолжал шелестеть по камням — безразлично и стабильно.

Место: Старый Город

Локация: Пирс номер два.

Время: Суббота, 21–14. Три недели от прибытия Кандидата. Весенний сезон.

Один мой старый друг некогда заявил — никогда не связывайся с женщинами безумнее тебя самого. Я, помнится, посмеялся над ним. А стоило задуматься. Днём я вкалывал на патрулях, вышибая дурь из худших образчиков рода людского (и чужеземного). А всё свободное время проводил с ней. С Агнетт.

Эта рыжая — всё–таки удивительная девушка. Сочетание кипучей энергии, женственности и юмора заставляют меня двигаться — а собирался пустить корни в городке и спокойно тянуть пиво. Вместо тихих посиделок в баре или у голопанели я уже побывал там, где даже и не собирался. Бильярдный клуб, Стеклянные пирамиды. Ямы. Да, скажете вы, не лучшее место для романтических прогулок. Пожалуй, я когда–нибудь об этом задумаюсь.

Но не сейчас. Сейчас Эрнест А. Н. наслаждается закатом на лавочке у древнего пирса. В приятной компании. Троица начинает заход, и я решаюсь задать вопрос. Точнее — моя паранойя заставляет его задавать. Каждый раз после временного расставания. Себе.

— Ты так и не назвала мне своего полного имени, — спокойно замечаю я.

— Как и ты — своей фамилии, — с улыбкой парирует Агнетт.

— Мои документы всегда при мне.

— Их можно подделать.

— Как и записи в базах данных?

— Это всего лишь данные, не так ли? — смеётся рыжая и мне не удаётся сдержать усмешки. Она очень красиво смеётся.

— Иногда я думаю, что ты мне перережешь глотку во сне, — выдавливаю я.

— Кровь? Нет, это не моё, — качает пальцем девушка. — Не люблю смерть, кровь плюс иные отрицательные эмоции.

— Ревность? — наугад брякаю я и вижу остывающую улыбку.

— Только если беспочвенная, — тихо говорит Агнетт.

— Мне нужно беспокоиться?

— Эрнест… не сочти меня грубой, но нам не стоит строить долгие планы. Нет, — поднимает она ладонь и прижимает к моим губам. Я чувствую малиновый аромат её духов. — Это не отшив. И не предложение расстаться. Дни и ночи с тобой шикарны… но не строй со мной долгих планов. Я могу пропасть и снова появиться. Как и ты. СБ ведь отправляют в командировки?

— Очень редко, — ворчу я. Мне не нравится, куда свернул наш разговор.

— Но отправляют. Поэтому давай договоримся — не привязываться.

Эта фраза, спокойная и произнесённая с грустной улыбкой, режет тяжелее, чем жвало джосера. Но мистер А. Н. давно научился лгать с улыбкой.

— Идёт, — киваю я.

Солгал и сейчас.

II. Один неплохой день

-

Глава 2.1

Место: Старый Город.

Локация: Меблированные комнаты Стэнтона.

Время: Среда, 10–05. Три месяца от прибытия Кандидата. Весенний сезон.

Будильник щёлкнул, сменяя цифры. Подождал несколько секунд и начал истошно звенеть. Из–под одеяла на узкой, «холостяцкой» кровати выскользнула женская рука и начала нащупывать поверхность прикроватной тумбочки. Обнаружила только плазменный шар–лампу, едва не сшибла на пол. Вскоре из–под всё того же одеяла показалась голова девушки. Со всколоченными короткими волосами чёрного, напоминающего эбонит, цвета.

— Эрни, Эрни, — начала она тормошить любовника. — Где у тебя будильник?

Ответом ей был сонный набор ругательств. Спавший рядом с ней Эрнест ненавидел много вещей. И обращение «Эрни» вместе с низким интеллектом у девушки занимали почётные места где–то в первой десятке. Пришлось откинуть одеяло, подойти к поставленному на подоконник будильнику (дальше пройдешь — быстрее проснёшься) и отключить его. Подойти к холодильнику, вскрыть банку «Трокадеро». Прочувствовать вкус и растекающиеся от горла мурашки, выгоняющие жажду. Прекрасно.

— Жанетт подъём. Мне пора уходить.

— Эрни, оставь меня тут. Я умру и ты меня похоронишь где–нибудь в районе Монтаука. С видом на водную гладь…

А. Н. молча отставил банку газировки. Подошел и решительно попытался сдернуть одеяло. Мелькнули синяки на коленях, одеяло натянулось, как армейский полутент. Девушка продолжила ныть. Мёртвые и живые боги, подумал Эрнест, почему же именно тебя я вчера зацепил. Можно было написать Валери, можно было сходить в «Тридцать две», в конце концов.

— Встань! — рявкнул он.

Жанетт неловко встала, обмотавшись одеялом. Она смотрела на него исподлобья, волчонком, чему способствовали как лёгкая сутулость, так и маленький рост.

— У тебя пятнадцать минут на душ. Я пока приготовлю что–нибудь перекусить. Потом ты должна уйти, извини. Мне запрещено оставлять кого–либо кроме жены, дома, пока я на работе. Требование УСБ. Идёт?

— Ладно.

Всё так же замотавшись в одеяло, девушка пошлёпала в душ.

Бросила, не церемонясь, на пол. Выгнулась:

— Мы можем пойти вдвоём, Эрни.

Эрнест поднял взгляд. Взгляд наткнулся на всё самое нужное. А, вот почему её зацепил. Действительно.

— Не сегодня, — помотал головой А. Н. — Кофе сделать?

— Декофеинизированный?

— Неа

— Тогда воздержусь, — улыбнулась в тридцать два зуба Жанетт и захлопнула дверь. Оставалось только вздохнуть.

Брикет концентрата «соба с говядиной» отправился в комбайн, однако был извлечён ещё до его запуска (мясо не ест). Заменен на обычную фунчозу. В приемник отправилась добрая пинта соевого соуса и армейского грибного супа. Для себя А. Н. достал из холодильника пачку бекона и ещё одну банку «Троки». Проверил коммуникатор. Стандартное напоминание о поверке, рекламная рассылка. В новостях — как обычно, насилие, светская жизнь и немного водицы, гордо именующейся аналитикой. И погода.

Впрочем, неизвестно, что ещё было наиболее полезным из всего вышеперечисленного. Погода в городе имела привычку меняться за считанные пару часов, и на смену ослепительному солнцу мог прийти в лучшем случае ледяной ливень. Ребята из роты баяли, что попадали в метель посреди летнего сезона. И чем дольше Эрнест жил, тем больше подозревал, что это вполне возможно. И уже давно понял, что плотные плащи у человеческой части населения — дань не столько стилю, сколько практичности.

Засыпать молотый кофе в кофеварку, долить воды. Дождаться утробного урчания внутри. Приступить к просмотру пропущенной информации.

Итак, новости. Экспатов–хартийцев и «гостей» за первый квартал прибыло больше выделенных квот. «Хозяева» рассматривают вопрос ужесточения иммиграционного законодательства. По крайней мере, временно. Вспышка насилия в Ямах, уже на четверть трупов больше обычного. Источник в службах безопасности говорит, что это напрямую связано с иммиграцией (открыл глаза, спасибо), и обещает, что в ближайшее время «эпидемия» пойдет на спад. Усугубление ситуации в Мыловарне, аналитик бубнит о переделе сфер влияния банд. Котировки, соотношение валют, погода.

Никаких известий от Агнетт. Что ожидаемо. Ладно, не маленькая. Даст знать, когда сочтёт нужным. Не первый раз и не последний.

Эрнест вслушался в шум, раздающийся за дверью в ванной. Проверил тайники с деньгами и оружием. Всё цело. Выдохнул.

Паранойя нашла у него новую цель, но пока находилась в приемлемых рамках. В ванной тем временем раздался грохот, как будто что–то рухнуло с высоты чуть больше пары метров. С промежуточной остановкой где–то посередине. А. Н. вздохнул.

— У тебя всё нормально?

— Меня чуть не прибила твоя штора, а так да! — крикнула девушка из–за двери. — Ты её потом поставишь на место ведь?

— Куда я денусь? — риторически буркнул Эрнест и вернулся к коммуникатору. Шторка стабильно отваливалась раз в месяц у него и каждый день — при наличии девушки в доме. Поставить нормальный вариант никак не доходили руки.

Отчёты в служебной сети не содержали ничего сверхъестественного или сверхактивного. Несколько вспышек насилия в «красных» районах, пара заявлений о воровстве в «зелёных». Те куски Мыловарни, что находились в зоне ответственности АК, ничем не выделялись от других районов. Подозрительно не выделялись. Надо будет рассказать Эльму, у него часто было чутьё на «внезапные» вспышки насилия. Он поймёт и поможет обмозговать.

Кофемашина прекратила активную фазу «ворчания», что ознаменовало конец варки кофе. Эрнест решительно заполнил большую часть кружки, добавил сливок. Покосился на время, рванул к стенному шкафу, где был комплект «ежедневной» одежды. Натянул брюки. Услышал, как в ванной Жанетт путается в упавшей шторе, понял, что несколько поспешил. В первую очередь скорее следовало убрать валяющееся комком на полу одеяло, иначе девушка непременно споткнётся об него.

Звонок пищекомбайна, дверь наконец–то распахнулась, окатив промозглую кухонную «кишку» волной пара. На пороге стояла совершенно нагая и всё так же всколоченная Жанетт и решительно требовала:

— Мне нужно полотенце! Махровое, тёплое и всеоблегающее. У тебя слишком холодно, Эрнест.

— Зимой хуже.

Он извлёк белое ростовое полотенце из ящика. И, не обращая внимания на возмущения (откровенно наигранные), вытер поднявшую руки девушку насухо. Не особо налегая на чувствительные места (пусть девушка понимает это как хочет). Обмотал в грубое подобие тоги и ткнул пальцем в журнальный столик:

— Завтрак готов.

— Но тут ничего нет.

— Закрой глаза и досчитай до тридцати.

Эрнесту стоило больших усилий не навести под нос Жанетт

пистолет. Однако, после некоторых раздумий (занявших десять из тридцати секунд) он рассудил, что обижаться не на что — просто такой человек. Тем паче, вплоть до утра всё было, судя по фрагментарным воспоминаниям, весьма ничего. Он достал из комбайна готовый завтрак, поставил свою кружку с кофе и две банки. «Трока» и пиво. Первое, конечно, с кофеином, но второе — с алкоголем. «Весёлый урдалеб» — спонсор похмельных вечеринок.

Горячую лапшу они ели быстро, почти проглатывали. Эрнест — аккуратно (брюки), Жанетт — не очень (полотенце).

— Где может быть моё бельё?

— Если одежда тут, то осмотрись вокруг. Например, в том углу стоит медная ваза, может, в ней?

— Бу–бу–бу… О, пистолет!

А. Н. поперхнулся. Действительно, придерживающая «тогу» девица из медной вазы времен колонизации извлекла его личный Mark V.

— Положи его на стол и садись доедать. Поверь, так будет лучше.

— Да ладно, никогда не видела лазер вблизи…

Эрнест пожал плечами. То, что было дальше, он видел десятки раз. На курсах по безопасности и узких улочках. Жанетт попыталась достать пистолет из кобуры. Треск электрического разряда, вскрик, пистолет с грохотом падает на пол. Полотенце отправляется следом. Хотя нет, последний пункт — новейшее дополнение к обычной модели.

— Ты знал?

А. Н. пожал плечами.

— Я же говорил, так будет лучше.

— Теперь я понимаю, почему вчера повелась на тебя, — широко улыбнулась, прищурившись, девушка. Она облизнулась, поднеся к лицу кобуру: — А электрошок срабатывает только на руку, или остальные части тела?

А. Н. поперхнулся лапшой. Жанетт не оставляя кобуру, подбежала и принялась стучать по спине кулачком. Помогало не очень, соотношение габаритов было далеко не в её пользу. От необходимости ругаться страшными словами сквозь предсмертные хрипы Эрнеста избавил коммуникатор, мощно прооравший марш. И заставивший любовницу снова уронить пистолет. А. Н. спокойно подобрал и надел портупею с кобурой. Грозно мигнул глазами и только после этого, наконец, ответил на вызов.

— А. Н. у аппарата.

— Новости видел? — хмуро спросил комотделения-1, Орлик.

— Ты про Ямы или Мыловарню?

— Два из двух. Эльм намекнул мне в частной, так сказать, беседе у пана Стефана, что надо бы командирам ответственных рот покумекать вместе. Смекаешь?

— Да, — коротко ответил Эрнест, осторожно отодвигая прильнувшую мурчащую девушку. — Сколько у меня времени?

— Не больше получаса. Но лучше рассчитывай минут на пятнадцать — информация от оперативников идёт потоком, и возможно, сыграют тревогу.

— Чёрт.

— И я о том же. Ладно, свидимся. Не опаздывай.

— Отбой.

Едва отбив вызов, А. Н. решительно замахнулся, чтобы ударить по филейной части прилипчивую особу, но замер, увидев незамаскированное выражение предвкушения на лице.

— Боги, ты что, озабоченная?

вздохнула и принялась уныло искать бельё. Её игривое настроение улетело, словно унесённое сухим пустынным ветром.

— Просто хотела развеяться и тебя развеять. Извини, — сквозь зубы сказала она в пространство, натягивая лиф через голову.

Эрнест спокойно снял пистолет, накинул и принялся застёгивать рубашку.

— Не принимай близко к сердцу. Сегодня у меня будет весьма тяжелый день. И я не люблю обманывать себя.

Женский смешок.

— Как?

— Ну, знаешь, — неопределенный жест рукой, — хорошее начало дня равно хорошее продолжение дня. Всё это чушь.

— Знаю.

Она уже нашла и надела чулки, натянула через голову юбку и теперь набрасывала блузку, слегка надув щёки. Эрнест мысленно вздохнул, подошел и взял за руки.

— Не обижайся, — молчание в ответ. — Я не прогоняю тебя вообще. Всего–то–навсего из дома. А это, сама понимаешь, ни о чём не говорит.

Неловкий смех. Обнять, прижать к себе, взлохматить волосы, послушать слезливые сбивчивые впечатления. Аккуратно прижать к стене и с чётко отмеренной долей гм, страсти, поцеловать. «Случайно» взглянуть на часы, дать всё–таки шлепок по попе, подстегнуть сборы девушки. Провести, снова поцеловать, подмигнуть и запереться изнутри.

Достать трубку, забить табак. Раскурить, услышать затухающие стуки в сердце и висках. Раслабленно улыбнуться.

Паранойя всё–таки заставила Эрнеста проверить все тайники заново, но кроме окурка от косяка фазиса под кроватью он ничего подозрительного не нашёл. Оставалось только курить да попивать кофе. Наконец, коммуникатор снова разорался.

— А. Н. у аппарата.

— Ну, здравствуй, малец.

— Доброе утро, Эльмо.

— Какое ж оно доброе.

— Уже видел новости?

— Видел, что шпаки начинают нервничать. Всё так плохо или так хорошо?

— Где–то посередине, на самом деле, — Свериге умолк. — Мы создаем параллельные оперативные штабы на Мыловарню и Ямы. Тебя я записал в первое направление, ты там немало километров на своих двоих намотал. Намотаешь и сейчас.

— Звучит логично.

Эльмо скаламбурил ругательством.

— Вот что я тебе скажу, Эрнест. Ты ведь помнишь, что мы — не единственная служба безопасности на просторах этих чёртовых трущоб?

— Ещё б не помнить.

— Так вот, есть мнение, что провал используют, чтоб сковырнуть АгниКорп с насиженных и прикормленных мест. Так что не жди форы — её тебе никто не даст.

— Спасибо за доверие.

Снова ругательство.

— Жду тебя через десять минут на базе. Будем думу думать. Отбой.

— Отбой.

Лэндинг: Старый Новый Ультрагород

Заголовок: Ямы превращаются в джакузи с кровью!

Одобрено Хозяевами: да

Как сообщает лэндинг «Старый Новый Ультрагород» (это мы!), этим утром жителям благопристойного острова Жетон (это которым, по словам мистера Екатерины, любуются ленивые докеры набережной) снова не спалось. В кои–то веки причиной такого парадоксального поведения стала не шумная пирушка, не скандал, предваряющий развод и даже, о боги, не визит раздраженного «хозяина».

В этот раз обитатели Ям забыли осведомиться у соседей насчёт времени и привычно принялись резать друг друга в очередной войне прямо посередине ночи.

Как сообщает наш очень эксклюзивный источник, ловивший ночью креветку (обычную креветку, не лангуса. Великие «хозяева», не отправляйте нас на хуртукуль или что–то созвучное), в этот раз было действительно неспокойно.

Слово нашему источнику!

В кадре появляется старый рыбак. Если бы не чисто выбритое лицо, он мог бы хоть сейчас пойти на обложку очередного переиздания «Старика и море».

— Что вы можете сказать насчёт сегодняшней ночи, мистер Гарри?

— Там стреляли.

Спасибо за столь интригующую информацию! Действительно, стрельба. Что в этом необычного, мои юные читатели? Да в том что в этот раз в дело пошли все запасы из подвалов, и речь не о канелрулле, соленьях или копченостях, нет. На этот раз обитатели котлованов вытащили откуда–то энергетическое оружие! Бедные уважаемые граждане в ужасе наблюдали над тем, как небо озарялась вспышками лазеров.

Впрочем, к счастью, никто от этих случайных выстрелов не пострадал. Как сообщают пресс–службы шести служб безопасности, утром муниципальные труповозки собрали около восьмидесяти человеческих тел, что всего лишь на две трети превышает норму. О телах других форм жизни не сообщается, но наш корреспондент заснял прелюбопытное зрелище.

Пыльная улица без дорожного покрытия. Шестеро матерящихся рабочих пытаются загрузить труп джосера. Видимо, арахнид умер уже давно — его ноги давно скрючились, а ложнорука и навесное оружие давно вырезаны более предприимчивыми сородичами. От имплантов остались только разъёмы.

Если честно, юные читатели, я бы не рискнул сегодня отправиться за молоком в Ямы. Ну а в случае сгорающего сертификата на посещение бойцовской ямы я отправился бы куда–то в другое место. Ульи теперь кажутся достойным местом, не так ли?

Обычно АН добирался до работы на монорельсе, однако сегодня дело было деликатным. Поэтому он вылез на ближайшую «вафельницу», махнул рукой и даже не удивился, когда через пятнадцать секунд рядом с ним приземлилось такси.

— Куда едем?

— Штаб–квартира АгниКорп, — буркнул Эрнест.

— О, военный совет собирается? Давно пора, так я вам скажу. Слышал, что творится в трущобных районах, да. Некоторые из таксопарка изредка подряжаются на заказы. В Ямы конечно, кому нужно такси в Мыловарнях? Так вот, измазанный кровью клиент в Ямах — это норма. А многие доходяги из пассажиров даже страшно рады при посадке, и я уж не знаю, чему — такси или виду крови.

— Возможно, там дубль, — оборвал рассуждения А. Н. и упёрся в окно. Они летели на высоком эшелоне, и пока что на главных площадях не было столь любимых активистами массовых демонстраций. Что ж, думал он, если повезёт, то дело ограничится патрулём, включающим в себя пару облав на мелкое жульё. Возможно, придется побегать, но пластмышцы вытянут на себя большую часть нагрузок.

В крайнем случае — случится штурм. И вот как раз это будет абсолютно непредсказуемая ситуация, причем для всех. «Чёрный лебедь», так сказать. С большой вероятностью — как минимум лёгкое ранение и выпадение на неделю из боевых выходов. Ни того, ни другого Эрнесту не хотелось. Хотелось простого предсказуемого патрулирования с джентльменским набором из игры «воры и полицейские».

В раздевалке царила обычная разнузданная атмосфера казармы. Казармы, которая чувствовала приближение крови и стремилась развеяться с запасом. Потому что много солдату не нужно. И потому что когда следующий раз для веселья предвидится — не сможет предсказать ни один бог. Патрули — вещь несколько непредсказуемая.

В общем, комната встретила его ароматами застоявшегося пота, табака и перегара. Обильно сдобренными гоготом, шумом и гамом. Классика. Удар по плечу (дружеский), кивок, приветствие — знакомым лицам и усмешка — тихим с непривычки новичкам.

— Что, Эрнест, опять бессонная ночь?

— Да пошёл ты, — вяло ответил А. Н. Его сложные взаимоотношения с некоторыми особо выделенными лицами женского пола быстро стали притчей во языцах.

— Оооо, нашего командира видать, рыжая лиса за яйца покусала!

В шутника полетело мокрое полотенце. Хохот, возмущённый крик, переходящий в несколько разных. Пара рядовых стала разбираться между собой, чьё конкретно полотенце полетело в шутника. И тем самым спровоцировали новые подколки, уже в свой адрес.

За вворачиванием острот и прошло облачение в форму.

Пластмышцы, баллистическая ткань. Облегченный бронекостюм и оружие они ещё получат в арсенале, а сейчас по командной сети командиров вызвали в инструктажную. Закрытым приказом от Папы Стефа. То есть Стефана Кюсте, оперативного директора «AgniCorp Armoured». Высшего боевого командира «белых костей».

— Вы бы ещё до обеда собирались, — раздраженно бросил вместо приветствия Кюсте. Впервые за долгое время он был облачён не только в фирменную форму бежевого цвета, но и в «боевой» набор: бугрящиеся под одеждой пластмышцы, пластины брони, шлем — примагничен на пояс. Что–то дымилось под пятой точкой у командира, подумал Эрнест, ой дымилось.

В уже закрывающиеся двери зала забежали ещё трое, раскрасневшиеся и запыхавшиеся.

— Совсем уже зажрались? Норматив явки уже три минуты как истёк! Может срезать вам стимулирующие, чтоб жирок растрясли? Нет? — надсаживался багровый Эльм, прохаживаясь между командирами.

— Свериге, осади, — пробасил незнакомый Эрнету гигант с лычками командира отделения. — Тревоги не было, а была ненавязчивая просьба. Скажи спасибо, что все прибыли, а то у половины мужиков либо засосы… — всеобщий хохот — либо пролежни от диванов.

— Острите, острите, — огрызнулся Сержант. — Смотрите только, не затупитесь. Сегодня есть обо что.

Гомон как–то сам по себе стих. Эльм дождался полной тишины и, наконец, запустил голопанель.

— Все вы слышали о вспышках насилия в Ямах. Наши сектора пока не шумят, но вокруг полыхает.

— Состав бунтовщиков?

— Как обычно, кандидаты на репатриацию, джосеры и некоторые малочисленные, но очень злые виды без прав и категорий.

Тихое ворчание в зале.

— Официально ситуация под контролем. Но мы с «Гаганой» и «Сыновьями» уже договорились. Неофициально, разумеется. По установленному сигналу штурмовые группы этого временного, гм… союза войдут в наиболее беспокойные районы и подавят выступления. Вне зависимости от прав сословий, неповиновение будет наказано.

Тишина

— И что, хартийцам тоже достанется?

— Достанется всем. Даже «хозяевам», которые не успеют покинуть район. Санкция Цитадели получена.

На этот раз все даже боялись вздохнуть. Тронуть «хозяина»… к такому жизнь их не готовила. И морально, и физически — бойцами привелегированная нелюдь считалась высококлассными, особенно в бою ближнем.

— Разумеется, мы не будем класть яйца в одну корзину. По агентурным сведениям, писаки правы, и под шумок в Мыловарнях пара банд попытается осуществить передел зон влияния. Возможны жертвы и вспышки насилия. Тут у нас руки немного связаны. Но только немного. АК не настолько смирные, чтобы стоять в стороне. Штаб разработал план по подавлению активности в наших секторах Мыловарни, и командиры ударных групп должны быть в полной готовности к резкой передислокации. Далее, слово нашему контрразведчику.

К кафедре выступил сухощавый Йозеф. Отдел собственной безопасности. Гроза своих, чужих и неопределившихся.

— Агентура указывает, что пока силы правопорядка будут отвлечены в Ямах, некоторые банды попытаются снять годовые сливки с честных предпринимателей, — хохот в зале.

Мыловарни были не менее гнилым районом, чем Ямы. Хотя очень, очень давно там была честная промзона. Стучали станки, и первые хартийцы по гудку шли домой или в ближайшую пивную. Но сейчас там были осыпающиеся здания, ржавчина и битые стёкла. А. Ещё много человеческой грязи.

— Разумеется, хотя эти в высшей степени честные люди и нелюди платят нам достаточно мало, мы не можем закрыть внимания на столь явные сигналы

— Иначе Цитадель пустит нас на лоскуты, — проворчал кто–то спереди

— И отберёт жирный контракт, — весело добавил другой, сзади Эрнеста.

— Всё понемногу. Кроме того, наши аналитики просчитали, что нарушение хрупкого перемирия приведет к усилению давления любой из окрепшей стороны на Старый Город. А вот этого мы допустить не можем ни в коем случае.

Тишина.

— Итак. Командиры отделений 101, 220, 245, 345, 404…

Эрнест встал. Его отделение было названо.

— … остаться, остальным — в инструктажную номер два, за господином Свериге. Живо, живо!

Грохот сапог, оживленные разговоры стихают за дверью.

— Подойдите ближе.

Они осторожно сели на первый ряд.

— Значит так. Держим ушки на макушке. Пресекаем любую незаконную деятельность и продвигаемся вглубь двенадцатого

проезда.

— Любую?

— Именно, — папа Стеф помолчал пару секунд. — Мы не можем работать пожарными расчётами. Слишком малый наряд сил. Поэтому мы поиграем с огнём. Гасите всё и всех, что не вписывается в городские законы. Проверяйте визы, шмонайте, гоняйте дилеров.

— Будет бунт, — мрачно заметил Эрнест.

— Обязательно будет. Небольшой. Кладите всех на месте. У вас будет прикрытие.

— Один биобот, как на контрольном тесте?

Нервные смешки.

— Не один. Две дюжины. Из них треть — постоянно в воздухе.

Командиры переглянулись и даже, кажется, расправили плечи. Два десятка личинок — это сильно.

— Бунт будет подавлен в несколько минут, и после этого вы должны нарушить внутренние инструкции и начать чесать местность. Рано или поздно вы выйдете на падальщиков. Мелких валите на месте, с крупными ввязывайтесь в вялую перестрелку и садитесь на хвост. Сами не лезьте и при любом удобном случае вызывайте кавалерию. Кое–какой резерв у нас есть.

Эрнест вышел в группе матерящихся ветеранов из зала. Пожелал удачи. По старинной традиции они выкинули на пальцах. Его отделению выпало идти в арсенал третьим. Можно было поменять место в очереди и пойти курить или же пойти в зал ожидания. Сдерживать мрачное настроение А. Н. надоело, да и было самое время обрадовать бойцов. Которые за время совещания откровенно заскучали. Сога, коренастая и гиперактивная девушка (разбившая не одно лицо за излишнюю пошлость) как раз закончила очередной анекдот. Судя по взрыву смеха — удачный. Наконец, А. Н. был замечен.

— Командир, скажи, что выкинул выигрышное число?

— Нет, Ленни. Сегодня мы третьи.

Дружный вздох. Шкафоподобный Марв, их оператор «тяжа», с шумом грохнулся на пластиковые кресла. Сиденья выдержали, но заскрипели на высокой ноте.

— Хрен с ним, что третьи, — пробасил Александер, новичок в их команде. — Чего все пошли за Саржем, а вы остались?

Тишина. Вопрос следовало закрыть прямо тут.

— Мы, ребята, будем сегодня работать манком. Очень шумным манком.

— Придется измазаться в дерьме?

— По самые белки. Поэтому не забываем респираторные

маски и очки.

— Кому надо купят базу данных же, командир.

— У обитателей трущоб таких денег нет. А остальных злить не будем.

Ворчание. Ему удалось убедить людей, но осадок от отвратительного предвкушения не проходил. Ни у Эрнеста, ни у отделения.

— Значит, Мыловарня? — осторожно подал голос Генрих, самый молчаливый человек роты.

— Мыловарня, — вздохнул Эрнест. А вообще — это лучше, чем Ямы. По крайней мере, на нас вряд ли вылезет обезумевший от недостатка эмоций богач с «фазой».

— Тебя ждёт много чудных открытий, командир, — уверенно покачал головой Марв на правах уроженца этой самой Мыловарни.

Глава 2.2. Часть первая

Место: Мыловарни.

Локация: Окрестности бывшего завода «Alien Chemicals».

Время: Среда, 14–10.

Согласно карте активности Мыловарни практически вымерли. Однако реальность несколько отличалась от красивой голограммы. Как и всегда. Эрнест в первую очередь ценил реальную картину мира. И мир, посредством всемогущей и всепроникающей сети контроля, дал ему нужное. После стандартной процедуры проверки допуска, разумеется.

«Вымершие» Мыловарни были таковыми только в отчётах контрразведки. В реальности же на Пыльнике (паспортное название — Первая Заводская улица) бойко шла торговля. По раздолбанному асфальту фланировали люди и нелюди, а в полуразвалившихся цехах что–то стучало, визжало и кипело. Создавая иллюзию хоть и архаичной донельзя, но всё же — существующей промышленной активности.

Однако Эрнест не первый и даже не двадцать пятый раз ходил в патруль через Пыльник. Он знал, что в цехах давно ничего сложнее мебели и отмычек ничего не делают, а визг… Металлолом, он такой. Имеет обыкновение визжать под дисковой пилой. Это когда у людей не хватает на лазерный или хотя бы плазменный резак. Где–то тут заканчивались мечты тысяч молодых мигрантов, мечтавших о торговле, дипломатии, на крайний случай — честной серой работе за обильный кошель иноземных благ. А получивших места кассиров, чернорабочих, операторов резака. В лучшем случае.

Хотя Папаша и приказал идти на обострение ситуации при первой возможности, командиры отделений этот приказ немного саботировали. Во–первых, ударная группа в Ямах ещё даже не начинала зачистку. А именно к её действиям был привязан план АК. Во–вторых, они сами ещё не скоординировались с «Гаганой» и бородатыми «Сыновьями». В-третьих, до любимой у местных патрулей сосисочной оставалось ещё восемь кварталов.

А главное — план «Солома» оставлял у Эрнеста стойкое впечатление редкостного по гадости дерьма, в которое его отделение окунали заводским краном. Возможно — необходимого зла. Но — не для Пыльника.

Этот район был наиболее приличной частью Мыловарни. Дальше были угрюмые улицы и бывшие заводские проулки. Дыры в стене, где можно было получить нож меж ребер после рюмки зерновой очищенной. Развалы с милой гадостью, начиная с

фазиса и заканчивая тетратранком. На более изысканные варианты продающим себя за дозу, лиловым от постоянного употребления «гостевой» заразы подросткам денег не хватает.

И, конечно же, четыре проклятых переулка бывших заводских общежитий. Пожалуй, это было самое гиблое место района. Не считая проёма в стороне Лесопилки. Там творилась тьма, но слишком кусачая для обычных легких рейдов. И именно там Эрнест с удовольствием спустит Марва с флогистоном. Даже если все обитатели «книжек» налетят на них скопом — плазма с шипением очистит место от любой заразы. Вне зависимости от геностатуса и степени вины.

Если, конечно, патруль дойдёт до этого места.

Лэндинг: Вестник СБ

Заголовок: Усиление патрулей в зонах ответственности

Одобрено Хозяевами: да

Вниманию жителей города.

С 13:00 и вплоть до особого распоряжения силы безопасности усиливают патрулирование по всем жилым районам. Сохраняйте спокойствие и оставайтесь дома. Данные мероприятия призваны понизить уровень преступной угрозы, вне зависимости от геностатуса преступника.

Если в районе вашего места жительства замечены вооруженные люди без формы — звоните диспетчеру вашей службы безопасности немедленно.

Не пытайтесь остановить подозрительных личностей любого геностатуса самостоятельно, вне зависимости от вашего опыта.

Не выходите на улицу с оружием — у патрулей есть санкция наших уважаемых Хозяев стрелять на поражение при первых признаках опасности.

При проведении оперативных мероприятий держите все ваши конечности расправленными. В случае наличия жвал, жал и иных потенциально опасных бионических образований, рекомендуем использовать сертифицированные самоблокираторы.

При встрече в информационной сети или в реальном мире с провокатором — сообщите о нём по телефону доверия или любому уважаемому Хозяину. Если ваша помощь в поимке преступника окажется существенной — вся семья получит на пять лет налоговые льготы.

Стоимость вашей страховки от проведения

оперативных мероприятий в рамках района не изменится.

А пока что можно спокойно наводить порядок. Проверять документы у каждого подозрительного. Найти пару десятков незарегистрированных стволов (третья–четвёртая категория исправительных работ) и ещё пяток — с «висящими» на них трупами (первая–вторая категория). Сдать незадачливых любителей оружия приехавшему конвою. Перевести инвалида–ветерана через разбитую дорогу, остановив движение. Осведомиться о ценах в скобяных лавках под предлогом ремонта квартиры. Получить бонусную информацию о рэкетирах. Поймать карманника и сломать ему челюсть, не взять денег с пострадавшего и гордо ответить:

— Это входит в вашу страховку, сэр.

— Но мы же не платим никакой страховки, — растерянно пробормотал прохожий.

— Вы, может, и нет. — терпеливо объяснял Генрих. — Но муниципалитет платит за вас страховку. Не по «синей» таксе, конечно, но определенный объем помощи это позволяет нам выделить.

Оставив смущённого мужика, Эрнест обратил внимание на стайку подростков, которые откровенно задирали биоскафандр. Конструкция, напоминавшая аквариум на ножках, не могла упасть из–за каких–то лассо: слишком хитрая автоматика контролировала ход ног. Однако замедлиться — очень даже могла.

— Валли, Валли, пни его, если он упадет — хорошо пообедаем! — надсаживался какой–то малец с выгоревшими волосами.

— Всей семьёй! — поддакивал другой, заливаясь хохотом.

— Наземники, если вы не отступитесь. То у вас будут определенные проблемы. — рваными фразами через голосовой декодер пригрозил лангус

— Определенные кем, кретин? — лихо спросил вожак, пнув «аквариум» в прыжке. Однако он и охнуть не успел, как одна из ножек оторвалась, превратилась в узкую клешню и схватила подростка. И не куда–то за мягкое место, а между ног.

Улицу охватил бешеный вой. Соратники ринулись защищать лидера, однако лангус поднял ещё пару ног. Стороны замерли, прохожие расступились, и на некоторое время над тротуаром установилась тишина.

— Проблемы определенно будут сгенерированы скафандром моей личности. Полагаю, — бесстрастно прокомментировал

лангус. — Кроме универсального манипулятора. В наличии имею несколько нейротоксинов и лазер для удаления водяных назойливых блох вроде вас. Несмышленные наземники.

— Пора вмешаться, — буркнул Эрнест, и веселье отделения как ветром сдуло. Он переключил коммлинк в режим громкоговорителя, положил полирежимку в руку «по–боевому». Без особой спешки, но быстро стал приближаться к спорщикам. — Служба безопасности Agni Corp! Всем оставаться на своих местах!

Малолетки сдернули с места, но были остановлены зашедшей в тыл тройкой Ленни. Для пущего устрашения Марв стал прогревать флогистонатор. Светящиеся оранжевым светом катушки адского прибора заставили разбежаться особо нервных прохожих. А с ретивых задир сбили всю прыть.

— Мистер, мы не сделали ничего такого! — начал надсаживаться один из них, покрываясь крупными каплями пота.

— Нападение на гостевую расу без явных на то причин, пункт 3 параграф 4 городского Кодекса. Я могу дать этому лангусу вас на расчленение и буду прав, — жестко прокомментировал Эрнест и повернулся к чужому: — Вы в порядке?

— Несколько запутался в инструментальных дендритах. Одна из проводящих катушек повреждена, а декодер шепелявит от возмущения. В полном, — ровным голосом прокомментировал лангус, и по собравшейся толпе зевак проскользнули звуки лёгкого веселья.

Лангусы никогда не имели репутации «самых странных» или «самых кровожадных» видов нелюди. Но неизменно становились героями анекдотов и баек, в которых всё так же неизменно были нытиками с отвратительными навыками общения и отсутствующим чувством юмора. Однако у этой особи чувство юмора определенно присутствовало.

— Эрнест А Эн, идентификационный номер 23–34501. Служба безопасности «Agni Corp». Вы заявляете мне, как представителю сил правопорядка, жалобу?

— Определенно, — в мутновато–зелёной воде было видно, как шевельнулись усики «гостя». — Я, Та’се-хьивиче, член косяка Серебряного озера. Действиям данной наземной молоди заявляю. Протест.

— Отлично, — холодно улыбнулся Эрнест. Подростки поежились — они видели только глаза, а вот они оставались предельно спокойными. — Назначаю присутствующим здесь хартийцам наказание в виде дисциплинарной отработки… — над местом повисла гробовая тишина, — третьей степени. Особо буду ходатайствовать, чтобы рецидивы были наказаны повышением степени.

Вздох. Третья степень не четвёртая, подметанием улиц и социальной помощью не отделаешься. Тяжелая физическая работа, на стройках и складах с крупным и легко учитываемым товаром. Но и не вторая, которая предусматривает работу на опасных производствах. И тем более — не первая, после которой только половина воспитуемых возвращается домой. Живыми, разумеется.

Следующие несколько минут были очень насыщенными. Откуда–то (словно из–под земли) выскочила группа объемистых мамаш, яростно требовавших отпустить их детишек, которые «просто играли». Александер терпеливо пытался объяснить особенности правоприменения конкретного закона и то, что конкретно лангусам крайне благоволят «хозяева». Получалось не очень. Поэтому Эрнест, закончив надиктовывать форму обвинительного приговора, вздохнул, перевел режим огня одиночными и пять раз пальнул в воздух из кинетического ствола. Куда попадёт дробь, его не волновало.

Последние гильзы падали в заметно притихшей атмосфере.

— Так, — начал он. — Вы, гражданки, должны поблагодарить всех богов, что сейчас в вашем районе не будет проводиться такая операция, как в Ямах. Иначе я бы взял почтенного… — А. Н. замялся. Чужие имена всё ещё оставались для него сложным логопедическим упражнением.

— О, да. Моё внешнее имя. Севиче.

— Спасибо, уважаемый Севиче. Так вот, я бы взял его за механодендрит и сопроводил бы в «зелёный» район. А мелюзге прострелил бы головы одиночными и оставил вас дожидаться труповозок. Генрих, зафиксировать браслеты. Молодые люди. Вам на коммуникатор придет дата прибытия на сборный пункт.

— А он не придёт! — яростно прошипела одна из наиболее шумных женщин.

— Тогда вы и ваша будете репатриированы, — спокойно произнёс Эрнест, — а степень наказания ваших сыновей повысится на одну. Свободны.

Толпа несколько разошлась. Возмущающиеся женщины утащили подростков. Патруль и лангус остались на месте.

— Вам я рекомендую незамедлительно покинуть район. Вы в курсе, что это алая зона?

— Но алая не равно чёрная. Я полагаю.

Эрнест глухо вздохнул.

— Уважаемый Севиче…

— Офицер. Я прекрасно осознаю, где нахожусь. Этим может похвастаться не всякий мой сородич. Даже в родной стихии.

— Вас привело дело?

— Именно. Поверьте, я могу отбиться даже от джосера.

— Почему же не отбились сейчас? — хмуро подал голос Герних.

— Сложности анализа. Стоило их калечить. Или нет. Неопределенность.

Эрнест осторожно закрепил метку на биоскафе.

— Если возникнут проблемы — это мои данные.

Одна из конечностей исторгла бесконтактный сканер, с писком закончила процесс. После этого — выдернула метку и вернула её Эрнесту.

— Эту вещь не стоит оставлять на виду. Вам. Полагаю.

Эрнест кивнул, убирая метку в нагрудный карман. Вспомнил про особенности ксенопсихологии. Произнёс:

— Вы совершенно правы, извините.

— Да, я прав, — коротко ответил лангус и, не прощаясь, взял старт с места. Довольно резвый для громоздкой конструкции. Через мгновение он уже растворился в толпе.

— Чёртовы креветки, — сплюнула Сога.

— Брось, они не худшие «гости», — заметил Эрнест. — Не говоря уже о том, что они в шаге от получения резидентства. И им сильно благоволят «хозяева».

— Знаю. И поэтому каждый раз чувствую себя как идиот.

Отделение продолжило патруль. Через какое–то время Эрнест разбил отделение на тройки. Привычное дело для города. Сога, Генрих и Марв отправились на параллельную улицу. Генрих должен был сдерживать вспыльчивую Согу и не очень–то сентиментального Марва. Пока было не время зажигать кучу дерьма, стоило вести себя по–обычному. Эрнест же взял Александра и Ленни.

Втроём они занимались вполне стандартными, хоть и жестковатыми в нынешних условиях делами. Предотвратили одно изнасилование (каплю в море), пустив подонков в расход на месте. Пару десятков человек отправили на депортацию. Из них четверть была откровенными рецидивистами (которые вряд ли явятся на сборный пункт и умрут в течение трёх месяцев), но ещё четверть — вполне приличными людьми.

Ещё полуотделение накрыло микробанду пушеров. Один решил посопротивляться, достал пушку и получил несколько независимо прилетевших лазерных разрядов. Тело пометили и оттащили в подворотню. Через пару часов его должна была забрать труповозка.

У ребят Генриха дела шли не менее весело. Их попыталась взять «на понт» местная мелкая банда. До поры до времени полуотделению было весело, но потом пуля попала в шлем

Марва, и он немного психанул, дав волю тяжелому вооружению. Пакет с обугленными останками пометили. Труповозка заберет и его.

Наконец, около четырёх дня они встретились на перекрёстке. У безымянной сосисочной. С учётом того, что должно было вскоре случиться, привлекать внимание к тому, кто продал силовикам еду и не отравил их, было несколько безрассудно. Поэтому — пара урдалебских жетонов, бойкий мальчишка. И вскоре по–хозяйски расположившиеся в скобяной лавке бойцы жадно поглощали сосисочные изделия.

Лэндинг: Поиск людей, пропал человек, пропал окапи, пропал урдалеб < … >

Заголовок: Пропала женщина! СРОЧНО!

Одобрено Хозяевами: да

ВНИМАНИЕ! Пропала женщина! ВОЗМОЖНО ПОХИЩЕНИЕ!

Голограмма. Женщина средних лет с очень холёным и холодным лицом. Фон вымаран, но по очертаниям можно догадаться — фото делалось где–то в деловых кварталах Старого Города.

Геностатус: человек

Гендер: женский

Голограмма. Женщина средних лет с очень холёным и холодным лицом. Фон вымаран, но по очертаниям можно догадаться — фото делалось где–то в деловых кварталах Старого Города.

Жилодин Валкуа, ревизор тридцати трёх стандартных лет, вышла вчера вечером из дому по деловой встрече в центральную Мыловарню и до сих пор не вернулась. Мисс Валкуа неоднократно отмечалась нашими премногоуважаемыми хозяевами, имеет ребенка и асакку на иждивении. Если вы хоть что–нибудь видели или слышали о ней — пожалуйста, сообщите нам!!!

< Комментатор1: ага, знаем мы ваши деловые встречи. кризис раннесреднего возраста, барахтается где–то на сиппаре и все дела. >

< Комментатор2: да видел я эту пизду. из–за неё нашу фирму закрыли, а сео отправился на рудники. то же мне блин невинная овечка >

< Комментатор1:может, не стоило модифицировать ядовитые железы кордулам? >

< Комментатор3:зачем материться???ужас твориться, да и только…….. >

<Комментатор2:ой, да чтоб тебя урдалеб ебал, подхалим>

<Комментатор4:Давайте, вместе пожелаем Каждому Творению Господню Самого Доброго, Мудрого, Верного Ангела–Хранителя на Все Последующие Годы Долгой и Счастливой Жизни!>

Владелец магазинчика, престарелый кряхтящий мужчина, благоразумно не стал протестовать. Повесил табличку «на обед» и даже предоставил горчицу. Мягкую, не особо острую, но отлично подходящую к сосискам из весьма условной «дикой» свинины.

Именно за поглощением которой Эрнеста неплохо накрыло. Вот снова ты, думал он, на условно дружественной земле. Снова — отделение, и снова ты жрёшь сосиски. Каждый день — возможно, новое убийство. И каждый день ни на каплю не приблизит какую–никакую, но победу. Так стоило ли двигать именно сюда? Может, проще было взять, и снова завербоваться в Корпус? Предлагали же «длинный» контракт…

— Шеф, что у нас будет за этот выход? — прервал его размышления Ленни.

— Не выдадут взыскания, а должно быть что–то ещё?

— Ох, Эрнест… Тут мне бы премия не помешала.

— Ты же подавал на материальную поддержку, разве нет?

— Да… малой болеет, много денег ушло на терапию от окапи. Сами знаете, сколько они дерут. А квартира за себя не заплатит.

— На самом деле, никому сейчас не помешает небольшая премия,

— Денег мало не бывает, — глубокомысленно заметил Александер,

— А тебе–то зачем? Ты же хартиец с правом постоянного проживания уже давно, нет?

— Хартиец. С рождения, — молодой боец откусил сосиску и продолжил с набитым ртом: — Но у семьи довольно старый дом в первой сабурбии. Плюс семейные долги. Либо я — либо никто. Там с работой довольно туго, сами понимаете.

Эрнест прекрасно понимал. Хоть жил и не в «спальном» пригороде, но тематика долгов была ему хорошо знакома. Даже слишком.

— А меня всё устраивает, — заявил Марв, проглотив последнюю сосиску. — Меня единственное что волнует, встречусь ли я с двоюродным братом. Всю семью я вытащил из этого дерьма под названием «Мыловарни». А его не успел.

— Он остался тут? — негромко спросил А. Н.

— Остался и верховодит какой–то мелкой бандой.

— Уточнял по сети, чем занимается? — азартно осведомилась Сога.

— Нет. Он вроде бы не в нашей зоне ответственности.

— В «братской»?

— Угу.

— Тогда не завидую ему, если он попадется. Без обид, просто замечание со стороны.

— Да какие там обиды, сестра.

Эрнест доел свой «кабанос», решительно прихлебнул тонизирующего напитка из фляги. Что бы не происходило сейчас, у него дела намного лучше, чем у многих из отделения. Эрнест А. Н. принадлежит только сам себе. И только от него самого зависит, останется ли он в довольно странной, но цивилизации. Или же вернется в пучину саморазрушения и самобичевания. Возможно, приятной, как в случае с Жанетт, а возможно, и опасной.

Но в любом случае — он зависит только от себя.

Коммуникационный модуль его шлема выдал тоновый сигнал. Диспетчер выходила на связь.

— Пятьсот первый на связи.

— Эрнест, — глубокий голос диспетчера был необычайно тревожен. — Доложи, где ты и в каком составе.

— Полное отделение, скобяная лавка «Вильдер и сыновья».

— Принято. Собирай отделение и начинай работать по плану «Солома». Ударные группы в Яме наткнулись на сопротивление.

— База, а что наши союзнички?

— У проходной станкостроительного вас будет ожидать девяносто пятое отделение «Сыновей».

— А «Гагана»?

— Они предпочли действовать полным взводом отдельно.

Эрнест выругался. Время рефлексии прошло. Пришло время железа.

— Не волнуйся, пятьсот первый. Если они нарушат соглашение — вы будете отомщены.

— Спасибо, ободрили, — проворчал А. Н. — Сколько у нас времени на выдвижение?

— Десять минут от силы.

— Принято, — Эрнест дал отбой и повысил голос: — Черти! Нас уже ждут маменькины сыновья. Дело запахло коричневыми запахами, скоро придется пустить в дело полирежимки. Две минуты вам на проглатывание жратвы. И всё, ходу, ходу! Бальтазар, — обратился А. Н. к хозяину, — не высовывай носа сегодня из магазинчика. Закрывай ставни. Сегодня будет жарко.

Удачи, а мы пошли.

— Она тебе понадобится, приятель, — хохотнул Марв. Бальтазар покачал головой.

— Ничего себе — отделение безопасников желает мне удачи. Теперь я обречен!

Кое–как, с матами, воплями и спорами, хот–доги были проглочены. Престарелый владелец получил свою скидку по страховке, отделение поело в спокойствии. Дальше была только неизвестность. Но большего никому в тот день и не надо было.

Станкостроительный район был самым нелюбимым местом Эрнеста во всей Мыловарне. С одной стороны — ветхие кирпичные бараки. С другой — сильно изъеденные временем цеха умирающего завода. Обширные окна били мальчишки, били вандалы. А денег на их замену уже давно ни у кого не было. Приходилось вставлять фанерки, куски полипласта и прочий мусор.

Это, как и серые бетонные заборы, очарования месту не добавляли. Скорее наоборот. Даже при свете всех трёх солнц тут было откровенно неуютно и уныло. Неудивительно, что место считалось гиблым. Даже местные асоциальные элементы обходили гниющий труп промышленности стороной. Только совсем отчаявшиеся обитатели копали тут червей для рыбалки или же срезали бледные грибы. И насыщавшие желудок, и приводившие к редкостным по проникающему в мозги дерьму «приходам».

У проходной (имевший такой же постапокалиптический вид, как и остальное предприятие) их отделение уже ждали. Группа в ярко–красной броне. Каждый второй по габаритам приближался к далеко не маленькому Марву, каждый первый — при бороде. Шлемы без забрал, их владельцы — без респираторов, баллистических масок или хотя бы очков. Топоры из чёрного сплава — на поясе. Поразительная наивность. Или же холодный расчёт владельцев. Которые предпочитали воспитывать культ ранений, но не тратиться на дорогое снаряжение.

Одно слово — «Сыновья Аякса». Редкостные позеры. Но очень дорогие и очень злые в бою позеры. О них часто говорили, как о психах. Но — неизменно с восхищением, ибо они были слишком психами для своего времени. А вот лет пятьсот назад — были бы как в своей тарелке, не сгибая спин и идя навстречу пулям.

— Эрнест, — представился А. Н. командиру смежной группы.

— Франсуа, — пожал руку рослый (как многие) бородатый (как все) «сын» с напомаженными и завитыми вверх усиками.

— В действие пошёл план «Солома». Искренне надеюсь, что в наших штабах он назван одинаково.

— Абсолютно, — кивнул Франсуа. — Я прекрасно понимаю, что нам предстоит. Заставим местных взяться за дубины, щёлкнем по лбу. Затем — накроем вылезших полакомиться тараканов.

— Будет кровь. Вас это не смущает?

Ответом Эрнесту был высокомерный взгляд.

— Сынов Аякса не смущает кровь, как не смущает дерьмо и запах пороха. А вас?

— Предпочёл бы обойтись без него, — склонил голову А. Н. — Но в текущей ситуации, мне кажется, это не удастся.

— Рад, что наши взгляды в целом совпадают.

Некоторое время они молчали, глядя на то, как бойцы проверяют оружие.

— Включим боевое сопряжение? — нарушил молчание Франсуа, подняв бровь.

— Почему бы и да, — хмыкнул Эрнест и кликнул на соответствующую кнопку наручного, «боевого» коммуникатора. Тоновый сигнал возвестил, что данные полились потоком в общую оперативную сеть.

Не то чтобы это было предусмотрено изначальным планом. Но что не запрещено — то разрешено. А в потенциально полностью враждебном районе любая крупица информации может оказаться жизненно важной. Вдобавок, каждый лишний ствол увеличивал расстояние от бунтовщиков до тела Эрнеста. Что последнего не могло не устраивать.

<передача данных прервана>

Глава 2.2. Часть вторая

Место: Мыловарни.

Локация: Площадь «Три угла».

Время: Среда, 16–30.

— Мы начнём «молоть солому» начиная с этого места, — деловито продолжил Франсуа. — Разобьёмся полуотделениями по параллельным улочкам. Начнём зачистку сразу же, с хода. Если ты работал, то знаешь — тут та ещё клоака. Есть кого ловить, и есть кому среагировать на тройку законников. Пройдёт немного времени до того момента, как местные взбунтуются.

— На совещании мне сказали, что союзники предусмотрят точку отхода.

— Она есть. Опорный пункт разорившейся службы безопасности. Участок девять, опорный пункт тринадцать. Сразу за окончанием Пыльника. Здание законсервировано нашими спецами, сразу как только передали зону ответственности.

— Обычно это говорят про коробки, из которых вынесено всё, кроме камня.

— За этим приглядывали. Наши прикормленные инженеры, по отдельному договору. Коммуникации ещё работоспособны, стены сделаны из полибетона. Часа три осады выдержим, а больше и не потребуется, камрад.

— А если нас продавят до того, как мы прорвёмся к точке?

— Если всё пройдёт как надо — не продавят, — заметил Франсуа и помолчал. — Вдобавок, у тебя есть солдат с флогистонатором. У меня есть Анри, его лазпушка пробьёт толпу любой обозримой величины.

— Лазпушка хороша для пробивания танков или ДОТов, тут бы скорее пулемёт был полезен.

— Или плазмаган, — согласился «сын». Но ни того, ни другого мне не выдали. Хорошо ещё, что в полирежимках есть кинетический режим. Он, знаешь ли, помогает держать толпу в тонусе.

Эрнест кивнул. Вид и ощущение дроби в животе охлаждали многие горячие головы. Но благоприобретенная паранойя всё так же свербела где–то в районе копчика.

— Франсуа, не сочти за бестактность…

— Говори.

— Вы не носите ничего, закрывающего лица.

— Нам это ни к чему. Мы не боимся узнаваемости и мстим за своих.

— Меня волнует не это. Ты не боишься, что кто–то из

оппонентов достанет био–оружие или старый добрый перечный газ?

— На этот случай у нас есть ранец, который отфильтровывает воздух и подает чистый в ноздри. Через эту крохотную трубку, — Франсуа показал её двумя пальцами. — Сомневаюсь, что она нам пригодится сегодня. Не факт, что мы вообще встретим какое–то сложное оружие сегодня.

— Мыловарни — место неприятных сюрпризов, — покачал головой Эрнест.

— Ты на что–то намекаешь? — насторожился «сын».

— Ни на что. Но думаю, твоим ребятам лучше быть настороже. И не выпускать трубки из носа. На всякий случай. Хотя бы чтобы не кашлять от газовых гранат. Сам знаешь, они набиты редкостным по отвратительности составом.

— Ты прав, — медленно кивнул Франсуа. — Прикажу доснарядиться. А то мои орлы бывает, слишком шикуют идти без очков. Чего говорить про трубки.

— Они у вас есть в комплекте снаряжения? Ну, очки, без обид.

— Есть. В особых случаях, но есть. Правда, многие слишком близко к сердцу принимают наши воинские стандарты. Знали бы они, сколько глаз спасли банальные очки… а уж прицельных моноклей сколько. Отделение, приготовиться! — поднял голос «сын», а через секунду сам сорвался с места, сдернув автоматический дробовик.

— Не понял… — начал было Эрнест, но через десять секунд коммуникатор запищал.

— Пятьсот первый, ударная группа вошла в контакт с обитателями Ям. Интенсифицируйте операцию.

— Принято, база, — буркнул А. Н. Его короткого взгляда хватило, чтобы отделение сдернуло оружие с плеч, откинуло папиросы и собралось в неровный строй. — Моя огневая команда идёт по параллельной улице справа. Генрих, ты по параллельной улице слева.

— Тебя справа никто не прикроет, командир. Может, махнёмся?

— Нам пройтись четыре квартала до точки. К тому же ты почти француз, тебе с ними проще общаться.

— Шеф, ну какой я француз?

— Сам поймешь, когда к тебе будут обращаться «Анри», — усмехнулся Эрнест. Отделение хохотнуло. Союзники покосились, и мрачнее всех — выделявшийся даже из «сынов» гигант с переносной лазпушкой. — Шутки в сторону. У нас есть прикрытие, но сами знаете — лучше надеяться только на себя. За

работу!

Лэндинг: Вестник ОБОРОНЫ!
Заголовок: КАК нас могут ВЫСЛАТЬ
Одобрено Хозяевами: нет

Многие из вас, перцы, не читали договор об иммиграции, прежде чем попасть сюда. Чёрт возьми, да я и сам не читал! Нет пункта об обязательном праве первой ночи — на том и спасибо. Но вообще, перцы мои, не удивлюсь, если бы желающие переехать соглашались и на это.

А потом бы выли, что их тухлую вену пропарывает инопланетный шприц, если вы понимаете о чём я.

<начинает играть пафосная симфоническая музыка>

Ведь нас могут выслать на благословенную и сияющую прогрессивную Метрополию (да взорвутся чирьи на жопе её владельцев) за кучу совершенно надуманных вещей.

Отсутствие работы — а где её найти, если проклятые нелюди её занимают?

Преступления против личности — а как их не совершать, когда каждый второй мудак или чудак?

Распространение наркотиков — ну это совсем смешно. Ну вырастил делянку фазиса, ну поделился килограммом с соседом — с кем не бывает? Кто в этом самим Богом проклятом Вавилоне не страдает от того, что вовремя не принял энное количество эмне? Вы знаете таких? Я тоже.

Нет, нет, нет. С нами, перцы, этого быть не должно. Как? Рецепт прост. Когда по вашу душу начинает шагать эсбэ своими бронированными чёрными ботинками, перцы,

<ОШИБКА ЧТЕНИЯ. ЛЭНДИНГ ЗАБЛОКИРОВАН ХОЗЯЕВАМИ. РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАТЕРИАЛА БУДЕТ ВЕСТИ К ПОСЛЕДСТВИЯМ>

Безопасники, кряхтя, разбежались по улицам. Пару раз пришлось отпихнуть очень назойливых проповедников — «омёл». Последний из них был не сильно навязчив — и тем весьма типичен. Старик с обнаженным торсом. При виде его мускул половина сынов Аякса удавилась бы на месте. Кожа — покрыта густой сеткой зелёных побегов, напоминающих вены. Он издали заметил безопасников. И уже взяв старт с места завопил:

— Слияние! Слияние, славные воины, возвысит вас на те

вершины, на которые никакая мёртвая броня не сможет! Не бойтесь, сыны мои, Партнёры никогда не захватывают разум! Я, Борбад Виклейф, клянусь вам…

— Молчать! — рявкнул Эрнест, сощурив глаза и вздёрнув винтовку. Он никогда не любил разумных паразитов. — Вы не имеете никаких прав в этом городе. При любой подозрительной деятельности вы будете уничтожены на месте.

Проповедник остановился, как вкопанный. Тихо рассмеялся. Покачал головой, развернулся.

— Не имеем… Мой Партнёр сообщает, что это ненадолго.

Безопасники переглянулись. И не отпускали полирежимки всё то время, пока омёла не ушёл за угол.

— Это ещё что было? — с расширенными глазами спросил Александер.

— Что–то новенькое, — усмехнулся Ленни. — Обычно они даже не пытались говорить, будто изменят свой статус.

— Потом разберемся, — бросил Эрнест. — Для этого есть соббезопасники. А нам пора «молоть солому».

Местным обитателям оставалось только шарахаться, увидев пыль столбом, костяную броню и весьма мрачных её обладателей. Которые сразу, с начала следующего квартала, принялись проверять всех, кто был хоть немного подозрителен. Каждый первый был если не с кинетическим пугачом, так с ножами, и если второе ещё было разрешено, то первое нередко было нелицензированным. А то и вовсе — ворованным. Как например у этого неприметного мужичка. Которого зачем–то «свинтил» Ленни, полагаясь на какие–то свои внутренние инстинкты.

— Шеф, — присвистнул Ленни. — Проверь, у меня сбоит имплант или всё верно?

Эрнест подошёл. Принял пистолет, включил командирский модуль очков. Умное железо «схватило» невидимые метки, и на их основе восстановило номер. Ещё секунда — и А. Н. пришлось поднять брови.

— Сколько–сколько трупов?

— Хо, значит это не глюк. Мужик, ты где три десятка людей успел положить, а?…

Задержанный как–то поник головой, слушая шутки Ленни, затем резко вздернул голову и руки. Эрнест сработал, не думая. Уронить пистолет куда–то за спину. Вздёрнуть полирежимку, всадить три заряда дроби на упреждение. Куда придётся. Подойти, убедиться, что из обмякших рук подозреваемого выпал двуствольный «дерринджер», облегченно вздохнуть. Но тихо. Хотя даже если бы и громко — улицу объял хаос. Прохожие стремились убраться с глаз долой, лавки и подъезды хибар

запирались. Отдельные личности прятались в редком кустарнике.

Одним словом, дробовой ствол сотворил чудеса.

— Вот уж повезло, так повезло, — выдохнул Ленни, опуская винтовку. Даже если у несостоявшегося убийцы были сообщники — они предпочли воспользоваться паникой.

— Я бы так не сказал, — вздохнул Александер, поднимаясь с колена. Его универсальный сканер уже прятался в наплечник.

— Что–то не так?

— Это Джимми Два Шага. Радужка совпадает, отпечатки совпадают. За его живую голову давали три тысячи жетонов или одну большую «бусину». Не торгуясь.

— А за мёртвую?

— Тысяча.

Опустевшая улица выслушала короткие матерные тирады.

— Ну так что, оставим труповозам тело? — осведомился Александер.

— Которому отпилят голову ещё до их приезда? — заржал Ленни.

— Вот уж дудки, — буркнул А. Н. — Зря мы, что ли гермопакеты таскаем? Заполним инертным газом и закинем в «сидор». Доставайте ножи. И не забудьте руку.

— А радужка на что?

— Вы не хуже меня знаете бюрократов. Им только дай волю затянуть выплаты. Перестрахуемся.

Длинный «колониальный» нож, несколько коротких ударов. Кровь на костяном цвете, переругивание. Круглые глаза выглядывающих из замызганных, запыленных окон. Вскрики ужаса из кустов. Эрнесту было плевать. Атмосфера давно должна была разжечься, и лучше уж они слегка поднимут денег перед тем, как всё запылает.

А вот короткие очереди с соседних улиц — сухие лазерные и гулкие дробовые — его совсем не радовали. Оставалось только надеяться, что с жестью соседи не перемудрили. И продвигаться вперёд. По вымершим улицам. Два квартала они прошли спокойно, не встретив ни единой живой души. Только бешеная псина попыталась укусить Ленни за икру. И получила выстрел в упор.

— Ну и зачем? — осведомился Эрнест.

— Шеф, вы когда–нибудь получали уколы от бешенства?

— Брось, уже давно есть специализированные биотики.

— На них может, офицерская страховка и распространяется. А рядовая — чёрта с два. Поверьте, я уже испытал на своей шкуре.

Эрнест пожал молча плечами, увидел расширившиеся глаза подчиненных. Дернулся в сторону, но не успел. В спину прилетел

суровый заряд, по ощущениям — дроби вперемешку с солью. Пришлось лететь лицом в пыль. И слушать, как сверху раздалось три выстрела. Один гулкий дробовой и два сухих разряда. Пауза, дребезжащие ругательства и стон. Отряхиваясь, он увидел старика с растрепанными волосами, сжимающего дымящееся бедро. Его древнее ружье лежало рядом, с медленно тускнеющим багровым пятном попадания.

— Чёрт вас дери, что это было? — в пустоту заорал А. Н. Хотелось добавить кое–что про добычу, но её он очень предусмотрительно отдал Ленни.

Который, в свою очередь, с вытянувшимся лицом опускал полирежимку и глядел на происходящее широко распахнутыми глазами.

— Вы убили Дженни, — всхлипывая, заявил старик. — Вы убили пса моего сына… Он мне ни за что не простит, когда вернётся.

— Откуда вернётся, отец? — спросил сердобольный Александер, пока Эрнест пытался определить место попадания, а Ленни — возможность дополнительного нападения.

— С восьмой экспансии. Он у меня герой. Жена не дождалась, Дженни не дождалась, вот и, наверное, я не дождусь.

Безопасники переглянулись. Восьмая экспансия закончилась десять лет назад шумным провалом.

— Знаешь что, отец, — неожиданно для себя начал Эрнест под внимательными взглядами подчинённых. — Я сам с экспедиционного корпуса. Чиркану сослуживцам, они передадут весточку твоему меньшому.

— Правда? — поднял заплаканные глаза старик. Сердце А. Н. впервые за долгое время горько сжалось. Примерно так же на него смотрел отец на пороге дома престарелых. Перед тем, как Эрнест навсегда его покинул.

— Обещаю, отец. А сейчас бери ружьё, запрись в самом дальнем угле и никому не открывай сутки. Сможешь?

— Смогу, молодой.

— Вот и славно. Ноги в руки и бегом, прочь с улицы!

Безумец всхлипнул, взял на руки труп собаки и ушёл в дом. Едва дверь закрылась, Эрнест скрипнул зубами и прошипел:

— Не так я хотел запалить солому.

— Оно никогда не бывает «так», командир, — философски заметил Александер.

— Знаю, — грубо отрезал Эрнест. Прислушался к ругательствам французов. Языка он не понимал, а вот интонации — вполне. Махнул рукой: — Быстро, рывком, проходим последний квартал и обходим точку рандеву. «Сынов» прижали.

— Обходим точку чего? — уточнил Ленни

— Не сейчас! — на ходу крикнул А. Н., срываясь с рысцы на бег.

Через три минуты он миновал звуки довольно яростного боя. Ещё через три — выскочил на площадь у бывшего опорного пункта. Бросив один взгляд на мёртвое здание участка, жестом подогнал команду, и наконец, вышел в тыл противников. Мысленно содрогаясь от низких звуков. Бьющих по барабанным перепонкам и напоминавших старинное развлечение мальчишек, любящих бить по большому куску жести. Словом, явно напоминающих звуковое ружье окапи. Откуда ему быть в забытых всеми богами районах?

Итак. Баррикада. Довольно грубая — старый мобиль в центре, груды хлама по бокам. Защищает её толпа, одетая бедно, но когда–то чисто (до того, как вокруг пошли облака пыли от выстрелов и разрывов). На руках красные повязки рабочей дружины. Которой запрещено владеть автоматическим оружием, на минуточку. На лицах, кстати, тоже какие–то повязки — они не до конца защищают от сизеватого газа. Но позволяют стрелять. А джентльмен в сильно потёртой десантной броне «городской» расцветки и вовсе имеет респиратор. И именно он палит с ружья палочников.

— Служба безопасности Агни Корп, всем опустить оружие! Считаю до трёх!

— Офицер, слава богу! Эти лягушатники… — начал «джентльмен», повернувшись к Эрнесту. Но не опустив ружья.

— Три!

— Мистер, мы просто защищаем свой район!

— Нападение на службу безопасности с использованием запрещенного вооружения! Два!

— Чёрт возьми, мы же люди, а не проклятые чужие!

— Один!

— А хрен с тобой, — потряс головой вожак и поднял ружье. Но не успел дотянуться до спускового крючка.

Лэндинг: Чёрный листок

Заголовок: Бойня в Мыловарнях

Одобрено Хозяевами: да

Наши корреспонденты сообщают о многочисленных вооруженных столкновениях в Ямах и Мыловарнях.

Вы не ослышались — спокойный, но очень бедный квартал просто взорвался, когда масштабы выданных ордеров на депортацию превысили все разумные и неразумные пределы. К сожалению, не осудить бедняг не

могу, поскольку по нашим сообщениям, в столкновениях с обеих- именно с обеих! Сторон применяется высокоэнергетическое оружие.

Похоже, дела принимают скверный оборот для всех вовлеченных! Наш биобот только что заснял судебную казнь, применённую сотрудниками «Гаганы», взгляните на ваш экран.

Медленно плывущая панорама уже кое–где дымящихся Мыловарен.

У облупленной кирпичной стены в ряд выстроены пять человек. Безопасник в цветастой броне по очереди подходит к каждому. Говорит короткую речь. Пускает лазерный разряд в голову. Когда линия заканчивается, патруль безучастно продолжает движение, даже не делая попыток как–то убрать трупы с дороги.

— Зрители! Вы только что видели судебную казнь! Это только одна из многих, производящаяся сегодня в Мыловарнях «Гаганой» и многими другими участвующими СБ!

Нарезка коротких видео. Люди в бледно–бежевом казнят одиночного гражданина, бородатые люди в алой броне стреляют по толпе, очередные казни «Гаганы».

— Как нам сообщают многочисленные свидетели, в ходе операции в Мыловарнях пострадало рекордное количество хартийцев! Около трёх тысяч человек ранены из–за беспрецедентной плотности огня служб безопасности! Количество приговорённых к высылке людей, согласно данным автоматизированной системы оповещения, достигает нескольких тысяч! <…>

<комментарий аналитика к.: я оцениваю вероятность усиления сопротивления после данного сообщения как 85%. возможно, стоит известить кураторов>

<комментарий аналитика р.: не стоит считать кураторов идиотами. поведение лэндинга укладывается в разработанную заранее программу.>

Александер и Генрих догнали Эрнеста, оценили обстановку и сфокусировали огонь именно на «джентльмене», а не на слегка контуженных боем дружинниках. Звуковая волна ушла в небо. Очередь разрядов — в ближайшего, нацеливающегося из древнего кин–автомата. Одиночный — в приготовленную батарею «Молотовых». Отвлечься от пылающих, словно спички, людей, спрятаться в глубоком дверном проёме. Пустить несколько

одиночных, заставляя пригнуться защитников баррикады. Решиться на рывок в ближний огневой контакт. Услышать слитный грохот, после которого в воздухе стоит такая взвесь, что пора переключать прицел на универсальный режим.

И обнаружить, что завал исчез. А на его месте — разбросанные дымящиеся ошмётки из железа, дерева и пластика.

— Команда, доложиться!

— Цел, — буркнул Ленни.

— Попадание в грудь, цел, — отрапортовал Александер.

— Вторая команда, вы как?

— Выходим к вам, шеф, — неожиданно бодро отрапортовал Сога. — Наткнулись на мародеров–джосеров.

— Проблемы?

— Броню оцарапали мне и слегка обуглили.

— Обуглили?

— Да сбили с ног и стали кусать. Ну Марв их и окатил с флогистонатора. От пепла до сих пор отряхиваюсь.

Эрнест кивнул. Второе отделение соединилось с «сыновьями», двое из которых тащили волоком третьего. Они уже были в зоне видимости глаз. Что ж, пора узнать, что с группой Франсуа. Безуспешно вызвав несколько раз, А. Н. пошел искать. Наткнулся на труп в алой броне. Грудной элемент — проломлен, лицо изувечено, то ли осколком, то ли пулей. Ещё пять шагов сквозь оседающую пыль — и умный прицел помечает шатающуюся фигуру: «Франсуа Гийон, код 18–301».

«Сын» с громкими ругательствами снимал баллистические очки. В левом окуляре Франсуа торчала винтовочная пуля, левый наплечник — смят и улетел следом. Видимо, тоже попал под удар «джентльмена».

— Как ты? — осведомился Эрнест, помогая избавиться от бесполезного элемента и бегло осматривая союзника на предмет повреждений.

— Merde, — прошипел тот. — Один из отделения холодный, второй тёплый. Лежит за вторым углом от меня, если не истёк кровью.

— Не истёк, камрад, — сообщил Генрих, осматривающий поле боя. Он помог встать немаленькому «Сыну». Француз отдавать полирежимку отказывался напрочь, но болевой шок мешал думать. Так что и опереться на приклад для более быстрого подъёма он не желал решительно.

— Что случилось? Чего вы не вызвали биоботов?

— Вызвали. Сам помнишь, их время реагирования не мгновенное… tu me fais chier, сам же видишь, что у них тут оказалось. Увидели дружинников, осведомились, какого чёрта у

них автоматы вместо разрешенных дробовиков. Слово за слово, начали оформлять, а тут вылез тот enculé и принялся размахивать ружьём. Шарль даже не успел ничего сказать, как получил в упор.

— Двигаемся к участку. Мне не нравится происходящее, — предложил А. Н. и, дождавшись кивка, повторил приказ в рацию. Фигуры в красной и костяной броне рассредоточились вокруг площади. Не хватало трёх «сыновей» — двое раненых и, видимо, один остался сторожить. Логично. Но понимание, что лазерная пушка сомнительных союзников смотрит в спину, не добавляло уверенности Эрнесту.

— А мобиль?

— Выгнали из проулка сразу после первых выстрелов. Всё у них, блядь, было отработано, до последней мелочи. Но всё–таки понять не могу, на что они рассчитывали.

— На моё вмешательство, — буркнул Эрнест. — Вы находитесь в зоне ответственности Агни Корп.

— Ровно до конца квартала, — напомнил Франсуа, ковыляя к площади.

— Знаю, — бросил А. Н. Помолчал и осведомился: — Как твоя вторая команда? У них один раненый.

— Оглушён «трубкобомбой». Сейчас зальём ему рассечения биогелем, а в участке закатаем ему тонизирующего, очухается в течение часа.

— Главное, чтобы у нас этот час был, — пробормотал Эрнест, остановившись как вкопанный перед входом в участок.

Из тёмного прохода на него смотрело сразу штук пять стволов. Один из которых начал разгораться тёмно–синим.

— Дерьмо только что поднялось нам под подбородок?

— Кажется, так, — согласился Эрнест, вскрикнул: — Отделение, ложись! — и бросился в сторону.

Глава 2.3

Место: Мыловарни.

Локация: Бывший опорный пункт «9–13».

Время: Среда, 18–25

Это был самый длинный полёт Эрнеста боком. Не считая взрыва фугаса под БМП год назад и матча с соседним двором, где А. Н. стоял на воротах. Пятнадцать лет назад. Но этот, пожалуй, брал деталями. Прыжок вышел зрелищным и длинным — по ощущениям, все три метра. Желтая городская пыль набилась во все щели, рот и глаза. Стоило ли оно того? Несомненно.

Взрыв плазмы раскидал пару «сыновей», и остальные бойцы давно привычными движениями ущли с биссектрисы, к стенкам. Эрнест же рывками спрятался за каким–то обломком, приземлившимся близко к нему после взрыва. Идея была довольно тупой — кусок бетона скрывал разве что его голову и плечи, но командиру отделения было плевать.

Ведь открытую площадь стали откровенно поливать огнём. Защитные ставни на окнах по сторонам от входа откинулись, и неведомые пока стрелки, не обращая внимания на лежащего пластом Эрнеста, наконец появились. Они не прятались, скорее наоборот — стояли в оконных проемах. И, выставив короткие автоматы, принялись беспорядочно палить по рассредоточившимся безопасникам.

У которых, на удивление, не было потерь. Почти. Лежащий в «слепой зоне» Эрнест уже проверил тактические значки. Один легкораненый, ещё одна метка (несчастливчик из той пары) почернела. Труп. Но остальные — в норме. Видимо, изредка воющие разряды плазмы летели куда угодно, кроме цели. Впрочем, неудивительно. Плазменная винтовка — вещь для специалиста. А судя по татуировкам и кричащим аксессуарам, перед ними всё–таки была банда.

Которой не хватило трёх секунд выдержки, чтобы пустить по ветру два, пусть и поредевших, но отделения серьёзных служб безопасности. Не хватило — и группы прижались к стенам или залегли за чем придется, успешно срезая смельчаков, пытающихся высунуться из окон второго этажа.

— Откуда они тут?! — орала вовсю Сога. Где–то на фоне звучали бранные слова на французском. Дисциплинированные «сыновья» не лезли в эфир, но дали оторваться душе.

— Ленни! Генрих! Газу в окна, каждый к ближнему! — прошипел Эрнест в гарнитуру. К счастью, её чувствительности хватило для дешифровки. Он заметил, как его ребята стали

отвинчивать крышки газовых гранат. Времени терять было нельзя. А. Н. снял, отвинтил крышку у своей гранаты и закинул прямо в проход. Через какое–то время выстрелы стали редеть, хотя некоторые, наоборот, участились. Видимо, респираторы.

— Франсуа! Выводи ферзя!

Командир «Сыновей» не ответил, но вскоре ядовитый туман прорезала яркая вспышка. Где–то в стороне входа раздался грохот. Затем ещё одна. Из окна над Эрнестом перестали стрелять. Третья. Окно над Франсуа замолчало. Каждый разряд сопровождался шипением и глухими вскриками. После четвёртой ответный огонь ослаб настолько, что рычащий Марв, наконец, смог подобраться к баррикаде (получив всего пару попаданий) и запустил адскую машину.

Флогистон со звенящим щелчком вышел на рабочую мощность. Вскоре специалиста по тяжелому вооружению и внутренности участка на секунду отделял лишь конус взбесившихся частиц воздуха. Превратившихся из вонючего, забитого пылью газа в тёмно–алую, с переливами в синий, чистую плазму. Ещё секунда — и всё затихло, И выстрелы, и боевитые вскрики. От всей «входной группы» остались лишь обугленные осколки и оседающий на горелый кафель пепел.

Вылезшие было с верхних окон по пояс молодчики мгновенно спрятались. Впрочем, Анри всё–таки дал два разряда прямо в захлопнувшиеся ставни. Судя по крикам, один выстрел даже оказался точным. Выстрелы стихли, только в глубине здания раздавался беспокойный топот.

— Откуда тут чёртовы бандиты? — заорал Эрнест безо всяких предисловий, быстро подходя к Франсуа. Генрих было бросился наперерез, но вовремя вспомнил — пока командир орёт, он не нарушит любое соглашение. А ледяного спокойствия пока не наблюдается.

— Не знаю, — мрачно отрезал Франсуа. Красную кирасу отмечали несколько свежих попаданий.

Эрнесту оставалось только глухо выругаться.

Лэндинг: Чёрный листок

Заголовок: СТРИНГЕР в зоне БОЙНИ!

Одобрено Хозяевами: да

Аналитическая программа. Трое приглашенных гостей спокойно обсуждают рост потерь гражданского населения и аккуратно спорят о масштабах депортационных мер. В какой–то момент ведущий прерывает их всех. Камера фокусируется на его фигуре.

— Мы вынуждены прервать аналитическую

программу ради срочного включения нашего внештатного журналиста Джонни Мэша! Джонни, что у вас происходит? Где вы?

Смена кадра со сфоркусированного и выверенного на пляшущий. Камера охватывает нервного и сильно небритого мужчину. Он — где–то в помещении, верхнюю часть кадра занимает деревянный подоконник. Слышны звуки стрельбы — треск лазерных разрядов и хлопки кинетического оружия.

— Студия! — надсаживается журналист. — Я нахожусь между культурным центром и законсервированным участком девять–тринадцать! За последний час количество столкновений увеличилось многократно! Десять минут назад под моей точкой съемки прошли трое татуировнных мужчин с чем–то, сильно напоминающим лазерные ружья! Местные жители стараются не высовываться в оконный проём…

— Вы можете нам рассказать, какого рода татуировки были? — бесстрастно вмешивается голосом один из гостей студии.

— Скандинавское плетение с чем–то розовым! Простите, студия, не было возможности увидеть точнее!

— Скорее всего это «Северная Фудзи». Банда средней численности, контролирующая около семи борделей на севере Мыловарен, — бесстрастно комментирует аналитик.

— Я не знаю, насколько она небольшая, но вооружены они были поголовно! И возможно, скоро у культурного центра начнётся бойня! Я видел, как туда направились два отделения «Гаганы» в полном штурмовом вооружении!

Камера неожиданно опускается. Слышен дребезжащий женский голос:

— Милок, панкейки будешь? Настоящие, не какая–то синтетика!

— Бабуля, ты же знаешь…

Разговор прерывает длинная очередь. Камера падает на пол и выхватывает спокойную старушку с чайником.

— Джонни! Джонни! У вас всё в порядке!

Журналист трясущимися руками молча поднимает камеру и направляет её в окно. Безвкусно одетый подросток беспорядочно стреляет куда–то вправо, за кадр. Он держит винтовку у бедра и, похоже, совершенно не волнуется за точность. Через пару секунд

присоединяется ещё тройка его соратников, действующая примерно так же.

— Какая–то молодежная банда, — спокойно комментирует за кадром гость студии. — Мы видим её типичное вооружение — древние кинетические винтовки и холодное оружие. Джон, мы не рекомендуем выходить и брать интервью. Бандиты могут находиться в состоянии наркотического опьянения.

— И не собирался, — шепчет Джонни и снова роняет от резкого звука камеру. Кадр засвечен синеватой вспышкой, и вскоре трещащий звук сгустка плазмы перегружает звуковой канал информации. Камера поднимается. От группки бандитов остается только тёмное пятно и мелкие алые кусочки, замаравшие соседние стены.

— Плазменная винтовка? — деловито осведомляется первый аналитик. Второй издает утвердительный звук. Камера снова направлена на покрывшегося холодным потом журналиста, но он ничего не успевает проговорить.

— Держи чаю, когда ты ещё его попьёщь? Эти хулиганы могут попасть в окно и пробить чайник, так что пей, милок.

— Подтягивай своих, — решился А. Н. Пока француз слегка не в себе, лучше установить определенную вертикаль подчинённости. Тем более, что «костяных» на ногах побольше, чем «сыновей». В тылу они в большей опасности, чем в ударном кулаке. База, пустите дрон–разведчик и сразу за ним — дрон–охотник.

— Принято, пятьсот первый. Определенные цели есть?

— Сканировать здание бывшего опорного пункта девять–тринадцать, охотник в режим ожидания.

— Ожидайте, — бесстрастно сказала диспетчер.

А из коридоров полезли опомнившиеся враги. Неточные выстрелы защелкали по стенам и полу, наконец, попав в грудь Эрнеста. Он откинулся, но этот выстрел биомышцы смогли выдержать. И именно это конкретное попадание взбесило теперь уже бывшего экс–комбатанта.

— Не дайте выйти им из коридора! — зарычал в рацию он и, переключив полирежимку в режим дробовика, побежал вперёд, в свою стихию.

Безумный ближний бой.

Пять метров казались Эрнесту одним шагом. Он не обращал

внимания ни на бешеные лазерные разряды слева, валящие паникующих бандитов, ни на длинный лазерный разряд справа. Не обращал он внимания и на попадания в упор — всё, кроме лазеров и точных попаданий в шею, было ему не страшно. А попадать точно враги не могли.

Короткая остановка, выстрелить в ближайшего противника. Переключиться на лазер, длинной очередью зачистить помещение, чудом разминуться с пулями. Пройти ещё четыре шага, получить очередь в грудь, упасть. Открыть тем самым линию огня и позволить торжествующим противникам умереть. Встать, не слушая вой искусственных мышц, увидеть через «око» прячущихся в кабинетах врагов с автоматам. Громко топнуть и отойти чуть назад. Отработать лазером по тем, кому хватило отваги и глупости всё–таки выйти на середину коридора. Остальными займётся прикрытие.

Перешагнуть трупы, заметить в конце коридора смутные тени, три выстрела. Пройти дальше, получить дверью в лицо. Убить первого, дробовой разряд в живот, ударить второго прикладом. Позволить ему зацепиться за приклад, оставить с мощнейшим электрошокером наедине, отпихнуть пистолетный ствол в потолок. Выдвинуть наручный клинок, ткнуть во что–то мягкое. Отпихнуть обмякшее тело. Услышать глухой стук за спиной. Обернуться, готовясь к худшему.

— Ну берсеркер, как есть, — проворчала фигура, с хрустом вытаскивающая топор из спины выбежавшего чёрт знает от куда подростка. С пистолетом. Броня — покрыта алым сплошным покровом. Кровью, не защитной краской. — Убежал так, что пришлось самому снимать топор с пояса. Ты только, камрад, винтовку забери. Клиент твой уже загнулся.

Эрнест тяжело дышал. Кровь гулко стучала в ушах, когда он забрал винтовку из одревеневших рук. Стучала и тогда, когда он разряжал остаток магазина (всего два выстрела) в голову уже мёртвым бандитам.

— Накрыло? — спокойно осведомился Франсуа, глядя куда–то наверх.

— Да. Дальше будет без проблем. Вне боя.

— Надеюсь, — покачал головой «сын». — Дрон прилетел. Тебе лучше взглянуть.

А. Н. отбил жестом по руке. Умный «монокль» принялся строить трёхмерные линии перекрытий и стен здания. Затем — линии предположительно мирных, загнанных в несколько изолированных очагов. Ещё через секунду — фигуры врагов. Две дюжины. Многовато.

— Надо вызывать ударную группу, — протянул «сын».

— А заложники? Раньше войдем — больше вероятность, что кризис разрешится быстро.

— Камрад, моих целых осталось трое. Включая меня и Анри. У тебя один тёплый, у меня два. Как будем связывать их боем?

— Быстро. Восемь на две дюжины — даже двухкратного преимущества нет. Чую, не перебьем их сразу — придут их дружки.

— Пятьсот первый, наш дрон засёк сигнатуры VIP-персоны. Запрещаю отступать без прямого приказа. Как слышите?

— Слышу вас отлично. Принял, — Эрнест оборвал связь и смачно, от души высказал всё, что думает о диспетчере. — Ты всё слышал?

Франсуа поморщился, но кивнул.

— Анри, тащи подранков. Нужно продвигаться.

Эрнест жестом подозвал к себе Согу и Марва. Следующим жестом велел идти максимально тихо. Девушка сразу перешла на мягкий шаг, гигант — перехватив поудобнее флогистон. Остальная часть группы, прикрывавшая вход и осматривающая помещения, тоже притихла. Но Франсуа, понявший что к чему, наоборот, приказал шуметь. Пусть банда думает, что тупые безопасники решили окопаться. Им же хуже. Он выдвинул из наплечника «червя» — гибкий нейроскоп, созданный как раз для таких ситуаций. «Червь» полз вперед, а команда, принимавшая картинку на очки, тихо следовала за ним.

Когда огневая группа поднималась, оборонявшая баррикаду пятерка вовсю прислушивалась к шуму. При этом на проход смотрели постоянно только двое. Некто с замашками бывшего военного и громила за крупнокалиберным пулемётом. Миллиметров пятнадцать злой и неповоротливой стали. Самое то для узких проходов. Особенно — узкого прохода напротив единственной лестницы.

Показать жестом про светошумовую и полторы секунды выдержки. Приготовиться морально к шуму и свету — их очки и демпферы погасят, но не до конца. Дождаться броска гранаты. Услышать вскрики, встать так, чтобы едва выглядывать над верхней ступенькой. Быстро, по зафиксированным «червём» позициям, отработать лазером. Увидеть, как пулеметчик характерно сжал руки, упасть на ступени. Услышать гулкий хлопок и ощутить кусок чего–то липкого. Шкурой понять, что Сога не успела, а пулеметчик всё–таки выпустил гашетку. Встать, добить остатки, войти в предбанник вместе с забежавшими остальными бойцами. Пятнадцать секунд времени.

Яростный крик, который не могут сдержать демпферы. Это Марв. Медленно перезаряжающиеся древние лазвинтовки бьют в

штурмовую кирасу, не пробивают. А флогистон даже не думал выключаться. Плазма гуляет по стенам, ветхой броне противника, счищая всё, до чего может дотянуться. До чего не дотягивается — заставляет с шипением и треском испаряться. Марва нужно прикрыть. Франсуа вовсю лупит из автодробовика по группе из правого коридора, но его мало. Поднять наконец поливинтовку, срезать заходящего со слепой зоны бандита. Понять, что батарея села, переключиться на дробь, выстрелить в упор. Отбросить пустую батарею, перезарядиться свежей. Переступить через остатки трупов и наорать на Марва.

— Остыть, боец!

— Шеф, я их просто так отсюда не выпущу!

— Я сказал, блядь, остыть! Взорвать нас всех хочешь?

Марв остановился и опустил ствол, у которого начинали дымиться катушки. К счастью — в шаге от прохода. Через пять секунд пули сначала полетели именно в проем, а когда идиоты по ту сторону додумались попытаться прострелить в стену, здоровяк успел повернуться грудью и сбросить флогистон на пол. Ослабленные пенобетоном пули откинули специалиста по тяжелому вооружению к стене, но выбили только дурь, десяток ругательств и зуб с добрым куском щеки. Сегодня «Агни Корп» сильно везло.

Франсуа рывком подбежал к оцепеневшему (ярость боя сменилась оцепенением) гиганту, получив свою долю пуль, и дернул назад, где Эрнест срывал отказывающего «червя». Пуля повредила наплечный контейнер, и теперь нейроскоп только мешался. Вырвать с корнем, бросить под ноги. Крикнуть в коммлинк:

— Отделение, вы где, чтоб вас поперек за горло!

Выстрелы за стеной резко участились (в звуки примешались трески лазера), а затем так же резко — заглохли.

— Не боись, шеф, — коротко бросил Генрих и Эрнест услышал его голос где–то близко. Вскоре его заместитель вышел из опасного ранее проёма вместе со вторым «сыном». — Мы решили зайти с тыла.

А. Н. кивнул.

— Доложить потери, — хрипло спросил он.

— Ленни подстрелили бедро и руку. Выкарабкается, — сквозь зубы говорил в сеть Александер. — Сам цел, так, слегка шумит после взрыва. Сога отбегалась. Голову…

— Знаю, — грубовато оборвал его Эрнест. — Франсуа, как там твои?

— Одного ты видишь. Анри зацепило, когда в левом коридоре подавляли второй пулемет. Кровившего сейчас тащат наверх, он

без сознания. Подраненый — в строю, тоже лез на пулемет. Цел.

— Ясно, — кивнул А. Н. Ему не нужен был настолько подробный доклад, но сейчас перед ним был союзник, потерявший половину отделения. И его не следовало отпускать далеко, когда первый шок пройдёт. — Держись рядом. Сколько тел, уже посчитали?

— У меня на виду не меньше шести.

— Ещё пятеро в коридоре, — прохрипел Марв. Его щёку спешно обрабатывали ударными дозами биогеля.

— Александер…

— Кого–то недосчитаешься, командир! — раздался приглушенный бетоном голос. Франсуа и Эрнест переглянулись, кивнули появившейся паре: «Прикройте», и дернулись вперед, к хлипкой лестнице у люка на крышу. «Сын» на ходу выпускал из подсумка «стрекозу» — отличный и небольшой (как ни странно, размером с земную стрекозу) биобот. Автономность невысокая, зато не соединялся с владельцем шлангом.

Франсуа отстучал по наручу. В углу очков появилось изображение с дрона, а чип боевого сопряжения стал строить модель крыши. Три человека с оружием. Пять девушек, стоят в ряд на коленях. Некоторые из присутствующих наверху — ранены. Все присутствующие там же — сильно нервничают.

— Командир, не дури! Выходи сам, мы передадим условия! Трогать не будем, честное слово честного бандита!

Франсуа дёрнулся к люку. Эрнест неожиданно для себя остановил его. Да, у «сына» была броня. И алая броня в разы лучше десантного набора костяного цвета. Даже после десятка попаданий. Но Эрнест шумел приказами на всё здание, «не тот» человек мгновенно разрушит хрупкое перемирие, которое возникло сейчас. А. Н. крикнул:

— Ну допустим, я выйду! Но сам понимаешь, нечестного бандита валить будут медленно!

— Обижаешь, безопасник! Мы правила понимаем!

Эрнест кое–как поднялся по хлипой, сколоченной из досок и брусов лестнице. Поднял руки. Огляделся. Действительно, девушки. Какие–то выглядят как стереотипные проститутки, какие–то, судя по сверкающим имплантам — залетные пташки, как минимум из дорогого квартала «Бесильни». А одна так и вовсе щеголяла в явной корпоративной форме — строгой и минималистичной. И оттого выдававшей наличие денег сильнее, чем толстенная золотая цепь у подозрительно знакомо выглядящего «командира» похитителей.

— Ну вот, а я-то думаю, где же я тебя слышал, командир, — лыбился облегченно худощавый подросток. Лицо — более

жёсткое. Нос так и не оправился после встречи с чемоданом экс–комбатанта, плюс пара мелких, ещё розовых шрамов. Подстрижен более модно. То есть — ещё короче и с более резкими формами оставшихся волос. А ещё татуировок — прибавилось. И в руке — лазпистолет вместо древнего кинетического. — А казался ведь лохом тем ещё, блин.

— Ты тоже. А как же «Проклятая двенашка»?

— Нас трое в ней и было, безопасник. Один ушёл в легал, второй стал «кислым», как и я. Лежит правда, теперь, у пулемёта на втором этаже. Жалко блин, хороший был бык.

— А девочек тебе не жалко?

— А они уже не девочки давно. Я сам проверял, — усмехнулся тонкий вожак, прохаживаясь под одобрительный гогот не сходящих с места отморозков. Остатки банды не расслаблялись.

— Какой смелый. В участок влез, заложников набрал…

— Э, нет, папаша. Они все сами пришли. По делам. Не ко мне, к Весельчаку Димми. Но Весельчак захотел непременно повысить моральный дух и, видимо, сам стал духом, — хохот. Недоросль вдруг перестал улыбаться и напустил на себя суровый вид, — В общем, поступим так, командир. Ты нам — три десятка «бусин», по пять за каждую дешевую шлюху и десять за одну дорогую. Ва́лите в конец зала для совещаний на первом этаже. Мы уходим и оставляем товар. Вы возвращаетесь и становитесь героями. Как тебе идея?

— У меня нет даже одной бусины.

— Зато у французиков есть. Они же часто все поголовно с наградами, ты не знал?

— Хм, нет, — оттянул воротник Эрнест.

— Ну так что, спросишь? Рекомендую шагать, папаша.

— Не думаю, — холодно ответил Эрнест, у которого боевое сопряжение не переставало работать ни на секунду.

В тот же миг, как вожак начал поднимать руку, давая сигнал к казни, пол пробил ярко–синий луч, испепеливший одного бандита. И сильно обжегший заложницу, однако сейчас это не важно. Важен только второй бандит, прыгнувший с места от ряда вскочивших девушек. Его Эрнест убил из лазпистолета прежде, чем повернуться к вожаку.

А вожак был очень не прост. Судя по высоте прыжка, у него тоже были биомышцы. Перелететь на соседнюю крышу, даже под неточным огнём Эрнеста, было делом трёх секунд. Упасть в узкий проулок, непростреливаемый сверху — двух. А слушать громкие и разнообразные ругательства он мог вплоть до выхода из Пыльника.

Хотя нет, не мог. Поскольку в нескольких кварталах к северу шли жаркие бои. Судя по тактической карте, «Гагана» встряла. У старого ДК, где обычно была веселая ярмарка легкой наркоты, тут и там пестрели чёрные и алые точки с небольшой россыпью желтых. К ним с востока неслись АК-шные «счастливые сто первые», а с запада — полный взвод «сыновей». Скоро их вытащат.

Когда Эрнест накладывал биопластырь заложнице (рассечение брови, если выложит небольшую сумму — даже шрама не останется), над головой пролетела пара биоботов–охотников. Неподалеку разминулась с другой парой, летящей на подзарядку, но как–то низковато. Причина прозаическая — из подпалины на лоснящемся жирном белом боку «ведомого» дрона сочилась грязно–зеленая лимфа. Сопротивление где–то оказалось особенно сильным.

— Кажется, солома разгорелась сильнее обычного, — тихо сказал подошедший Марв. На его щеке виднелся обширный пластырь, закрывающий половину лица. Эрнест промолчал и поднял девушку на ноги. Подтолкнул к остальным.

— Мне сказали, шеф, что ты едва не поплыл перед тем, как зайти спасать французов.

— Ленни?

— Александер. Он просил тебя кольнуть транком, но я скорее кольнул бы им кого–то из них, — гигант кивнул на воющих девиц. Франсуа и оба оставшихся на ногах «сына» вовсю успокаивали леди. Контуженный в разгар успокоения качнулся и сильно проблевал. Прямо на какую–то особенно вычурно раскрашенную шлюху. И естественно, получил несколько ударов по броне.

— А где обожженная?

— Умерла минуту назад. Я ей и выдал укольчик от покойной Соги, но было поздно.

— Остальные заложники?

— Большая часть из них не заложники. Так, гражданские. Либо имели дела с «кислыми», либо вообще работали на них. Генрих с Александером сейчас пробивают их по базам данных, пока Ленни стоит у пулемёта.

— Их–то не задело?

— Частично задело. Пару уже стынут вовсю, утащили их подальше.

— Трофеи хоть охраняете?

— Куда там, шеф! Только выход и комнату с заложниками. Повсюду эмне оптом, бери мешок и собирай. «Хозяева» будут рады, если узнают о такой удаче, а вот гражданские могут сожрать чего–то не того. Потом отчитывайся перед Тиммерманом,

почему мисс Икс припудрила дёсны «карандашом» после окончания замеса. Так что пусть ещё посидят под караулом.

Некоторое время безопасники молчали, оперевшись на парапет. Десантный бот показался над Старым городом. Эвакуационная команда была близко.

— Вот что я сказать хотел, шеф. Ты, мне передали, всё скорбел по собачке того психа. Так вот, зря скорбел. После его смерти она бы с удовольствием закусила его дряхлым мясом. И кушала бы до тех пор, пока дверь не открыли бы соседки, за долбанутую долю накоплений приносящие дешевую еду старику раз в неделю, а то и две. Плевать псине на привязанности и то, чья конкретно она любимица.

— Не перегибай.

— Не перегибаю. Просто напоминаю, что дерьмо никуда не денется, — веско сказал Марв. Вздохнул, поднял сильно опалённый флогистон и добавил, прежде чем уйти: — А насчёт псины я не шутил. Сам видел, на близком человеке.

Эрнест не ответил. Он отбивал в коммлинк кое–кому сообщение, кое–кому, перед кем ощущал острую необходимость извиниться и молча полежать перед тяжелым сном.

Ему очень не хотелось говорить. Но адски хотелось — курить. Но говорить пришлось.

— Не возражаешь? — спросил из–за спины Франсуа. А. Н. только отмахнулся. — У меня есть отличные самокрутки.

— Неужели трава? — поднял брови Эрнест.

— Не в рабочее время, — покачал головой собеседник. — Просто адски крепкий табак. Дерет горло почище пороха.

— У меня свой есть, — нащупал за броней кисет и футляр с трубкой А. Н. А вот зажигалка не выдержала одного из многих попаданий и рассыпалась по подкладке запчастями. Которые теперь сыпались на крышу, как песок с залежавшегося ночью джосера.

Некоторое время мужчины недоуменно смотрели на провода, батареи, горелку и прочий миниатюрный хлам. Моргнули и принялись истерично хохотать. Одна из девушек, уводимая болтливым и с недавних пор слабослышащим французом, только выругалась. Приключение в «Пыльнике» оказалось с огоньком, как и обещали знакомые из Нового. Однако огонёк оказался ярковат.

— Если честно, я не уверена, что нас стоило спасать. Особенно — этим психам. Теперь я хрена лысого выбью со страховой. А вам как эта братва? — обратилась «пташка» к плетущимся позади двум дамам. Размазывающим «металлический» и «неоновый» макияж соответственно по

грязным щекам.

Сестры из Ям, проданные «кислым» две недели назад, деликатно промолчали. Их оценка торговцем, оптом за пару, в денежном эквиваленте укладывалась в стоимость одной годовой страховки. «Зелёного» класса.

Глава 2.4

Место: Новый Город.

Локация: Штаб–квартира службы безопасности «AgniCorp».

Время: Среда, 19–48.

Две ховер–платформы привезли два полных отделения. Командиры немногословно запросили данные по боестолкновению и контроль над разведывательным биоботом. Эрнест не возражал. Время до прилёта подкрепления он провёл за трубкой и хлопотами над телом Соги. Именно А. Н. взял на себя смелость запаять её тело в пластик. Навечно — ведь хоронить её точно нужно было в закрытом гробу.

Франсуа дождался бронетранспортёра, собрал своих людей, коротко попрощался — и ушёл. Эрнест некоторое время консультировал коллег, снова курил. Сделал втык хандрящему отделению, заставил собирать трофеи. Убедившись, что сам начал хандрить, присоединился. Стволов оказалось так много, что одно помещение оказалось завалено ими почти по пояс. Пришлось попросить об одолжении коллег.

Чего было ещё в избытке на бывшей базе «кислых», так это наркотиков. Мешки фазиса. Ящики «карандашей». Старый–добрый натуральный продукт из Метрополии, три больших баллона со «спидолой». Слишком много для заурядной банды из сердца Мыловарни. Особенно с учётом того, что их «лаборатория» была довольно бедно оборудована. Такого количества эмне им было просто не по силам сделать. Похоже, разведка АгниКорп проспала большую беду — возникновение нового крупного наркосиндиката. Нужно рассказать об этом Эльму, пометил себе А. Н., тщательно фотографируя склады.

Тем временем «кости» расставили повсюду прожектора и средства пассивного наблюдения. Ожидалась тяжелая ночь со всплесками насилия, и участок 9–13 был логичным выбором для опорного пункта. Стены укрепили шоковыми нитями, окна — полипластовыми щитами. На основных перекрёстках коридоров — автономные лазерные пушки. Даже если бунтовщики прорвутся внутрь — лёгкой прогулки им не видать.

Подкрепление, не занятое в эвакуации заложников или укреплении здания, развлекалось как только могло. Для начала они встретили небольшую толпу с факелами и ружьями. Безо всяких приветствий расстреляли их издалека. Добили выживших в упор. Прошлись по руинам, оставшимся после «Сыновей» и отделения Эрнеста. Методично отловили и отправили на тот свет с десяток мародеров, решивших поживиться кучей недоступных в

обычное время вещей. Сухой треск лазерных разрядов быстро стал фоновым звуком.

Таким же, как переговоры по коммлинку, вопли осужденных на месте преступников (зачищали Мыловарни как–никак, весьма жёстко) и вой двигателей ховера. Добавляло обыденности то обстоятельство, что вдали продолжались разрывы и звуки более тяжелых вооружений. Хруст плазменного вооружения. Низкие, давящие уши ощущения от стационарных звуковых пушек. И вопли ужаса от результатов действия флогистона.

До базы летели в мрачном настроении. Закатом никто не любовался. Одним мешали раны в спектре от рассечений до контузий, другим — безмолвный чёрный пакет из плотного пластика. Заполненный инертным газом и лежащий прямо в проходе. Оставшаяся без головы безрассудная Сога последний раз летела с задания. Которое с самого начала воняло дерьмом почище худших мест Лесопилки.

Как сообщил болтливый пилот, в целом операция признана успешно. Для «АК». «Сыновья» потеряли, по разным оценкам до трети участвовавших бойцов, в том числе — полный взвод от самодельного тетралюизита на самом востоке Мыловарен. «Гагана» — от половины до двух третей, причём побоище у дворца культуры было ещё более–менее успешным. Потому что в других разах помощь не успевала. Дорогое вооружение и презрение к нищим решало не всегда. Особенно когда ярость и численный перевес были на чужой стороне.

Сетевые каналы и лэндинги рвались от возмущения «неоправданной жестокостью». А те, кто не возмущались, прикидывали, акции каких фирм безопасности стоит сбрасывать. Не принадлежащие к первым и вторым судорожно проверяли, не рушащаяся на их глазах «Гагана» ли была СБ их района. Страховщики готовились скрипеть зубами. Конкуренты проводили показательные зачистки — показать, что у них–то дела обстоят под контролям. Гражданские спят спокойнее, когда видят успешную и умеренную активность.

Лэндинг: Деловой вестник
Заголовок: Город перед похмельем
Одобрено Хозяевами: да

Как сообщает объединённая гильдия служб безопасности, полицейская операция в Ямах и Мыловарнях вошла в завершающую стадию. В связи с этим мы можем подвести краткие итоги произошедшего.

По оценке правозащитных организаций, погибло около двух тысяч личностей различного генетического

статуса. Из них не менее трети составляют потери служб безопасности. По информации нашего источника, подано суммарно около десяти тысяч рапортов на депортацию. Пока неясно, какими силами будет производиться выдворение столь большого числа жителей из Города, и будет ли это высылка напрямую в Метрополию. Нами был разослан запрос в ключевые службы безопасности — их главам, их пресс–отделам и нашим источникам.

Однако на текущий момент никто, начиная от уборщика и заканчивая лордом Зербе, на него не ответил.

Торги на городской бирже были приостановлены в связи со значительным падением. На треть упали акции «Гаганы», на десять процентов — «Сыновей Аякса», и на три процента — «Агни Корп». В пределах десяти процентов наблюдается падение компаний, так или иначе задействованных в поддержании порядка в красных районах. Данные о полных потерях продолжают поступать, аналитики говорят о спланированной игре на понижение. Как сообщает биржевая служба безопасности, более подробные данные появятся к вечеру.

<комментарий аналитика к.: выводите немедленно Джейка. Его роль не останется незамеченной. >

А вот Эрнест готовился хорошенько налакаться. Выбор был невелик — дома была бутылка рома и початый ящик пива. Сейчас А. Н. устраивало и то, и другое. И можно вместе. Только было бы неплохо по пути заскочить к Гренн и забить желудок. Если он уйдёт из базы до полуночи.

Пока всё говорило об обратном. Труп, трое раненых разной степени, куча холодных гражданских. Безопасники любят выживших в такой истории припирать к стенке и долго, монотонно выискивать неполное служебное соответствие. Нередко — находят. И очень часто, хоть и формально — за дело. Вдобавок, А. Н. не давала покоя история с базой банды, забитой до отказа веществами и энергетическим оружием. Скорее всего, всё объяснялось просто — коррумпированным поставщиком, жадным окапи или небольшим, но очень самоуверенным кружком химиков.

А может, и нет. Умудрились же «Кислые» сломать систему защиты законсервированного участка? Такое кружок юного техника самостоятельно не провернёт. Нужно было прикрытие. И прикрытие серьёзное. Корпорация, коррумпированные чиновники

магистрата, или же — высшие чины «гостей». Окапи или джосеры легко могли пойти на риск. Урдалебы — возможно, не зря их подозревали в создании «спидолы». В любом случае — это не его, Эрнеста, головная боль. Для начала нужно было пережить встречу с Тиммерманом. И найти в себе достаточно мужества, чтобы сообщить горькую весть девушку Соги. Она заслуживала личной встречи.

Одним словом, вечер ожидался не менее напряженным, чем день. Впрочем, А. Н не зря ходил на своих двоих столько времени в патруле. Он знал несколько отличных точек, торгующих уличной едой и после полуночи. И не предлагающих при этом эмне или шлюх.

Именно об этом старался думать безопасник, когда десантная платформа делала вираж над оперативной базой Agni Corp. Не о долгих нудных допросах, не о смерти Соги и половины отделения Франсуа. Не о убитом псе и нескольких десятках выкинутых с планеты по его, Эрнеста, приказу людях. Он думал о пропахшем дымом кебабе, отгоняя от себя видения оплавленного человеческого мяса. А. Н. скрипел зубами, но за мысль держался. Даже если он проблюёт прямо при всём отделении, пилотах и трупе подчинённой — Эрнест А. Н. не даст себе «поплыть».

Он не «поплыл». Ни когда платформа, наконец, получила допуск к посадке. Ни когда тяжело хлопнулась на «вафельницу» базы, опустив брюхо до самой земли. И даже не тогда, когда отделение выжидательно застыло, следя за движениями командира. Встать с каменным лицом. Гулким, твёрдым голосом отдать команду:

— Оружие на ремень! Холодный груз взять!

Дождаться твёрдых взглядов в ответ. Уверенно кивнуть. Дождаться, пока бойцы возьмутся за ручки по краям гермомешка. Дождаться тишины, скомандовать движение вперед. Сдерживаясь от сжимания и разжимания кулаков, не строевым, но чеканным шагом пройти в сторону входа. Ожидать худшего.

Однако когда его отделение вошло в базу, таща всем скопом гермомешок с телом Соги (в броне она весила весь центнер с лишним), все присутствующие встали и начали хлопать. Не Эрнесту — Соге. Не первый и не последний раз за вечер. Старая традиция, и плевать на остальное: воющих журналистов, смерти невинных и шальные пули, от которых бы спасла полная броня. Некоторые, правда, хлопали по плечу и командиру отделения, строя понимающие рожи. Мол, не дрейфь, шеф, все мы прошли через это.

Дальше всё было просто. Сдать тело в морг, к запыхавшимся от потерь санитарам. Сдать регистраторы в ОСБ. Сдать стволы и

броню в арсенал. Снять провонявшую смертью одежду прямо вместе с исподним. Освидетельствоваться у медика. Отправиться в душ. Одеться. Встретить безопасников прямо у двери. Остановить разъяренного Марва, дать себя увести «под локоток». Но без наручников.

— Шеф, если что, говори: в следующий раз обязательно сгорю! — крикнул что–то невменяемое слегка контуженный Александер. Эрнест показал средний палец свободной рукой. «Собственная безопасность» слегка, но ощутимо отбила кулаком по кисти.

Наконец, перед знакомой дверью его ткнули, мол, вперёд. С отвратительным предчувствием Эрнест распахнул настежь дверь и решительно зашёл. И удивился.

В совещательном зале было пусто. «Триумвират» стоял в рядок и едва ли не на цыпочках. Лицом к А. Н. и столу. На который слегка присело высокое существо. Укутанное в длинный плащ тёмно–лазурного цвета, украшенный тяжелыми гравированными пластинами червонного золота. И с лаконичной синей каменной маской там, где должно было красоваться лицо.

«Хозяин». Судя по маске без изысков — низкого ранга. Но всё равно летающий выше, чем его руководители или владелец фирмы, загадочный мистер М. И теперь нелюдь поманил (или поманила, с этим всегда было тяжело) пальцем его, обычного командира отделения. Пришлось повиноваться. Но небольшое своеволие позволить себе он мог и остановился не прямо перед ним, а за Йозефом. Который некоторое время мялся и, наконец, отошел в сторону.

Забавно было наблюдать неловкость вечно сухого и сурового контрразведчика. Но понять его было можно. От неспешной фигуры веяло каким–то древним, хтоническим ужасом.

— Эрнест А. Н.? — гулко осведомился «Хозяин» на всеобщем. Голос нелюди не был похож на иные звуки, издаваемые ксеносами. Словно камни стучались и издавали тоновые звуки. Странно, но начальство молчало. Даже не пытаясь пояснить одному из многих могущественных повелителей города, кто собственно, стоит перед ним.

— Он самый, — хрипло подтвердил Эрнест, поняв, что ему никто не поможет даже в разговоре. От долгого молчания у него першело в горле. Существо встало и двинулось ему навстречу. Троица офицеров неловко отошла в сторону. Никто, включая Папашу, даже не пытался делать вид, будто что–то значит в этой комнате.

— Вы заставили на себя обратить внимание, *каэл* Эрнест.

— Никогда не любил это делать. Но как–то выходило само.

Существо закашляло. Этот звук означал у «хозяев» нечто, близкое к понятию «смех».

— Понимаю вас с рождения. Помните, Эрнест. Внимание может быть негативным. Сегодня вам повезло. Протяните руку той стороны, на которой у вас сердце.

А. Н. подавил дрожь в загривке и вытянул правую руку.

— Необычно… Что ж. Мои отцы и мои братья согласились со мнением, что за вами стоит приглядывать, — когтистая конечность, заключенная в рукав, вылезла из складок плаща. Нелюдская кисть, когтистая и трёхпалая, упала на ладонь Эрнеста, слегка распоров кожу. Сжала. А. Н. не проронил ни слова.

«Хозяин» пробормотал что–то на своём языке и отпустил руку. На ладони остался каменный шарик янтарного цвета. На одном боку виднелась хитрая гравировка.

— Не знаю, держали ли вы раньше персональную «затур хар–тарапх». Теперь сможете. Сейчас я уйду, — нелюдь повернулся всем телом к Папаше. — Помните о теме сегодняшнего разговора. Всегда есть пределы, которые не стоит преступать.

Не прощаясь и не оборачиваясь, «хозяин» прошел мимо оторопевшего Эрнеста и вышел через дверь.

Какое–то время в зале стояла тишина. Наконец, все выдохнули. Некоторые, включая Эрнеста — шумно. В разговоре с «хозяином» никогда нельзя предугадать развязку. Можно получить «бусину» в ладонь, а можно — быть посеченным хуртукулем на кебаб.

— Йозеф, Эльм. Встретимся позже, — бросил Кюсте. Он–то как раз выдержал отбытие нелюди максимально спокойно, словно это случалось по три раза на дню. — Эрнест, сядь — кивнул Папаша на стул, где обычно сидел Эльм. Присел рядом.

Эрнесту оставалось только подчиниться. Глубокие порезы на руке саднили. И хотелось чего–то освежающего. Хотя бы банку «Трокадеро». Мрачное начальство отбыло без единого слова. Караульные негромко, но очень эмоционально обсуждали визит «хозяина». А Стефан Кюсте всё не решался начать разговор.

— Что теперь? — нарушил паузу А. Н.

— Теперь тебя придётся повысить. Сам видишь — за тобой теперь будут наблюдать. И возникнут определенные вопросы, если достаточно успешного и отмеченного Самими командира оставят внизу.

— Я не уверен, что хочу продолжить штурмовать здания, — поморщился Эрнест.

— Да? Хм, я думал тебе предложить должность командира взвода. Как раз в штурмовом подразделении.

— А есть другие варианты?

— Можешь уйти в инженерный отдел. Там нужны боевые специалисты. Многие после последней зачистки ушли в отпуска. Обслуживать тяжелое вооружение, наводить биоботы, всё это прилично выматывает, знаешь ли.

— А ещё?

— На штаб даже не надейся. Без обид, но классическое образование — не всё, что нужно для хорошего планирования операции. К цифре тебя не подпустят сами машинисты. Разве что… оперативником. Хм.

— Оперативник?

— Ну да. Ходить без брони, раскапывать жалобы корпоративных клиентов, наводить штурмовые отряды. Оперативник. Ты, разумеешься, не будешь перечитывать жалобы зеленщиков. Но все равно — выматывает сильно.

— Смотрю, прямо перспективы адские, да?

— Не буду спорить. Но ты везучий сукин сын. У тебя умеренные потери. Бывали и сильно лучше, но конкретно сегодня, по соотношению «убитые отделением — убитые в отделении» вы сегодня лучшие среди всех участвовавших в «Соломе». Парням ты нравишься, не очерствел ещё, за своих радеешь, бьешься как бешеный. Будет везти так же — и офицерский патент у тебя в кармане. В патруле же ты не раскроешься даже на треть, поверь. В тебе спит великий воин.

— Может быть и так, — склонил голову Эрнест. — Но сейчас я возьму отпуск на неделю за свой счёт. На тему «подумать».

— Понимаю, — улыбнулся Стефан. — Девочки, пиво и долгий сон. Ты прав. Тебе сейчас это не помешает. Иди, я распоряжусь на счёт всего.

— Вы уверены? — оторопел Эрнест. Обычно кадровики отчаянно не пускали людей даже на три дня отгулов кряду.

— Уверен. Сейчас всем нужно слегка подзализать свои раны. Тут ты останешься на взводе и придется тебя накачать транками, а мне бы не хотелось при этом присутствовать.

— Принято, шеф. Приду на построение в следующую среду.

— Угу. Учти — отпуск за свой счёт, так что не пропей «бусину» сразу!

Эрнест козырнул и отправился в раздевалку. Не веря, что так легко отделался. Он не видел, что оперативный директор Стефан Кюсте вызвал своих заместителей. Достал из ящика сигару, аккуратно гильотинировал её. Зажёг химической спичкой. Затянулся. И очень, очень крепко задумался.

Глава 2.5

Место: Старый Город.
Локация: Меблированные комнаты Стэнтона.
Время: Среда, 22–25

Раздевалка встретила Эрнеста вонью застоявшегося пота и дымом табака. Отделение же встретило его, словно вернувшегося с того света. А уж когда А. Н. продемонстрировал собравшимся «малую бусину», его и вовсе принялись качать. Повалили на спину и принялись подкидывать в воздух, сопровождая действо улюлюканьем и одобрительными междометиями. В основном — непечатными.

— Убьёте, черти! — только и оставалось вопить Эрнесту, подлетая в потолок и слушая хохоты и неодобрительные шепотки бюрократов «Agni Corp».

— Не сегодня, шеф, не сегодня! — отвечал кто–то. Возразить такому доводу было нечего.

Когда, наконец, кго опустили под щёлканье открывающихся банок тёплого (холодильник не входил в оснащение раздевалки) пива, потребовалось некоторое время, чтобы вернуться на грешную землю. И ликующим, и летавшему.

А. Н. напомнил про голову Джимми Два Шага. Ленни ругнулся, достал из–под лавки гермомешок, хлебнул на ходу эля и побежал в бухгалтерию как был. То есть — в одних подштанниках, щеголяя ссадинами и кровоподтёками на всю базу. Впрочем, тут к этому зрелищу все были давно привычны.

Как обычно бывало после «дел», сегодня база пила. Кто–то, как отделение Эрнеста — самозабвенно и весело. Радуясь, что выжили. Кто–то, как потерявшие в Ямах две трети бойцов «девятьсот третьи» — по–чёрному, глуша горечь провала и хоть как–то отвлекаясь от мрачной реальности. В атмосфере нарастающей анархии А. Н. ничего не стоило «отойти покурить» из комплекса в гражданской одежде.

И раствориться в заметно поредевшем относительно обычного дня потоке людей.

До дома Эрнест добрался в лёгкой прострации. Тело было адски бодрым, но голова гудела. Степень усталости А. Н. была такой, что он бы не смог уснуть ближайшие пару часов. Адреналин-с. Впрочем, не только он. Боевые стимуляторы всегда выходили из крови медленно и тошно. Лучшим способом очухаться было мощное мочегонное и горячая, как плазма, сауна.

Вместо первого Эрнеста ожидала початая пачка «Веселого урдалеба», а вместо второго — едва тёплый душ. Поочередно

приняв оба составляющих отдыха, Эрнест решил добить организм и отполировать коктейль, по недоразумению именовавшийся кровью, щедрой дозой никотина. Трубка не пострадала за все сегодняшние приключения. Зажигалка — пострадала, но к этому ещё со времён Корпуса Эрнест был привычен.

Зажечь табак. Вдохнуть ароматного дыма, пустить кольца под потолочный вентилятор. Скривиться, поняв — сейчас такие трюки не для него. Вздохнуть, отложить тлеющую трубку. Пойти закинуть в комбайн собу с мясом.

Пока машинерия щёлкала и завывала, Эрнест А. Н. думал.

От силовых операций он хотел отойти очень давно. Вообще, и демобилизация была вызвана именно что этим желанием. Желанием работать мозгами, а не руками, вне зависимости от возможных последствий. Город представлялся ему перед иммиграцией как тем самым местом, где это было возможно.

Но и тут была грязь и кровь. Как и везде. Впрочем, можно было и догадаться, подумал Эрнест. Но нет, развесил уши и распахнул глаза. И даже всё дерьмо, которое лилось за месяцы службы в патруле, не переубедило его.

Хотя нет, переубедило. Просто он этого не ощущал за завесой из Агнетт и веселых вечеров. А вот когда его вытащили из–под перины и поставили перед смердящей кучей — пришлось завопить «Чёрт, да это же куча дерьма!». Наивно.

Эрнест выпил одну банку. Вторую. Третью. К четвёртой решил принципиально не прикасаться, пока чёртов комбайн не соизволит выплюнуть готовое блюдо вместо сырого концентрата. Поэтому, когда раздался звонок, он с удовольствием оторвал взгляд от созерцания потолка и поплелся к комбайну. Тот продолжал гудеть.

— Ну что за чертовщина, — устало пробормотал А. Н. Звонок раздался снова, и именно тут безопасник понял — звонят в дверь.

— Меня нет, я мёртв и отдан на съедение кордулам, — пробормотал Эрнест и вяло поплёлся к двери. К стволу он даже не притронулся. Если сегодня его грудь пропорет разряд из–за оплошности — так тому и бывать. Фатализм сегодня поборол паранойю.

— Если вы пришли на тему продажи вещей или обращения в омельство, то вам к миссис Брэнбор этажом ниже… — начал Эрнест, открывая дверь. Он ожидал много кого. Назойливых проповедников, коммивояжера, подарок от Папаши или Жанетт (именно в таком порядке), но не того, кого увидел.

На пороге стояла высокая худощавая девушка. Зелёное пальто, рыжие кудри рассыпались по плечам. Рука в перчатке тонкой кожи придерживает яркий рюкзак. Вероятно, традиционно

тяжелый. И традиционно набитый чёрт знает чем.

— Ну, и что? — подняла бровь Агнетт, — мне так и сидеть на морозе, пока ты поглощаешь пиво без меня?

Неожиданно для себя Эрнест втащил возмущающуюся рыжую внутрь, и крепко обнял. Даже не попытавшись снять рюкзак или сделать что–то ещё с девушки. Сейчас ему не хватало именно простых человеческих эмоций, и плевать, что малиновый запах духов оттеняется не замеченной раньше вонью пепла, пороха и крови.

— Ты, конечно, катастрофа, — ткнула негнущимся пальцем под ребро рыжая. — Сколько прошло с задания, час? Два?

— Три, — неловко произнёс Эрнест. Отстранился, пошел к холодильнику, на ощупь извлек и открыл банку. Но не пива. «Трокадеры». Запах пива в сочетании с табаком и потом — не лучшее сочетание для встречи с… близким человеком. А ещё порох и кровь. Их запахи неожиданно ударили А. Н. в голову. Чёрт, как же он этого не замечал? Вроде и в душ полез два раза, и оба — с термоядерным гелем для душа, а не кирпичом мыла. Ан нет, не заметил.

— Всего три, — поправила его Агнетт, сбрасывая на диван последовательно рюкзак, плащ, перчатки и объемистый платок. — Три часа, а ты не удосужился сначала купить пива, скоротать время голоэкраном, и уже потом, не дождавшись меня, тихо ужраться.

— Ну, знаешь ли, — нашел силы на остроты Эрнест, — кое–кто даже не соизволила ответить.

— Было немного не до того, — отрывисто сообщила рыжая, захлопывая дверь. — На Пирамидах нашли новую потайную камеру, которую почему–то не могли считать детекторы. Сразу, как только вылезла из подземелья, увидела твоё сообщение. Дальше сам знаешь, маглев несётся быстро. Извини, что не дала знать о себе, — Агнетт отвела взгляд. Критически осмотрела квартиру. — Только не говори, что опять привёл сюда девушку. Во время моего отсутствия в твоей жизни. Временного.

— Агнетт…

— Чёрт возьми, ты сам говорил, что твоё первое правило…

— Не связываться с девушкой, долбанутее меня самого. Знаю.

— Вот и не связывайся, — сварливо сообщила рыжая, с хозяйскими привычками находя и извлекая вешалку. Повесила тонкое двубортное пальто, предъявив взору лаконичное и облегающее нужные места платье. Шерстяное, разумеется. Всё–таки на улице было ещё достаточно прохладно. — А то рано или поздно вместо травы выкуришь тетратранк, и мне придётся вспоминать похоронные воинские ритуалы. Если что, знаю с

десяток, у меня был отдельный курс в рамках подкурса о воинских братствах.

— Боги, я уже и забыл, как же ты бываешь несносна, — вздохнул Эрнест. Агнетт требовательно глядела на него, не моргая. Изумрудные глаза, окаймлённые «траурными» стрелками. Безопасник не заметил, как перестал моргать. Но заметил — как что–то во взгляде девушки изменилось. Атмосферу разрядил звонок комбайна.

— Ты ещё не выкинул этот стимпанк? — подняла бровь снимавшая сапоги рыжая, кивая в сторону бытовой инженерии.

— Его звуки отлично успокаивают перед рабочей сменой, — пожал плечами А. Н., двигаясь на «кухню». — Собу будешь?

— С чем?

— С говядиной. Или её ненатуральными аналогами.

— Обожаю ненатуральные, вредные и вкусные аналоги, — гиперболизировано чувственно тряхнула головой Агнетт и усмехнулась.

— Тогда я достаю тарелку? — уточнил Эрнест.

— Обязательно.

Эрнест извлек из кухонного шкафа примитивные тарелки (керамика, желтизна и трещины), видавшие ещё первые волны человеческих переселенцев. Впрочем, свою роль они играли отлично, что весьма радовало. Наложив гречневую лапшу и тёмно–коричневые, пахнущие (как ни странно) мясом параллелепипеды в тарелки, А. Н. не без труда нашел чистые вилки. Аккуратно выложил на столик перед диваном. Восседавшая и положившая затянутую в чулок ногу на ногу Агнетт сжала губы.

— Всё нормально? — озадаченно проговорил Эрнест. Пивные пары в голове всё ещё мешали ему сосредоточиться. И никакие напитки не могли ускорить их прохождение.

— Нет. Мне нужно кое–что тебе отдать.

Теперь уже пришел черёд поднимать бровь Эрнесту. Тонкой рукой из рюкзака была извлечена непочатая бутылка памятного апероля. Их традиционного напитка нечастых встреч примирения.

— Я тебе давно уже должна, — сообщила в очередной раз обескураженному мужчине Агнетт, схватив столовые приборы. — Ух, как же я обожаю собу. Приятного аппетита.

— Агнетт…

— Эрнест. Не думай, что если мы спим и изливаем друг другу души, — ткнула вилкой в воздух рыжая, оставаясь с набитым ртом, — то долги должны оставаться неоплаченными. У меня есть принципы. Мне казалось, ты понимаешь такие нюансы.

— Ой, значит, на секс мне можно не рассчитывать? Понимаю,

— саркастично произнёс А. Н. Увидел задумчивое выражение лица, извлекаемые из всё того же рюкзачка портсигар и мундштук. Общупал карманы — не нашёл зажигалку. Пошарив по полкам, нашел химические спички. Спокойно подкурил тонкую, «дамскую» сигарету. Зажёг наполовину сгоревший табак в трубке. Наконец, дождался ответа.

— Нет. Не «можно». Но сначала ты положишь бутылку, которую я извлеку из рюкзака, в холодильник. Затем мы поболтаем, и ты в итоге нальёшь себе и мне аперитива. Мы чокнемся один раз, второй, и через половину бутылки, наконец, мне удастся выдавить из тебя то, чего ты, по всей видимости, сегодня глотнул с лихвой, — покачала сигаретой Агнетт. Затянулась и резко подняла голову: — Твои шлюхи же не стряхивали пепел в кордиалы?

— Ни разу. Я бил по рукам.

— А лучше бы по лицу. Им бы понравилось. Да и тебе, небось. Я же тебя знаю, всё–таки, — отрывисто произносила рыжая, пока квартиру наполнял сладковатый запах вишневого табака сигарет.

— Ты, конечно, знаешь обо мне многое. Но по лицу и так бью чаще, чем хотелось бы.

Рыжая скривила уголок рта. Она откровенно не одобряла, цитата «способ растрачивания неплохих мозгов» путём службы в «Агни Корп». Но признавала право Эрнеста (да и вообще любого человека) на это самое «растрачивание». Как и право водить в Стэнтон–хаус любых гостей. В том числе — женского пола. Да, их отношения были весьма запутанными, и парадоксальными. Как и понимание друг друга.

Но отказаться от иронии Агнетт не могла. Как и А. Н. — от крови. У всех есть свои одержимости.

Воспользовавшись некоторой паузой, Эрнест раскопал глубоко спрятанные алые рюмки на тонкой ножке. Сполоснул проточной водой — после крайней попойки на рубиновом стекле остались потёки от высохшего моющего средства. Открыл ещё две банки «Трокадеры». Рыжая дождалась, пока А. Н. отвернётся, и сразу же потянулась за своим напиткам. Агнетт не сразу, но разделила его любовь к этому напитку. Так же, как он в своё время — её пристрастие к сладким и горьковатым ликёрам.

— Знаешь, последние недели я думала, от каких привычек ты будешь в случае чего–то отказаться, — обронила рыжая, кивая на запотевшую банку.

— Чего–то?

— Вынужденной анонимности, угрозы смерти или женитьбы, — пояснила Агнетт, и её алые губы сложились в сардоническую улыбку. — Так вот, я не могу представить, чтобы ты отказался от

«Троки». На моей памяти что бы не случилось и где бы не оказался Эрнест А. Н. — он бы брал банку «Трокадеро».

— Ну, в свой последний выход, — возразил Эрнест, — я предпочёл обычный лимонад. В Мыловарнях его делают весьма неплохо. Во всяком случае, под кабанос зашёл на ура.

— И тебя не отравили? — едко осведомилась рыжая.

— Как видишь, — развёл руками А. Н.

— Дураки, — буркнула собеседница. — С учётом того, что СБ натворили в районе не без твоего активного участия, подававший тебе напитки мог бы стать местным героем. Приправив газировку ядом.

— Ты уже слышала?

— Вся сеть гудит. Да что там сеть — стрельбу было слышно даже в южных сабурбиях. Все безопасники вышли в свои районы поторговать лицом и показать, что уж они–то не асакку ловят на службе. Кстати, если тебе наплели, что твоя служба безопасности отделалась царапинами, то учти, — тонкий палец направлен в середину груди А. Н., — что это — чушь. Я знаю точно, что потери были довольно тяжелыми. Тебе сильно повезло отделаться ссадинами и рассечениями, — веско произнесла Агнетт, делая неопределенный жест рукой.

А. Н. понял — она знает куда больше, чем обыватели. Неважно, какая сорока принесла ей на хвосте то, что он и так знает по моргу и внутренней сети. Врать смысла не было. Но и болтать больше нужного — было не в традициях Эрнеста. Трезвого Эрнеста, разумеется.

— Знаю, — обронил А. Н. — Не тыкай сильно в грудь. Пару попаданий в броню я пережил, а вот насчёт твоего острого ногтя не уверен.

Он уже пожалел, что вместо лимонада в руке — не ледяной апероль. В этом случае глоток не принёс бы свежести, зато ударил бы по мозгу, позволил отвлечься. Впрочем, от дерьма и горечи Эрнест никогда нос не воротил. И именно озвучивание горькой истины прямо в лицо было одной из тех черт, которые он так ценил в рыжей.

И эта черта дала о себе знать сразу же.

Агнетт аккуратно отложила мундштук на пепельницу. Скрестила пальцы, пристально глядя на хозяина. Глубоко вздохнула и повелительным тоном произнесла:

— Говори. Только без секретных сведений. Сам понимаешь, я ненадежна.

Эрнест помолчал, несколько колеблясь. С другой стороны, подумалось ему, не сегодня, так завтра информация протечёт в сеть. Об этом многочисленные писаки и конкуренты позаботятся.

Это уж точно. Одним рывком А. Н. допил лимонад и потянулся к морозилке. Холодильник, может, и был древним, но точно ещё мог мгновенно охлаждать крепкие напитки.

В том числе — апероль.

Отодрать печать. С хрустом вскрыть металлическую крышку. Аккуратно, придерживая второй рукой бутылку, разлить густую, красновато–янтарную жидкость по высоким рюмкам. По привычке оценить аромат, закрыть крышку и задвинуть бутылку обратно в царство льда. Сесть рядом с расслабленной рыжей. Затянуться. Отложить трубку к пепельнице. Глубоко вдохнуть.

Слова поднялись откуда–то из грудной клетки, но застряли где–то в районе голосовых связок. Как всегда в случае тотального пиздеца. Пришлось вдохнуть ещё раз. Снова запнуться. Ощутить холодную тонкую ладонь на кисти. Наконец, решиться.

— Сегодня я окунулся в дерьмо по приказу командования, — гулко произнёс Эрнест, остро ощущая необходимость набить трубку.

— Не в первый раз, если я не ошибаюсь, — тихо произнесла Агнетт.

— Не в первый, — подтвердил А. Н. Встал. Нашел потухшую (на этот раз — окончательно, с догоранием табака) трубку, вытряхнул в пепельницу. Вскрыл запасной коробок с табаком, набил. Сел. Дождался огонька из покрытой тонкой гравировкой зажигалки рыжей. — Не в первый, — повторил он, — но впервые за всё время в городе происходящее напоминало контрпартизанскую войну в худшем её виде.

— Таков Город, — бледно улыбнулась Агнетт. — И таковы службы безопасности. Рано или поздно, но ты бы замарался. Ты убивал сегодня невинных?

— Нет. Разве что хорошо помял им почки и выслал к чёрту в человеческие владения.

— Тогда можно сказать, что очень легко отделался. Тебе сильно повезло, поверь мне.

— Верю. Но боюсь, что когда–то моё везение закончится.

— Ох, Эрнест… — покачала головой рыжая и взялась за ножку рюмки. Эрнест некоторое время выждал, но увидев требовательный взгляд, взялся сам. Звонко чокнуться, опрокинуть. Ощутить сначала горечь аперитива горлом, а затем, щекой — сноп рыжих волос. Вздохнуть (и ощутить малиновый аромат). Почувствовать, как предплечье обнимают женские руки, а привычная и очень ироничная голова притаилась на плече. Услышать писк коммуникатора.

— Только не говори, что тебя вызывают по тревоге, — усмехнулась Агнетт.

— Я их пошлю. У меня официальный отпуск, — сообщил Эрнест, но потянулся за коммуникатором, не обращая внимания на возмущённый писк откуда–то со стороны правой руки. Коммуникатор. Шифрованное сообщение. Подождать, пока имплант дешифрует. Прочитать. Ленни. Видимо — писал пьяный в дымину.

«Проблема Джимми решена, шеф, головоруку приняли. Мы с пацанами посовещались — мадам Соги эти деньги нужнее. Думаем, ты одобряешь. О получении отпишитесь. Ps — ты бы хоть предупредил, что уходишь, шеф, Марв буянил ещё полчаса прежде чем вахта призналась, что выпустила некоего Эрнеста.»

Отбить одобрительное высказывание. Выдохнуть. Откинуть коммуникатор в сторону, не обращая внимания на стук пластика о стены. Да, Сога бы одобрила, если бы Эрнест полёг, а награду выдали бы Агнетт. Хоть и подкалывала командира не менее остро, чем остальные, а то и сильнее (врожденная язвительность давала о себе знать). Вот уж кому сейчас точно хреново — так это девушке его подчинённой.

— Всё нормально?

— Абсолютно.

— Значит, можно добавить апероля? — осведомилась Агнетт, и краем глаза Эрнест заметил улыбку. Неожиданно для себя он повернулся, и, повинуясь порыву, поцеловал рыжую в лоб. И выдавил из себя краткое:

— О, да.

— Тогда я возьму на себя этот труд, — подмигнула рыжая и пружинисто вскочила с дивана. Подбежала к холодильнику, распахнула дверцу. Разразилась ругательствами: — Боже, что у тебя творится в холодильнике… если бы твои шлюхи выбросили весь набор переморожeнных продуктов, я бы на них женилась…

Эрнест слушал риторическую перебранку Агнетт и улыбался, словно идиот. Рыжая вернулась и снова пускает в его личность иголки. Возможно, скоро даст волю и ноготкам. А всё это в сумме значит только одно — рано или поздно он снова станет самим собой, и никакие успокоительные не понадобятся. Этой ночью А. Н. уснёт спокойно.

Следовательно, день прошёл не совсем уж зря. Он остался в живых, сберег людей и выполнил задачу. И даже — сохранил мозги в целости. Сейчас с ним рядом была Агнетт, и через час–два они молча будут лежать в обнимку до тех пор, пока не уснут, слушая завывание ветра вокруг «внутренности» доходного дома Стэнтора. Значит, день прошёл не так уж плохо.

Ведь всегда всё могло стать ещё хуже.

Интерлюдия 2

Место: Новый Город.
Локация: Оперативная база службы безопасности «Агни Корп».
Время: Среда, 22–31

> *Лэндинг*: Деловой вестник
> *Заголовок*: Наркопритон закрыт
> *Одобрено Хозяевами*: да
>
> Как сообщают наши осведомлённые источники, минувший четверг ознаменовался закрытием очередного места, служащего для распространения и употребления запрещённых видов наркотиков. Благодаря бдительности обычных хартийцев штурмовая партия службы безопасности «Ao_Ao Group» смогла пресечь торговлю смертью.
>
> Арестовано четверо личностей, трое из которых являются людьми. Геностатус четвёртой, а так же пол, возраст и какие–то иные вопросы не сообщаются из соображений следственной тайны.
>
> Напомним, что нелегальная продажа наркотических веществ наказывается дисциплинарной отработкой первой степени сроком до двадцати шести лет.

Свериге пришёл первым и теперь спокойно листал сеть. От него слегка несло пивом, но Кюсте не видел в происходящем никакой проблемы. Зная старого волка, он наверняка для проформы хлебнул напитка с личным составом, показательно ответил на коммуникатор и, отставив банку, вышел без лишних извиняющихся фраз.

Без каких–либо речей, коротко блеснув глазами, вошёл в продымленный тонкими ароматами и Тиммерман. Собственная безопасность. Ощупал глазами комнату, вытащил из кармана скремблер, установил на начальственный стол.

— Йозеф, — поморщился Кюсте, — мой кабинет защищён и проверяется твоими людьми два раза в неделю.

— Плевать, — буркнул Тиммерман. — Когда речь касается «хозяев», я не доверяю никому. Без обид, Стеф.

— Принято. Эльм, отключаем коммуникаторы, — окликнул директор и подал пример, сдав коммуникатор и имплант в матово–чёрный ящик.

Стук «улиток» о бархат, скрип задвигаемой крышки. Свериге покосился на «глушилку» и недовольно произнёс:

— Может, хоть теперь мы можем начать?

— Можем. На повестке дня итоги операции. Кто–нибудь хочет добавить тему?

— Нюансы проведения считаются? — поднял руку Тиммерман.

— Нет.

Безопасник и «сержант» почти синхронно пожали плечами.

— Эльм?

— В целом операция для нас успешна. На депортацию подано почти пять тысяч рапортов. Потери противника — от четырёхсот до двух тысяч.

— Почему такой разброс?

— Пока не разобрались с ситуацией около ДК. Что касается наших… гм, союзников, то сами понимаете, пока без конкретики. Точно можно сказать, что «Сыновья» потеряли много людей. «Гагана» и вовсе жидко обосралась и находится в шаге от полного уничтожения. Два сильных конкурента ослаблены за один день. Предлагаю направить премию тому идиоту из штаба «Гаганы», который предложил вариант «Солома».

— Не стоит, — тихо произнёс Тиммерман. — Мы можем привлечь внимание к реальным агентам, а пока они нам нужны. Наша разведка и так достаточно примитивна.

— Тебе бы всё разведка…

— Стоп. Йозеф, что у тебя?

— В процессе были перемолоты восемь враждебных и три условно лояльных банды.

— Как я понял, «кислые» погибли поголовно?

— Я ещё разбираюсь с регистраторами, но в целом могу сказать — почти поголовно.

— Прекрасно. Бедная Жилондин погибла во время бойни?

— А вот тут осечка. Один наш кретин вколол ей уже после боя «контрольный».

— Йозеф… — наклонился Эльм, — а разве «контрольные» не должны быть под сканером отпечатков у ответственного за… контроль лица?

— Назначенная нами «ревизором» Сога была круглой дурой и носила его в аптечке, — сухо ответила собственная безопасность.

Приглушенная ругань.

— Если результаты анализов всплывут, то бойцы поймут — уколы для недостаточно лояльных есть в каждом отделении, — тихо произнёс Стефан. — Это может подставить под удар «ревизоров».

— Может. Но подслащу пилюлю — плазма флогистона сожгла все бухгалтерские документы. И Жилондин, и банды.

— Значит, все доказательства пошли пеплом? — поднял кустистые брови Эльм.

— Именно так.

— Неплохо, — покачал головойКюсте. — Что ж, пока эта проблема ушла на второй план.

— А вот что плохо, — проворчал Эльм, — так это то, что чёртовы «дружинники» положили болт с большим пробором на наши договорённости. Возник шум, а шум может привлечь внимание «хозяев».

— Внимание «хозяев» мы и так уже привлекли…

— Спасибо чёртову Эрнесту, — ввернул Свериге

— …и не только их.

Йозеф поднял руку, прерывая ругательства «сержанта». Его глаза медленно сощурились.

— Что значит, «не только их», Стефан?

— Незадолго до вашего прихода с незарегистрированного коммуникатора пришло сообщение.

Свериге и Тиммерман подались вперед, уперив взгляды в текст.

«Отделяй тонкое от грубого осторожно. Особенно когда речь идёт о выделяющихся личностях. Complétum est quod díxi de operatióne sólis.»

— Организация, — сквозь зубы процедил Йозеф.

— Какого хрена они о нас вспомнили?

— Полагаю, им известна наша роль в «Соломе».

В кабинете повисла тишина, прерываемая только отдаленными пьяными криками бойцов.

— А взаимодействие с «кислыми»? — подал голос контрразведчик. Губы его едва заметно, но побелели.

— Не факт. Но любой умный че…личность сможет понять, что вся эта история пованивает.

Снова тишина. Тиммерман встал. Начал мерить шагами помещение.

— Я вот что считаю, Стеф. Командиров отделений массово, по–тихому — в расход при первых же удобных случаях. Авария по пути на работу, аллерген в еде, шальная пуля — я могу обеспечить любое прикрытие. Пятьсот первое раскидаем по окраинам.

— А Эрнест? — мрачно осведомился Эльм.

— Некоторое время, пока всё не утихнет, продержим в дыре, вроде второй или третьей Сабурбии. А после, естественно, тоже выведем.

— Эрнеста трогать нельзя, — спокойно ответил Кюсте.

— Почему это?

— Потому что а) «хозяева» б) Организация довольно прозрачно намекнули, что следят за ним. Я не знаю почему, но этот человек им интересен.

— Внедренный агент?

— Ты сам его проверял. Если его и ведут, то «в чёрную». Нет, устранять его — не вариант.

— А если вывести его… не физически? Его принципы нас до добра не доведут.

— Я думал об этом, — скрестил пальцы Кюсте. — Он пока думает насчёт перевода, но моя пятая точка чувствует — он пойдёт в детективы.

Бессильные ругательства на смеси языков.

— Там он точно нароет грязи, — буркнул мрачнеющий на глазах Эльм.

— Вы не дослушали. Мы можем дать ему цель… скажем, наркокартели. В последнее время они слишком активные, и дело может идти к войне.

— Стравить их между собой? А это идея, — оживился Тиммерман. — У кое–кого из наших… коллег есть доступ к компромату… ну не на нас лично. Мы, как раз, практически не подставлялись. Но вот грязи на «Агни Корп» — у них должно быть очень даже прилично.

— Практически? — поднял голос Кюсте.

— Давно пора их раздавить, — это был стук кулака о кресло Свериге.

— Не получится, — поморщился контрразведчик, проигнорировав первый вопрос. — Такую информацию редко держат без резервных механизмов. Сотрём в порошок — придётся разгребать последствия всплытия дерьма. Лучше уж разменять давление и одного яро копающего офицера хотя бы на часть компромата. Они на это пойдут.

— Комплексное решение? Мне это нравится, — кивнул Кюсте и затянулся сигарой. — А что насчёт тебя, Эльм? Тебя обычно не заткнуть, а тут — как будто кордула на голову намотал.

Свериге окинул собравшихся тяжелым взглядом.

— Я против. А. Н. в будущем может стать важным игроком в верхах.

— Когда ты стал разбираться в политике…

— Ты уже наговорил достаточно, Йозеф, — отрезал «сержант». — А. Н. отмечен «хозяевами». За ним следят в Организации. Мы не знаем почему это случилось, но, блядь, случилось. И те и другие крайне редко вылезают из омута, и если вылезут, то скорее всего по итогам кого–то утянут к себе. Вы понимаете, кого я имею в виду сейчас. Эрнест может подтянуть за

собой всю корпорацию. И согласитесь, рано или поздно он взлетит вверх, если продолжит действовать так, как привык. Все данные у него есть.

— Есть. Но ты забыл, что он принципиален. А мир куда более сложен, чем Экспедиционный корпус. Плюс мы не знаем, какого рода работа с ним будет вестись. А если он предназначен разрушить «АК»? Нет, Эльм, — покачал головой Кюсте, стряхивая пепел с сигары, — я соглашусь с Йозефом. Комплексное решение и вывод из колоды. Нам это выгоднее всего, и это — надежный план.

Эльм скривился. Этот раунд проигран, и славный солдат отправится в землю. Но кроме этого дерьмового ощущения его так же не покидало ещё одно. Предчувствие. Предчувствие того, что в основе «надежного плана» лежит неверно оцененный фактор. Который в будущем ещё всплывёт в самый неожиданный момент.

* * *

Место: Пустоши.

Локация: «Логово».

Время: Среда, 24–25

Город никогда не был сугубо дневным местом. В нём существовала «Бесильня», существовали потаённые логова кордулов и оккулатории «хозяев». Какая–то часть населения не спала — по прихоти или же по необходимости. Но в целом обитатели агломерации где–то в районе исхода суток в любом случае успокаивались.

Но не «Логово». Особенно после сегодняшней… «ситуации». До хрипоты орали аналитики. Упорно пытались дозвониться до не отвечающих агентов и осведомителей операторы, над чьими душами стояли мрачные кураторы. В основном им рано или поздно отвечал пьяный, усталый или заспанный голос. Но многие так и не отзывались — и табачного дыма в обычно стерильном коммуникационном этаже прибавлялось всё больше.

А глубоко под землёй, на минус шестом уровне, попирая… нет, касаясь различной обувью изумрудной плиты неправильной формы, стояли пятеро. Буквы мёртвого языка, покрывающие камень, держали на себе троих мрачных мужчин и двух ещё более мрачных женщин. Четырём мастерам оппонировал единственный, спокойный. Первый среди равных. Ему и приходилось выступать арбитром на совещании, поскольку, как он успел убедиться, остальные увлекались эмоциями.

— Я предлагаю… нет, я требую! Требую крови тех червей, которые ответственны за операцию! Мой отдел потерял сразу тридцать человек за один день! — надсаживался сухощавый Второй, не делая, однако, даже лёгких движений в сторону оппонентов.

— Мой отдел потерял в пересчёте на марки столько, сколько ты спустил на последние три «очищения». Но я не требую крови червей, — жестко сжала губы Четвёртая, ледяная статуя среди мрачных фигур. — Я требую крови рыболовов. Выйдем на них и заодно — возместим все потери.

— Думаю, ваши позиции понятны. Не будем тревожить оставшуюся пару, — склонил голову Первый в сторону привычно лающихся Пятой и Шестого, меняющих позиции в вопросе каждые пять минут.

— Гм, — кашлянул Третий. За всё собрание он не произнёс не единого слова.

— Ох, да, Третий, — поднял бровь лидер. — Говори.

Собрание мгновенно заткнулось. Третий дождался, пока остаточное ворчание и кашель не стихли. И только начал говорить — сухим, как ветер Пустошей, и столь же решительным голосом.

— Если позволите, я отвечаю за внутреннюю политику города. И, если позволите, именно я расскажу, сколько на самом деле мы потеряли.

— Не тяни пружину, — вздохнула Пятая.

— Но не забывай про данные, — ввернул Шестой. И заслужил яростный взгляд от коллег.

— Не буду. За прошедшие сутки мы потеряли шесть процентов агентов и десять — осведомителей.

— Столько сетей рухнули в бездну…

— Но далеко не все. В основном мы понесли потери в материальном исчислении. И — в осведомителях. Некоторые из них были бесценными.

— Джейк выбрался? — неожиданно обеспокоенно подала голос Четвёртая.

— Это кто? — повернулся к соседу Шестой. Он обожал сплетни.

— Официально он застрелился после падения акций. Но мы его вытащили.

— Выведете на покой?

— Пока думаю. Он слишком хорош.

— Так что про материальные потери? — нетерпеливо одёрнула Пятая.

— Они не так высоки, как кажется. Не больше двухста

пятидесяти миллионов марок.

— Мои аналитики говорят о цифре в три раза больше.

— Ваши люди, при всём уважении, любят считать своими карманы, которые мы слегка пощупали. Прямые потери — низкие. Город потерял примерно столько же, в основном из–за биржевой паники.

— Какой будет ситуация на улицах?

— Ближайшие несколько месяцев будет спокойно. Жестокий ответ и полная поддержка «хозяев» дают о себе знать.

— Но за них будут мстить… — прищурил глаза Второй.

— Будут. Но не сейчас. Новое поколение бунтарей должно ещё отрастить клыки.

— Мы сейчас наиболее ослаблены. Я бы ударил сейчас.

— Да, но ваши люди — не бандиты, а вы — не «карандашный» торчок из Мыловарен. Время у нас есть.

— Сколько?

— Не меньше четырёх–пяти месяцев. Сильно зависит от действий СБ.

— А от наших?

Третий замолчал.

— Третий, где пополнение?

— Ты вроде замкнул на себя все потоки мяса…

— И часть финансовых, замечу.

— Насколько помню по тем сухим выжимкам, что мне доставались, у нас уже есть отличные и почти готовые к действиям агенты, — обратился к собравшимся Второй. — Введем их в бой так сказать, с хода, кто выплывет — теми и пополним. Фанфары, девочки, бухло им, нам — закрытый кризис. А следующий набор произведём гораздо спокойнее.

— А в следующий набор вспыхнет бунт джосеров, — раздражённо проворчал Третий. — Или кордулов. Вам напомнить, что это за существа? Или ещё кое–что — что по оценкам моих аналитиков, мы имеем от трёх до шести рас, которые присутствуют в городе, но не дают о себе знать? Мы слишком долго пускали процесс на самотёк, и вот он. Результат. Пять десятков агентов вылетели в трубу во время соплячного бунта.

— Его уже называют Пыльной резнёй.

— Во времена моей молодости его бы называли плохой неделей, — вспыхнул Третий.

— Сути не меняет. Нам нужны агенты.

— А мне нужны солдаты. Нужны финансисты. Нужны операторы. Которых я не получаю.

— Всегда можно пойти на компромисс, — слегка приподняла руку Четвёртая, — поэтому Третий, не перегибай.

— Компромиссы рано или поздно идут к чёрту. Если мы сейчас не переломим ситуацию, то качество агентов начнёт падать каждый год.

— Это предсказание? — подал голос Первый.

— Это прогноз. Прогноз, опирающийся на твёрдую аналитику. У нас есть окно в пять лет. Максимум. После этого — резкая яма стратегических возможностей. Мы уже начали деградировать, и этот процесс будет усугубляться.

— Пока у нас нет ни одного оперативного провала.

— Зато куча косвенных. И они вызваны были не противодействием противника. Наши агенты слишком часто стали раскрывать себя. Слишком часто расслабляться.

— Так какое у тебя итоговое предложение? — насмешливо фыркнул Второй. — Разойтись и забыть о случившемся?

— Для начала — забыть о моих кандидатах. Сначала я им устрою восемь кругов ада, и только на девятом выпущу оставшихся.

Собрание замолчало.

— Что ж, голосуем.

— За, — лаконично сказал Шестой.

— Против, — немедленно отозвалась Пятая, стрельнув глазами в соседа.

— За. Стратегия выглядит продуманной, — спокойно произнесла Четвёртая.

— Против. Не вижу преимуществ в переусложнённом плане, — прорычал Второй, обращаясь в пустоту.

Пауза. Первый наконец повернул маску к каждому из собравшихся. Некоторые отвернулись.

— Мне кажется, что вы, коллеги, слегка забыли нашу главную цель. И оцениваете план Третьего по своим собственным критериям, а не критериям Организации.

— Главная цель на то и главная, чтобы постоянно опережать ход времени, — буркнул Второй.

— Это не значит, что она будет опережать нас бесконечно, — тихо проговорил Третий.

— Вот именно. Я голосую за план Третьего, — тихо проговорил Первый и распрямился во весь свой немаленький рост. — Отныне и до моего особого распоряжения никто не посягнёт на его кандидатов, даже под угрозой уничтожения. Так будет.

— Так будет, — по–разному ответили Мастера. И только Третий тонко усмехался себе в бороду.

* * *

Место: Новый Город.

Локация: Органическая мастерская Визидорфа.

Время: Суббота, 08–31

В обычное время он бы не принял этих гостей. От них воняло потом, порохом и фазисом, а лиловые губы выдавали злоупотребление «карандашами». Обычно… После биржевой паники его обычная клиентура урезала бюджеты на дорогостоящие импланты, и Визидорф остался на голодном пайке. А ведь через две недели нужно было оплачивать страховку. Не какую–то там красную, нет. Зеленую, лучшего образца и одной из лучших фирм безопасности, АгниКорп, да!

Не то чтобы виноваты были только деньги. Один очень важный человек лично попросил за эту банду торчков — отказать было не с руки Визидорфу, предпочитающему иметь деловые связи, а не враждебные. Но ещё ему слишком сильно хотелось дорогого переливчатого тунца, не концентрат супа на ужин, так что стопка жетонов непонятного происхождения от непонятных людей пришлась очень даже к месту..

— Итак, молодой человек, вам нужно восстановить руку, — участливо проговорил бионик, осматривая слегка покрывшуюся коркой спекшейся крови культю. Лазерный ожог. Впрочем, весьма удачный — судя по оплавлению, работала лазерная пушка, а она могла пробить худощавое тельце клиента насквозь.

— Восстановить, — затянулся самокруткой клиент — и сделать сильнее руки,

— Усиленные кости, мышцы?

— Нееет. Кое–что пожестче, папаша.

— Я могу встроить «дерринджер» в кисть, — понимающе пробормотал Визидорф и принялся искать имплант в ящиках, но его одернули за полу халата. Тощее запястье. Бионик поднял глаза и увидел совершенно безумный взгляд.

— Усиленные кости и мышцы — звучит прекрасно, как труп джосера. Но мне ещё нужны лезвия. Две штуки.

— В одну или две руки?

— В обе. По одной. Так, чтобы могли быстро выдвигаться–задвигаться, ну ты понял. Как ящик в столе, — тощий снова затянулся.

— А вы в курсе, молодой человек, что для этого мне придется ампутировать здоровую руку? Имплант таких габаритов…

— Старик, тебе сказали — две штуки, вот и делай, а не разводи сопли! — рявкнул пришедший с тощим здоровяк, надвигая на немолодого бионика пистолет. Кинетический, подумал Визидорф, какая примитивщина.

— Осади, — одернул тощий и приподнялся на кушетке.

Посмотрел слегка плывущим взглядом на бионика. Протянул: — Две. Значит, левая и правая. Плюс пакет этих твоих улучшений. Плюс боевые импланты, если место останется.

— Да, да, я понял…

— Не ссы, потом не порешаю тебя. Я должен иметь в каждом рукаве по тузу, чтоб никто не мог просто так подойти близко…

Визидорф не слушал. Едва получив подтверждающие кивки бугаев, он вколол иглу с обезболивающим и транком. Облачился в плотный халат, надел щиток на голову. Отвёл «быков» подальше («-Это ради вашей же чистоты»). Завёл пилу и принялся отрезать здоровую руку.

Кем бы ни был его клиент — он чертовски хорошо платил.

На всё остальное бионику сегодня было плевать.

* * *

Место: Старый Город, Бесильня.

Локация: Клуб отдыха «Eastwood Sunshine».

Время: Вторник, 07–25. Три месяца, три недели от прибытия кандидата. Весенний сезон.

Штурмовая группа примерно минуту слушала вежливые увещевания «быка». Затем — отодвинула его в сторону и вломилась в заведение. Я иду следом, подняв ствол. Стайки «фей» и их клиентов разлетались в стороны, натыкались на всё пребывающих штурмовиков и отскакивали назад. Мне они совсем не интересны — в конце концов, бордель действительно имел лицензию.

Я прохожу к барной стойке из дешевого пластика. Качаю головой бармену, что–то отчаянно задвигающему вглубь полки.

— Хочешь отправиться на депортацию?

— Ннет, мистер детектив.

— Тогда отвали к бутылкам. И не уходи из зоны видимости — я восприму это как опасность.

Побелевший юнец забивается в угол и перестаёт проявлять активность. Я перекладываю пистолет в левую руку. Держа бармена в поле зрения, вытаскиваю ящик. Сдёргиваю мокрые тряпки, прикрывающие содержимое. Присвистываю. В коробке россыпью лежат «карандаши» самых разных цветов. Я достаю один. Тыкаю под нос служаке.

— Сколько этого у вас?

— О чём вы? Мне оставили это на хранение…

— Твоё хранение тянет на расстрел на месте при сопротивлении. Сколько эмне ещё в здании?

— Немного мистер…

— Пушеры такую коробку на два месяца получают, — отрезаю я, закрывая коробку. — Суд неприятно удивит тебя степенью наказания. Разве что только ты…

— Эрнест!

Я выругиваюсь. Младший детектив Гуртак, вчерашний выпускник Академии, появился очень не вовремя. И не один — сзади корчит мины Ганс–Ове Нахт. Ветеран участка и его легенда пытается сдержать молодого идиота. Выходило пока не очень.

— Чего тебе?

— У них тут прямо джанки–склад! Всего ещё не нашли, но… — парень и не думает останавливаться. Я слежу краем глаза за подозреваемым. Тот смелеет с каждой секундой и поглядывает куда–то вбок, снова под стойку. Традиционное место для последнего аргумента бармена.

— Гуртак.

— Что?

Бармен делает отчаянный рывок к стойке. Я отпускаю коробку раньше. Три отдельных треска лазерного разряда. Три дыры в груди свидетеля–обвиняемого. Тяжелораненый с хрипом падает на пол. Вздохнуть, повернуться к коллеге.

— Завалил бы ты пасть перед подозреваемым, — вздыхаю я и сгребаю под мышку коробку с «карандашами».

III. Один не очень хороший день

-

Глава 3.1. часть первая

Место: Старый Город.

Локация: Доходный дом Стэнтора.

Время: Вторник, 07–25. Четыре месяца от прибытия кандидата. Весенний сезон.

Будильник после бурной ночи звучал адскими колоколами. Эрнесту отчаянно не хотелось вставать, одеваться и идти куда–то. Но — затаившаяся дисциплина дала о себе знать. Поэтому он встал. Выматерился. Опёрся о стенку, на мгновение залюбовавшись длинной женской ногой, прячущейся под одеяло. Вздохнул. Агнетт не обидится отсутствию внимания. А вот работа, хоть работа и нелюбимая — ещё как обидится. А и рыжая не уйдёт из квартиры, пока не выгонит хозяина квартиры пинками за порог.

Хотя степень хозяйствования Эрнеста, как и всего в этом городе, была весьма условной.

— Что там на улице? — сонно пробормотала севшая рыжая. Она хаотичным жестом пытаясь сделать причёску хотя бы зачёсанной в сторону от глаз.

— Дождь, — негромко обронил Эрнест, раздвигая пальцами две ламели жалюзей. Шёл достаточно унылый медленный дождь. Странно, подумал А. Н., в голову ударило сначала зрелище дождя, и только затем звуки. Надо больше спать, определенно. Даже если альтернатива сну — весьма приятная.

Агнетт издала утробный вздох, символизирующий разочарование во всём белом свете.

— Ну вот, а я пришла вчера, как на званый вечер.

— Можешь как–нибудь забросить ко мне нормальные брюки.

— Размечтался.

Эрнест прошёл на «кухню» — небольшой угол в дальней части квартиры. Включил кофеварку, потянулся к комбайну, запустил обычную утреннюю программу и достал из холодильника две банки «Трокадеро». Одну поставил на кофейный столик. Вторую покатал между лопаток рыжей, дождавшись шипения.

— Вот зачем?!

— Чтобы лучше проснулась.

— Для этого потащи меня в душ и напои кофе, — протянула девушка

— Вечером. Не хочу опоздать, после душа я обязательно опоздаю в участок.

— Это комплимент?

— Он самый.

Агнетт сонно фыркнула. За несколько секунд нашла бельё и большой, «военный» свитер. Давно, до степени лёгкого малинового запаха, приватизированный в качестве домашнего платья для квартирки А. Н. Платья ей вообще удивительно шли. Как пальто, береты и шляпы. И не скажешь ведь, что любит проводить время «в поле», записывая у каких–то богом забытых поселенцев местные мифы и байки.

А именно туда она направится, когда злой и перегретый кофеином Эрнест поплетётся в участок. На любимую работу.

— У тебя что–то с настроением? — менее сонно, но более требовательно спросила рыжая, мягко отпихивая А. Н. по пути в ванную.

— Всё нормально, — спокойно соврал Эрнест. Правда, выдавить улыбку не смог. — Просто слегка не выспался. Кое–кто совсем не давал спокойно считать овец.

— Нечего было руку ложить куда не стоит! — крикнула Агнетт из ванной. Послышался шум воды и отвратительные, напоминающие вой джосера, звуки ультразвуковой зубной щётки.

— Класть!

Лёгкая ругань. Эрнест улыбнулся и обратил внимание на кофеварку — она плевалась горячим кофе всё с большим шипением, что явно говорило об окончании процесса варки. Достал две кружки. Поменьше и побольше. Первую — для себя, вторую — для рыжей. Сливки, сахар. Сиропа не оставалось, как и апероля, но был дешевый миндальный ликер.

Натянуть брюки, вытащить свежую, заранее выглаженную женской рукой рубашку. Добавить подтяжки, повесить на ближайшую дверную ручку галстук. Вскрыть банку лимонада, наполовину опрокинуть в глотку. Добавить ещё глоток. Наконец, начать слышать все звуки и запахи.

Звуки душа стихли, ручка повернулась. Галстук полетел на пол. Эрнест встретился взглядом с удивленной рыжей.

— Кто вообще вешает галстук на ручку двери?

— Не ходи голой. Иначе соседи однажды убьют меня, пока ты в душе. Просто из чувства зависти.

Агнетт усмехнулась. Обтерлась полотенцем, отбросила его куда–то в сторону кровати. Показательно медленно прошла к жалюзям и закрутила их до закрытого состояния. Вернулась на «кухню» быстрой, бесшумной походкой. При всём желании Эрнест не мог разглядеть, как она перебирала ногами по ковролиновому покрытию. Требовательно протянула руку, получила свою банку. Переложила в левую, снова протянула. Получила рукопожатие.

— А кофе? — подняла бровь девушка.

— Остынь, горячая женщина, — легонько щёлкнул по курносому носу А. Н.

Рыжая фыркнула и вскрыла банку. Эрнест спокойно разливал кофе, рядом с кружкой Агнетт поставил сливки — он никогда не мог «поймать» нужное количество. Смятые банки лимонада отправились в урну. Проходя мимо по направлению к урне, девушка коснулась рубашки, оставив мокрый след.

— Я рада, что ты наконец–то работаешь мозгами.

— Хоть кто–то из нас, — тонко улыбнулся А. Н. Агнетт фыркнула и пожала плечами.

— Как только я наработаю достаточно материала — забуду о поездках в Пустошь.

— К тому времени, наверное, я уже получу резидентство.

— Эй! Где вера в подругу!

Хохот, лёгкий удар тонкой женской ладонью. Поцелуй, вручение кружки с настоем на кофейных бобах.

Молчаливое поглощение кофе. Где–то отдаленно зазвучало щёлкающее джосерское ругательство. Судя по длительности — довольно изощрённое.

— Ты сегодня сразу в институт?

— Нет. С этим дождём я промочу всё подряд, начиная с лодыжек. Тебе придётся ставить урдалебские травяные мешки, а мне — пить отвратительные человеческие лекарства.

— А урдалебские же лечебные мази, значит, не в счёт? — поднял с улыбкой бровь Эрнест.

— Знаю я твои лечебные мази, — проворчала Агнетт, едва сдерживая смех. Первые пять минут только хватит тебе на втирание, а дальше распустишь руки.

Эрнест оделся быстро. Рубашка. Брюки–ремень. Заправить. Подшутить над Агнетт. Вытащить пиджак, положить кастеты внутрь карманов. Проверить наличие табака в кисете, проверить пистолет. Искать галстук, не найти. Искать тщательнее — все равно не найти. Увидеть хитрое лицо рыжей.

— Галстук у тебя?

— Всё–то вы знаете, детективы, — вздохнула Агнетт.

— Ничуть. Я не знаю, сколько тебе лет, да и твоей фамилии тоже. Не псевдонима.

— Мы пока под венец не собираемся, — закатила глаза рыжая.

В другое время Эрнест бы непременно попытался надавить. Столкнулся бы с юлящей рыжей. Поспорил, поорал бы, а в итоге — сильно поссорился. Но последнее время на него накатила апатия — из–за любимой работы. Так что сегодня он просто собрался, проверил комплектность рюкзака, оделся и смиренно

ждал, пока Агнетт соберется и выйдет с ним. Она вызвала на «вафельнице» такси. А. Н. решил пройтись пешком.

Лэндинг: Утренние нюансы

Заголовок: Свежие новости под свежий кофе!

Одобрено Хозяевами: да

Доброе утро, Город!

Сегодня вторник, за окном дождь разводит грязь, а с вами снова я, Джанни Корбуччи! Запахивайте поплотнее ваши тренчи и дафлкоты, включайте подогрев киберштормовых ветровок и налейте себе что–нибудь горячительное, прежде чем читать, слушать, смотреть старину Джанни!

О главном к этому часу.

Как сообщает «Вестник СБ», в целом прошедшая ночь была спокойной. Сообщается только о десятке драк и одном случае ограбления. Грабитель уже найден и расстрелян, его семья готовится к депортации. Не шутите с законом, ребята!

Производственное объединение «Валэгх'ургт'рей» (да простят меня уважаемые урдалебы если неправильно сказал) наладило производство улучшенного биогеля. Сообщается, что он не будет оставлять уродливые шрамы, что позволит минимизировать необходимое вмешательство косметологов. Эй, мазохисты, хорошая новость для вас!

Городской магистрат сообщил, что в повестку пятничного заседания вопрос о повышении квот на иммиграцию не будет поставлен, несмотря на все рекорды этого миграционного сезона. По словам представителя славного человеческого чиновничества, цитирую, «этот вопрос не в наших компетенциях». Ну, задать вопрос стоило.

Кстати, о мигрантах. Палата Гостей провела плановую проверку колонии асакку — их оказалось на четыре тысячи больше, чем в прошлый раз. Пока наши уважаемые «хозяева» и тоже уважаемые чиновники пытаются разобраться в том, как такое могло произойти. Обычно считается, что эти мечехвосты–переростки не особо активно плодятся, но вот «гости» так не считают. Лично я понятия не имею, куда нам деть столько мечехвостов — разве что спустить всех в ливнёвку почистить.

О валюте!

Усреднённый курс, установленный пробирной палатой Города, составляет пятьдесят марок Метрополии за урдалебский жетон, тридцать две марки за «палку» окапи и восемнадцать за «глазок» джосеров, а так же сто двадцать монеро за марку.

О культуре!

Вчера вечером известный городской музыкант…

Дождь даже не думал останавливаться. Он пробивал простой плащ цвета хаки, купленный с первой зарплаты после устройства на работу, неприятно мочил пиджак. Ну и тротуар — само собой разумеется. Хотя ливневая канализация справлялась на «отлично», потоки воды, текущие с ближних к Цитадели кварталов, все равно намочили бы форменные туфли детектива. Если бы Эрнест соответствовал дресс–коду, естественно.

На неформальный стиль управления он положил известный орган после того, как преследовал упрямого взломщика девять кварталов, вплоть до Зеркального озера. Прямо как сейчас — по дождю. На окраине сквера у пруда детектив слегка поотстал. Но дальше уже было рукой подать до Мыловарен. И взбешенный упрямством подозреваемого Эрнест побежал, как есть. В туфлях по клумбам, лужам и газонам.

После того случая пришлось уходить на больничный. А туфли были выкинуты в самый дальний угол шкафа. Армейские берцы, при всех своих недостатках, годились к таким забегам куда лучше. А сочетаются они или нет с тренчем — А. Н. не волновало. Особенно — сейчас, преодолевая мелкие, по щиколотку, потоки воды, стекающие с «верхов» в «низины».

В детективном отделе не было привычных Эрнесту планёрок. Он получал через децентрализованную сеть задания на неделю и старался их выполнить. Точнее — старался выполнить, не умирая от скуки и обучаясь тонкому искусству имитации бурной деятельности. Поскольку находясь на рабочем месте (стол посреди зала) уже с месяц, А. Н. занимался чем угодно, но не расследованиями.

Установка разнарядки по патрулям. Сочинение писем озабоченным клиентам, причём каждое следующее всё больше сводилось к отписке об исполненных мерах. Ответы на приходящие валом звонки. Приведение документации в сколь угодно читаемый вид, поскольку, по первым прикидкамЮ внутри управления по расследованиям существовало как минимум восемь различных систем ведения отчётности и служебной документации.

Текущий день пока ничем не отличался от предыдущих.

Вялые сонные приветствия. Отбывающие курить в неведомое пока место курильщики. Кипа рутинных дел, не требующих особой активности извилин. Прихваченная в кармане банка «Трокадеро», выкуренная за полчаса неспешного хода трубка.

Что ж, утренние задачи. Стайка джосеров недалеко от частного кондоминиума, занимающего с две трети квартала. Отправить патруль, отчитаться. Воровство в жёлтом квартале — внести в базу данных, получить автоматическое уведомление о превышении уровня выбранного показателя. Отчитаться. Распределить зоны патрулирования на неделю. Отчитаться. Услышать:

— Ганс. Гаааааанс!

— Чего тебе?

— Выдай новичку порцию дел от чёртова Варна! Старый бес бросил всё на полпути, да ещё и у меня на столе, сам понимаешь, оно мне нахрен не нужно!

Означенный Ганс–Ове, пожевав губами, забрал папку инфопланшетов. Полистал содержимое, перекинул на стол Эрнеста. Сообщил:

— Тебе пополнение. Как будет время, полистай. Вдруг чего полезного найдёшь.

А. Н. сверкнул глазами. Придвинуть к себе папку, холодно поблагодарить и всем видом показать полное увлечение высвеченными на голопанели данными.

Вернуться к упорядочиванию документации.

Старый детектив Варн ушёл на пенсию за две недели до перевода Эрнеста. Психанул немного на старости лет. Заявил, дескать, надоело уже видеть выворачивающие нутро картины на ночь глядя. Желудок не тот, видите ли. Ушёл Варн по–английски — поныл слегка в пятницу утром, понимания не встретил и всерьёз воспринят не был. И уже вечером сдавал заявление в отдел кадров. В понедельник его рассчитали, и бывший детектив уехал довольный. В какую–то из сабурбий.

И разумеется, как у всякого опытного сотрудника, у Варна имелась своя собственная система учёта, заполнения и ведения документации. Её он приводил порядок только к очередной проверке. Которая ожидалась только через полгода. Так что в «закутке» Эрнеста беспокоили только штабеля информационных планшетов, содержимое которых нужно было рассортировать и сверить с базами данных.

Впрочем, иногда А. Н. хотелось незарегистрированные и давно брошенные дела просто стереть из–за полной ненадобности. Система позволяла, но воспитание — нет. Пока что. Но что–то делать с явно выбивающимися из общей канвы

файлами нужно было. С какими–то данными по химической промышленности, куском списка промышленных зданий Мыловарни и характеристика четырёх сидевших дилеров мелкого розлива. Хлам, одним словом.

Тоновый сигнал коммуникатора известил Эрнеста о визите высокого начальства. Он слегка пригладил растрепавшиеся волосы. Придал телу расслабленное положение, а лицу — одухотворённую мину. Дождался, наконец, открытия двери в офис.

— Сидите, сидите. Я к нашему молодому дарованию, — проскрипел Вазаф. Начальник участка и нынче — самый главный из многочисленных начальников А. Н.

— Чем могу быть полезен? — подорвался Эрнест с рабочего места. Начальство покровительственно помахало рукой. Как и всегда, вне зависимости от дерьмовости задания.

— Ох, Эрнест, вы уже сделали достаточно, чтобы вас отлить в золоте, — Лучше так, чем просто отлить на меня, мрачно подумал А. Н. — Видите ли, мы столкнулись с определенной проблемой.

— Слушаю, — Эрнест скрестил пальцы, ожидая очередной истории про забежавшего в подвал наммунга или кошку элитных сортов, пробитую шипом асакку.

— Видишь ли… — Вазаф доверчиво наклонился над заваленным рабочим местом А. Н. — Эрни, у нас возникла проблема. Наши резиденты из «зелёного» района подают массово заявления о бродячем убийце.

Эрнест поморщился. Но — только в мыслях. Он крайне ненавидел, когда кто–то называл его фамильярно, но старался не подавать виду. Просто на всякий случай.

— Это точно убийца? — как можно более небрежно осведомился он. — Гражданские склонны в каждой тени видеть как минимум бешеного джосера, и только потом выясняется, что речь о десятке несвязанных наездов на «вафельнице».

— К сожалению, я склонен поддержать их точку зрения. Многое говорит, что мы пропустили проникновение очень злого кордула.

— Кордула? — Эрнест поднял брови. — Их нещадно истребляют во всех районах, кроме красных и чёрных.

— Ты понимаешь всю тонкость ситуации. Кордул в зелёном районе — нонсенс. Или же наш большой провал, как посмотреть. Признаюсь, я сам подумывал про банду отморозков. Не так давно к нам заходил с налётом Тощий Барри, а до него — Гибкий Джим. Оба наделали делов. Но сейчас речь идёт о системном нарушении режима сегрегации, а это, сам понимаешь, ни к чему хорошему не

ведёт.

— Почему я? У меня работы невпроворот с этой документацией…

— Забудь про бумажки. «Хозяева» уже выходили на связь. Пока что не самая верхушка, так, подножие холма, но ты прекрасно понимаешь, какой оборот может принять дело, если Цитадель вдруг решит, что мы недостаточно активно расследуем дело.

— Как скоро мне нужно дать результат?

Вазаф замялся. Подошёл ближе, обдавая несвежим дыханием и брызжа слюной при каждом слове.

— Я тебе так скажу, Эрни. Дай в ближайшее время хотя бы видимость прогресса — и все будут довольны. Когда шумиха уляжется — разберемся с этой ситуацией нормально. Ну там — с чувством, толком и расстановкой. Сейчас слишком много паники, слишком много нервов… сам понимаешь, как она вредит нашему делу.

Эрнест медленно кивнул.

— Вы хотите ИБД? — понимающе осведомился он.

— Прости, чего я хочу? — нахохлился начальник. Видимо, вяло подумал детектив, в армии он не служил.

— Имитация бурной деятельности, — буркнул А. Н. Вопрос следовало прояснить сразу, и резкой реакции начальника он не боялся.

— Да тише ты!.. — Вазаф шикнул и оглянулся, — Какие опасные слова вы знаете, Эрнест А Эн.

— Что есть, то глупо отрицать, — бросил детектив, барабаня пальцами по столешнице. Происходящее давно перестало ему нравиться. Не сегодня и даже не вчера.

Убойный отдел напоминал ему тонущий остров вроде тех, что принадлежали архипелагу Высадки. Такой же забитый озабоченными своим благосостоянием, а не ходом дел престарелыми дельцами.

— Я понимаю, что для тебя, как для недавно пришедшего в наш отдел, подобное непривычно… — пухлый начальник обмакнул потный лоб платком, — но всё же. У нас есть куда больше действительно важных ежедневных дел. Которые, ну ты знаешь, не окажутся ДТП с участием пикирующих такси.

— Понимаю, — спокойно кивнул Эрнест.

— Тогда, без обид, задачку я повешу на тебя. Попрактикуешься в добыче информации, развеешься слегка. Не дело это — мужику гнить в окружении инфопланшетов, хоть убей, но не дело…Двести пятьдесят марок на расходы сейчас же обязую бухгалтерию тебе отсчитать.

А. Н. сдержанно кивнул. Двести пятьдесят — это прилично. Чуть больше дневного заработка детектива. Если умудриться потянуть время и пустить все дневные на себя — можно прилично заработать. Хотя, укусила Эрнеста внезапно пришедшее озарение, может именно подобные расценки и были причиной творившейся в участке апатии? Нет, не может быть такого. В конце концов, у них же достаточно неплозой коэффициент раскрываемости — 0.6…

— Тогда разбирайся. Сегодня, от силы в три я жду от тебя первичного отчёта. Что сделал, как сделал, ну ты понимаешь. Искренне надеюсь, что это всё же была какая–то дикая банда. Вторжение поражённого в правах на «зелёную» территорию… даже представить не могу что хуже!

Эрнест молча наблюдал, как причитающая пухлая туша покинула кабинет убойного отдела участка В8–11. Тихо вздохнул, едва начальство удалилось. И позволил себе перебрать инфопланшет. Три листа «умной» бумаги и носитель данных, ничего особенного. Даже гриф секретности говорит о низком допуске.

Итак.

В наличии четыре трупа. Один в «жёлтой» зоне и, по идее, должен рассматриваться исключительно как статистическое дополнение к другим. Но, вот незадача, другие три совершены в «зелёном» районе и имеют схожие признаки. Следы челюстей, частичное изъятие плоти. Следы, сильно напоминающие кордульскую «азбуку морзе», оставленные у тел безвременно ушедших. Много крови.

Напоминало ли это стили известных Эрнесту банд?

Нисколько. Но чем «хозяин» не шутит, возможно, всё куда прощё, чем кажется. Эрнест вздохнул. Убрал инфопланшеты в стол, запер ящики. Накинул тренч, вышел курить. Небольшая доза никотина была сейчас очень к месту. Хотя приходилось ей наслаждаться в одиночестве.

А. Н. не посвятили в «курилку». На любом месте работы есть такое место, достаточно потаённое от глаз начальства. А ещё — ветра, осадков и иных преград для спокойного убийства здоровья. Однако Эрнест так и не смог пока дождаться точного указания места, а «садиться на хвост» ему претило. Так что курить трубку он уходил к соседнему, разваливающемуся зданию. Там во дворе «внутрянки» была хоть и покосившаяся, но не заплеванная беседка.

Дождь не прекращался, поэтому забивать табак А. Н. начал только в беседке. Утрамбовать, отряхнуть табачные крошки. Поднять глаза и мысленно выругаться — через арку шёл Нахт.

Легенда участка. Детектив, который довёл до конца девять из десяти дел и отказывался подниматься до лейтенанта. А ещё, как ходили слухи — запойный молчаливый алкоголик в свои неполные пятьдесят.

Впрочем, на внешности и делах это пока не отражалось. Интересно, машинально подумал Эрнест, на сколько ещё хватит его здоровья?

— Привет, — бросил Нахт, не вытаскивая руки из карманов и вперив в детектива свой немигающий взгляд. — Всё никотинишь, смотрю?

— Угу.

— Зря. Я бросил двадцать лет назад и как будто камень с души сбросил.

А. Н. пожал плечами.

— Слышал, на тебя упало дело по кордулу? — прищурился Ганс–Ове.

— Да. Вазаф считает, что дело явно не в нём.

— Старик хочет так считать. Где одна сороконожка — там и десяток, а «хозяева» относятся к их миграциям довольно нервозно.

— Раньше они не забирались так далеко от Инсектария.

— На самом деле нет. Забирались. Но очень редко и по особо веским случаям. Да и тогда их раса была куда более многочисленная.

— Вот видишь.

— То есть ты поддерживаешь Вазафа? — поднял брови Ганс–Ове.

Эрнест затянулся. Он очень не любил болтать о личном отношении к кому–либо на работе. Особенно — в окружении детективов, каждый из которых в той или иной степени является треплом. Наконец, выпустил клуб дыма в сторону и поднял глаза:

— Его теория не лишена оснований. Но точнее смогу сказать только на месте.

— А мне говорили, задание включает в себя имитацию бурной деятельности, — прищурился Нахт.

— Говорят, что урдалебы летают, — парировал Эрнест. — Я уже засиделся за документами. Скоро обрасту мхом и образую симбиоз с креслом.

— Понимаю, А Эн. Сам когда–то проходил через подобное.

А. Н. не ответил. Табак уже почти догорел, но возвращаться в участок не хотелось. Как и говорить с кем–либо. Он вытряхнул трубку, обстучав о деревянную подпорку. Затоптал тлеющий табак. Собрал курительные принадлежности, запихнул в объёмистый карман тренча. Сообщил любующемуся дождём

Нахту:

— Если Вазаф спросит — я поехал осматривать места происшествия. Может, дело удастся переквалифицировать в самом начале. Ему же меньше мороки от «хозяев» будет.

— И только?

— Что «только»?

— Только осматривать место преступления?

— Свидетелей опрошу потом. Это механическая работа, для начала хватит составления сводного списка, по которому потом начну обходить. При первом попавшемся поводе, наверное. — Эрнест сделал скептичную полугримасу и поправил шляпу. Нахт, замерший в проходе, не шелохнулся. В очередной раз пристально взглянул в глаза А. Н., вздохнул.

— Тебе понадобится помощь, хочешь ты того или нет. Нужно опросить хотя бы часть свидетелей и набросать план работы на другие дни.

— Возможно, и так, — наклонил голову Эрнест.

— Точно так, — проворчал Ганс–Ове. — Тебе за чем–то нужно заходить в офис?

— Рюкзак.

— Рюкзак? — детектив поднял бровь.

— Рюкзак. В нём слишком много полезных мелочей.

— Окей, я жду тебя возле входа. Фрэнки должен вот–вот подкатить тележку, хочу перед дорогой перекусить.

— Эм? — поднял бровь Эрнест.

— Ты на чём обычно добираешься до места преступления?

— На монорельсе, — недоумённо ответил А. Н.

— Эх, молодежь, — сплюнул Нахт. — Я тебя доброшу до места на служебном мобиле, а там разберемся, нужна тебе помощь, или нет.

— Спасибо, — буркнул Эрнест

— Поставишь мне пива, как всё закончится, — отмахнулся немец.

— Да без проблем.

— Учти, я могу выпить много! — крикнул в спину Ганс–Ове, когда Эрнест быстрым шагом вышел из проёма.

А. Н. не горел желанием принимать помощь кого–либо из участка. Но одновременно — отчаянно не желал останавливаться в развитии. А Нахт, пусть даже стоящий чуть в стороне, обладал опытом старого бойцового пса. У него стоило взять пару факультативов.

<передача данных прервана>

Глава 3.1. Часть вторая

<передача данных возобновлена>

Место: Старый Город.

Локация: Опорный участок B12 службы безопасности Agni Corp. Armoured.

Время: Вторник, 10–25.

Не обращая внимания на тихие смешки за спиной Эрнест быстро прошёл в свой угол. Убедился, что замок на рюкзаке нетронут, но всё–таки проверил. Действительно, сверху — тряпка, покрытая слизью наммунга. Запихнуть поглубже не успели, и хорошо — второй клапан не пропускал кровь, не пропустил и это. С каменным лицом и тряпкой в кармане А. Н. вышел, а уже у выхода незаметно закинул тряпку в капюшон одного из наиболее раздражающих детективов.

— Боги, ну и детство в заднице, — проворчал Эрнест, выходя из отдела. — Как будто нечем заняться.

Лэндинг: Чёрный листок.

Заголовок: Очередное убийство снайпером

Одобрено Хозяевами: да

Простое помещение. Пенобетон, два кожаных кресла. Ведущий в кожаном пиджаке, не мигая, смотрит в камеру.

— Добрый вечер, уважаемые зрители. Для начала поприветствуем наших постоянных спонсоров — Olevka, Comrade Steel, Yosya и конечно же, CptAhab.

<звуки апплодисментов>

— Этим вечером мы хотим поговорить об одной из свежих городских легенд. Как и многие другие, она касается крови, преступности и высоких технологий. Мы поговорим о Вечернем Снайпере. Винсент, что вы думаете об этой личности? Легенда ли это, быль или просто маскировка для чьей–то операции под ложным флагом?

<камера сдвигается на массивного мужчину при усах и очках>

— Спасибо, господин ведущий, за вводную речь. Я полагаю, вопрос существования Вечернего Снайпера уже давно решён, в первую очередь — самим фактом многочисленных заказных убийств. Тем не менее, мы не можем выделить, какие убийства действительно сделаны

им, а какие — просто приписываются.

— Почему же?

— Потому что каждое четвёртое заказное убийство, — вмешивается второй гость, — реализуется при помощи дальнобойного оружия.

— И что же тогда особенного в этом убийце?

— Необычность достигается скорее обстоятельствами выстрела. Преступник использует лазерную пушку, модифицированную для стрельбы со сверхдальних расстояний. При этом он избегает модернизации, направленной на невидимость лазера — что делает его более уязвимым к облавам. Это странный выбор, учитывая, что ради незаметности наемные киллерыобычно используют кинетические винтовки.

— И да, это его совершенно не волнует. Как и место, где найти цель — большая часть убийств, ассоциируемых с «ВС», происходят в крайне неудобных местах.

— Защищённых?

— Напичканных камерами, свидетелями, биоботами в воздухе и прочими атрибутами тех мест, которые принято называть безопасными. «ВС» убивал человека в двадцатитысячной толпе во время празднования Дня Высадки — и защищённого авторитетного торговца, найдя уязвимое место в кладке, диагональю с пятнадцать сантиметров. И каждый раз находилось место стрельбы, лазерная пушка — но ни единого указания на личность стрелка.

— После Пыльной бойни не было ни одного покушения. Вы думаете, «ВС» депортирован или убит?

— Полагаю, он просто затаился. Или у него пока недостаток работы.

Улица неожиданно встретила его ясным солнцем. Озоновая свежесть смешивалась с ароматом чего–то горячего, острого и пряного. В общем, хозяйской еды. И действительно, неподалеку спокойно принимал марки, жетоны и прочие деньги «хозяин» в невзрачном плаще. Безопасники общались с ним, словно с добрым стариком–мороженщиком. А неподалеку Нахт преспокойно поедал мьёлле деревянной вилкой странной формы.

— Не знал, что «хозяева» работают в сфере обслуживания.

— О, где они только не работают, — хмыкнул Нахт. — Хотя, насколько знаю, никто из них не беден в привычном нам смысле слова. Не хочешь перекусить? Пока я доем, Фрэнки может и тебе собрать в дорогу ланчбокс, хе.

Эрнест хмыкнул. С одной стороны, он не любил кулинарные эксперименты. С другой — вроде патрульные берут с удовольствием. А где они едят — там может есть любой без опаски для желудка. Через пару минут он под аккомпанемент щёлкающих приговариваний удивительно болтливого «хозяина» обменял один пятьдесят марок на одну порцию блюда, а ещё через пять — аккуратно отправлял смесь лапши, кусочков чего–то непонятного (овощи? белковые улитки?) и горячего, острого соуса себе в рот.

Аккуратно — потому что Нахт водил лихо. Старый мобиль с рёвом менял эшелоны, пикируя и делая «горку», пару раз расходясь впритирку с другими транспортными средствами в воздухе. Один раз кто–то начал грозить кулаком (судя по толщине лапы — урдалеб), и вздохнувший Нахт достал пистолет. Дебошир отвалил в сторону от потока, и когда мобиль наконец–то встал устойчиво в поток, Эрнест негромко осведомился:

— Ты всегда так водишь?

— Только по понедельникам.

— Но сегодня вторник, — слегка улыбнулся А. Н.

— Значит, и по вторникам тоже. Не зевай, а то эти свинские отродья так и норовят меня подрезать. Мьёлле так себе отстирывается, предупреждаю.

— У меня достаточно крепкие руки, — заверил Эрнест, прикрывая крышку при первом же намёке на пике. — Мы в «жёлтый» район?

— Ага. Граница Старого Города с первой сабурбией. Ты глянул хоть дело?

— Одним глазом в течение десяти минут.

— Тогда ты помнишь что там.

— Лесли Аллен, семнадцать полных лет, найдена вчера вечером. Плоть на бедрах объедена, «азбука морзе» в пыли рядом.

— Можешь поставить еду в подлокотник, там ниша подходит контейнеру, как гильза капсулю. Отлично. Теперь можешь открыть дело и сказать, что ты пропустил.

Эрнест обдал руки санитайзером, потряс в воздухе. Извлёк из отделения для бумаг инфопланшет алого цвета. Приложил палец, пролистал файлы до последней записи. Вздохнул.

Лесли Аллен в два часа двадцать минут пополуночи была встречена дома матерью. Обе были сонные и абсолютно спокойные. В три часа база данных звонков зафиксировала беспокойные звонки от двух абонентов, автоматическая оценка программы распознавания угрозы выставила оценку в 45–55 процентов, что соответствовало перенаправлению запроса ближайшему патрулю. Тот проехал по Проёму, но ничего не

обнаружил, кроме пьяного бродяги человеческого генотипа.

В четыре часа ноль пять минут диспетчерам филиала резко перегрузили линию паническими звонками. Весь наличный состав был поднят по тревоге. В четыре часа тридцать две минуты фельдшер местного филиала «Агни Корп», приехавший по вызову офицера Видса, зафиксировал находку трупа.

Место преступления было прилично загажено. Нет–нет, жертву нашли в приличном районе. Проём между первой сабурбией и основным Городом — одно из самых спокойных мест. Через десяток лет ему прочили славу второго Жетона. А сейчас — небогатые обитатели, мало работы и чистый воздух. А, да — и страховка очень редко зелёного класса.

Так что проулок, в котором лежала мёртвая Лесли, был сам по себе чистым. Но вот местное отделение «Агни Корп» ловило мух. К тому моменту, как прибыл коллега Нахта и А. Н., местные затоптали все следы настолько сильно, что выпущенный ещё на подлёте биобот не считал толком ничего. Только прерывистые фрагменты следа, примерно соответствующего кордульскому. И куча смешанных феромонных следов повсюду. Про частицы биоматериала и говорить нечего — за сутки работы выявили только два десятка бродячих котов, двух енотов и одного, неизвестно откуда взявшегося, наммунга.

Судмедэксперт уклончиво допустил вероятность органического характера повреждений. То есть — и вероятность, что длинные ноги Лесли пожрал кордул. Химический анализ крови выявил стандартный набор шального подростка — остаточные следы фазиса и минимальные следы «карандаша». На костях местами обнаружены следы колюще–режущих предметов, но, судя по медкарте, два года назад девушке делали какую–то операцию. Окапи в местной сертифицированной клинике.

В поле зрения СБ семья (полная, кстати), не попадала. Страховку и коммунальные слуги оплачивают исправно, как и пониженный налог на резиденство. Стабильная работа у родителей, два мобиля у семьи. «Зелёный» колледж. Всё неплохо, соседи любили девушку, преподаватели отзывались исключительно в восторженном тоне.

— Меня смущают два момента.

— Ну.

— Даже три, вру. Первый — почему никто не опросил её круг общения? Студенты, сверстники, — их тут нет. Зато есть те, кто узнают всё в последнюю очередь — преподаватели и родители.

— Тело ещё не до конца остыло, Аэн.

— Допустим. Второе — почему приличная всеми любимая девушка баловалась фазисом и «карандашами»?

— Вариантов тысяча.

— И третье — что она делала в шести километрах от дома? Её родители живут на окраине сабурбии, но точно не в Проёме.

— Ну и что ты думаешь из этого извлечь? — негромко произнёс Нахт. Мобиль покинул воздушное пространство Города, и детектив заметно успокоился.

— Потянем за одну ниточку — вытащим все остальные на свет и рассмотрим. Пока что мне кажется, что Лесли не просто так оказалась в проулке.

— Она только одна из четырёх, не забудь.

— Да, заметил. Виктор Ремуар, Вальдана Бекс, Анатолий Кривицкий, и только затем — Лесли Аллен. Девять дней назад, шесть дней назад, три дня назад и… чёрт. Вот почему дела связали.

— Да. И неполные сутки как новая жертва. Каждые три дня подряд.

— Это всё ещё может быть серийник. У кордулов более быстрый цикл метаболизма. И они бы обглодали все кости, а не только ноги.

— Может, это был один? Я, во всяком случае, не слышал про случаи массового помешательства сразу стаи сороконожек.

Машина пошла на снижение. Двигатель понизил обороты, а Нахт, поглядывая на обзорные камеры, все же высунул голову наружу. Промахнуться мимо небольшой «вафельницы» и попасть на муниципальный штраф никому не хотелось. Заметив, что Ганс–Ове уверенно сел обратно и отжал сначала ручку колёс, а затем — и ручной акселератор, Эрнест заметил:

— До прошлой недели уже забыли и о проникновениях в зелёные кварталы.

> *Лэндинг*: Утренний риелтор
>
> *Заголовок*: Вторая сабурбия — рай или застойное болото?
>
> *Одобрено Хозяевами*: да
>
> Студия. Приглушённые тона и свет, негромкий спокойный голос ведущего.
>
> Уютный патио где–то на крыше небоскрёба. Газон, фонтан, три плетёных кресла. Вокруг — идеальное многообразие архитектуры города — резные каменные стены из «прозрачного» камня, человеческие небоскрёбы стремительных линий. Тихая музыка окончательно умолкает и ведущий (приятный улыбчивый мужчина в «выходном» костюме) берёт слово.
>
> — Доброе утро, Город! Дождь, как всегда,

прекратился так же резко, как и начался. А это значит — что мы снова в нашем патио, с вами снова Вальтер Каминski и мы снова подбираем для молодой пары экспатов. Моника, Билл, вам надоел шум метрополии?

— Да, Вальтер, нам интересно место потише, — широко улыбается молодой человек. — Ну вы знаете, чистый воздух без излишних примесей, природа рядом, не в заповедниках.

— Хотя я бы не отказалась от культурной жизни, — томно вставила девушка.

— И, как понимаю, вы совсем против соседства с сомнительными элементами?

— Это исключено.

— Мы планируем детей в обозримом будущем. Неделю прожили на границе Старого и Нового города. Ужаснулись. Сплошной порок и шум.

— Что ж, думаю, у меня есть для вас несколько вариантов! Наш постоянный эксперт расскажет вам о подходящих вам вариантах.

— Я бы рекомендовал окраины Нового Города, Вальтер. Но нашим гостям он не подходит — всё же Новый — это мобили в воздухе, пикирующие кэбы и минимум культурной жизни.

— Но где же нам жить?

— Рассмотрите сабурбии.

— Это как?

— Сабурбиями в Городе называют пригороды, образовавшиеся после нескольких волн человеческих поселенцев. Всего их шесть.

— Но возможно, скоро появится седьмая!

— Сомневаюсь, Вальтер, депортированных людей всегда больше, чем прибывших. Вернёмся к пригородам. У них нет названий, но так даже проще запомнить. Каким бюджетом вы располагаете?

— Чуть выше среднего.

— В этом случае Первая, увы, отпадает. Она расположена к югу, недалеко от основных жилых массивов и реки. Сплошь «зелёный район», никакой преступности. Поэтому она постепенно превращается в элитный район. Но если вы сумеете быстро встроиться в экономическую жизнь — вполне сможете переехать.

— Разве сабурбии не являются синей зоной, безопасной для людей?

— К сожалению, мэм, «синие» районы весьма редки

и дороги. К тому же, даже не все сабурбии «зелёные». Третья построена между рекой и Ямами на левом берегу, в результате почти половина района давно уже покраснела.

— Какой ужас!

— Просто ошибка планировщиков, не послушавших «хозяев».

— А их слушать крайне необходимо, друзья мои. Это — первейшее правило Города.

— Именно так. Пятая расположена на реке, как и Первая, но у самых Мыловарен. Желтый район, с примесью зеленого.

— Нет, никаких примесей!

— Тогда шестую тоже вычеркиваем. Она лежит аж за Лесопилкой. Остаются Вторая и Четвёртая. Исключительно «зелёные» районы с низким уровнем преступности.

— А чем они отличаются?

— Вторая поближе к Городу и Первой. На мой взгляд, скучновато. Четвёртая же — сбалансированный вариант. Не слишком далеко, но достаточно, чтобы появились свои точки притяжения.

— Что ж, друзья, Вторая и Четвёртая. С чего начнём?

— Давайте с Четвёртой!

— Итак, друзья мои, мы двигаемся в Четвёртую сабурбию! А пока едет наш эксклюзивный мобиль фирмы «Aeterna», я всё–таки расскажу вам, а так же нашим зрителям эксклюзивное предложение застройщика Седьмой сабурбии…

Стук колёс о пенобетонное покрытие. Кузов мобиля глубоко просел, отдавая скрипом везде, где только можно. Эрнест мысленно похвалил своё решение о постановке контейнера в нишу поплотнее.

— Может, ты и прав. А может — и я, — буркнул Нахт, щёлкая архаичными тумблерами на панели управления. Но не забывай, что ещё может всплыть сразу десяток подозрительных обстоятельств.

— Я и не забываю, — бросил А. Н., извлекая из ниши контейнер с едой.

— Ты чего? — нахмурился Нахт, глядя на аккуратные попытки Эрнеста.

— Да недоел. У меня желудок крепкий, от вида крови не стошнит.

— Тебя да, только вот доверия тебе это не придаст.

— А кофе? — поморщился А. Н.

— А кофе сколько угодно, — негромко ответил Ганс–Ове. — Детектив с кофе — явление нормальное. Все понимают, что срываться нужно всегда, вне зависимости от обстоятельств. Да и часть образа, как–никак. Хорошо ещё, что ты в тренче сегодня.

— Детектив в куртке не детектив? — усмехнулся Эрнест.

— Детектив. К которому доверия будет существенно меньше, мол, не наработал ещё на пальто. Если ты наработаешь себе репутацию, то сможешь на это слегка положить болт с пробором. Но пока что ты — никто для всех этих людей, — детектив кивнул на местных патрульных. При их виде А. Н. едва сдержал смешок.

Никакой тяжелой брони, никакого оружия на виду. Так, кобура с лазпистолетом на бедре. Только рубашка и брюки бледно–бежевого цвета выдавали принадлежность к «Агни Корп». Первый патрульный имел признаки долгой, рутинной, предпенсионной работы. Второй — нервные замашки стажера. И ему было с чего нервничать.

Тонкий слой воды, с разводами крови, покрывали весь пенобетон переулка. Глухие стены — отлично украшены когда–то алыми, а сейчас побуревшими потёками. А ведь прошло двенадцать часов, подумал Эрнест, аккуратно выбирая лужи.

— Офицер, — небрежно козырнул двумя пальцами Ганс–Ове

— Детективы, — подошёл вперевалочку патрульный. Нахт молчал, так что Эрнест взял представления на себя. В конце концов, это было его дело.

— Ганс–Ове Нахт и Эрнест А. Н., участок В12. Нам поручили это дело. Что–то новое появилось со вчерашнего вечера?

— Нахт… слышал о вас, слышал. Есть мелочи, но не более того. В ближайших жилых домах слышали вскрик около трёх пополуночи. Громкий, но одиночный. В четыре ночи раздался долгий шипящий свист, который слышали даже на окраинах сабурбии. Местные вызвали патруль, поскольку подумали на кордула. И сами рванули кто с чем. Мне пришлось изъять пяток единиц энергетического оружия. Представляете, у них был даже флогистон!

Эрнест кивнул. Он внимательно слушал и иногда поддакивал болтливого офицера, но поглядывал на обстановку и — на действия Нахта. Тот едва ли не полировал взглядом стены и дорожное покрытие, но пока ни одной реплики не вставил.

— Офицер…

— Видс, мистер А. Н.

— Просто Эрнест. Офицер Видс, а ксеносы часто забредают вообще в этот район?

— Почти никогда, — тряхнул двумя подбородками Видс. — Им тут делать нечего. Криминальная активность низкая, во многих семьях предки служили в первом ополчении и не очень–то лояльно относятся ко всему, имеющему больше четырёх конечностей.

— Насколько нелояльно? — очень быстро ответил Эрнест и заслужил уважительный взгляд Нахта.

— Ну я бы не сказал, что дело доходит до нападений или чего–то в этом роде. Иногда появляются листовки, некоторые отказываются работать на организации чужаков, малышня иногда закидывает чужаков снежками или грязью. Но никаких нападений на «хозяев» или даже намёков на нелюбовь к ним, — горячо закончил офицер, пока Эрнест набрасывал (причём не на лингва–франка) свои заметки по простреливаемости и заметности проулка.

Наконец, он задумчиво поводил по кнопке деактивации. Но не выключил, а поднял пристальный, чуть заинтересованный взгляд и воткнул его прямо в глаза офицера.

— Скажите, офицер…

— Да, что угодно.

— До сабурбии четыре километра, но СБ прилетели раньше местного ополчения. Как так получилось? Норматив реакции патруля на «чёрную» тревогу — три минуты на сбор и сорок секунд полёта за километр. Я служил в патруле и не раз сам по тревоге бежал к платформе. Знаю, о чём говорю.

Офицер замялся. На неудобный вопрос он не хотел отвечать,

— У них просто мощные мобили, — попытался встрять молодой стажер, но его мягко взял за плечо распрямившийся Ганс–Ове.

— Или же ещё у них есть информаторы и чёткая организация. Видс, вы же не проспали создание милитаризированной организации у себя под носом?

— Попрошу!.. — возмутился пухлый патрульный. — Я вообще–то офицер патруля, а не начальник оперативного участка. А вы — детектив убойного отдела, а не политического.

— Может быть и так, но могу сделать один звонок дяде Йозефу, и он вывернет вашу душу не хуже «хозяев». Не играйте с нами.

— С вас имена, а с нас — небольшая фора в решении политических вопросов.

— Фора? Да вы совсем там в централе рехнулись?! — покраснел молодой. Нахт хмыкнул.

— Если честно, в моих планах не было такой щедрости, офицер. Но поддержу напарника — это отличный компромисс.

— До конца квартала не так много, если вы убедите начальство слегка приструнить националистов — вас погладят по голове. Хозяева, не мистер Кюсте. Сами знаете, что это значит. А там, гляди, и малая «бусина» подтянется…

Видс колебался недолго.

«Зелёный крест» они себя называют. Ополчение жителей первой сабурбии «Зелёный крест». Лидером у них Шелл Де ла Фью. Штурмовик в отставке. Он получил сигнал от члена ополчения ещё в три часа, поднял по тревоге группу реагирования и ждал развития событий. Когда в четыре часа раздался свист, они сразу же рванули в сторону места. За пять минут до поступления первого звонка диспетчеру.

Эрнест тихо выругался.

— Этого не было в рапорте, — спокойно заметил Нахт.

— Да… пришлось бы много чего ещё рассказывать, — вытер рукой лоб Видс. Несмотря на прохладную погоду, он очень обильно потел последние пять минут. — Понимаете, сложная ситуация, городской кодекс вроде и не нарушен…

— Я вас понял, офицер, — холодно оборвал его Ганс–Ове. Эрнест, помнящий, что формально они находятся на чужой «земле», решил слегка сгладить острые края.

— Направляйтесь в участок и поговорите с коллегами. Вам так или иначе придётся решить проблему «Креста». Не сегодня, так в конце квартала. Вы сдержали своё слово, а мы сдержим своё.

Патрульные сдержанно кивнули и направились к стоящему в отдалении мобилю. Через десять секунд он взмыл в воздух. И едва набрал скорость, как Нахт направился к своему.

— Ты чего?

— Выпущу биобота–ищейку.

— А как же штатный? У него поисковые способности куда получше.

— Как думаешь, кто прислал ночью биобот? Ты тоже не зевай, ищи взглядом всё, что явно не должно быть на месте

— Самый близкий к месту преступления участок. То есть…

— То есть их. Участок D8. А я уже совсем не уверен, что в нём дела обстоят так гладко, как написано в годовых отчётах. Замри. Дрон сейчас всё отснимет, и мы можем устроить мелкий чёс.

Эрнест промолчал. Он разделял сомнения Нахта, но всё–таки удивлялся всему происходящему. И биоботу в багажнике, и организации радикалов, и читающему годовую аналитику детективу. Оставалось только разгребать какой–то строительный мусор, сложенный у стенки. Отодвигать коробки и тонкие поломанные листы пластика, внимательно осматривая перед тем,

как сложить их отдельно, в сторону. Первое, что А. Н. собирался сделать по возвращению в участок — вызвать бригаду спецов из центральной базы «АК», чтобы они вылизали сканерами все покрытия.

Наконец, отодвигая забитый мусором бак, Эрнест нашёл искомое. Джек–пот. Три тонких волоса фиолетового отлива. А Лесли красила волосы последнее время именно в такой специфический оттенок.

— Ганс! — окликнул А. Н., не разгибая спину.

Нахт подошёл. Уставился на волос.

— Дрон его не засёк, — буркнул детектив, показывая биоботу на находку. Тот мгновенно отсканировал его, отфотографировал и пискнул. Нахт только усмехнулся: — Никаких следов биоматериалов.

Немец присел рядом. Поднёс к носу прядь и отпрянул — резкий химический запах ударил и на мгновение отбил все запахи.

— Ферментатор?

— Нет, они оказались умнее. Что–то связывающее вроде лака или клея.

— Значит, наш загадочный убийца не является кордулом.

— Если только кордулы не научились держать что–то в лапах.

Глава 3.2. Часть первая

Место: Сабурбия номер 2.

Локация: Окрестности общественного центра «Вальдор».

Время: Вторник, 11–10

Эрнест долгих пятнадцать минут обосновывал диспетчерам необходимость вызова экспертной бригады. Понимания или начальства не дождался и с чистой совестью вышел на связь с центральной базой. Там на словосочетание «дело заинтересовало хозяев» среагировали куда быстрее. Прибытие спецов ожидалось через пятнадцать минут. Первые из которых прошли в молчании, так что Эрнест спокойно набил трубку. Раскурил. И услышал вопрос Нахта:

— Что собираешься делать дальше, если не секрет?

— Нагло воспользоваться твоей помощью. Опросить максимальное количество свидетелей.

— Э нет, дружок, — тихо рассмеялся Ганс–Ове, — я тут на ближайшие три часа, не более того. Мне ещё нужно понестись в Мыловарню наводить шороху.

А. Н. пожал плечами.

— Тогда найти подружек безвременно погибшей. И выцепить слухи. Если получится, разумеется.

— Получится? Даже так.

— Именно, — сдержанно кивнул А. Н. Его начала слегка раздражать манера речи временного напарника.

— На твоём месте я бы не терял времени даром и искал бы мальчишек.

— Мальчишек?

— Ага. Пацанов, недорослтков. Они обычно гораздо наблюдательнее и знают кучу сплетен. И всегда нуждаются в деньгах. Отличные осведомители.

— Если когда–либо вылезают из киберпространства.

— За киберпространство нужно платить, — веско возразил Нахт. — Да и многие родители дают им сумму не больше, чем побрезгует грабитель.

— Возможно, ты прав, — неохотно признал Эрнест. Он часто видел беспризорников, оборванцев, да и просто — шумные ватаги подростков. А ещё — банды. Но то было в трущобах, а здесь и сейчас район был тихий. На первый взгляд. — Но, так или иначе, нужно дождаться экспертов.

— За это не бойся, — мягко ответил Ганс, делая жест рукой — Я их встречу и попрошу обновлять файл дела в режиме реального времени. А ты пока ищи Белого Билли. Парень —

альбинос и верховодит «базой» пятью кварталами западнее.

— Очень подробное описание, — буркнул А. Н.

— Не хочу портить тебе удовольствие поиска, — криво улыбнулся Нахт. — Если меня не будет — ищи в кебабной «У Ушера», на углу Парковой и Живописной. Там подают отличное местное пиво. Шагай давай.

Эрнест пожал плечами. Закинул инфопланшет. Взвалил на плечи рюкзак и спокойно пошёл на запад. Мимо мастерских, тихих (и не очень) магазинов, пустошей и заколоченных домов. Изредка доносились до детектива звуки работы. Стуки, вой пилы, работающий двигатель погрузчика. В остальном — тишина. Впрочем, проём, он такой. В сабурбии, подумал А. Н., всё наверное ещё тише, чем тут.

С другой стороны, отметил Эрнест проходя третий квартал, будь он безбашенным мальчишкой, именно тут бы он и обитал. Кучи хлама — в Мыловарнях их бы растащили. Безопасно — а в каких–нибудь Ямах малолетку могли легко поймать и продать на подпольном аукционе.

Или просто скормить какому–то очень богатому джосеру. Несмотря на общую любовь арахнидов к тухлятине, «хозяева» или мстительные СБ регулярно проводили децимацию провинившихся в людоедстве ульев. Иного языка они, увы, не понимали.

А первый Проём — это удобно. Недалеко от дома, но внимания куда меньше, плюс если совсем много времени, то можно добраться до Старого города со всеми его соблазнами и способами заработка. От чистильщиков обуви до борделей.

Целевой дом Эрнест приметил издалека. Шумный недострой, имеющий явные следы доработок с применением фантазии. Канат с завязанными узлами, висящий из оконного проёма — лестница на второй этаж. Кустарная антенна для нелегального приёма связи. Обломанные грязные солнечные панели, кое–как сведённые воедино. Глубокие борозды на пенобетоне — следы мучительно перемещаемых вглубь двора паллетов. Видимо — тяжёлых

Логично — иначе бы их рано или поздно своровали. Те же жители более бедных районов, иногда приносящиеся ватагами на нелетающих по старости пикапах. Не платящие «наземный сбор», вывозящие всё, что имеет хоть намёк на бесхозность. Обычно их гоняли и ссылали в рудники патрули служб безопасности. Но не всегда и далеко не везде.

По привычке А. Н. сначала заложил петлю. Убедился в отсутствии «хвоста». Но уже на подходе к «базе» понял — что–то изменилось. Шума не было. Эрнест тихо выматерился. Он совершенно недооценил наблюдательность местных обитателей. Теперь нужно было действовать максимально открыто. А. Н.

выбил трубку о давно покосившиеся и лишь слегка приоткрытые ворота. Поеденное ржавчиной железо гулко отозвалось.

— Есть кто дома? — громко спросил детектив.

Ему ответил только гулкий вой ветра. Правда, оттенявшийся громким шёпотом.

— У меня есть наличка, а у вас, малые, есть наблюдательные глаза. Как вам идея с бартером?

Некоторое время стояла тишина. Эрнест всерьёз подумывал достать значок. Но при здравом размышлении, результат мог удручать. И напоминать ловлю разбежавшихся под потоком плазмы джосеров. Долгую, выматывающую и не особо результативную. Поэтому он решил потерпеть.

— В прятки хотим играть? Ну окей, без проблем. Поиграем в прятки. Я посижу тут. Через минут пять придёт мой друг, детектив Нахт, и мы посидим вместе. С разных сторон здания.

Шепот усилился. Наконец, в проёме показался мрачный красноглазый подросток.

— Мог бы сразу сказать, что ты готвэн мистера Нахта и не выделываться.

— Я выделываюсь стрельбой, — бросил А. Н., расстегивая плащ. Как бы случайно, из–за жары, ведь Трио просушило поверхность и уже начинало серьёзно припекать. Впрочем, давно пора — весенний сезон уже подходил к концу. Подросток покосился на кобуру. Или галстук — он был довольно цветастым для детектива. Что–то воспринял как опасение? Возможно. Через долгую минуту, за которую умный «монокль» Эрнеста определил настоящие имя и фамилию Белого Билли, вожак, наконец, кивнул.

Тут и там появились лохматые и не очень головы. Всем было до тринадцати, что неудивительно — подростки старше скорее сбегали в дерьмовые бары и дешёвые притоны, чем вот в такие «базы». Быстро оценив число и одежду, А. Н. смекнул, что тут находились отпрыски, по крайней мере, двух десятков семей. Из которых половина, как подсказывал полицейский вариант «улитки», была помечена зелёными кругами. Находились под защитой страховки «зелёного» уровня.

— Итак, фараон, чего тебе нужно?

— Мне так и стоять на пороге или внутрь позовёшь, как нормальный хозяин? — спокойно отозвался Эрнест. В этом была доля риска, но педагог внутри детектива ободряюще хмыкнул первый раз. Второй раз — после важного кивка Белого Билли.

— Штырь, проведи безопасника в зал.

Девочка в расцвете беззаботного детства выпорхнула откуда–то прямо под ноги детективу и поманила рукой. Узор её

школьной формы совпадал с таковым на юбке убитой Лесли. «Приличный колледж в центре сабурбии», припомнил А. Н., заходя в дом.

Сжать в карманах кастеты, осторожно пройти внутрь. Выбирая место для шага. И оглядываясь в поисках того, что может упасть под «неосторожным» движением недоросля. Бетонный блок может легко отправить в лучший из миров. Куда Эрнест не спешил. Коситься сердитым урдалебом на спускающихся кое–как по обломкам лестницы. Уважительно присвистнуть при виде «зала». Точнее — всё–таки зала.

Большое кострище ограждено обломками синего, «хозяйского» камня, причём кое–где на нём проглядывались чернёные следы резьбы наммунгов. Большой «трон», некогда бывший резным креслом, сзади украшался «гобеленами» (драными ковровыми дорожками). На нём и восседал Бледный Билли, пока остальные сидели кто где. В основном — на «лавках» (два куска пенобетона и доска).

Некоторые сжимали тощими губами кажущиеся гигантскими сигареты. Часть мелюзги демонстрировали смекалку, держа папиросы ножницами (чтобы запах не оставался на пальцах), кто–то поигрывал «карандашами». Беспризорники, чьи губы лет через пять станут лиловыми и начнут разваливаться на хлопья. И пытающиеся казаться ими пай–мальчики, часть из которых пойдёт на дно и даже не успеет осознать первопричину. Изнанка сытой и внешне стабильной жизни. Не была ли такой же стынущая на медицинском столе Лесли Аллен? Пришла пора узнать.

— Говори, — как можно более небрежно сказал Билли, махнув рукой. Эрнест молчал. — Говори, кому сказано?

— Билли, — вкрадчиво начал А. Н., — партнёр может и обидеться за неуважение.

— И что тогда?

— И тогда ты получишь по одной опции — ни марки гонорара, по второй — лазерный разряд в белый лоб, — детектив показательно положил руку на пока что застёгнутую кобуру. И внимательно прислушался — не решит ли кто его огреть сзади трубой? Эрнесту очень не хотелось залечивать сотрясение.

— Что ж, твоё предложение меня устраивает, — медленно произнёс Билли, и А. Н. мысленно похлопал. Дрожь в его голосе была едва заметной. — Чего тебе нужно?

— Информация по Лесли Аллен. Чем увлекалась, с кем виделась, что скрывала.

— Это которая убита была вчера ночью? — осведомился вожак.

— Она самая.

— Может, мои люди чего–то и знают. Они поделятся со мной, а я — с тобой. За пятьдесят марок за факт.

— Десять. Если он окажется фуфлом — ноль, — буркнул Эрнест.

Через пять минут яростного торга они сговорились на двадцати за факт и сорока — за особо ценный. Эрнест сел у кострища и достал обычный, бумажный блокнот и архаичную перьевую ручку. Что должно было говорить о солидности клиента. Они с вожаком условились действовать следующим порядком — желающий рассказать что–то сначала говорил Билли. Тот озвучивал завязку, и если детектив кивал, подросток начинал рассказ сам.

Первые пять рассказов оказались пустышкой. Или же — ложной пустышкой. Они подтверждали реноме приличной, образованной и вполне обычной девушки. Учёба, зал, дом, репетитор, по выходным — кофе в Новом Городе. В Старый Аллены отпускали её очень не охотно. Эрнест прекрасно понимал почему — из любой точки Старого города не больше получаса ходу пешком до Бесильни. А Бесильня — это лёгкие наркотики, алкоголь и шумные компании.

Мало какой родитель спокойно отпустит дочь возраста полового согласия в такое место.

После восьмого рассказа на тот же лад Эрнест выразил неудовольствие и уточнил задание: нужно было рассказать то, что не очень–то знают обычные соседи Алленов. Первые несколько раз он получал только глупые истории о несчастной любви. Глупые — и тем более правдивые, пришлось записать фамилии в блокноте. А вот дальше пошли слухи разной степени правдивости.

Один парень, приблизившийся к рабочему возрасту, сообщил, что Аллены одержимы успехом, и ради этого удлинили ноги рано переставшей расти Лесли. Это согласовывалось со следами операции и модельным увлечением, но более слабо — с остальным. Несколько невнятных слухов говорили о «папике», высоком мужчине в чёрном при длинных белых (или светлых) волосах. Он иногда забирал девушку, и всегда — в стороне от сабурбии.

Кое–кто пересказал под общий смех сплетню из третий рук, что Лесли связалась с подпольем окапи ради новых, ещё более длинных ног. Подумав, Эрнест заплатил и за это, поскольку здравое зерно могло найтись даже в такой байке. А вот встреченное неодобрительным гулом высказывание, что младшая Аллен баловалась фазисом и другими веществами он выделил

особо, даже встав с жёсткой лавки.

— Ты можешь рассказать об этом подробно, или это только слух?

— Это не слух, а правда. Вано мне рассказывал в подробностях, но я их забыл.

Головы присутствующих синхронно повернулись в сторону смуглого парня в лохмотьях. Он спокойно выдержал взгляды всех, включая лучший пристальный взгляд из коллекции Эрнеста. После двадцатисекундной дуэли глазами Эрнест медленно произнёс:

— Два урдалебских жетона, — и подросток выдохнул. Часто заморгал и начал говорить, едва встав с места, прямо по пути к трону.

Ленни «села» на фазис ещё два года назад, когда начались регулярные показы в Новом городе. Родители Вано об этом говорили негромко, поясняя сыну смену взгляда на «блуждающий». Сам Вано по заданию Ленни несколько раз носился в глубины Бесильни, где покупал «карандаши». Один раз подросток попался «Агни Корп», но патрульный раньше служил в сабурбиях, так что отделался только конфискацией груза и серией подзатыльников.

Тот поход был одним из последних — три месяца назад девушка перестала его нанимать и даже запрещала говорить о наркотиках, когда Вано обходил дома в поисках работы. Пожалуй, это была самая ценная новость с того момента, как троица девочек хором рассказала о текущем (точнее — уже истёкшем) романе с неким «Ленхардом с Пустотной». В подробностях, включая описание звуков и поз. Пришлось обрывать не в меру ретивых акселератов.

Выслушав совсем иссякший поток предположений, Эрнест уже собирался расплачиваться, как кто–то вскочил с задних рядов.

— Я ещё кое–что знаю, мистер детектив!

— Ну? — небрежно буркнул А. Н.

— Ленни очень любила кофе!

Дружный смех. Даже Билли поймал откровенную истерику. Но Эрнест только поднял ладонь. Дождался утихания смеха и осведомился:

— Где конкретно? Одно место или несколько?

— Одно, сэр. «Серый котёнок», на границе Нового со Старым. Я там часто бываю… — он густо покраснел, — с родственниками.

— Понял тебя. Это не пустышка, мужик. Свою двадцатку ты честно отработал, — хмыкнул Эрнест, добавляя купюру к пухлой пачке мелочи под недоумёнными взглядами остальных.

В рассказе «паиньки» была важная деталь. Стабильное хобби, о котором почему–то никто не знал. Профайл младшей Аллен не содержал выписок по оплате картой в кофейнях, и как убедился позже Эрнест — при исследовании тела в крови и кишечнике кофеин найден не был. То есть перед выходом она не нашла способ согреться кофе. Для человека со стойкой любовью к кофейням весьма необычно.

— Я узнал, что хотел, — буркнул Эрнест, поднимаясь с хрустящей доски. — Спасибо за сделку, Билли.

— И тебе, легавый, — хмыкнул Билли, принимая какую–то древнюю чадящую трубку у кого–то из подчинённых. Впрочем, он даже не пытался её курить — просто держал во рту для более приличного вида. А. Н. криво усмехнулся и вышел во двор. Не оборачиваясь. За ним хлопал дорогими школьными туфлями всё тот же провожатый.

Бросив последний взгляд на глазеющих детей, Эрнест хмыкнул. Достал трубку, туго набил её табаком и закурил. И взял быстрый шаг с места, не обращая внимания на густой восторженный шёпот где–то за спиной.

В проулке была целая прорва экспертов из центральной базы, едва ли не просеивающие воздух сканером биологических частиц. Слегка постояв и покурив, Эрнест понял — здесь и сейчас он ни разу не нужен. Поэтому — коммуникатор, выяснить местонахождение кебабной «у Ушера». Взять направление и идти, наслаждаясь хорошей погодой. У него уже роились в голове несколько «вкусных» версий. Но прежде всего он решил их озвучить Нахту.

А он уже выразит свои сомнения и догадки, что поможет делу. Или же — просто буркнет в пиво, с него станется. Но в процессе длинной речи, А. Н. не сомневался, он сам обнаружит свои логические проколы.

Но — только после плотного обеда.

Кебабная оказалась типичным кафе сабурбии. Небольшое здание, скрывающее в себе «серьёзный» зал, кухню и микробар. Обширная площадка с тентованными столиками, зимой превращающиеся в шатры. Без «злого камня» в них, конечно, в мороз не посидишь, но нормальные заведения их имеют. Более бедные обходятся рукавами от мощных тепловых пушек. Или вовсе — угольными жаровнями. А что? Стильно и дёшево.

Вторая половина весеннего сезона позволяла обходиться без таких ухищрений. Посетители спокойно ели на улице, некоторые вовсю курили. Другие — болтали, прерываясь только на пополнение пива и уборку со своего стола. Словом — оживление дешевого заведения. Любимая картина Эрнеста. При оговорке,

что заведение не являлось совсем уж «дырой в стене». Это — не являлось.

— Не могу понять, — вместо приветствия бросил А. Н., падая на лавку перед ковыряющим в тарелке кебаб Нахтом. — А кто работает, если столько людей тут едят?

— Обеденный перерыв на дворе, трудоголик.

— На дворе уже четырнадцатый час.

— И что? Забудь про нормы трудового законодательства, Эрнест. Их в этих местах нарушают все стороны. Хоть и не так активно, как в тех же Мыловарнях.

— Знаю, — А. Н. сдержанно кивнул. Про масштабы воровства и легализованного батрачества в трущобах он слышал. Какая–то мысль шевельнулась в голове и пропала. Ассоциация с «трущобами»? Что–то он недавно слышал… неважно.

— Раз знаешь это, эрудит — то помнишь и то, что должен мне пива. Так что вперёд, бойскаут.

Эрнесту оставалось только усмехнуться. Он и не собирался уклоняться от долга. Одно пиво было лёгким укусом комара даже в худшие для кошелька детектива дни. Даже — после пухлой пачки марок, розданной оболтусам из «базы».

Недолго думая, А. Н. взял себе обычный говяжий кебаб. Жевать большой батон кебабрулле с опаской пролить начинку себе на брюки ему не хотелось от слова «совсем». Два пива. «Урдалеба» не было, зато был некий «Пилзнер второй сабурбии». Не то чтобы хотелось пить. Скорее наоборот — алкоголь мог притупить разум. Но припекавшие солнца всё–таки добили настроение детектива.

Напиток детектив попробовал у стойки. Вспомнил, что он вообще–то хотел пить ещё со времён мьёлле. Выглушил кружку двумя длинными залпами. И немедленно потребовал ещё две порции. Напиток был весьма и весьма приличным. Хороший свежий пилзнер с горчинкой. Ледяной. Ничего лишнего, просто пиво. Самое то для такого дня.

Кебаб–мастер ни капли не удивился поведению покупателя. Он лишь с тоской посмотрел на просветлённое лицо детектива. Оглянул зал и, плюнув на конспирацию и трудовые обязанности, принялся наливать себе пиво. Едва Эрнест отошёл от стойки.

— Ты бы ещё до третьего заката возился, — встретил его Ганс–Ове, равнодушно тыкая вилкой в остатки кебаба.

— Три часа даже я не выдержу в очереди, — сообщил Эрнест, поставил пиво, тарелку и сел напротив. Подумал тридцать секунд и всё–таки отхлебнул пива.

— Прежде чем ты налакаешься, я должен спросить. Что ты выяснил у этих чертей?

— На самом деле много чего, — хмыкнул А. Н., тыкая вилкой в мясо и овощи. Прожевав первую порцию, он продолжил говорить. Куда тише. — Из того, что подтверждено фактами. Наша примерная девочка любила вещества.

— Не удивлён.

— Как и тому, что она предпочитала пушеров из Старого Города и Мыловарен?

— Местные рано или поздно спалили бы происходящее её родителям. Или были давно припугнуты ими.

— Допустим, — покладисто кивнул Эрнест. — Ещё она любила кофейни, но кофе — не факт.

— Спросишь родителей. Хотя я не понимаю, при чём тут вообще кофе.

— Она постоянно крутилась у одного и того же заведения. Кофейни.

— Интересно… но скорее всего просто назначала там свидания. Или же — любила кофе. Но ирландский.

— Дальше хуже, — хмуро кивнул А. Н. — Лесли…

— Потише с именами, друг.

— Ладно. Наша особа, по слухам, была не обделена мужским вниманием. В том числе — несчастным мужским вниманием и несчастными отношениями.

— Ревнивый поклонник?

— Есть одно сообщение о некоем «папике», из–за которого девушка подзабросила вещества.

— Я бы сказал, если честно, что эта ниточка перспективнее предыдущих. Разумеется, фамилии оболтусы не вызнали?

— Естественно.

— Надо было тебе попинать местных девчушек. Они молчаливые, но знают куда больше.

— У меня было мало вводной информации, — буркнул Эрнест, взявшись за кружку.

— Не хмурься. Иногда тебе будет встречаться ещё меньше… вводной. Лучше скажи, это всё, что ты нарыл?

— Ещё горку слухов.

— И что собираешься с этим всем делать?

— Взлететь, — сухо усмехнулся А. Н. — Сначала проверю информацию по наркотикам, потом любовники. А прежде всего — семья. От неё за милю воняет заметённым под ковёр дерьмом, и нужно узнать — каким именно.

— Перспективно, — пробормотал Нахт в кружку. Он сделал глубокий глоток. Глянул вглубь кружки. Поднял бровь. Эрнест понимающе встал за добавкой. Не забыв рюкзак. Продавец встретил его куда более весёлым, осведомился о впечатлениях от

пива и кебаба. Получив кружку и радушное приглашение, А. Н. вернулся к куда более напряженному Нахту.

— Твоё пиво, — стук бокала о деревянное покрытие стола.

— Спасибо. В общем так. Направление действий одобряю. Поспрашивай, по возможности местных лавочников и шумящих сплетниц возраста чуть старше или чуть младше… нашей… ну ты понял. Что касается меня — допиваю пиво и отчаливаю по своим делам. Тебя куда–то подбросить?

— Нет. Я допью эту порцию и пойду чесать окрестности.

— Район большой.

— Неважно. Рядом Проём, а там вовсю ошиваются разные личности, любящие деньги. Офицеры говорили о бродяге, может он что видел.

— Удачи тебе с ними, если пересечёшься, — неопределенно проворчал Ганс, отряхнув пену. — Не удивлюсь, если они совсем ни черта не записали в ту ночь. Включая имя потенциального свидетеля.

Эрнест хмыкнул. В детективах он уже успел разочароваться. Но надеялся не пережить подобное с патрульными. Кстати, о местных, подумал А. Н. Следовало прояснить ещё кое–что.

— Ты собираешься сдерживать слово?

— Ровно до конца дела. Поэтому искренне надеюсь, что ты его закроешь пораньше. Хочу, знаешь ли, дожить до момента, когда местный участок пропотрошат. Причём хорошенько так, как рыбу. Не как креветку.

— А уж я-то как надеюсь, — покачал головой А. Н. Он решил не уточнять, о креветках или о «креветках» вёл речь бывалый детектив. Не то чтобы в нём взыграла брезгливость. Просто лангусы импонировали Эрнесту.

Глава 3.2. Часть вторая

Нахт отбыл через пять минут, быстро «придавив» кружку. Эрнест — через пятнадцать. Только после того, как улегся кебаб в желудке, а алкоголь — в крови. Активировать коммуникатор. Зайти в систему местного участка СБ. Проверить список задержанных ночью. К глубочайшему удивлению детектива, список оказался пуст. Ни одной шлюхи. Ни одного пьяницы. Ни одного чёртового пушера. Отчёт о выезде на место убийство, четыре отчёта по пустяковым вызовам. Как будто большой жилой массив оказался паиньками.

Смешно.

Пришлось потратить несколько минут времени и вызвонить офицера Видса. Напомнить ему про будущую чистку. Услышать сбивчивое объяснение, что–де капитан участка с перепугу начал чистить базу данных и остановился только под дулом пистолета представителя управления собственной безопасности. Выматериться, не скрывая чувств. Получить, наконец, имя бродяги. Бросить трубку.

С именем было легче. Объединённая база данных «АгниКорп», разумеется, знала бродягу. Он неоднократно задерживался ранее, но поскольку был потомственным резидентом — избежал депортации. Но не забора биоматериала. Эрнест усмехнулся удаче, решив в кои–то веки воспользоваться данными полномочиями. Вызвал биобота–разведчика. И спокойно принялся допивать третью кружку теплеющего пилзнера.

Дрону потребовалось полчаса, чтобы долететь до сабурбии. И ещё полчаса — чтобы найти искомого субъекта. Судя по переданной метрике, бродяга просто спал на весеннем солнышке не так далеко от центра. Оставив биобот в режиме слежения, А. Н. неспешно двинулся в его сторону. Он собирался сделать небольшой крюк в сторону школы Лесли. Там должны быть её знакомые, которых следует приметить заранее. Не учителя, выискивающие проблемных подростков, не странный светловолосый амбал в плаще из чёрной кожи, и — не люди со шварбами. Ещё одна странность. В остальном городе предпочитают брать асакку на должности вроде этой — меньше мороки и меньше платить.

Уже проходя мимо школы, детектив приметил вероятных друзей. Рыдающие девушки и словно ударенные обухом по голове парни. Нет, не подходят. Эрнест пока что слишком чужой для них. А на то, что детективы называли «стратегией Коломбо» пока не было времени. Да и каких–то более твёрдых фактов. Сегодня

нужны были сплетники. И вскоре они нашлись.

Без труда А. Н. нашёл местную курилку. Один из немногих дворов с многоквартирными домами был разделен почти надвое низкой линией. Не то гаражи, не то мелкие склады. В любом случае — древние и почти необитаемые днём. Там–то, прячась под ивой, курили более смышленые братья и сёстры безбашенной малышни. Более богатые пользовались перчатками с нанопокрытием. Более бедные — толстыми кожаными перчатками или же ножницами. Излишне грустных лиц не наблюдалось. В общем, готовые носители информации. Подходи и бери.

И Эрнест, разумеется, подошёл.

— Огоньку не найдётся? — устало проговорил он, хлопая по карманам. Трубка и кисет нашлись быстро. Зажигалка, покоящаяся во внутреннем кармане — нет.

— Мы за здоровый образ жизни, — ломающимся баском проговорил кто–то прячущийся под деревом.

— Ага, рассказывай, — хмыкнул детектив. — Сам таким же был. Только у нас был недострой неподалеку. Шумный, любое слово — как в ведро ляпнул.

— Поэтому вы такой общительный? — кокетливо проворковала какая–то «звёздочка». Вполне возможно, через пару лет она пойдёт по уже остывшей тропинке Лесли.

— В меру, — буркнул Эрнест, принимая «вечную» спичку. — Спасибо.

— А вы сами–то кто? — настороженно блеснули глаза холёного, имевшего причёску по последнему слову моды парня. — Раньше вас не видели.

— Агент по недвижимости.

— Фу, — рассмеялась «звёздочка».

— Не то слово, — криво усмехнулся детектив. — Клиенты вот из метрополии перебираются, ищут тихое местечко.

— Это не про Город.

— Согласен, но их не переубедишь. — А. Н. помолчал и выпустил кольцо дыма. — Клиент всегда прав. Но у вас район вроде ничего, не?

— Ну… — протянуло несколько человек. Компания переглянулась, но замечание не развернула.

— Грабят и насилуют только ночью? Понимаю, — хмыкнул Эрнест.

— У нас вчера убийство было, — выдавил наконец «холёный».

— Убийство в Городе случается каждые пятнадцать минут.

— Но у нас не Ямы! И убили вполне адекватную девушку… Да и милую.

— Ревнивцы всегда есть.

Группка рассмеялась.

— Говорю банальности, да, — усмехнулся в щетину Эрнест.

— Нет, просто так бесит — о покойных либо хорошо либо ничего, — процедила, затягиваясь, «звёздочка». — Как будто не было удлинения ног у палочников, как будто не было пушерства и мужиков на дорогих авто.

— Голодрама какая–то, — покачал головой А. Н.

— Я о том же. Зато теперь — портрет в траурной синей рамочке.

— Мужики, говорите… у вас тут хоть педофилов не особо много?

— Нет, что ты. Несколько безобидных стариков, которые издалека передергивают около тропинки, ну и залётные щеглы из Нового Города.

— Любители молодого мяса, — цинично буркнула молчавшая до сих пор блондинка с «неоновым» макияжем сдержанных цветов.

— Куда без этого, — энергично кивнул холёный. — На самом деле Лесли даже не приближала их к себе на расстояние ближе плазмагана.

— Лесли?

— Ну, та девушка.

— Запутали меня, молодежь. То «не приближала», то говорите про мужика.

— Да странный там был перец. Дорогая машина, дорогая одежда — аж кожа на пальто скрипит. А вторая сабурбия, зачем она ему? Выше вас на голову такой и шире раза в полтора — а я таких как вы, встречаю редко даже в зале.

— Ну и чёрт с ним, — скорчил сомнительную гримасу Эрнест. Слабое чувство узнавания буркнуло где–то в глубине мозга и заткнулось. Ну и ладно. Впоследствии можно было провести адресную дознавательную работу. Официальную, с протоколами и психологами. Но — не сейчас. Сейчас детектив нуждался в общей информации. — У вас тут ксеносов особо не водится, смотрю? Хоть где–то с ними всё спокойно.

— Мы их просто жгём, и все дела.

— В смысле агрессивных?

— Да вообще всех. Заводят магазин — жгём, предприятие в пределах сабурбии — поджигаем. Самих тварей — никогда. Асакку, например, не трогаем, они убирают тут дорожки, как и везде.

А. Н. едва не поперхнулся дымом. Прямое нарушение Хартии в сабурбии было самым большим сюрпризом за день.

— Наверное, район не подойдёт моим клиентам, — скорчил он грустную рожу и выбил пепел из трубки.

— Почему?

— Потому что лет через пять «хозяева» нашинкуют его обитателей на кебаб хуртукулями.

Подростки засмеялись. Молодость и веселый настрой помешали им заметить — говорил Эрнест очень и очень серьёзно. Детектив приподнял шляпу, удостоился сдержанных кивков парней и тёплых взмахов девичьих рук. И ушёл, не оглядываясь. Перед ним стояла возможная группка экстремистов. Или же — живые трупы, которые ещё пострадают из–за круговой поруки. Если подобная ситуация сохранится год–два — реакция «хозяев» будет жёсткой.

> *Лэндинг*: Деловые новости
>
> *Заголовок*: Маргинализация рынка дешевых мотелей достигает угрожающих масштабов.
>
> *Одобрено Хозяевами*: да
>
> Как сообщают наши источники в городском магистрате, чиновники крайне обеспокоены ростом преступлений в мотелях. Причиной тому может быть рост использования данного типа гостевых заведений в качестве дешевых квартир лицами, не имеющими право на резидентство.
>
> Господин Хартстоун из службы безопасности «Ao_Ao Group» в беседе с журналистом «ДВ» отверг подобные подозрения. По его словам, на вверенной его СБ «зелёной» зоне проводятся регулярные рейды, направленные на поиск нелегальных мигрантов, рецидивистов и нарушителей депортационного законодательства.
>
> <…>

А. Н. всё больше склонялся к идее Нахта спустить с цепи герра Тиммермана сразу же по возвращению из пригорода. В лучшем случае за столь масштабное нарушение «хозяева» применят децимацию. А выживших — расселят по Пустошам. Но скорее всего район ждёт массовое поражение в правах, распродажа смутьянов по биолабораториям. И конечно же, резня. Обновление Стены Черепов, так сказать.

В «улитке» раздался тревожный зуммер. Глянув на экран коммуникатора, Эрнесту оставалось только в бешенстве стиснуть зубы. Биобот был отозван в связи с низким уровнем заряда. Оставалось только застегнуть тренч. Схватить шляпу в руки, взять разбег. Пробежать квартал. Другой. Ближе к концу третьего —

запыхаться, но успокоиться, увидев нужный сквер. Надо поменьше курить, недовольно отметил Эрнест, слушая шум наполняющего лёгкие воздуха пополам со стуком в ушах.

Бродяга так же беззаботно валялся, укрывшись драной шинелью. А. Н. бесцеремонно сорвал «одеяло», окатив себя мелкими комками засохшей грязи. Негромко приказал:

— Вставай, отец.

— А? Что? — в лицо пошло крепкое облако застарелого перегара. — Я уже платил в этом месяце, отвяжись!

— А месяц уже прошёл, — не растерялся Эрнест.

— Не может того быть, как бы я забыл–то?.

— На погоду посмотри, дурак старый.

Бродяга встал. Он выглядел изрядно побитым жизнью. Сбитый нос, бурая кожа. Растрескавшиеся губы и сальные волосы.

— Как же так–то… Ну как знал, не нужно фазис со спидолой и виски мешать, не молодой уже…

— Так будешь платить или как?

— Шеф, шеф, не хочу в участок, ну их к чёрту! — поднял голос и накал эмоций бродяга. — Но денег ни монеро нету! Зубы свои оставшиеся даю на это!

— Ладно–ладно. Найдётся чем расплатиться, отец.

— В Подбрюшье не пойду, — насупился старик.

— Что?

— Что слышал, наммунг глухой. Не пойду. Лучше уж в Ямах поживу. Там народ как–то подобрее.

— Чёрт с ним, Подбрюшьем, — быстро произнёс Эрнест. — Ты же был недалеко, когда Лесли грохнули?

— Лесли? Аллен? Даа, хорошая девочка была, дааа… Но подожди, я ж уже кому только как не рассказал о ней, а?

— Не понял? Видел?

— Ну да, видел её. Где–то около полуночи, а может и попозже часа на пол.

— А может, и раньше часа на два, — не удержался А. Н.

— Нет, — серьёзно покачал головой бродяга. — Не раньше. Оттенок у неба совсем другой был бы.

— И какой она была? — быстро вставил Эрнест вопрос. Глупый вопрос, заданный не к месту. Но вызывающий нестандартный ответ.

— Да как обычно. Ноги до ушей, юбка скрывает только то, что скрывать совсем уже нельзя, господин детектив. Озиралась. Понимаю — сам бы озирался. Иметь таких родственников и такую ораву ревнивых мужиков — лучше уж сразу в Ульи, аккурат посередине между арахнидами и палками.

— Она шла с кем–то или одна? — Эрнест достал блокнот и

спешно набросал полученные данные.

— Да, с кем–то, как же иначе. Амбал в чёрном кожане. Вроде твоего тренча, но дороже раз в сто.

— Белые волосы?

— Длинные. Проверяешь что ли? — насупился собеседник.

— Только догадку. Они спорили?

— Нет, абсолютно спокойно говорили. Ну, девочка менее спокойно, а тот высокий — тише травы. Но не шептал, нет. Уж я-то шёпот хорошо знаю, после стольких лет рядом с ксеносами… а они повсюду, господин офицер, ой повсюду!

— Неважно. А что с родителями? Все говорят, что они заботились как ни в себя.

— Я мало что знаю. Особо не понаблюдаешь, когда в желудке мясо по–джосерски переваривается, тут бы куст найти и место, где в жопу пыль не задует. Но часто бегала та девка, припоминаю. А такое же не просто так, да?

— Ты прав, — медленно кивнул Эрнест и достал комок марок сотни в две. Бродяга принял их недоверчиво, слегка касаясь банкнот. Видимо, за недостаток информации его в основном били. А. Н. криво усмехнулся и развернулся. Остановился в пяти шагах как вкопанный, вспомнив важную фразу разговора.

— Отец?

— Ась?

— Скажи, а кому ещё ты это говорил?

— Ясно кому, как же. Офицеру «Агни Корп», офицеру «Чаото» — на их территории я тоже сплю иногда, имел право. А, да. Такому же детективу как ты.

— Старше, чем я? — торопливо вставил реплику Эрнест.

— Да что ты, нет. Совсем молодой ещё. Он как будто не привык к тренчу, не то что ваши коллеги.

— Спасибо, — холодно склонил голову А. Н. и развернулся.

Итак, как минимум трое знают столько же, сколько и Эрнест. А то и больше. Нужно было действовать быстро. Судя по тому, что в воздухе не носятся ховеры «АгниКорп», его коллеги не собирались придавать расследованию официальный оттенок. Нужно было срочно выбирать — кого допрашивать и как. Последнего бойфренда или семью? База данных говорила о длинном списке бывших. И весьма ограниченном семейном.

Нахт бы пошёл к парню, недовольно подумал А. Н. Он бы всё–таки сначала проверил ревность, а потом бы полез копаться в грязном белье. Но происходящее во второй сабурбии решительно перестало нравиться детективу. А родители знают о бытовой жизни гораздо больше обычного.

Итак. Тенистая улица, недалеко от центра сабурбии.

Вылизанный тротуар, минимальное количество желтоватой пыли — обычного признака тёплого сезона во всём Городе. Покрашенные бордюры и набеленные деревья. Эрнест со своими атрибутами жителя Старого Города — лёгкой небритостью и уже слегка потёртым плащом цвета хаки казался пришельцем из другого мира. Хоть и получал зарплату больше иных местных обитателей.

Мистер и миссис Аллены оказались распространённой скучной вариацией бытового насилия. Приторно добрые, приторно вежливые. Искусственный газон, натуральные и очень распространённые в подобных случаях цветы у глупого, зато выполненного уважаемым мастером портрета старшей дочери. Волоски, пытающиеся прикрыть солидную лысину отца и скрывающее возрастную полноту платье матери. Образцовый плач. В нём не было того безумного, рвущего нутро порыва, который А. Н. не раз и не два слышал при похоронах детей. Просто плач образца «громкий, горестный плач». Не более.

От неудобных вопросов они уходили именно слезами. На малейший намёк о способности ответить возмущались яростно. Быстро забывая о причитаниях и о страданиях по поводу вскрытой на столе прозектора Лесли. Погасив раздражение, Эрнест пометил — спросить младшую дочь. Она, казалось, совсем не осознавала произошедшее, и могла рассказать несколько важных деталей. Или — не рассказать, ведь обычно пары сестёр и братьев куда ближе друг к другу, чем разнополые сочетания.

Единственные детали, которые удалось выудить из родственников — что Лесли никогда не была при них в наиболее злачных, по их мнению, районах Города. Даже заведения для посещения рекомендовались исключительно после совещаний с соседями на предмет «порочности». «Котёнок» кстати, в их список не входил, да и вообще — новость о завсегдатайстве там Лесли супругов откровенно сбила с толку.

Выходя под приторные славословия и всхлипывания, А. Н. чувствовал себя так, словно по нему шпателем размазали пасту из самого вонючего сорта дерьма. Он даже проверил подошву ботинок. Нет, не вступил где–то случайно. Просто место имело не «зелёный», а коричневый оттенок. Эрнесту было трудно представить — как бы он в реальности повёл себя на их месте. Но куда проще — понять мотивы хоть и скрытного, но асоциального поведения Лесли.

Поливая себя мысленно последними ругательствами, Эрнест принялся к самой унылой части дня. Опросу бывших жертвы. Длинные ругательства и тоскливые фразы, обрушенные надежды и ферментированные обиды. Гремучая смесь. Её придётся

хлебнуть сполна, выделил для себя А. Н. И отдельно пометил — асимметрию лицам свидетелей не придавать. Что бы они не несли.

Слегка потёртый мотель. Он лежал чуть в стороне от прямой линии, соединявшей переулок и дом Алленов. На самой окраине зоны ответственности «Агни Корп». Зелёной зоны, разумеется. Однако, уже на подходе загривок Эрнеста стал пошевеливаться. Если Лесли умудрялась приторговывать небольшими партиями наркоты, то могла связаться и с бандой пушеров. Очень тихих, не выделяющихся торгашей.

Или же — очень нагло покрытых местными безопасниками. А. Н. бы не удивился.

Некоторое время Эрнест боролся с паранойей. Она сжимала мозжечок стальным захватом всё сильнее. И детектив сдался, не дойдя каких–то десять шагов до мотеля, где согласно базе данных, жил Джим Севилья. Последний бойфренд Лесли. Очень приличный молодой человек, как его характеризовали мистер и миссис Аллен. Что он делал в дешевом убитом мотеле, почтенные хартисты, естественно, не знали.

Обойти комплекс зданий. Не найти тёплых, всё ещё воняющих водородным выхлопом мобилей. Не найти следов чужаков. Свериться с базой данных, отметить в голове нужную комнату. Войти в кольцевой двор мотеля с чёрного входа. Осмотреться. Не найти ни единого жильца. Нащупать лазерный пистолет, снять с предохранителя. Подумав, вытащить из кобуры. Перехватить более удобным хватом.

Поводить стволом, прислушаться. Услышать глухой разговор. Свежеогрубевший мужской голос и какой–то шелестящий, шипящий собеседник. Аккуратно переставляя стопу с пятки на носок, пройти дальше по коридору. Услышать нарастание разговора. Доходящее до крика.

— Нет! Я сказал, нет, чёртов ты…

Вопль ужаса.

Плюнуть на конспирацию. В два удара сердца догромыхать до двери. Дернуть за ручку. Заперто. Ударить ногой, ощутить крепость джосерской работы по дереву. Разбежаться. Протаранить плечом дверь. Услышать тонкий скрип. Разбежаться второй раз. Ударить снова. Пролететь в обнимку с выбитой дверью десяток метров (на самом деле — сорок сантиметров). Едва не оглохнуть от грохота.

Поднять взгляд. Ещё поднимая, увидеть красное, вздернуть пистолет. Увидеть сегментированную броню слепяще белого цвета. Пустить в неё залп из четырёх выстрелов. Промахнуться. Попытаться встать крепче, подскользнуться в растекающейся луже

крови. Едва не упасть, выстрелить снова. Осознать, что чёртов кордул ушёл.

Кордул идеально белого цвета размером в четыре раза больше обычного.

Глава 3.3

Место: Сабурбия номер 2.

Локация: Мотель «Харт'с».

Время: Вторник, 16–10

Фиксирующие сцену преступления дроны слишком часто щёлкали, фиксируя изображение во всех возможных спектрах. Эрнест одёрнул одного эксперта. Заставил отсканировать свою поверхность и инородный биоматериал. Откланялся и вышел курить во двор. Там его уже ждал Ганс–Ове Нахт.

— А как же свои дела? — насмешливо осведомился А. Н., набивая трубку.

— Мелкие наркоторговцы подождут. Учитывая происходящее, с меня тоже спросят мнение по делу.

— Ты мне не веришь?

— Про белого кордула? Выражусь так… есть биомодификации, вживляющие органическую броню. Любого цвета и любой прочности — лишь бы организм выдержал и монеро были.

— Ты видел «азбуку» под окном?

— Она ещё ничего не значит. Эрнест, результаты трассологической экспертизы придут через два с половиной часа. Тогда и будем говорить о наличии или отсутствия кордула.

— Ганс. Ганс–Ове, — поправился А. Н.

— Можешь использовать любую форму, хоть Гэо, — поморщился немец.

— Я видел эту тварь. А до этого сталкивался с кордулом. Что бы это ни было — оно сильно крупнее. Про цвет я молчу.

— Про цвет я тоже молчу. Не мне тебе говорить про чёртово разнообразие. Ты в шоке — езжай домой. Попей пива, потискай девушку.

— Это приказ? — напрягся А. Н.

— Пожелание боевого товарища, — отчеканил Нахт. — И учти, после него может последовать приказ начальства. Ты психически нестабилен и можешь наделать слишком много дел.

— Блядь… кто может наделать дел, так это ебаные местные безопасники.

— Ого. Какие слова, молодой человек.

— Это место, по–хорошему, нужно хорошо обработать флогисто…

— А вот об этом думать забудь. Я тебя за язык не тянул, пока ты занимаешься делом — пальцем не пошевелю, чтобы инициировать проверку в отношении местных.

Эрнест прошёлся взад–вперёд по двору. Он несколько успокоился — возможно, следствие выкуренной за две минуты трубки, полной малинового табака. Или — холодной тени. Или — здравых аргументов, выслушиваемых уже битые десять минут.

— Кордул…

— Или тот, кто за него себя выдает. Сороконожке ни к чему открытое окно, она пролезет через любую форточку или сколь малую щель.

— Ганс, не перебивай, — неожиданно холодно даже для себя произнёс Эрнест. И продолжил, куда более тепло: — Окно могло быть открыто не для кордула. Есть ещё один подозреваемый.

— Помню. Загадочный длинноволосый гигант. Но он может быть простым папиком.

— Для этого он слишком часто появляется на местности. Я видел его мельком у школы. Бродяга видел его, школьники неоднократно видели его. Он — неизвестная величина. И, почти наверняка — знает больше, чем остальные вместе взятые.

— Ты прав, — мирно кивнул Нахт, глядя в стену. — И его действительно стоит проверить. Как и подружек, как и мутных родителей, как и офицеров, чтоб джосер отложил личинку в их дряхлой пердящей матушке. Но — не сегодня. Собирай свою свинскую жопу в ручки, садись на такси и отсыпайся. У тебя в крови слишком много адреналина, чтобы продолжить опрос свидетелей.

А. Н. спорил ещё битых пятнадцать минут. Но так и не смог переубедить несгибаемого Нахта, пообещавшего скидывать в папку дела все наработки, которые он только получит в ходе оперативного мероприятия. Эрнесту только оставалось махнуть рукой два раза. Первый — когда понял окончательно: Ганс его не пустит обратно на место преступления. Второй — когда вышел на ближайшую кастрированную вафельницу.

Лэндинг: Боб как кофейный боб

Заголовок: Кофейни занимают заслуженное место в Южном Старом городе

Одобрено Хозяевами: да

Аналитическая группа «Burg Inc.» проанализировала данные социального опроса резидентов человеческого геностатуса, проживающих в Южной части Города. По их данным, в тройку популярных типов заведений неожиданно вошли кофейни. Их опережают только дома терпимости и бары.

Мы не можем не приветствовать подобную смену вкусов. В кофейне вас не ударят ножом, не побеспокоят

облавой и тем более — не заразят венерическими заболеваниями. Обратим только внимание, что опрос проводился только среди резидентов, в то время как до четверти человеческого населения пока не получили такой статус и являются всего лишь экспатами.

Традиционно составим список рекомендуемых нами кофеен.

Девять зёрен — отличное, уютное заведение, завтраки. Превосходное качество кофейных напитков.

Arabesque — французская культура потребления кофе во всей красе.

Fika — небольшое заведение, в котором вы сможете перекусить во время обеденного перерыва. Обширный ассортимент фирменной выпечки.

Серый котёнок — тихое заведение с разнообразием оригинальных рецептов.

<…>

Правда, такси так и не явилось. Пришлось зайти в коммуникатор, найти общегородской агрегатор. Вызвать, указав точный индекс посадочной площадки. Сесть, буркнуть адрес доходного дома Стэнтора. Почувствовать резкий прилив усталости, едва не уснуть сразу при выходе на эшелон. Клюнуть носом один раз, усилием вернуть бодрость. Клюнуть носом второй раз. Перестать слышать шум двигателя и тихие ругательства таксиста в сторону остальных участников движения.

Где–то в этот момент, на границе сна и бодрости, Эрнест продолжал упорно выстраивать параллели и связи одни за другими. Виктор Ремуар, Лесопилки. Вальдана Бекс, Проём между Новым Городом и четвёртой сабурбией. Анатолий Кривицкий, Ямы. Лесли Аллен, Джим Севилья и вторая сабурбия. Девять дней назад, шесть дней назад, три дня назад, сутки. Нет, совпадение по времени случайное. Севилья не вписывается в теорию.

А если плясать от места? Мотель находится не так далеко от окраины, нет, не подходит. А если сориентировать карту по северу?

Щёлк–щёлк. Эрнест проснулся в приливе вдохновения. Убийства выстраивались в нечто вроде фигуры. Почти восьмиконечная звезда, Но с нюансами, конечно. Южная двойная вершина лежит во второй сабурбии, западная — в Ямах, северная — в Лесопилке и где–то в районе пустырей вокруг бара «Последний дуст». Восточная — в третьей сабурбии и четвёртой. В Ямах регистрацию смертей не ведут, «Последний дуст» тоже не

отчитывается. А четвёртая сабурбия поделена полностью между тремя службами безопасности — солидными «Хагуро», откровенно неформальными «Ао_Ао» и очень консервативными «Бета Фехта».

Нужно было найти центр выстраиваемой звезды. Что бы она ни значила для тех, кто стоит за убийствами. Эрнест набрал номер Пэрра. Восходящей звёздочки отдела операторов, машиниста и капитального любителя продажных женщин.

— Пэрр.

— Эрнест безымянный, — растягивая гласные и неправильно расставляя ударения, ответил голос в «улитке». Как жизнь в плаще?

— Чуть лучше, чем в «Ямах».

— Поделом тебе.

— Я по делу. Нужна твоя помощь в вычислении эпицентра события.

— Как всегда, если Пэрри, то по делу… — длинный наигранный вздох. — Что за событие хоть? Массовые беспорядки? Убийства? Ещё что–то этакое?

— Последнее, да. — Эрнест опасался говорить о делах в потенциально прослушиваемых местах.

— Ну и что конкретно тебе нужно?

— Выявление взаимосвязей. Я скидываю всё, что имею, а ты объясняешь возможные варианты.

— Мужик, это сложнее, чем следить за подружкой.

— Знаю, — недовольно оборвал А. Н. — Учти, дело «синей» важности. Зацепить может всех.

— Настолько всё плохо?

— Именно так, и ни монеро меньше.

— Имена?

Эрнест назвал номер дела и перечислил убитых. Машинист каждый раз вставлял «да», пока записывал детали. Помолчал после окончания списка.

— Ладно, посмотрю, — неохотно буркнул Пэрри после паузы. Вздохнул. — Искренне надеюсь, что тебе не ударила паранойя, как в прошлый раз.

— Она не ударила, это был запланированный акт, — неловко ответил Эрнест и нажал отбой. Он всё ещё смущался приступа ревности, заставившего его следить за Агнетт. Кстати, довольно бестолково и с нулевым итогом.

Такси не спешило. Мобиль плёлся в самом верхнем эшелоне, лишь смещаясь по вертикали из–за необходимости уклониться от излишне ретивых участников движения. Как и просил Нахт водителя перед тем, как посадить детектива внутрь. А. Н.

недовольно поморщился и вытащил трубку. Город он видел уже почти со всех возможных ракурсов сверху. Небоскрёбы Нового города, древние крыши Старого. Очень приличные поместья Жетона, просто приличные крыши сабурбий, не очень приличные — Лесопилки и Мыловарни, отсутствие — в Ямах и Ульях.

Единственным исключением была, конечно, Цитадель. Запретный город для любых, кроме «хозяев». Не единственное их место обитания, но самое известное. Древнее напоминание — «хозяева» были, «хозяева» есть и хозяева будут жить здесь. Причём — вне зависимости от статуса и количества пришедших на их землю.

Эрнест закурил, в очередной раз за сегодня. Какая это была трубка? Пятая? Шестая? Неважно. Важно только найти систему в убийствах. Что–то подсказывало, что она даст куда больше, чем все показания, узнанные сегодня. Какой–то ключ, реперную точку, от которой можно оттолкнуться. Или же — с которой можно обнаружить что–то незаметное, бывшее под носом всё это время.

Такси приземлилось на незнакомой А. Н. вафельнице. Уже выбравшись, он понял — таксист привёз его куда–то совсем не туда. Свериться с картой в коммуникаторе. Понять, что он на самой восточной точке Старого Города. А квартира лежала на северо–западе. Приплыли. Эрнест даже пожалел, что не выбил трубку прямо на дешевое экопокрытие заднего дивана.

Нужно было выбирать, двигаться в бар или двигаться домой. Размысливая на ходу, А. Н. вспомнил, что день уже заканчивался. Можно было и перекусить, хотя бы чуть–чуть. С этими мыслями он достаточно медленно двигался по тротуару, высматривая какое–нибудь небольшое и недорогое заведение со вкусной едой. Пару раз — «случайно» останавливался, высматривая слежку. Не обнаружил. Только чуть не задавил булькающего наммунга, не успевшего затормозить.

От утренних туч на небе не осталось и следа. Эрнест всерьёз задумался о том, чтобы в этот вечер махнуть на дело. Встретить Агнетт, погулять по Водным Садам. Они никогда не бывали в Водных Садах вместе, хотя некоторые прилетали в Город только ради «каменных деревьев» хозяев и невиданных нигде более цветков. Или — по Пристаням. Работ на первых пирсах не ведётся, так что можно погулять, посмотреть на закат, вечное движение груженных ресурсами барж. Поболтать под кофе и табак. Соблазнительно, чёрт возьми.

Детектив почти сдался этому порыву, когда в «улитке» раздался тоновый сигнал. Вызов. А. Н. подобрался и сухо ответил:

— На связи.

— В общем, я не знаю, чем ты это уловил. Но взаимосвязь

есть.

— Восьмиконечная звезда?

— Уникурсульная гексаграмма, — протараторил Пэрр. — И то, не полностью.

— Не понял, — нахмурился Эрнест, останавливаясь как вкопанный. Через мгновение он едва не подскочил на месте, ощутив жвала на спине. Но обернувшись вокруг оси с пистолетом наперевес, обнаружил только недоумённого джосера. Матерящегося, словно сапожник.

— Просто название одной геометрической фигуры. Так вот, все твои жмурики неплохо ложатся в её углы, но при одном условии: погрешности «пика» в пару–тройку километров.

— То есть не оно? — разочарованно протянул А. Н. — Ни одного неучтённого трупа?

— Не совсем так. Я загрузил экспериментальную программу. Она совершенно не одобрена ни «хозяевами», ни Тиммерманом, так что этот момент в отчёте тебе придётся опустить.

— Уже страшно.

— Нет, но выкручивайся сам. Так вот, программа проанализировала всех скоропостижно ушедших и нашла всего несколько совпадений. Мужики ходили в бордели рядом и один бар, женщины бывали в одних и тех же салонах красоты. Ни одного пересечения. Разные люди, разные судьбы, всё такое, — Пэрр хмыкнул и прочистил горло от хрипа.

— Но? — нетерпеливо осведомился Эрнест.

— Но? — машинист словно не понял вопроса.

— Подразумевается «но» в неоконченной фразе.

— А, точно. Но все они были в одной–единственной точке, кто–то один раз, а кто–то постоянно. Точке в Старом Городе, не так далеко от тебя, кстати. Мог мне и подсказать, потратилось бы меньше энергии на твой запрос. И времени.

— Знал бы где падал, соломку бы стелил, — буркнул Эрнест, сворачивая в проулок. Ему надоело следить за спиной, так что пришлось свернуть в первый попавшийся проулок.

— Ну ладно, — хмыкнул машинист. — Тогда слушай. Все люди из твоего списка оказались редкими кофеманами.

— «Старый котёнок»?

— «Серый котёнок», да. Говорю же, мог бы и подсказать, тестировщик чёртов, — слегка обиженно пробормотал Пэрри.

Эрнест выругался. Вывел коммуникатором карту города. Понял, что «Котёнок» находится всего в километре северо–западнее. Попросил машиниста:

— Поищи, не было ли скрытых серий по тому же принципу раньше.

— Стоп–стоп–стоп-стоп, — зачастил парень. — Я тебе не всесильный куратор из старых плоскодрам. У меня нет мощностей, чтобы прочесать всю базу данных по убийствам и экономике одновременно.

— Тогда ищи ещё подробностей по тем, что есть! — рявкнул Эрнест и добавил пару–тройку крепких выражений. Пэрр вздохнул и отключился.

Эрнест сначала было перешёл на рысцу. Но недолго — день выдался очень долгим и насыщенным на бег. Кое–как убедив себя, что кофейня в полном составе не сбежит, он усилием воли перешёл на медленный шаг. Другим — остановился у магазина, купил банку «Троки». Выпил серией очень мелких глотков, смял. Донёс до мусорки и только затем пошёл дальше. Изо всех сил сдерживая порыв к бегу.

«Серый котёнок» располагался в здании неподалеку от угла двадцать пятого «а» и восемнадцатого «б» переулка. Именно неподалеку — у владельца не хватило денег на престижное здание на углу, так что кофейня заняла первый этаж зажатого между двумя вычурными домами здания–коробки. Побуревший кирпич, мутные стёкла этажей выше первого. И — неон, панорамные окна и цветы первого этажа. Контрасты, как и везде в Старом.

Осмотрев здание сзади, и приметив несколько вариантов для отступления, сыщик аккуратно прошёл к двери. Без привычной сегрегационной метки. Странно. Немногие так рискуют — теоретически сюда мог ввалиться кто угодно, от омёлы до джосера — и был бы в своём праве. Звякнув колокольчиком, Эрнест вошёл внутрь, придержав дверь. Тихая музыка, оформление — пастельных тонов. Разновозрастная и разнополая публика. Дружелюбная бариста (бейдж гласил «Итэа», что бы это ни значило) улыбнулась белой улыбкой:

— Добрый день вам, кто бы вы ни были!

— И вам, гм, не болеть, — поморщился А. Н. Он никогда не любил показательной коммерческой «доброты».

— Что вам приготовить? У нас все виды кофейных напитков и близких по вкусу, с которыми только знакомо человечество!

— Раф. Без сиропа. Большой.

— Двести марок. Бенджи, один раф!

— И ещё один спецзаказ, — негромко добавил Эрнест, оперевшись на стойку.

— С удовольствием!

А. Н. впервые за несколько часов широко улыбнулся и выложил на стойку значок, не отрывая взгляда от расширившихся глаз девушки.

— «Агни Корп», детектив Эрнест А. Н. Мне нужна информация по этой, — фото на стойку, — девушке.

— Это…это… — покраснела бариста и прикрыла ладонью поджатые губы.

— Ваша посетительница, — негромко потребовал А. Н. — Она бывала у вас часто. Последний раз — в минувшую субботу.

— Да…

— Мне нужно знать, с кем она обычно была. Или — с кем встречалась.

— Ну, она была в разных компаниях, — уклончиво пробормотала девушка. — Девушки, парни, в основном ровесники.

— В основном? — с лёгкой улыбкой поднял бровь Эрнест.

— Ну, — подобралась бариста, наматывая локон на палец, — она иногда была с мужчинами постарше. Редко. Очень редко, да.

— Можете описать последнего приходившего?

Бариста замялась, и в этот момент прозвенел звонок. Она отвлеклась на кофейный аппарат, а Эрнест, почувствовав взгляд в спину, покосился глазом. Какая–то часть посетителей спокойно занималась своими делами — болтала, обнималась, поглощала кофе. Однако другая явно следила за разговором. При виде скошенного взгляда (явление скорее забавное, чем грозное), люди поспешно отвели глаза. Слишком поспешно для детектива. Пусть даже настолько зелёного, как А. Н.

— Ваш раф–кофе!

Стук картонного стакана. Эрнест поднял глаза и увидел легко улыбающуюся бариста. Видимо, недовольно подумал сыщик, она всё–таки совладала с собой. Возможно, придётся немного сложнее.

— Итак, продолжим?

— Лучше в подсобке. А то вы распугаете всех наших посетителей.

А. Н. кивнул. Он последовал за вышедщей из–за прилавка девушкой, держа руки на кастетах. В крайнем случае, конечно, он мог пробить спину бариста раубтиром перед смертью. Но это — совсем крайний случай, при нём можно вообще ничего не успеть. А пока остается коситься по сторонам, иногда цепляя взглядом спину, и кое–что пониже, упакованное в форменную юбку.

Совсем неплохо, отметил себе в голове Эрнест. Не забывая в голове прокручивать варианты отступления. И просчитывая, где относительно переулка и одного из планов отступления расположена подсобка. Заваленная ящиками комната с небольшим, зарешеченным окном. Девушка села на ближайший контейнер. А. Н. без спроса сел рядом, стараясь держать в поле

зрения дверь.

— Итак, мисс?.. — осведомился Эрнест, прихлебывая кофе.

— Идэа, — чуть успокоилась собеседница. Помолчала и, спустя пару секунд колебаний, решилась: — Последним её спутником был мужчина. Белый, белые волосы. Высокий. Квадратная челюсть, глаза глубоко посаженные. Лоб высокий, крутой.

— Вы очень точно описываете человека, — хмыкнул А. Н.

— Он приходил несколько раз. Ну и трудно девушке, да и некоторым мужчинам, не обратить внимания на такого… — бариста замялась.

— Посетителя, — пришёл на помощь Эрнест.

— Да. Да, посетителя, — неловко улыбнулась собеседница. — Но он был не один. У них был небольшой кружок, я уж не знаю, почему они тут были. Там были и молодые и старые.

— Вот прямо от семидесяти и старше?

— Нет, что вы. Старые для их круга. Они о чём–то шушукались, но умолкали в тот момент, когда я подходила.

— Скажите… был ли кто–то из этих людей в числе этой группы?

Эрнест выложил фотографии всех погибших. Разумеется, снятые ещё пока они были живы. И вперемешку с несколькими другими фотографиями случайных людей.

— Да. Эти, — бариста поочередно отодвинула несколько карточек. С чувством удовлетворения детектив отметил, что все жертвы (кроме бывшего, убитого несколько часов назад), были в числе отмеченных. Однако несколько человек были незнакомы Эрнесту. Кроме Агнетт. Как можно спокойнее сыщик потёр челюсть и отложил три фотографии. Вальдана Бекс, второе убийство, Анатолий Кривицкий, третье. Агнетт, просто Агнетт.

— Что вы можете сказать о ком–то из–них?

— Синий чулок, — ткнула Идэа пальцем в фото. — Типичная обитательница сабурбии, больше ничем не запомнилась. Какой–то отморозок, был в старой армейской кухне. Там такой был не один он, но почему–то именно на него вечно шипели остальные. А вот эта, — карточка с Агнетт двинулась вверх, — была только один раз и больше никогда не появлялась в заведении. Иначе бы я запомнила. Натуральные рыжие встречаются редко, — почему–то бледно улыбнулась девушка.

— А подруги? Кто–то из них был? — А. Н. поочередно, по мере работы инфопланшета, выкладывал перед Идэей фотокарточки девушек, учившихся на одной параллели с Лесли.

— Да. Они, — девушка показала последовательно на лиц, значащихся в профиле под графой «известные частые контакты».

— Но возможно, это не все. Девушка была каждую неделю, и часто — с новыми людьми.

— Если вспомните что–то, звоните в любое время дня и ночи по этому, — Эрнест оторвал от блокнота листок (пора было заводить визитки). Написал номер коммуникатора, положил на ящик. Не дождавшись реакции, решительно положил бумажку в нагрудный карман блузки Идэи. — Идэа?

— Да, господин офицер?

— Что вы ещё скрываете?

— Ничего, что вы… просто место дурное. Я не привыкла к такому количеству нелюдей, и атмосфера в коллективе не самая лучшая.

— И в чём это проявляются?

— Сплетни, игнорирование, всё такое. Собираются выпить без меня, говорят, пока ещё не доросла. Уйду я. И плевать на то, что нужно будет быстро искать работу, — глаза девушки поблестели. — Достали. Не могу терпеть больше.

Эрнест достал чистейший носовой платок и протянул Идэе. Она кивнула, аккуратно смахнула влагу. Вернула платок и сообщила с тёплой улыбкой:

— Если кто вам и сможет сказать что–то ещё о той компании, то только старик с шахматами.

— Старик с шахматами?

— Да. Он никогда не говорит своего имени, мы его просто зовём за кофе «Шахматы!» Он и отзывается. Часто бывает, может что и запомнил.

А. Н. кивнул. Встал, положил руку на плечо.

— Идэа, не переживайте. И если вдруг решитесь уходить точно — напишите мне. Я поспрашиваю знакомых.

— Спасибо, — «рабочей» улыбкой ответила девушка. Эрнест внутренне содрогнулся и двинулся в зал. Где у дальнего столика сидел мужчина в возрасте и разглядывал расстановку фигур на доске. Соперника у него не было.

«Старик с шахматами» так и не назвал своего имени, места жительства и рода занятий. Да и вообще почти ничего не удалось выявить, поскольку старик в основном молчал, ссылаясь на Хартию. Только требовал официальный бланк вызова на свидетельство. Которого, разумеется, у А. Н. не было. Зато удалось выявить, что высокий мужик, с которым так часто видели Лесли, неоднократно был в дворе по диагонали. Где издревле жила «джиновая кошка». Женщина, делавшая самогон.

Поблагодарив старика (и не дождавшись ответных реплик), Эрнест проглотил остаток рафа (кстати, весьма вкусного) и двинулся в указанный двор. Довольно приличный, только

напичканный люками. Люк колодца связи, башенка — «скворечник» газового колодца — для заправки баллонов. Непривычно как–то, отметил А. Н., глядя под ноги. Наконец, указанное окно на первом этаже. Серия стуков.

— Сегодня беж жина, — пробормотала древняя старуха, едва приоткрыв форточку. Эрнест звякнул кошельком. Форточка закрылась, и приоткрылось окно.

— Бабуль, заработать хочешь?

— Какая я тебе бабуля, хер лощёный! Заработать хошу, но не думай, што мошешь тут монетами как монеро сыпать.

— И не собирался. К тебе часто заходит мужик? Высокий, белый. Светлые, как молоко, волосы, квадратная челюсть.

— Ааа. Херой. Да, заходит.

— Как часто.

Бабка требовательно протянула руку. Туда опустился урдалебский жетон. Рука не исчезла. За первым последовал второй.

— Антон бывает шасто, но не всегда. Жин пьёт, как воду, шесное слово.

— Когда будет в следующий раз?

— Не знаю милок, ой не жнаю…

Ещё один жетон.

— А если подумать?

— А ешли подумать, то сеходня. Колени ломит — а это всегда бывает, как херой приходит. Ты милок, номер коммуникатора оставь и ошивайся хде–то рядом. Я и отпишу тебе вестошку когда он заявится.

Оставив номер телефона и дополнительный жетон (чтоб не передумала), Эрнест добрался до ближайшего схрона. Располагающегося в каких–то четырёх кварталах южнее. Схроны в своё время научил его делать сержант. Не «Сержант» Эльм Свериге, нет. Сержант в экспедиционном корпусе. Почти в другой жизни.

Карапасная броня под пиджак — вызов мог поступить в любую минуту. Лазерный карабин — в рюкзак. Три гранаты — фугасная, светошумовая и дымовая. Запасные батареи — по карманам. Вроде всё, что нужно для хорошей засады. Оставалось только надеяться, что ничего из этого не понадобится.

Некоторое время пришлось послоняться по округе. Эрнест редко бывал в этой части Старого Города. Для него было удивительным очень частое вкрапление зданий «чужаков» — такое он раньше встречал только в кварталах, близких к Цитадели. Вычурные, словно высеченные из единой глыбы дома «хозяев» с плавными линиями резьбы по камню. Округлые,

пахнущие сыростью глыбы наммунгов. Удивительно изящные для крайне тупых созданий «скорлупки» асакку.

Если бы район не был «зелёным», отметил себе Эрнест, то тут бы и на кордула никто внимания не обратил. Слишком уж большая концентрация ксеносов на квадратный километр. Интересно, кто «держит» этот район? «Нокс», «Витторио» или какой–то другая служба безопасности с синей лицензией? Или коллеги по «весу» «Агни Корп»? А. Н., подумав, полез в коммуникатор. Информация такого рода была не только любопытной. Она могла серьёзно помочь при пересечении его расследования с каким–то другим.

Коммуникатор, несколько кликов. Ну да, «Нокс». Серьёзные ребята, подряжаемые «хозяевами» в очень тонких обстоятельствах. Или же — в очень кровавых. Отличная броня, бюджет — сопоставимый с некоторыми армиями. Или — очень крупными корпорациями, обитающими в Новом Городе. С ними придётся вести себя осторожно. Неизвестно, как они ещё воспримут чужого детектива на своей делянке.

А. Н. потёр переносицу. Нужно было найти какое–то тихое заведение, где он не будет опасаться получить лазерный разряд или «перо» в спину. Цвет района его уже давно не успокаивал. Несколько сообщений ушли получателям. Патрульным с большим стажем работы на юго–западе Старого. До их ответов пришлось нарезать круги и изучать район. Переулки не захламлены, отметил себе Эрнест. Бежать удастся быстро, но и простреливаемость — на высоте. Можно будет ввязаться в ближний бой и надеяться на быструю реакцию «тёмных».

От размышлений детектива отвлекла серия тоновых сигналов. О, вяло подумал Эрнест. Советчики подтянулись. Действительно, первое сообщение — название бара. Именно бара, а не кафе, ресторации или харчевни. Алкоголики чёртовы. Второе — ненавязчивое сообщение Агнетт. Что ж, раз ненавязчивое — ответ пойдёт позже. Тем более тема для разговора тоже есть. А вот третье сообщение заставило А. Н. остановиться и развернуться в сторону двора «джиновой кошки».

Анонимный отправитель, рубленые фразы.

«Твой герой прибудет, куда знаешь. Через пятнадцать минут. Лучше поспешить.»

Засада? Может быть. Переложить в карманы светошумовую и дымовую гранаты. Кастеты — в пиджак. Быстрым шагом пройти один квартал. Осталось двенадцать минут. Второй — восемь. Третий — четыре. Последний — преодолеть настоящим бегом, отпихивая человеческих прохожих и уклоняясь от столкновения с ксеносами. Забежать в приметную арку, позволяющую срезать

угол по двору–колодцу. Перепрыгнуть через низкий тонированный мобиль приличного класса, что–то забывший прямо в проёме.

Вбежать во двор. Увидеть гиганта в чёрном кожаном плаще, выдернуть пистолет из кобуры. Навести, проорать:

— Служба безопасности АК, руки за голову, без резких движений!

Увидеть недоумённое лицо гиганта, медленно открывающего полу плаща. Увидеть вороненый щит без каких–то других гербовых знаков. Поймать лёгкое чувство понимания и, тяжелое — ощущения засады. Развернуться. Увидеть нейрошокер, бьющий прямо в лицо.

Понять, что на них с незнакомцем организовали массовую засаду.

Упасть в беспамятство.

Глава 3.4. Часть первая

Место: Подбрюшье.

Локация: Неизвестно.

Время: Вторник, 18–42

Сознание возвращалось очень медленно. Кто–то обшаривал карманы Эрнеста, выругался. Сдернул плащ целиком. Мелькнула обрывистая мысль о прекрасной трубке, оставшейся во внутреннем кармане. Наконец, ругаясь на вес детектива, слабые руки запихали его в какой–то покрытый застывшими брызгами бетона черпак.

— Не уверен, что это отличная идея, — произнёс знакомый голос, в котором не слышалось ни капли сочувствия. И тем более — приторности и заискивания, которым А. Н. кормил он вместе с женским несколькими часами ранее. Мистер Аллен. Собственной персоной. Скорбящий отец.

— Тим, это прекрасная идея. Сеть переполнена прогнозами о ливне. Трупы этой парочки вынесет в Реку. Когда их хватится начальство, они уже доплывут до водохранилища.

— Или Высадки. Ты ведь не знаешь точно, где створ водосброса?

— Нет. Но Светлый знает, он и сообщил.

— Ну раз светлый…

— Чёртова сладкая парочка, — попытался простонать Эрнест. Но не удалось извлечь ни одного внятного звука.

— Он скоро очнётся.

— Вы слишком долго возились с ним, — надменно произнёс дребезжащий мужской голос. Опять же — весьма и весьма знакомый.

— Ферзь, уж ты бы молчал! Спускайте быстрее.

А. Н. почувствовал запах сырости и смог открыть глаза. Правда, зрение ещё не вернулось полноценно. Так что детектив смог лишь разглядеть только уходящее затемнение. Судя по запаху сырости и звуку разматываемой цепи, его куда–то спускали. Оставалось только надеяться — что неглубоко. Сверху раздавались раздражающие и раздражающиеся голоса.

— Между прочим, никто из вас, идиотов, не смог вытащить язык из жопы, и обработать его в точке сбора. Ваше счастье, что эта венгерская дура направила детектива прямиком ко мне, и ваше счастье — что я успел предупредить жену о втором визитере.

В ответ посыпались ругательства. Эрнест отключился снова.

Очнулся он уже на вязкой поверхности. От удара о дно. Судя

по падающей на тело цепи, заговорщики не рассчитали на этот раз длину цепи. Или же — решили оборвать даже теоретическую вероятность выбраться по шахте вверх. А судя по запаху прелой воды и хлюпанью, пол покрывал толстый слой воды.

Отбросить ком цепи, с усилием перекатиться по луже на полу. Все равно получить падающей спиралью цепи, оттолкнуться в сторону. Уткнуться в пенобетонную стенку, замереть, наблюдая падающее железо. Прикрыть голову. Услышать наступившую тишину, убрать руки. Услышать тихий отборный мат. Затихший через несколько секунд.

— Я так полагаю, — хрипло осведомился голос, — что ты шёл по моему следу?

А. Н. нетвёрдо встал на ноги. Нейрошокер настраивали дилетанты — иначе детектив бы не пришёл в сознание в обозримом будущем. А так — пришёл и даже был способен заплетающимся языком ответить:

— Да.

Негромкий хриплый смех.

— Стоило этого ожидать, — весело проворчал голос и прервался надсадным кашлем. Свет почти не доходил до дна колодца, так что Эрнест не видел собеседника. Только какие–то светлые тени во тьме.

— Ты не убийца, — прохрипел А. Н. Ничего более подходящего ему пока не приходило в голову.

— Убийца, — поправил собеседник. — Но не убийца Лесли, если ты о ней. Девчонка была моим агентом.

— Агентом?

— Ну да. Один из элементов сети осведомителей, выстроенной для обнаружения и раскрытия ксенофобской ячейки. Разрушенной сети.

— Они нас и вырубили?

— Будешь смеяться, но нет. Это были радикальные ксенофилы, презирающие любую сегрегацию. И любых сторонников.

Эрнест выругался. Как и предсказывал Нахт, дело было запутаннее обычного.

— А причём тут кордул?

— Видимо, они натаскивали его на человеческое мясо. А в процессе уже наткнулись на ксенофобов. И вырезали его жвалами ячейку под корень.

— Ты заметил Алленов.

— Да. Я подозревал их, с тех пор как оказалось, что «Котёнка» полюбили человеческие традиционалисты. Но когда Лесли убили — всё смешалось, — мужчина вздохнул. — Следовало раньше

заметить, что они очень лояльны к ксеносам. А уж для второй сабурбии — даже излишне.

— Не боишься откровенничать?

— Нисколько, Эрнест.

— Мы знакомы?

— Ты представился, как и должен был сделать по уставу.

— А ты — нет.

— Не успел. Антон.

— «Нокс»?

— Ну да, — ни капли ни смутившись, проговорил гигант. — Я иногда отрываю жопу от кресла. «Хозяева» и остальные знают, но помалкивают.

— Хорошо, — проворчал Эрнест, пытаясь встать. Тело откровенно не подчинялось ему, каждое движение отдавалось тысячей иголок в мышцах. Нейрошокер. — Есть идеи, как выбраться? Ни черта не вижу.

— Подожди, они выбросили на дно мой плащ. Видимо, не хотели оставлять улик. А в нём есть несколько полезных приблуд. Сейчас доберусь до него.

— А ты его видишь?

— Тьма мне как дом родной, — фыркнул Антон. Он подошёл в менее тёмный участок. Зрачки блеснули бледным светом.

— Железо?

— Биомодификация. Так, подожди…

Шорох и скрип кожи. В руках у безопасника появилась флуоресцентная палочка, разгорающаяся бледным светом.

— У меня ещё спички есть, — подал голос А. Н. — И универсальная зажигалка.

— Факел в подземелье — так себе идея, поверь. Оставим эту идею напоследок. Возможно, огонь нам и понадобится.

Антон протянул одну палочку Эрнесту.

— Мы в Подбрюшье?

— Да.

— Как–то глубоко. Сколько тут? Метров тридцать?

— Это переливной колодец. И его глубина метров десять от силы.

Эрнест покраснел. Он оглянулся и заметил — пол был покрыт по щиколотку водой. Только шок от нейрошокера помешал заметить, что брюки и пиджак насквозь промокли. Можно было отжимать — и все равно бы капала вода. Видимо, пришло в голову, промок, пока перекатывался. Ноги оставались сухими только из–за армейских берц.

— Знаешь, как отсюда выбраться?

Вместо ответа Антон метнул палочку вверх. Она осветила

обрезанную лестницу.

— Теперь — не очень. Клянусь, когда выберусь — вставлю болт обслуживающей организации. Обслуживающая лестница должна доходить до самого дна. Но нет, боятся туристов. Уроды.

— Если выберешься.

— Выберусь. В дренажную систему должны быть впуски с коллекторов выше. В некоторые из них могу пролезть даже я. А уж ты — тем более.

Эрнест вяло усмехнулся. До впуска ещё надо было дойти. Кебаб уже давно переварился, и голод уже давал о себе знать. А сколько им ещё придётся плутать? Впрочем, сидеть на месте было не в его характере. Кое–как отжав пиджак от вонючей жижи, он решительно кивнул:

— Выбирай маршрут.

— Туда, — махнул волевым подбородком Антон и пояснил: — запах у этой дыры воздуха как–то посвежее.

Эрнест кивнул и вскоре пара похлюпала по мутной воде. В тоннеле было гораздо суше, хотя местами и встречался мусор, стянутый водным потоком. Пару раз встречались иссохшие, поврежденные трупики асакку. Кое–где из стен торчали рыжие цепи.

— Это ещё что? Привязывать обреченных?

— Твоё счастье, что Аллены и компания не знали о них. Нет, просто нехитрое приспособление для прочистки дренажных вводов из стен. Они нужны всегда — дождь обычная часть Города, как и «хозяева». Потом цепи бросили, вот они и проржавели.

— Почему?

— Кордулы, — коротко бросил Антон. Эрнест напрягся, но вспомнил.

Действительно, часто ходили слухи о том, что наиболее умные из кордулов переселились под землю. Где до поры до времени их никто не трогал, а мясо иногда приходило само. К счастью многочисленных монтёров всех рас и геностатусов (в основном — асакку), сороконожки не очень любили сырость.

Некоторое время они брели в тишине, нарушаемой всплесками воды под ботинками. Несколько раз Антон вскидывал кулак, и А. Н. замирал. На второй раз детектив нащупал кастеты, не изъятые дилетантами–налётчиками. Вспомнил о заткнутом за голенище ноже — трофее времен первых дней в городе. Кастеты вручил коллеге, нож вложил в свободную от палочки руку. На развилке гигант выбрал почему–то более обводнённый вариант. Но пройдя десяток шагов, объяснил:

— Скорее всего в конце правого тоннеля обвал или тупик. Воды меньше, потому что она поступает только по стокам.

— А если там техническая камера или руддвор? Тогда можно было бы выбраться наверх там.

— Сомневаюсь. Их, как правило, встраивают в системы, или забу…тихо! Палочку спрячь и в стороны!

Эрнест повиновался. Вдалеке, за плавным изгибом, показался многочисленный свет фонариков и громкий шёпот:

— Энигма! Ты уверен, что тут есть спуск дальше, в глубокие системы? Не стоило на том перепутье подняться на кабельный мост?

— Не очень, но в эту часть ливнёвки мало кто залезал. Там дальше должен быть колодец без лестницы…

— Прямо как тот колодец с трёмя потоками?

— Да. Но про него легенды, гидроудар бы раздолбил дно за весну.

Антон и Эрнест переглянулись.

— Действуем громко, но спокойно, — приказал гигант. — Похоже, это дилетанты — «кроты».

Голоса приближались. Вскоре лучи света сузились, превратились в источники света, бьющие прямо в лицо. Из–за поворота вышла группа. Три фонаря, четыре голоса. Три мужских, один женский, встревоженный.

— Ребят! — протянула девушка. — Там тела!

— Не парься, это каким–то бродягам не повезло. Зажмешь нос и пройдешь мимо.

— Может стоит подняться и вызвать СБ?

— Тогда можешь забыть о подземной реке.

Безопасники переглянулись и скривились. Антон оттолкнулся от стенки, его примеру последовал Эрнест, не забыв развести руки в стороны.

— Зомби! — закричал кто–то. Девушка завизжала, какой–то фонарь упал. Правда, никто не убежал.

— У меня шокер, тварь, уходи подобру–поздорову! — завыл худощавый парень, идущий впереди.

— Прекратить панику! — прорычал гигант. — Назовите место, где находимся, и никто вас не тронет.

— Про чертовщину тоже позабудьте, — проворчал А. Н, отряхивая пиджак. Это, последнее действие, окончательно успокоило компанию.

Как поведал наиболее заросший из них, видимо — тот самый Энигма — группа искала некий «залаз» в «глубокую систему». Разумеется, они знали несколько дренажных колодцев, связывающих текущий участок ливнёвки с кабельным коллектором. По одному «кроты» и спустились, но он располагался сильно дальше. Что, по понятным причинам,

служило одной из тем перебранок для туристов.

Энигма попытался вовлечь Антона в разговор, но получил только кулак около лица. После чего переключился на Эрнеста, называя себя то «предводителем городских диггеров», то «урбанистом по андерграунду», что бы это ни значило. А. Н. вяло поддакивал, но после возмущения собеседника что–де им с коллегой стоило пройти по другому тоннелю, начал закипать.

— Зачем же нам туда идти?

— Ну, разведали бы, мы потом на вас наткнулись, вы бы поделились?

— Зачем?

— Ну, просто по общечеловечески.

— Энигма, слушай меня, — процедил сквозь зубы Эрнест, подходя в упор. — Меня и коллегу скинули с пятиметровой высоты. Мы немного не в духе. Для понимания полноты ощущений могу тебя привести в тот колодец, пристегнуть цепью и метнуть вниз. Нам не до исследований, нам нужно выбраться, смекаешь?

— Смекаю, — смущённо проговорил диггер, а А. Н. ощутил уважительные взгляды. Интересно, подумал детектив, возвращаясь к «тёмному», почему никто его не заткнёт прямо?

Некоторое время группа просто брела по тоннелю, хлюпая ботинками по тонкому слою воды. Через какое–то время гигант жестом подозвал детектива.

— У меня есть подозрение, где мы находимся, — напряженно процедил Антон сквозь зубы, когда Эрнест подошёл ближе.

— И где же? — поднял бровь Эрнест.

— Прямо под зоной охоты сороконожки.

— Он нападает на поверхности, разве нет?

— Не всегда. За прошедший квартал смертность монтёров превысила стандартные полтора процента. Втрое.

Эрнест присвистнул.

— Как это оставалось незамеченным?

— Тварь хитрая. Жрала в основном асакку. Сам понимаешь, они не жалуются. Ну и да, не заметило общество. Мы — заметили. Наша зона ответственности.

А. Н. почесал подбородок.

— А если более предметно? Что нам делать?

— Мы готовили операцию в туннелях, но заморозили её до окончания расследования наверху. Его отдали не нам. Я так понимаю — вашей фирме.

Эрнест мрачно кивнул.

— Ну вот. Насколько я знаю, квартирмейстерская служба закинула несколько схронов в наиболее мелкие подземелья. На

случай долгого выкуривания твари. Но до них надо дойти. Надеюсь, что мы с… этим, — «ноксовец» неприязненно кивнул в сторону Энигмы, — говорим об одном и том же кабельном коллекторе. Беда в том, что я совершенно не понимаю, какой ход куда ведёт. — Антон остановился и показал пальцем на дыру в потолке — Вот например, почему мы не поднялись тут?

— Эй! Вы! — гаркнул А. Н. — Да, я к вам, чёрт возьми. Почему нам не подняться тут?

— Эта дырка ведёт в дублирующий дренаж, — нервно откликнулся обвешанный фотоаппаратурой парень. — Из него нет выходов, только впуски стоков.

— Нахрена он тогда нужен?

— Спросите чего полегче, — пожал плечами собеседник и пошёл дальше.

Безопасники одновременно и очень тихо выругались. Основная часть слегка оторвалась, и пришлось нагонять их быстрым шагом. Подойдя ближе, обнаружилось, что девушка фотографирует какой–то наплыв вроде сталагмита, пока один из парней подсвечивает фонарём сцену. С точки зрения Эрнеста, только сильно увлеченный (если не сказать иначе) человек мог так плясать вокруг какого–то куска извести.

Даже колодец, в который А. Н. совершил вынужденный скоростной спуск, даже в темноте, выглядел куда более впечатляюще.

— Не стоит задерживаться, — буркнул Эрнест, остановившись у треноги. — Это не самое безопасное место.

— И чего бояться? Крыс? Нашёл чем испугать, мокрый Джеймс Бонд, — фыркнула девушка. А. Н. пожал плечами и пошёл дальше, нагнав переднюю группу, как обратил внимание на что–то странное. Отдаленный шум. Струйки воды, вытекавшие из примыкающих труб, вдруг усилились. Вода под ногами, до этого просто хлюпающая, понесла мелкий мусор прочь. А. Н. поднял взгляд и наткнулся на прищуренные глаза Антона.

— Энигма, где твой подъём? — негромко осведомился Эрнест.

— Пятнадцать метров по прямой, — ответил всё ещё дующийся вожак. Он не понимал, к чему идёт дело. Или — не хотел понимать.

— Тогда ходу, — поднял голос Антон. — Ходу! Бросайте к чёрту треноги!

— Зачем? — непонимающе спросила девушка. Вдруг по тоннелю, прямо против направления движения пошёл холодный ветер.

— Ходу, идиоты! — заорал Эрнест и подал пример. Девушка

взвизгнула и бросилась бежать, её «осветитель» замешкался.

— Вайт, бросай свет! Волна идёт!

Последний из четвёрки ругнулся и принялся догонять. До лестницы осталось каких–то пять метров, когда вода стала резко прибывать. По щиколотку, по икры, по колено. Поток начал сносить всех. Антон ухватился за лестницу и протянул руку, рванув первого «крота» к себе. Затем — второго. Эрнест схватил воющую девушку, увлекаемую потоком, и в последнем, отчаянном рывке, наконец дошёл против потока до коллеги–безопасника. Тот проявил недюжинную силу и едва ли не затащил «связку» на лестницу.

Вскоре пошёл основной поток. Едва не утянул фотографершу. А. Н. зацепился рукой за тонкий поручень и, используя плечи, как рычаг, приподнял её вверх, где уже принимал гигант. Мутная вода захлёстывала поднимающегося Эрнеста уже по пояс и продолжала прибывать, он пару раз едва не отрывался от лестницы. Но осознание близкой смерти и, зрелище проносящегося крупного мусора (включая раздутый и слегка обглоданный труп какого–то бродяги) придавали странную ярость.

Рыкнуть неизвестно на что, сделать рывок. Едва не сорваться, но ухватиться за перекладину. Скрыться под снова повысившимся уровнем воды, оттолкнуться ногами. Понять, что поток затягивает его обратно, хотя до створа колодца осталось совсем чуть–чуть. Сильно удариться о что–то железное, почувствовать горячее, льющееся по лбу вниз. Отказаться смириться, рвануть тело вверх. Ощутить сразу несколько рук, хватающих кто за что. Услышать:

— Перехватывай руки, Эрнест, быстро! — отпустить перекладину, почувствовать медленное движение вверх. Увидеть влажную, но не скрытую водой перекладину, схватить, прохрипеть что–то неразборчивое, что–то вроде:

— Вверх! Вода все равно прибывает!

Где–то вверху Энигма бурчал, мол, дальше не прибудет. Но Эрнест, даже втащенный в колодец, все равно видел, как она поднималась вверх, снова перехлёстывая ноги в берцах. Что и выразил фразой, состоящей в основном из идиом, а так же — чувствительными ударами снизу вверх, попадавшие чёрт знает по кому. Неизвестно, что из этого возымело действие, но движение по лестнице продолжилось.

Через несколько секунд скрипнул люк. А через минуту все уже сидели на бетонном полу кабельного коллектора. Абсолютно сухом. Не потерянные фонари лежали хаотично, кто где бросил. А. Н. какое–то время просто дышал как придётся. Но через пару мгновений разлёгся прямо на бетоне. Хватит, набегался на

несколько лет вперёд, тоскливо подумал он.

Через какое–то время раздался тихий голос девушки:

— А где Вайт?

— Не добежал, — пропищал последний, до этого молчавший участник забега. Девушка начала рыдать. Парни неловко утешали её. А. Н. проверил карманы пиджака. Нож унесло, платок унесло, завалявшиеся марки — тоже унесло. Детектив тихо рассмеялся. Что, видимо, напугало гражданских даже больше, чем смерть товарища от потопа. Они мгновенно заткнулись и замерли.

Не обращавший внимания на сцену «тёмный» разломал очередную светящуюся палочку и подкинул Эрнесту.

— Распинай их. Я знаю это место. Схрон уже близко.

А. Н. скорчил мину мол, дай людям отдышаться. Но Антон был непроницаем и только развернулся, выискивая в стенах, каких–то трубах и канатов защищённых кабелей что–то известное ему одному. Эрнесту пришлось вздохнуть и тормошить спутников:

— Осталось совсем немного. Идём, как только окажемся на поверхности — нам помогут.

— А кто поможет Вайту? Ты? — взорвался Энигма. — Ты вообще пёс знает кто, надо было бросить вас и идти дальше…

Эрнест слушал ровно десять секунд. Выдвинуть раубтир, сделать два шага. Не обратить внимание на судорожный писк — кровь на лице противника оказывает странное воздействие на гражданских. Сгрести за длинные волосы, протащить по полу, не обращая внимания на лёгкие тычки. Ударить ногой под колено, подтащить к устью слепого ствола, где внизу вовсю шумела вода. Приложить пару раз головой о бетон. Вытащить голову над устьем, приложить к горлу раубтир. Прошипеть:

— У тебя отсюда два пути. С нами наверх или без нас — вниз. Есть ещё и третий, но в нём есть злой и голодный кордул, который хорошо покопошится в твоих внутренностях.

— Это всё байки!

— Это не байки. Я — детектив из «АгниКорп». Мой коллега — из «Нокс». Если ты не знаешь первого, то знаешь второе.

Энигма мелко задрожал, то ли — от страха, то ли — в знак согласия.

— Думай сам и решай. Но быстро. Вы нам больше не нужны и можете оставаться тут. В знак благодарности отправим спасательную бригаду сразу как выберемся.

— Хорошо, хорошо… мы с вами…

— Вот и славно, — произнёс А. Н. и откинул от люка длинноволосого. Девушка и парень смотрели на раубтир с нескрываемым ужасом. — Подъём. Мы выходим наверх.

Держитесь меня и коллеги. Моего коллеги.

При этих словах молчавший Антон развернулся и пошёл по коллектору.

— А что наверху? — подала голос девушка.

— Жизнь, — коротко бросил Эрнест и двинулся за «тёмным».

Глава 3.4. Часть вторая

Группа прошла с десяток минут. Ход никуда не сворачивал, хотя иногда Эрнест замечал не очень заметные дверцы в какие–то помещения. Наконец, Антон остановился перед одной из них и заметно усмехнулся. Подошедший А. Н. заметил чёрную окантовку двери.

— Это оно?

— Да. — произнёс безопасник, открыл какой–то лючок. Спокойно встретил панель доступа, приложил ладонь. Не удивился автоматически открывшейся дверце.

Эрнест ожидал увидеть внутри тайную комнату, оборудованную для отдыха и довооружения. Но разочарованно увидел лишь забитую снаряжением, хоть и глубокую нишу. Антон молча вытащил пять лёгких бронежилетов, две аптечки, столько же — дробовиков с коробчатыми насадками, патронташей и лазпистолетов.

— Глушитель? Для дробовика?

— Иначе оглохнешь. Рад, что тебе не нужно объяснять отсутствие лазвинтовок.

— Не идиот же, — усмехнулся А. Н.

— А нам? — робко произнесла девушка.

— А вам, девочка, бронежилеты. На крайний случай — могу выдать ещё аптечек, если вы умеете ими пользоваться.

— Умею, — бледно улыбнулась собеседница. — Я прошла фельдшерские курсы в этом году.

— Хоть что–то, — вздохнул Антон и протянул сумку. — Пользуйся на здоровье, девочка.

— Хильдур. Меня зовут Хильдур, сэр.

— Хорошо, Хильдур, — успокаивающе улыбнулся Эрнест, передавая сумку, — держись ближе к дяде Антону, и останешься в живых.

— Закончили болтать? — осведомился упомянутый «дядя», захлопывая дверцу. — Ближайший выход в двадцати минутах ходьбы. Я дал знать, нас встретят мои люди.

— Как? Тут же не ловит связь!

— У меня очень даже ловит, — отрезал Антон.

Все вздохнули и принялись кое–как надевать броню. Эрнест с матом вспомнил, что на нём вообще–то уже есть карапасная лёгкая броня уже тогда, когда подогнал бронежилет. Впрочем, все равно он толком не чувствовался, может и поможет когда–нибудь.

Следующие пятнадцать минут прошли монотонно. Пройти сто метров, направляющий — Антон, замыкающий — Эрнест. Оба

— с дробовиками наизготовку. Замереть по сигналу Антона. Пройти ещё двести метров. Повторить. Ужас и сырость глушили в гражданских природное намерение бежать куда подальше. А может — и два дробовика у мужчин.

Через несколько остановок наступил длинный отрезок, когда колонна просто шла. Пока в какой–то момент «тёмный» не остановился и не замер.

— Что там?

— Тихо… тихо.. — прошептал Эрнест и, наконец, услышал то, что очень не хотел. Цоканье острых ложноножек по бетону.

— ВСЕМ НА ПОЛ! — заорал Антон. И сразу же принялся палить куда–то в темноту, пользуясь преимуществом своих биомодификаций.

А. Н. бессистемно водил стволом и закрепленным на нём фонариком, пока не увидел на потолке тварь. Большой белый кордул с проломами, сочащимся чем–то жёлтым. Он быстро преодолел расстояние до середины колонны. Оторвался, удерживаясь только задними ложножвалами. Схватил так и не назвавшего своё имя, воющего и отчаянно бьющего по хитину диггера массивными челюстями за голову.

Некоторое время парень сопротивлялся, но вскоре челюсти взяли своё и прокусили кость. Тело обмякло, Хильдур взяла очень высокую ноту.

Энигма оттолкнул Эрнеста и убежал во тьму тоннелей, под женский крик:

— Энигма! Вернись, трусливый пидор!

Эрнест же воспользовался возможностью, и всадил в брюхо твари три выстрела. Один за другим. Всадил бы и ещё три, но она упала на землю и бросилась прямо на детектива. Драгоценные секунды он потерял, пытаясь прицелиться наверняка, а дальше кордул прыгнул.

Эрнесту живот с трёх сторон сдавили челюсти, тело, повинуясь импульсу, пролетело с сороконожкой метров пять. Увидеть матерящегося Антона, судорожно запихивающего патроны в магазин. Вспомнить уроки боевой подготовки и многочисленные симуляции. Сопротивляться.

Не дать твари мотать головой — хаотичными ударами по глазам. Пинать в незащищённый живот. Рвать вибрирующие длинные усы, удивиться прочности. Отломать одно, почувствовать прекращение давление. Ударить один раз кулаком, другой, третий, не слышать шипения выдвигающегося раубтира — заклинило. Почувствовать, как броня с неприятным скрежетом продавливается, сминается, раздирается, и тело заливает мерзкая горячая жидкость. Кровь? Ихор? Неважно. Бить, снова бить,

выламывать остатки усиков, увидеть нацеленные в шею толстые жвала, схватить их двумя руками

Услышать дикий вой. Попытаться нащупать дробовик, не найти. Увидеть пошатывающуюся Хильдур, нацеливающую дробовик А. Н. прямо в середину, не передний, «головогрудный» сегмент тела кордула. Заорать:

— Стреляй! — и поднять тело кордула чуть выше, прикрыть голову. Увидеть сотни извивающихся ложноножек где–то Услышать выстрел, вскрик девушки и затихающее шипение кордула. Ощупать живот.

Наружный бронежилет оказался смят и изорван. Как и пиджак, как и рубашка. А вот карапас сработал отлично. Спас от дроби, прошившей сороконожку насквозь. Подошедший Антон с усилием перевернул тело кордула. Всадил все патроны в брюхо, по ещё шевелящимся ложноножкам. Хильдур уронила дробовик и гулко стала избавляться от содержимого желудка. Эрнест почувствовал поднимающийся желудочный сок. Опёрся на стену. Сплюнул. Несколько раз вдохнул.

— Оно… оно мертво?

Вместо ответа Антон зарядил ещё один патрон и выстрелил ещё раз.

— Теперь, пожалуй, да. — пояснил пустоте Эрнест. Оторвал рукав, оттёрся от ихора. Осмотрел тело. Пара царапин на карапасе. Никаких ранений, к счастью. Пошатываясь, подошёл к девушке. А. Н. ногу всё–таки потянул, да и зацепила её тварь при первом броске. Забрал дробовик у Хильдур. — Отличный выстрел, кстати.

Девушка бледно улыбнулась, но ничего не сказала. Подошедший со странным, инфернальным блеском в глазах «тёмный» осведомился:

— Все целы? Без царапин?

— Да, — прошептала Хильдур.

— Ни единой, — бодро отрапортавал Эрнест. Он знал, чем может грозить царапина от кордула.

— Вот и славно. Вперёд, осталось немного.

Так буднично и был убит Белый Кордул, страх одних и идол других. Пнув напоследок труп, Эрнест почувствовал странный запах. Пряный со сладостью. Словно вместо крови кордул источал популярную в тусовочных местах «спидолу». Впрочем, подумал Эрнест — может и источал. Так или иначе — нужно проверить это до того, как труп унесут. Или — сожрут другие кордулы. Если, конечно, они есть тут.

Он оторвал клапан кармана пиджака, благо тот и так держался единым целым только на нескольких нитках. Смочил

полученную тряпку в крови, свернул. Положил в карман, потянул за собой совсем обмякшую девушку пошёл дальше. Перед очередной дверью Антон замедлился, вскинул кулак. Очень тихо, перекладывая стопу с носка на пятку, прошёл к двери. Вернулся.

— Эрнест, ты не поверишь.

— Неужели эти сволочи?

— Они самые. Попытаемся договориться по–хорошему?

— Мы уже пробовали, — хищно усмехнулся А. Н. Проверил наличие патрона в патроннике, кивнул девушке: — Прижмись к стене, не заходи, пока мы не прикажем.

— А если вы не прикажете? — тоскливо прошептала та.

— Спрячься где–то и проходи через комнату, когда все выйдут.

— Эрнест, время.

А. Н. кивнул и прошёл к двери. Антон отсчитал на пальцах и выбил дверь. Внутри помещения кругом собрался весь круг (заговор? Секта?) любителей чужаков. Полторы–две дюжины. Они курили что–то сладковатое, пряное, едкое. Возможно, промелькнула мысль, смесь фазиса и «спидолы». Мелькнула и прошла — потому что Эрнест «включился».

Залп дробовиков по ближайшим целям, слившийся в один. Дать ещё один выстрел, по бегущей с какой–то толстой книге старушке. Ещё один — в карикатурного толстяка, только встающего с мягкого тюфяка. Два — облаченному в старую броню молодому парню. Пнуть в пах, опрокинуть — дробь в упор пробила устаревший бронежилет. Увидеть истеричную девицу, цепляющуюся за ствол. Выстрелить. Получить удар летящим стулом. Отбросить. Увидеть бегущих сразу пятерых мужчин, понять — успеет не больше выстрела в упор.

Бросить дробовик. Вытащить пистолет, дать залп в упор (минус двое), заорать от бешенства. Выдвинуть со второго раза раубтир. Оттолкнуться ногами вперед, выдать неудачный кросс левой и очень удачную отмашку лезвием. Провести серию ударов ошеломлённому Третьему, пробив его тело несколько раз насквозь. Получить несколько ударов ножом в спину. Попытаться вытащить застрявшее лезвие раубтира.

Неудачно. Подскользнуться, упасть. Попытаться загородиться телом, но противник уже обмякал и был весьма тяжелым. Ощутить проскользившие по броне почти не ощутимые горячие выстрелы и только затем — услышать сухие разряды. А ещё — стук падающих тел.

— Порядок? Ты рисковал, — покачал головой Антон, стоя посреди залитой кровью комнаты. Он был окровавлен, но бодр, и держал дробовик одной рукой. На второй был Эрнестов кастет.

Весь в чужой крови. И — осколках кости и мозгах.

Вместо ответа А. Н кое–как уперся в тело и вытащил клинок. Движением кисти заставил его убраться, окатив себе запястье автоматически счищаемой с клинка кровью. Оглядел зал, услышал стоны. Оттолкнул женщину с развороченной грудной клеткой, судорожно хватавшуюся за мысок ботинка. Ей оставалось жить с минуту — и Эрнест не собирался дарить выстрел милосердия.

— Я так понимаю, живые есть?

— О да. Троица в выходном коридоре, я им прожарил немного жопы и пятки. Ещё кто–то стонет под телами. И вот этот, — Антон вытащил за шиворот старика — «шахматиста». — прятался под столом. Он немедленно сложил руки в молитвенном жезле, упал на колени и затрясся. Воротник рубашки остался в кулаке Антона.

— Пощадите, господа! Мы просто защищаем бедных чужаков от нарушения Хартии…

— Нарушения? — прошипел Эрнест. — Одного нарушения другим?

Он выдвинул клинок и пошёл на Ферзя. Но, не дойдя шага, остановился, кое–как загнав ярость в кулак. Со стороны, совершенно не препятствуя, с нескрываемым любопытством смотрел «тёмный».

— Пощадите…

— Я не буду тебя убивать. Что бы дальше не произошло.

— Спасибо, спасибо офицер…

— Не благодари, — бросил Эрнест.

— Как благородно, — усмехнулся Антон. А. Н. ничего не ответил. Повесил на плечо обронённый дробовик. Зазвал Хильдур:

— Заходи. Старайся особо не смотреть на пол. И стены.

— Лучше закрою глаза, — решительно ответила девушка и протянула руку. Эрнест переложил пистолет. Кое–как обтёр ладонь от крови и взял маленькую твёрдую ладонь. Повёл за собой, не забывая держать слабо освещённый коридор на прицеле.

— Подождите секунду, — буркнул Антон, держа обратным хватом внушительных размеров нож. — Свяжите пока любой чушью, которой найдёте, подстреленных.

— Принял, — кивнул Эрнест и потащил Хильдур дальше.

Видимо, заговорщики умудрились найти не используемую бытовку монтёров. Иначе объяснить количество помещений и различной древней (даже по меркам чужаков) аппаратуры, не удавалось. В ближайшей комнате Эрнест, с матами раскидав

откровенный хлам, нашёл пыльную бухту кабеля.

Схватил, повесил наискось на плечо всё ещё крепко сжимавшей веки Хильдур. Прошёл в соседнюю комнату по кровавому следу, в поисках выживших. Нажал на спину что–то шепчущего мужчины. Поднял глаза, проследив направление взгляда раненого. И остолбенел. Было с чего.

Посреди пустого зала, проломив бетонный пол, торчало Каменное Дерево. Небольшое, чуть выше Антона, но всё–таки. Настоящее «хозяйское» Каменное дерево, с синими мерно посвечивающимися каменными цветами. Витой ствол, ложнолистья, вкрапления кристаллов. Священное дерево, как оно есть.

— Антон!

В соседней комнате раздался странный, булькающий хрип. Хилидур пискнула и упала на пол, закрыв голову. Эрнест навёл пистолет на дверной проём, но в нём появился всего лишь «тёмный». С застывшим на лице блаженным выражением.

— Простите. Просто нашёл заманившего меня в засаду. Что вы тут… чтоб меня урдалеб драл…

— Это то, о чём я думаю? — негромко спросил Эрнест, снова наводя взгляд на живой камень.

— Оно самое, — мрачно подтвердил Антон. — Никогда не видел каменных деревьев?

— Да. Как–то не доводилось в укромные уголки Водных садов заглядывать.

— Они не цветут на поверхности. — буркнул «тёмный» и разрядил лазер в пол. Было открывшая глаза и завороженно глядящая на свет девушка ойкнула и снова спряталась. Ползущие заговорщики замерли. — Вяжите пленников, а то они уже уползать начали. Меня больше волнует не наличие дерева в подземелье, а то, сколько оно росло.

— И сколько же? Оно не кажется большим.

— Для такой высоты лет двадцать, не меньше. А выход мои люди проверяли год назад. Когда начали готовить операцию.

— Значит, активно поливали, — буркнул А. Н., рывком поднимая на ноги бормочущего проклятия пленника. Крайне знакомого. Если на эту плешивую голову натянуть умильно–скорбное выражение…

— Вот в том–то и дело, — с сомнением протянул Антон, — поливать должны были чем–то вроде крови.

— Шутишь?

— Нет. Но точно не уверен. Механизм роста деревьев не очень ясен людским биологам.

— Просто вы недостаточно возвысились, черви, — прошипел

другой пленник. Ползший к дереву.

— Пасть закрой, — приказал Антон, пнув мужчину под ребро. — Эрнест, хватай одного, я второго. Если я правильно понял карту, выход рядом.

— Выхода у вас нет, — мерзко захихикал тот, получил прямой удар в нос. Заткнулся, отплевывая кровь. Повинуясь жесту Эрнеста, девушка нашла какие–то тряпки, сунула в руки безопасникам. А. Н. запихнул нечто, по виду напоминающее порванную футболку, в рот «своему», заломал ему руку и повел вперёд.

Длинный, освечиваемый моргающими лампами коридор был пуст. И весьма непримечателен — бетон, плитка пола, сводчатый потолок. Но детектив, слушая укоренившееся чувство опасности, выставил напевающего что–то пленника вперёд себя. Удары по черепу ни к чему не привели. Чего, впрочем, и следовало ожидать — фазис очень странно сочетался со «спидолой». Особенно — на фанатиков.

На завсегдатаев бойцовских ям, впрочем — не менее странно. В своё время Эрнест пережил пару неприятных минут наедине с таким торчком, и не желал их повторять. Поэтому и прижимал пистолет дулом прямо к хребту «щита». И шел вперед, постоянно обшаривая стены на предмет снимающейся панели, вентиляционной шахты с ещё одним кордулом. Бесконтактной «растяжки», в конце концов.

Пятьдесят метров до выхода. Ничего.

Двадцать пять метров до выхода. Какие–то голоса за скрывающей Город дверью. Поднять кулак. Ударить под колено пленника. Выдвинуть раубтир — от него было сейчас больше толку, чем от наполовину разряженного дробовика. Пропустить Антона, как раз–таки свой дробовик перезарядившего.

Пять метров. Голоса словно и не слышали оравы смертей.

С сомнением посмотреть на «тёмного». Дождаться, когда тот решительно качнёт головой. Отсчитать «три», выбить дверь. Сдержаться, получив заряд слабого, но — солнечного света, кажущегося после подземелья чем–то вроде прожектора.

Обнаружить совершенно гражданского вида часовых с древними лазерными винтовками. Всадить ближайшему в грудь три разряда, сбить прицел другому. Он пользовался смертью товарища, чтобы подобраться поближе к «тёмному». Услышать очередь глухих разрывов. Понять, что за левый фланг можно не беспокоиться.

Увидеть краем глаза разгорающиеся красные катушки. Флогистон. Всё, приехали, тоскливо мелькнуло в голове у Эрнеста. На таком расстоянии им не успеть отпрыгнуть в сторону.

Всё–таки попытаться. Упасть лицом в пыль. Услышать режущий ухо звук треска лазера. Почувствовать сквозь инстинктивно сжатые веки алую вспышку. Не услышать треска, щелчка или иных признаков работающего флогистона. Поднять голову.

Заметить прямо перед лицом дымящееся пятно выстрела. Уставиться на гаснущие охлаждающие катушки. Перевести взгляд на очень удивлённого противника. С оплавляющимися краями дыры в грудной клетке. Прохрипеть:

— Слава тёмной армии.

— Это не они, — буркнул Антон, спрятавшийся за каким–то ящиком и напряженно оглядывающим крыши. — Алеф–пять, где вы, чёрт возьми? Принято. Осмотрите крыши. Рядом снайпер неопределённой принадлежности.

Где–то рядом раздался вой двигателей ховер–платформ. «Кавалерия из–за холмов» прибыла. Эрнест разжал пальцы и позволил себе сесть. Никто больше не стрелял. Ни через минуту, когда тёмные машины стали нарезать виражи вокруг выхода из Подбрюшья. Ни позже, когда Хильдур умудрилась вытащить пленников, одного за другим. И даже тогда, когда заметно уставший Антон подсел рядом, на бетонный блок.

— С чего ты взял, что стрелял не твой человек? — нарушил молчание А. Н.

— Лазер. Цвет нестандартный. К тому же, мои люди перебили бы всех заранее, не стали бы дожидаться, пока прикрываемый подставится.

Эрнест тихо усмехнулся.

— Ты, видимо, отличный офицер.

Антон внимательно посмотрел на него.

— Да уж, неплохой. Ты куришь? Вроде предлагал зажигалку там, в колодце.

— Предлагал. Но трубка осталась в плаще.

— Не проблема, — широко улыбнулся «тёмный», доставая длинный «чёрч» с чашкой из тёмно–синего материала.

— Ого. Необычный цвет пенки.

— Да… когда–то работодатели подарили. За особые заслуги, — усмехнулся безопасник, набивая чашку. Он не отвлекся от процесса даже тогда, когда перед ним во фрунт вытянулся штурмовик в полной броне, взяв полирежимку «на караул». — Вольно. Что–нибудь нашли?

— Труп кордула, сэр, как вы и указали. Тела подозреваемых собраны. Ждём труповозку для них и бронетранспортёр для пленных.

— Снайпер?

— Ни единого следа. Никого из личного состава не было

рядом. Проверяем находящихся в увольнении.

Эрнест уважительно покачал головой. До подобной дисциплины АК было очень далеко. Кивнул головой, принимая трубку. Уже затянувшись, детектив понял — сейчас бы не табака, а обычной воды. А лучше «Троки». Или пару литров холодного пива.

— Тебе труп кордула нужен?

— Не отказался бы. Нужно же показать начальству, что я не в запой уходил.

Антон усмехнулся, принял трубку обратно. Затянулся. Выпустил сизоватое колечко.

— Хреновое у вас начальство, если честно. Многое могло пойти иначе, будь ты с напарником на задании.

— Согласен. Но Хильдур тогда бы попала под коллекторную волну.

— И этот ебаный пидор Энигма вместе с ней, — буркнул Антон и зловеще расхохотался. Слегка помедлив, его примеру последовал А. Н., и вскоре держался за живот. Нервное напряжение нашло выход и не замедлило им воспользоваться.

Откуда–то появилась Хильдур. Мрачно оглядела мужчин. Решительно забрала трубку из руки Эрнеста. Кое–как продышавшись, детектив посмотрел на фотографа. Она почти не пострадала в событиях под землёй, промокла разве что сильно — но Троица уже почти просушила. Перепачканное кровью и грязью лицо, на котором виднеются две блестящие полоски слёз. Уставший и злой на весь мир взгляд. Где бы она ни рыдала несколько минут назад — но явно вне поля зрения двух бешено хохочущих безопасников.

Табачный дым она вдохнула с глухим кашлем, но упорно продолжала курить, пока Антон не забрал трубку. Кое–как утирая выступившие слёзы и вставляя глупые каламбуры, он успокоился. Выбил остатки табака. Стал каменно–серьёзным. Дождался, пока А. Н. просмеётся, и произнёс:

— Ты всё–таки хороший детектив, Эрнест. Мне понадобилось три недели, чтобы упасть на след «Котёнка». Ты потратил на всё про всё меньше одного полного дня.

— Мне повезло. Сильно повезло. И, извини, Антон. Но не очень люблю лесть в лицо. Даже от соратника, с которым заборол кордула.

Хильдур хмыкнула и отошла подальше. Краем уха А. Н. услышал, как она выпрашивает сигарету у кого–то из штурмовиков.

— Это не лесть, — отмахнулся «тёмный», — просто факт. Как и то, что тебе в «Агни Корп» делать нечего. Будешь дальше

пытаться там расти — примешь форму коробки, как какой–нибудь гриб.

Эрнест промолчал. Где–то в глубине души он очень сомневался в выборе службы безопасности. А ещё — очень надеялся получить признание. Но, всё–таки — не в лицо, нет. Напрямую и в неочищенной форме он любил получать только критику. Не считая ром, конечно. Поэтому пришлось буркнуть что–то неопределённое:

— Любую коробку можно проломить.

«Тёмный» тихо рассмеялся.

— Молодость… Ну, посмотрим. Но. Если в какой–то момент посчитаешь, что конкретно эту не сможешь — приди с этим в любой участок «Нокс». Мы с удовольствием примем тебя.

А. Н. обнаружил у себя перед лицом визитку. Чёрный металл, острые грани, размер древней кредитной карты. Никаких надписей. Никаких украшений. Только маленькая гравировка — треугольный, «раннеготский» гербовый щит без заполнения.

— Посмотрим, что из всего этого выйдет, — пробормотал Эрнест. Несмотря на ядерный табак, хотелось курить ещё — до тошноты и рвоты. — Для начала хотелось бы увидеть лицо начальства, когда вы им передадите труп кордула.

— Мы?

— Вы же не собираетесь делиться уликами?

— Отнюдь. Мы расследовали заговор, а ты — убийство. С учётом того, как ты помог в сокращении количества мятежников, считаю справедливым отдать тебе дохлую сороконожку. Герму уже упаковывают в мобиль, который доставит тебя в участок.

— Сейчас? — поднял брови А. Н.

— Тебя обуревают нежные чувства к подземелью? — с лёгким оттенком иронии осведомился «тёмный».

— Никаких, — решительно тряхнул головой Эрнест.

Мужчины рассмеялись. Антон показал на приземистый и весьма длинный мобиль и пояснил:

— Кордул уже внутри.

— Надеюсь, не на заднем сиденье. Сомневаюсь, что Хильдур будет рада ехать на одном кресле с убийцей.

— Багажник… А ты за ней присматривай. Девица боевая и с крепкой психикой. В нашей профессии жены нужны именно из такого теста.

— У меня есть девушка, — смутился Эрнест и скомкано попрощался. Его никто не задерживал.

Мобиль нёс их на привелигированном эшелоне. Выше всех зданий, но не в сплющенных тучах спешащих обывателей. Хильдур скрючилась, прижалась головой к двери. А. Н. не мешал.

Ему доводилось терять друзей, и он понимал — сейчас первоначальный шок и спокойствие пройдёт. По–хорошему следовало попросить водителя отвезти их в участок медицинского обслуживания.

Но вместо этого Эрнест глядел на светящиеся белым точки окон и размышлял. На него накатила странная апатия, с которой он не мог ничего поделать. За время службы в Патруле он привык, что ксеносы и люди привычно сосуществуют даже в адских дырах, да и в Бесильне было обычным встретить того же урдалеба или окапи. Джосера — скорее в роли вышибалы.

Однако вторая сабурбия и её формы ксенофобии и ксенофилии пока откровенно смущали Эрнеста. Они были аномалией на теле в целом толерантного Города. Аномалией, в которой жила почти половина человеческого населения. Наложим на это притеснение религий. Надежду на лучшее будущее. Польём бензином коррупции и бытовой ненависти. Поднесём спичку религии — даже удивительно, как проповедникам позволяют работать. Подождём.

Получим пару вспышек насилия для начала. Вроде сожжённых магазинов и изгнанных из районов нелюдей. И если их не подавить — следующее восстание будет вовсе не джосеров, о чьих волнениях сообщают с завидной регулярностью. А — благопристойных хартийцев с правом на личное огнестрельное, холодное и энергетическое оружие.

В общем, нужно давить всё в зародыше. В том числе — конкретно эту историю. Вот только разделяют ли в «Агни Корп» его мнение? Или предпочтут тушить пожар вместо ликвидации пожароопасности? Из размышлений его вывел стук мобиля о «вафельницу». Капля чего–то мокрого попала на брюки Эрнеста. Он напрягся, но вспомнил — в кармане пиджака всё ещё лежала пропитанная лимфой аномального кордула тряпица.

А. Н. вспомнил о нужном обращении к водителю только когда хлопнула дверца. Они с Антоном так и не поговорили с девушкой. Единственной из той группы, что осталась человеком, и помогла им выбраться наружу. А сейчас она шла к себе домой, где останется одна. Наедине со своими кошмарами. Некоторое время Эрнест потратил на обдумывание ситуации. Но, взвесив все «за» и «против», решил — в участке будет куда больше возможностей для выяснения её личности.

За окном глухим разрывом грянул гром. Вскоре шелест ливня почти заглушил вой вычитателя массы мобиля.

Глава 3.5

Место: Старый город

Локация: Опорный участок В-8 службы безопасности «Agni Corp»

Время: Вторник, 21–42

Никто его не задерживал. И смешки куда–то испарились. Было с чего. Вид окровавленного и тащащего на плече труп гигантской сороконожки детектива кого угодно собьёт с игривого настроя. Эрнест ткнул несколько раз средние пальцы, не сдержался. Но в остальном сохранял спокойствие вплоть до кабинета капитана. Именно там он швырнул кордула на стол. Прямо на инфопланшеты, не особо разбирая их важность.

Лицо Вазафа приняло нежный оттенок фиолетового, не то от ярости, не то от отвращения. Он смог только выдавить:

— Это…

— Кордул. Которого мы так долго искали. На его совести шесть заказных убийств и как минимум одно случайное. А так же двойное покушение на жизнь сотрудника службы безопасности и как минимум одно двойное покушение на жизнь хартийца.

— Доказательства, — хрипло проговорил капитан, изо всех сил пытаясь придать лицу грозное выражение лица.

— Предоставит служба безопасности «Нокс», — отчеканил Эрнест. — Я вынужден был вести дело с неким Антоном, офицером данной СБ. Он обещал предоставить данные по первому запросу.

Лицо Вазафа вдруг побледнело, хотя причины были неявны.

— А этот… Антон… не представился по званию и фамилии?

— Нет.

— Вы уверены, офицер Н, что он действительно является искомым офицером?

— Он при мне командовал силами «тёмных» нарядом до роты. Определенно, является.

— Что ж, раз так… Поздравляю вас с успешным завершением дела! Завтра начните писать отчёт по делу. Свободны.

Эрнест развернулся на каблуках и пошёл в раздевалку. Там в шкафчике под надежным замком хранился запасной комплект одежды. Универсальный комбинезон и форменная куртка штурмовика. Плюс — сухие носки. Но, главное, по пути есть лаборатория. В лаборатории — добрая душа судмедэкспертизы, которая легко проверит кровь кордула на наличие «спидолы».

Что–то подсказывало — этот кусок дела ещё преподнесёт сюрпризы. Возможно — ещё до исхода дня. Патологоанатом,

флегматично принявший тряпицу, ничего обещать не стал. Но в благодарность за любопытную задачу потратил почти литр казённого биогеля, чтобы замазать ссадины, царапины и рассечения Эрнеста. И настоятельно порекомендовал обратиться в лазарет и провериться полностью.

В раздевалке А. Н. без труда нашёл свой ящик. Вскрыл замок. Обнаружил пустую ячейку. Досчитал до двадцати. Повернулся.

— Что такой, новичок? Носки кто–то вонючие выбросил?

Редкий хохот. В отличие от вернувшегося в дурном настроении с расследования бывалого детектива–насмешника, многие другие уже успели увидеть гигантскую сороконожку с пятком дырок в теле. И сделать кое–какие выводы. К несчастью, передать их всем коллегам они не смогли бы при всём желании — Эрнест разговаривал с капитаном быстро. Слишком быстро.

Поэтому сейчас, когда А. Н. возвращался в «боевое» состояние, тощий и подвижный детектив Арн веселился вовсю. Хотя следовало напрячь смытые водкой и виски инстинкты. И — хотя бы отойти в сторону. А так Эрнест зачем–то потёр правое запястье. Усмехнулся:

— Хорошая шутка.

Провести аккуратный кросс с места правой. Левым хуком в челюсть отправить к нокдаун. Пнуть в пах размахнувшегося тонфой патрульного. Подойти в упор к толстяку, пытающемуся в панике активировать нейрошокер. Исторгнуть рёв, которому позавидовал бы иной джосер. Толкнуть в лоб. Убедиться, что противник выведен из игры. Вернуться к первому «нападавшему». Поднять за трещащую от нагрузок рубашку. Выдать пощёчину.

— Я не понял, неужели передо мной офицер Шутник? — задать в воздух вопрос. Раздевалка ответила гробовой тишиной. Тощий неловко начал оправдываться:

— Да ладно, ты что, в самом деле, шуток что ли…

Рявкнуть:

— Не понимаю!

Сделать неуловимое движение рукой. Услышать вопли ужаса. Прижать раубтир у шее «шутника»:

— Я сегодня увидел смерть как минимум двадцати человек и одного ксеноса. Как ты думаешь, осудят ли меня за убийство в состоянии аффекта? Или — просто комиссуют?

— Скорее комиссуют…

Безумно прошептать нарочито громко:

— Вот и подумай. Адреналин он же такой. Как–то долго в крови рассасывается.

— Тебя убьют…

— Рано или поздно. Но до этих пор я превращу твою жизнь в

ад. Как тебе такая идея?

Ощутить на плече тяжелую руку. Сильно сдержаться, чтобы не стряхнуть её. Прошипеть:

— Занят.

Услышать Ганса–Ове Нахта:

— Тебя нельзя оставить дольше, чем на час, ей–богу. Кюсте в кабинете Вазафа. Ради тебя он даже выбрался с базы.

Не поворачиваясь на голос, убрать раубтир. Архаично — уткнув кончик лезвия в заскрипевший металл шкафчика. И добавить удар кулаком. Для острастки. Наконец, развернуться, увидеть страх и брезгливость в глазах смотрящих. Кроме — абсолютно спокойного, как асакку при линьке, Ганса–Ове.

— Пошли. Ты, кстати, мне ещё пиво должен.

Эрнест промолчал. Он всё ещё находился под действием достаточно сильных эмоций. Сердце яростно стучало, требуя продолжения схватки, вязкой крови и хруста костей. Детективу пришлось усилием воли успокоиться. Вдохнуть глубоко один раз. Второй. Третий. Услышать голос Нахта:

— Не переборщи с кислородом. Иначе отправишься балдеть от гипервентиляции лёгких.

— Сомневаюсь, что такое возможно, — проворчал слегка осипшим голосом А. Н.

— Ты видел только одну секту, а я — десятки, — парировал Ганс–Ове.

— Так ты знаешь?

— О твоей компании любителей серых человечков, отправивших тебя и Зербе в канализацию? Разумеется. Хозяева уже выпустили циркуляр всем СБ. Предписали найти и добить оставшихся членов группы. Поговаривают, что прикормленные писаки уже клепают бессмертные передовицы.

— А писаки бывают другими? Кстати, что это за, джосер меня сожри, Зербе?

— Сомневаюсь, — ответил только на первый вопрос и качнул головой немец. — Нам сюда.

— Удивлён, что не переговорка, — хмыкнул Эрнест.

— Удивишься ещё не раз, — пожал плечом Нахт и открыл дверь. Сделал приглашающий жест. Дождался, пока А. Н. зайдёт. Закрыл дверь, оставшись снаружи.

Лэндинг: Жареные орешки

Заголовок: СРОЧНО! Новая секта разгромлена в Старом Городе! ВЫ НЕ ПОВЕРИТЕ, ЧТО ОНИ ДЕЛАЛИ!

Одобрено Хозяевами: нет.

Срочные новости! Как сообщает наш осведомлённый

источник, в результате полицейской операции великой и ужасной службой безопасности «Нокс» была разгромлена секта, поклоняющаяся ТЁМНЫМ СИЛАМ!

Да, да, вы можете мне не поверить, но я сам видел кровь, видел тёмные силуэты, видел лорда Зербе воочию и то, как его амбалы вытаскивали разгорячённые обнаженные тела бедных сектантов, подёрнутые тонкой плёнкой

<ЛЭНДИНГ ЗАБЛОКИРОВАН. РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАТЕРИАЛА БУДЕТ ВЕСТИ К ПОСЛЕДСТВИЯМ>

Месяц назад Эрнест уже попадал в схожую ситуацию. Однако, на этот раз присутствовали только двое людей. Капитан и оперативный директор. Никаких нелюдей, никаких обливающихся потом человеческих сошек. Ну и эмоции на базе сейчас куда попроще. Только настороженность и усталость.

— Проходи, Эрни. Присаживайся куда сам захочешь, — устало махнул Вазаф. — Задал ты конечно сегодня жару. Я вообще не рассчитывал на прогресс в ближайший месяц, не то что в ближайшие дни…

— Да, приятно знать, что ты утёр нос большинству дипломированных специалистов Города. Ты ведь не думал, что «хозяева» дали дело только «Агни Корп»?

— Нет, сэр, — сдержанно склонил голову Эрнесст.

— На бусину не рассчитывай, но пару увольнительных в честь такого успеха можешь взять за счёт фирмы, — усмехнулся капитан. — Ну и с премией что–нибудь придумаем, правда, Стеф?

— Сомневаюсь, что выбью пару сотен жетонов из бухгалтерии. Но вот поездку на Сиппар — легко. У меня есть приятель в отельном бизнесе, он поймёт.

— Неплохое предложение в начале сезона, да, Эрни? — подмигнул Вазаф. Эрнест вздохнул и осторожно начал.

— Сэр.

— Да?

— Позвольте прервать, — А. Н. дождался разрешающих кивков и медленно начал. — В ходе расследования я столкнулся с неоднозначной ситуацией, выходящей за пределы моих компетенций.

— Любопытно узнать, в чём же её неоднозначность, — усмехнулся Кюсте.

— Во второй сабурбии сложилась тяжёлая комплексная ситуация. Сильная ксенофобия и консерватизм доводят настроения до кипения. Заговор, чьи цели, кстати, мне вообще неясны — первое проявление.

— На самом деле, — ввернул Вазис, — цели вполне ясны. Тёмные уже передали нам первые протоколы допросов. Идиоты хотели терактами с использованием кордулов привлечь внимание к неравенству и сплотить население Города. Они уже перебили с десяток чужаков к тому моменту, как ошиблись.

— Правда? Впрочем, важно сейчас не это. На мой взгляд, дальше Вторая продолжит становиться рассадником человеческих радикалов, что повлечёт за собой утяжеление социальной обстановки.

С каждым предложением короткой речи Эрнеста Кюсте заметно веселел. Хотя А, Н. и не мог понять причину этого.

— А, вы про это, — наконец отмахнулся Папаша Стеф, когда детектив взял паузу. — Эрнест, любой детектив, не сидящий там, — тычок в сторону юга, — на постоянной основе давно заметил это. Да как и любой командированный патрульный, от них у нас целая стопка рапортов. Скука, помноженная на консерватизм и коррупцию. Гремучая смесь, согласен. Вот только на социальную политику у нас нет прав по Хартии — всем распоряжается районный магистрат.

— А ему насрать.

— А ему насрать. Как и нелюдям, в принципе. Будут бунты — мы подавим их максимально жёстко, чтобы у «хозяев» не было ни малейшего повода зачистить население. Как в Мыловарнях.

— Но…

— А местным отделением мы займёмся сразу же, поскольку они вредят бизнесу корпорации в целом. Давно уже собирались, но не хватало прямых улик. Твой голодранец, описанный в первичном рапорте, дал нам их. Тиммерман уже собирает ударную группу. Если захочешь — успеешь на ховерплат.

Эрнест поколебался. Вспомнил, что вообще–то где–то под навесом «внутрянки» его уже должна ждать Агнетт.

— Пожалуй, откажусь. После сырости кости как–то ломит, — криво усмехнулся он, потирая бок.

— Вот тем более — не забивай голову. Иди, отдыхай.

— Что ж вы всё обо мне заботиться пытаетесь, господин директор?

— Так я по–отцовски, себя вижу как в зеркале в тебе.

Начальство соизволило расхохотаться и распрощаться. Впрочем, сигару А. Н. никто не предложил. К великому сожалению детектива, всё ещё хотевшего курить. «Стрелять» табак Эрнест не решился — опасался, что вместе с трубочным зельем ещё получит что–нибудь вроде пургена. Или — плевок, что тоже не очень. Влажный табак — горе трубке.

Ну и чёрт с ними всеми, тоскливо подумал А. Н., скривив

лицо при виде стены дождя за стеклянными дверями. Дома у него припрятана запасная, давно обкуренная трубка. А ещё — солидный запас табака. Пиво он купит по дороге вместе с зонтом, еда есть, отгул есть. Рыжую под бок — и в таком духе можно провести всё время дождя. Если, конечно, он кончится за два дня. Отклонения бывали в обе стороны.

Молодая девушка–стажёр прервала размышления не то писком, не то замечанием. Эрнест вернул выражению лица стандартное выражение и повернулся к ней. Поднял одну бровь.

— Вам курьерская доставка.

Принять довольно объёмистый пакет. Хмыкнуть, буркнуть что–то благодарное. Отойти к стене, развернуть. Наткнуться на записку.

«Пистолет — во внутреннем кармане, как и документы. К сожалению, твоё пальто было выкинуто в помойку и пропиталось отходами, а трубку мои бойцы разнесли вместе с черепом мародёра–заговорщика. Счёл своим долгом подобрать замену. Визитку не теряй.

Антон З.»

Серый плащ выглядел неброско, но качественно. Высокий воротник, неприметная расцветка, плотная ткань. Для толпы — самое то. И — глубокие внутренние карманы, можно спрятать хоть батарею для полирежимки, хоть кисет. Проверяя их, Эрнест обнаружил футляр. А в футляре — трубка — «бульдог» с чашкой, вырезанной из цельного куска какой–то инопланетной тёмно–синей, почти чёрной «пенки». Никаких украшений, всё строго и чинно.

А. Н. вздохнул. Под конец дня все только и делают, что пытаются задобрить его. Не теряя времени, он накинул пальто, поднял воротник и вышел под дождь. Вся наличность осталась где–то на просторах Старого Города, но ещё был привязанный к биометрии счёт в банке. Кстати, судя по оповещениям — приятно пополненный родной фирмой. Так что и пиво, и спикировавшее с эшелона такси было чем оплатить.

Одним словом, по скрипящей лестнице «внутрянки» Эрнест поднимался со вполне себе позитивным настроем. Ведь он остался жив, цел — и даже закрыл дело. А ещё — в руке болталась пачка чудом найденного «Пилзнера второй сабурбии», а в наружном кармане — кусок отличного сыровяленого мяса. Пусть и сделанного из какой–то иноземной твари.

Ключ–карта, щелчок. Толкнуть дверь. Увидеть тусклый нижний свет и фигуру в тёмном. На мгновение напрячься, но расслабиться, уловив рыжий отблеск. Агнетт.

— Агнетт, ты не представляешь, как я рад тебя видеть, —

устало вздохнул А. Н.

— Да. Я тоже, — спокойно произнесла рыжая. Эрнест, уловив напряжение, поставил куда придётся снедь и закрыл дверь. Пристально взглянул, поднял бровь. Девушка была в «подстежке» — облегающем комбинезоне, обычно применяемый на трудоёмких работах в Пустоши. Или — любителям специализированных костюмов. Вроде убийц или сталеваров.

— Ты была на раскопках?

— Да. Стеклянные пирамиды, куратор пригласил поглядеть на яму, через три часа затопленную ливнем. А ты?

— Как–то не пришлось.

— Вижу по пальто.

— Награда за дело, — буркнул Эрнест, повесив тренч сушиться, и принимаясь скидывать просушенную одежду в кучу. Далеко не факт, что она куда–то сгодится даже после жёсткой стирки.

— И что за дело?

— Кордул, заговор людей и путешествие с приятной компанией, — напыщенным голосом произнёс в пустоту А. Н., умываясь в ванной.

— Ничего особенного?

— И никакого удовольствия, поверь.

— Да я вижу, — тихо произнесла Агнетт на ухо, ткнув тонким пальцем в ноющее ребро Эрнеста. — Сколько биогеля они на тебя вылили?

А. Н. напрягся. До этого времени он считал, что девушка о боевой медицине знать не может.

— Немного. Было пару рассечений от неудачной борьбы, — неловко попытался он увести разговор в сторону.

— Я насчитала минимум шесть. И ещё куча пятен от синяков.

— Агнетт…

— Уже очень долго как Агнетт, — парировала рыжая.

— Ты знаешь, что такое может произойти в любой момент.

— Знаю. От того и тошно. Твои мозги должны быть применены как–то иначе, чем для бега по Подбрюшью за гигантской сороконожкой.

Эрнест, мрачно вскрывавший первую банку пива, замер.

— Откуда ты знаешь?

— Уже все лэндинги трубят. Без имён правда, но уж Зербе знает каждый наммунг в этом городе, а из «Агни Корп» только ты обладаешь умением влезать куда не надо.

— Мдауж, — протянул А. Н. — Это я умею. А что за Зербе?

— Твой Антон.

— Это говорит о многом, — проворчал Эрнест.

Агнетт внезапно тонко улыбнулась. Подошла ближе, взяла банку пива, чмокнула в щёку. Вернулась в «зал», к дивану, упала в любимую позу. То есть — занимая весь сразу и даже чуть больше. Отхлебнула пива, скривилась. Она не любила горчинку в пиве — видимо, поэтому и любила очень мягкого «Весёлого урдалеба». Отыграв лицом пяток выражений, успокоилась. И приказала:

— Рассказывай.

Эрнест набрал побольше воздуха и выдохнул. Пожалуй, некоторая рефлексия была бы сейчас полезной. Он рассказал всё, не забыв о каждой из своих ошибках. О том, как интуитивно схватился за версию о дурной компании — упустив частичное исправление Лесли и странную семью. О том, как рванул за Антоном в ловушку — не приняв во внимание очень подозрительное поведение бариста (кстати, проходящей по делу свидетелем) и посетителей кофейни. Не забыл упомянуть и отсутствие хотя бы ножа за голенищем.

И особенно долго — расписал то, как ни на гран не поддержал вообще–то спасшую его Хильдур. Прерывался А. Н. только на глотки пива. И к моменту окончания рассказа как–то и прикончил первую банку.

— На самом деле, — подытожила его рассказ Агнетт, — тебе стоило напрячься ещё при виде юлящих офицеров. И карапас тебя не спас от кордула, тебя спасла случайность. Если бы ты не пытался бороться с сороконожкой, а стрелял бы до последнего — геройство бы не понадобилось.

— Не понадобилось бы тогда — пригодилось бы позже.

— Эрнест… не пойми меня неверно. Ты проделал мощную работу, очень сжатую по времени. Зербе наверняка сейчас поглощает очень дорогой апероль и в пьяном угаре благодарит тебя за спасение — судя по твоему описанию и данным в сети, он является тем ещё грубияном. Диггеры бы не согласились его выводить.

— Но?

— Но ты можешь лучше. И должен быть лучше. Я рада, что ты достиг успеха, — ровным голосом пояснила рыжая после паузы. — Просто не в восторге, что ты пользовался в первую очередь мышцами и удачей, а не мозгом.

— Без мозга я бы не вылез целым и невредимым.

— Без биогеля тоже, — холодно пояснила рыжая.

— Я понял тебя, — поднял руки А. Н. — Но предлагаю рассуждения о моих достоинствах и недостатках отложить до завтрашнего дня. Это не капитуляция и не отмазка, — погрозил он пальцем. — Просто с ног валюсь. Много кардио для обычного дня.

— Значит, кардионагрузки под одеялом тебе противопоказаны, — рассмеялась Агнетт. Эрнест как идиот смотрел на хохочущую рыжую, и только секунд через тридцать неловко начал смеяться.

Оставшаяся пачка пива (кроме одной банки) отправилась в холодильник. Уже через пять минут рыжая сопела, даже не пожелав каких–то стандартных нежностей. Эрнест всерьёз задумался о поглощении алкоголя в одиночестве. Но допив третью банку за вечер, понял — плохие привычки откладываются до завтрашнего дня. Переодевшись насухо, он забрался под одеяло и прижался спиной к спине Агнетт.

Этот разговор ни к чему хорошему не приведёт, спросонья отметил он, перебирая события дня.

Но, чёрт возьми, почему все знают, кто такой Антон Зербе?

Интерлюдия 3

Место: Пустоши

Локация: «Логово», точное местонахождение — неизвестно.

Время: Вторник, 24:12

Скрип пера, шорох архаичной бумаги. Глухие удары печати. Обычные бюрократические звуки, почти забытые этим миром. Да и сейчас они были почти заглушены шелестом искусственного водопада за спиной. Третий Мастер не любил уход жизни в Цифру. Пользовался благами прогресса, но все равно создавал «воздушный зазор» между документами. На всякий случай.

А вот отслеживающий в режиме реального времени Радим не мог себе позволить такой блажи. Кофе, несколько голоэкранов. Клавиатура виртуальная, клавиатура реальная, очки дополненной реальности. Стопка инфопланшетов высочайшей степени защиты. Пачка кофе, несколько протеиновых снеков. И запас на крайний случай — почти нетронутая пачка сигарет. За семь лет в Организации Радим выкурил только пять сигарет. И все — прямо на рабочем месте.

Текущая ситуация не относилась к тем, которые нужно приправлять горечью табака. Всего лишь рутинная работа с «лицами, представляющими интерес» пока представляли собой только сплошную головную боль. Люди, словно нутром чувствуя искусственность ситуации, зачастую демонстрировали апатию и нежелание действовать. Начальник кивал на Радима, а тот обращался к коллегам.

Коллеги кивали друг на друга и выкатывали десяток теорий, каждая из которых могла объяснить отдельно взятую ситуацию. Но сформировать общую теорию поручили именно ему. Коллега из поведенческого отдела, куда аналитик обратился за разъяснениями, только пожал плечами:

— Вычёркивай их и оставь в покое.

— Мы потратили слишком много человекочасов, чтобы просто так отсеять и, — упрямо повторил аналитик.

— Радим, а зачем Организации нужны такие? Ты же сам говорил, что на выходе останутся только лучше. Так что оставь в покое, пусть поживут спокойно и в своё удовольствие.

Разговор пришлось свернуть и вернуться в свой отдел. Под щелчки физических клавиатур, скрип кресел и тихое гудение голопанелей. Вернуться ломать голову. При этом — не забывая одним глазом поглядывать на обновляющиеся в реальном времени модели развития ситуаций в городе.

А ещё — прикидывая, в какое из событий можно встроить

«щекотку». «Щекоткой» Радим и несколько его подчинённых называли событие, «растормаживающее» будущего кандидата, способствующее его осознанию собственных способностей. А ещё — осознанию ущербности на текущем месте и росту жгучего желания к конструктивным изменениям вокруг.

Установка на «растормаживание» была получена с самого верха Организации. Радим выступал против тактики активнее и обоснованнее всего. Как крайне рискованной для всех участвующих. Наверное, поэтому именно аналитику и пришлось её претворять. Создавать проблемы на ровном месте, наталкивать на них жившей своей жизнью людей. Молиться, чтоб подчинённые не переборщили с изощрённостью загадок. И отвратительностью созданных язв на теле общества. Про себя, разумеется. Коллег отвлекать от работы совсем ни к чему.

Принимать результаты и, морщась, вычёркивать неподходящих мужчин и женщин. Или — мёртвых. На каждого — набросать аналитическую заметку по причинам, приведшим к выбыванию из программы. Разумеется, начальнику отдела было немного не с руки заниматься такими мелочами. Поэтому задачу традиционно сваливали на Радима. Прямо как сегодня — три уверенных кандидата на исключение из программы, две аномалии и один труп.

Троих неудачников аналитик отсеял быстро. Ничего необычного, два криминала (изнасилование и мошенничество со страховкой) и одна пассивность. При первой же проблеме побежал в людское консульство. Потрачено по пятнадцать минут мысленного набора текста и глотку кофе. На каждого.

Труп. Ничего особенного, поссорился с сутенёром, начал размахивать стволом. Удар битой, перелом основания черепа. Глупая смерть глупого человека. Вероятно, он бы прокололся так же глупо при реальном деле.

Ещё один — крепко закрепился в националистической группировке, отстаивающей повышение статуса людей до синего цвета. Склонен к излишней управляемости и жестокости.

И, наконец, два аномалии. Дела — с кучей рукописных пометок. Радим поводил сжатыми губами из стороны в сторону. Подумав, отхлебнул кофе. Третий оставил свои замечания, но не оставил какого–то иного мнения. Как обычно. Что ж, время посмотреть, в чём проблема.

Итак, две аномалии. Два человека. Мужчина двадцати пяти стандартных терранских лет. Мужчина семнадцати стандартных терранских лет. Оба — на крайних точках вербовки. Первый имел идеальную биографию, и чем дальше по делу, тем чаще Радим перепроверял, действительно ли речь о всё том же тощем

нескладном подростке, чьё официальное фото было на первой странице.

Из–за грубой ошибки при «щекотке» (добычу подсунули слишком уж большую) субъект номер один пошёл по скользкой дороге и в данный момент скользил куда–то в ад трущоб и полутрущоб. Сменил три банды, возглавляет четвёртую. Жесток, прагматичен, жаден. Из него выйдет отличный солдат после чистки памяти и коррекции личности. Но не агент и даже не кандидат. Всё–таки жажду наживы до конца не заглушить даже имеющимися в медблоке средствами.

Единственное, что заинтересовало аналитика в первом профайле — несколько мелких аномалий, необъяснимых в рамках стандартной модели. Та самая первая добыча, взлёт до руководителя группировки (хоть и малой), плюс безумная жестокость, которая скорее была бы уместна в Ямах, чем в Мыловарнях. Зайдя в программу — «задачник», Радим поручил лаборанту составить вероятную карту развития личности, и отложил инфопланшет.

Субъект номер два был любопытнее. Гуманитарная подготовка, боевая подготовка. Зарегистрированные раны — три психологических и три боевых. Мгновенно нашёл работу в службе безопасности, принимал участие в событиях номер… Взгляд аналитика остановился. Радим намётанным глазом отметил знакомый номер. Открыл рядом папку предыдущего субъекта, вывел на голоэкран «ситуацию». Ну конечно, пересечение представляющих интерес лиц. Частая ситуация при таком объёме человеческого материала.

Продолжил чтение, нашёл упоминание второй, аналогичной ситуации. Список мелких и крупных ситуаций, в которые безработный/патрульный/детектив последовательно влезал исключительно по своей воле. Отдельно вывел список известных регулярных контактов, присвистнул. Побарабанил пальцами по столешнице, извинился перед соседями. Мистер Н несколькими простыми движениями задел кучу ниточек, заставив многие скрытые структуры шевелиться.

Ксенофобы, ксенолюбы, ксеносы и «хозяева». Три службы безопасности и несколько уголовников. Окружение — поголовно в базе данных Организации. На каждого второго уже заведён пухлый профайл. Даже у случайных шлюх есть в запасе два–три скелета, влияющих на город. А у неслучайных… Радим поморщился. Это может стать в будущем проблемой.

Да, необычно.

В будущем этот человек может быть необычайно полезен, удовлетворённо подумал Радим, печатавший краткий доклад

Мастеру. Кто бы ни внёс субъекта номер два в программу — он заслуживает премии. Что же касается первого, то его придётся вывести из игры. Возможно даже — натравив на второго.

Кто бы не выжил после встречи — из него получится отличный инструмент для Организации.

* * *

Место: Старый Город, пирсы.

Локация: Рыбоперерабатывающий завод «Ван Кноф».

Время: Среда, 00:00

Место выбирал Барри, как отвечающая сторона. Правда, за безопасность платили обе стороны. Арбитром выступала служба безопасности старого рыбзавода, давно получающая хорошую долю прибыли как раз за счёт таких, сугубо нелегальных встреч в глубине территории. И давно выработавшая правило — первый, кто начнёт пальбу, попадёт под лазерные разряды отлично экипированных арбитров.

Тощий Барри чувствовал лёгкое сожаление, что противостоящей стороной на стрелке выступали его бывшие товарищи. Ещё один осколок «кислых», пока не примкнувший ни к кому. По–видимому, его лидер, полевой офицер Крэкс, намеревался сколотить группировку. Как и Барри — из остатков могучей банды Весельчака Димми.

Какое–то время полевой офицер ограничивался рассылками на коммуникаторы и специально созданным лэндингом, где вовсю прославлял себя. Помогало мало — на стороне Тощего были злость, бескомпромиссность и очень удачные дела. На стороне Крэкса — больше людей, но все, как один, уставшие и аморфные.

Одним словом, большая часть бывших «кислых» откровенно колебалась. Это устраивало Барри, не планировавшего создавать большую цель для СБ. Но совершенно не устраивало Крэкса, видевшего себя ни много ни мало королём большей части территории, когда–то лежавших под Димми. Поэтому он и перешёл от слов к делу, убив уже троих бывших коллег по банде.

Барри должен был стать четвёртым.

Их запустили в ангар одновременно. Десять человек с одной стороны, десять — с другой. Почти полсотни «арбитров», из которых пять — джосеры на потолке. Если кто–то не сдержит слово джентльмена, они непременно сообщат об этом — словом и действием.

— Тощий.

— Крэкс, — расслабленно махнул рукой Барри.

В отличие от противника, он привёл с собой не массивных дуболомов, а неприметных тихих людей, легко сливающихся с толпой. Тощий привёл с собой убийц, «змей», а не «быков». Поэтому он был абсолютно уверен в себе и своих подчинённых.

— Твои дела красят коричневым память о Димми, — брезгливо произнёс Крэкс.

— Он бы отлично посмеялся с небес, если б только перед смертью не ошашлычился слегка.

Лёгкое ворчание со всех сторон.

— Ты занимаешься мелким хулиганством, хотя способен на большее. Вспомни прошлое, Барри, вспомни свои корни.

— Корни? Торговля эмной и бабами? Это ты называешь — большим?

— Называю. И в этом мы, блядь, замазаны по уши, так что, — с расстановкой произнёс громко Крэкс, — заткни пасть. Не ставь себя выше остальных.

— Ты чё это, папаша? — медленно произнёс Барри, — приказываешь? Мне? Ничего не попутал?

— А чё, нельзя?

— Обойдешься.

— Это пока, — загоготал Крэкс и был поддержан своими.

— Нет.

— Нет? Ты, брат, не понимаешь, в какое говно влип, когда согласился на встречу, — проникновенно заявил противник, хрустя пальцами.

— Я понимаю, как влип ты. Крэкс–Пэкс, ты забыл: не наркота, кровь течёт по венам…

Барри не успел закончить длинную фразу. Крэкс, никому не прощавший насмешливого прозвища, понёсся на неподвижного Тощего, словно урдалеб на случку. И застыл, как вкопанный, не добежав трёх шагов.

— Я же говорил, что не понимашь, во что влип, Пэкс, — захохотал Барри, поднимая вверх здоровяка. Его туша судорожно трепыхалась на выдвинувшихся из рук длинных лезвиях, густо орошая бетонный пол красными кляксами.

Стряхнув с раубтиров незадачливого вождя, Тощий яростно взглянул на здоровяков.

— Как вы видите, Пэкс был идиотом. А вот я — не идиот, потому что не жру больше, чем могу переварить. Если вам не нравится — валите на все четыре стороны, как и завещал Крэкс. В противном случае — добро пожаловать, мы щедро оплачиваем свои услуги. Мои бывшие подчинённые не дадут соврать. И да — кто остаётся со мной, тот останется навсегда. Внятно?

Часть из десятка, стоявшего напротив (человека четыре) развернулись и вышли. Их никто не остановил. Остальные переминались с ноги на ногу.

— И чё, папаши?

— Мы с тобой, Тощий, чего думать.

— И это… прости идиота. Зря я к нему ушёл, — добавил ещё один неловко.

— Всё в порядке. Не бойся, я не трону, — махнул рукой Барри и обратился к арбитрам, стоящим на козловом кране: — Шеф! Мы тут закончили!

— Ну и валите! — хмуро ответил охранник, не опуская лазерной винтовки.

— Валим–валим, — сообщил Барри и опустил голос: — Неподалеку тут курильня–шик. Хозяин мешает эмну с табаком, выходит бомбически. Давно нам должен, братья, пора воспользоваться моментом!

Тощий залился смехом. Отбойщики неловко поддержали, двигаясь к нескольким мобилям. Они ещё не знали, что всех перебежавших от Барри к Крэксу предателей в полёте перебьют «змеи». И сбросят тела в реку.

* * *

Место: Новый Город

Локация: Подбрюшье

Время: Среда, 01:25.

Антон Зербе двигался по уже знакомому и трижды осточертевшему длинному коридору кабельного коллектора номер одна тысяча сто тринадцать тяжелыми, гулкими шагами. Каждый скрип его матовой брони, каждый предсмертный хруст камня под ботинком и каждый выдох под иридиевой маской гулко отдавались в бетонной кишке. На это Зербе было плевать. Как и на вскинутые в приветствии кулаки его бойцов.

Сейчас его куда больше занимала маленькая комната в конце маршрута, из которой вытекала тонкая струйка грязно–жёлтой, вонючей жидкости. Осторожно перешагнув через ручеёк, Антон во весь голос осведомился:

— Кто залил останки ферментатором?

— Я, милорд, — пробасил боец, опускавший очередную пустую канистру. — Док сказал, что это мясо не нужно, ну мы и… — гигант осёкся, увидев надвигающуюся громаду руководителя.

— Боец, ты в курсе, в чьих интересах мы выполняем задание? — терпеливо спросил Лорд Нокс Антон Зербе. Он знал, что его

боевая маска внушала трепет — но всё же не любил, когда робели его собственные солдаты.

— Да, милорд, — отчеканил солдат, вытягиваясь во фрунт.

— Как ты думаешь, доктор труповозки имеет право распоряжаться тут? — поднял бровь Антон Зербе.

— Никак нет, милорд.

— Тогда почему ты не обратился к миледи Скейн?

— Она была занята с пленником.

Зербе вздохнул. Закрыл глаза и в очередной раз порадовался, что его лицо закрыто маской.

— И почему же не обратился, когда она освободилась?

— У нас новый гость, точнее не гость, а…

— Я разберусь, — отмахнулся Антон. — А ты, боец, отправляешься в патруль с завтрашнего дня. Поправить дисциплину.

— Но милорд, там…

Зербе не слушал. Он распахнул очередную дверь и вошёл в следующий зал. Каменное дерево всё так же цвело. У его корней корчился безумно хохочущий пленник. Окровавленный и залитый собственной блевотиной. Мистер Аллен, отец последней жертвы. Один из лидеров заговора. И большой везунчик, раз выжил после пыток миледи Скейн. Молодой, милой девушки, курившей в углу с угрюмым и слегка нахохленным видом. Самый перспективный палач службы безопасности «Нокс».

— Сколько ты ему выдала?

— Прогрессивную шкалу нейрохлыста. Вплоть до предпоследней.

— Точку пятнадцать?

— Пробовала, — тряхнула хаотичной короткой шевелюрой девушка. — Думаю перейти к старой доброй физике.

— Если тебе нужен будет химик, то я знаю нескольких. Они обеспечат отличное сочетание эмне, после которых пациент будет в необходимом состоянии.

— Антон, лучше объясни мне, — устало буркнула Скейн, — зачем я? Я же убью его раньше, чем он расскажет всё. И даже не пожалею.

Пленник прекратил хохотать. Гулко сглотнул. От чего полная шея затряслась ходуном. и посмотрел выпученными глазами на безопасников. Зербе не успел себя поздравить с важной психологической победой, как понял — мистер Аллен смотрит не на них. А за них. Безопасник медленно потянулся к плазменному пистолету на поясе.

Но прекратил движение, едва услышав странный кашель, словно кашлявший заглотил несколько камней. И почувствовав,

как волосы на загривке встают в предостерегающее положение. Антон сдернул маску и резко развернулся, не обращая внимания на округлившиеся глаза дознавателя Скейн.

— Лорд.

— Каэл Зербе, — слегка повернул набок богато изукрашенную маску «хозяин».

— Не ожидал, что вы появитесь так рано.

— Меня привлекли слухи о новообретённом Древе. Вы ведь не собирались его срубить?

— Ни в коем случае, — искренне ответил Антон, вспомнив первый раз, когда сияние заворожило его.

— Верно, — буркнул чужой. Он подошёл ближе, вытянул из бесформенного тёмного плаща Человек, вырастивший это дерево. Он нашёл редкое положение звёзд. Одно из сотен тысяч. Ему повезло.

— Я… к вашим услугам, господин, — пролепетал Аллен, на корточках подбираясь поближе. Но остановился, почувствовав жгучий взгляд Зербе. И даже несколько отполз назад.

— Необходимо расширить этот зал. Ограничить доступ непосвящённых. Небольшое святилище. Да. Искреннее.

Безопасники не мешали. Скейн приняла на «улитку» короткий текстовый приказ офицера. Бесшумно выдвинулась к проёму и застыла изваянием. Никто не должен был помешать разговору. Пусть даже он пока и выглядел, как монолог. Зербе уже успел убедиться неоднократно — «хозяина» стоит слушать крайне внимательно.

— У них почти получилось, — произнёс нелюдь.

— Нет, милорд. Кордул отказывался повиноваться заговорщикам. И мы пока не знаем причин.

— Расписываетесь в бессилии. Необычно.

— Я сказал «пока», лорд.

«Хозяин» повернул голову и вперил бездонные глазницы в Антона. Тот сжал губы, но не отвёл взгляд. Аллен пискнул и отполз в угол. Ксенос соизволил обратить на незадачливого заговорщика внимание. Рассмотрел, подойдя вблизи. Осмотрел руки, глаза, когтистыми пальцами раздвинув веки. Бросил:

— Я уже говорил, что для человека вы слишком смелы, каэл Зербе.

— Неоднократно.

— Что ж. — «хозяин» словно потерял интерес к пленному. Подошел к дереву. Достал хурхутль и срезал сразу соцветие. Поднёс к лицу, словно пытаясь вдохнуть несуществующий аромат. — Данные о месте и дате рождения субъекта точны?

— Абсолютно.

— И он отказывается выдать тех, кто поставлял технологии?

— Подозреваю, что это одна и та же *организация*, — буркнул Зербе, выделив последнее слово.

— Вы ошибаетесь. Они тут не при чём.

— Тогда кто? Данные от «Агни Корп» ещё не поступили, но запах «спидолы» у кордулов просто так не проявляется. А значит, кто–то смог модифицировать их железы. Ещё кто–то продал заговору карту туннелей и вооружение. Полагаю, загадочные инженеры делали это не просто так.

— Он нам расскажет, — безмятежно проговорил хозяин, пряча в складки одежд цветок. И, нижней парой конечностей — доставая лазурную ленту.

— Сомневаюсь, что это поможет.

— Мой господин… вы не можете оказать мне такую честь, — жалобно всхлипнул мистер Аллен.

— Могу. Ты расскажешь мне, кто поставил тебе технологию выращивания дерева. Остальное. Обязательно — того, кто купил технологию выращивания кордулов.

Хурхутль медленно повернулся в лапе «хозяина», уткнувшись в складку на шее у Аллена. Тёмно–серый клинок не был оружием. Но отлично рассекал почти любой известный в мире материал. Мясо с прослойками жира в «почти» не входило. И Аллен начал говорить. Причем, как показалось Зербе — скорее из страха умереть раньше времени. Чем из страха того, что обязательно последует за повязыванием лазурной ленты на запястье.

Он назвал поставщиков оружия. Оптовые обнаглевшие продавцы умрут до рассвета. Упомянул жадного инженера, имевшего доступ к чертежам. Он сам и вся его семья сгниют на рудниках Пустоши, больше не увидев солнечного света. Биоинженеры окапи — их препарируют публично на единственной площади Лесопилки. Долго, битый час, Аллен говорил главное. Не обращая внимание на пересохшие губы, на поднесённую флягу с водой.

Мистер Аллен рассказал о тех, кто вывел небольшой заговор на поставщиков, кто подсказал лучший биоматериал для железы. Кто закупал полученный концентрат «спидолы» в промышленных объёмах. И кто настойчиво просил сообщать точные даты акций. Для безопасности собственных солдат. Зербе оставалось лишь глухо прорычать:

— Кто? Кто с вами контактировал?

Аллен, давясь смехом, дал полный словесный портрет. Кровь отлегла от лица Антона. Он покосился на «хозяина», чья шея распрямилась. Ксенос почти ударился о потолок затылком, но всё–таки расцепил сведённые перед плащом руки,

— Любопытно. Каэл Зербе, вы знаете, что такое «Уроборос»?

— Змей, хватающий себя за хвост, — процедил Зербе. Ему было не до философии. Он уже просчитывал, как лучше бы сравнять базу коллег с землёй.

— Мистер Аллен как раз открыл нам хвост змея. Любопытно. Скоро его схватит собственная челюсть.

— Не понимаю.

— Вам и не нужно. В ближайшие месяцы не влезайте в дела «Агни Корп». Даже по делу крови.

— Вам легко говорить.

— Да. Я знаю, что будет. А вы — нет. Уходите.

Зербе вдохнул. И выдохнул. Он не собирался спорить с «хозяином». Особенно — чувствуя рядом присутствие сородичей. Которые вышли к середине комнаты. Достали непривычные, но определенно бытовые предметы. И принялись вычищать те самые странные канавки, выдолбленные в полу у дерева.

— Вам оставить ферментатор?

— Зербе. Вы были на церемонии в оккулатории. Лучше оставьте биогель. Мистер Аллен вскоре его потребует.

— Попытался пошутить, — буркнул Антон, распаковывая аптечку. «Хозяин» повернул голову.

— Я тоже.

— Смешно, — криво улыбнулся безопасник, вспоминая зрелище в оккулатории. И, почему–то — позеленевших дам в богатых костюмах, явно не посвящённых во все детали мистерий. — Ещё один, последний вопрос. Если позволите.

— Позволяю.

— Спросите у него, кто был их врагами.

— Некорректный вопрос, — буркнул «хозяин», поправляя нечёткую линию канавки хурхутлем.

— Уточню. Кто мог помочь мне и Эрнесту А. Н. точным выстрелом из лазерной пушки.

— У нас не было такого мощного оружия, — затряс головой Аллен. — Если честно, мы и из обычного стреляли плохо… А наши друзья не любят пушки. Они обожают флогистоны, плазму, но не лазерную пушку.

— Уточняли?

— Я деловой человек, мистер Зербе, — подобрался мужчина. — Я должен знать о своих партнёрах как можно больше.

— Понимаю, — спокойно кивнул Антон. — Лорд, я вас покидаю.

«Хозяин» не ответил.

К поверхности Зербе шёл, не оборачиваясь. Он остановился только один раз — набить табаком трубку. За его спиной всё

громче распевались крайне низкие, утробные голоса. От их тональности мелко содрогались мышцы, но мистер Аллен, казалось, был на седьмом небе от счастья. «Тёмный» усмехнулся. Раскурил трубку, затянулся.

Он видел много наивных ксенолюбов. Этот был не первым и не последним в жизни могучего офицера. И определенно, Джей Аллен заслуживал «хозяйского» ритуала. Сделав первый вдох, Зербе зашагал. Уже у самого выхода его догнал дикий вой боли. Он иногда прерывался влажными, глухими звуками, словно рвали большой кусок ткани.

Не сошедшие с постов у входа в подземелье часовые хранили каменные, чуть позеленевшие лица. Зербе одобрительно кивнул и прикрыл дверь. Пленник какие–то несколько минут умолял о помощи, а затем прекратил. Больше нечем было исторгать звуки, оставалось только сдавленно хрипеть. А хрипы Антон Зербе уже не слышал.

Ему было на них плевать.

* * *

Место: Старый Город

Локация: Пирс номер два.

Время:

Я посасываю остывшую трубку, как будто это могло что–то изменить. Агнетт где–то за моей спиной смотрит в сторону бесконечной реки, растворяющей в себе весь смрад и мрак Города. Через двести километров будет озеро Сиппар. Место, у которого мы так и не окажемся. Ещё одно место.

— Это совершенно необязательно делать, — глухо произносит она. Я не отвечаю. Рыжая может пробить меня эмоциями. Но, к счастью, не злоупотребляет этим. Хорошая девочка.

Пирс номер два уже давно не принимал баржи, перегруженные импортными товарами. Слишком мелко, слишком близко к жилым массивам Старого города. Слишком маленькая полезная площадь, чтобы поставить мощные краны. Дельцы не позарились на это место — променад уже заканчивался у первого пирса. Да и район речного порта традиционно считался не самым благополучным районом. Хоть и «зелёным», зеленее глаз Агнетт.

— Что тебе не нравится сейчас?

Я скриплю зубами. Если честно, то выражал своё недовольство Эрнест А. Н. очень даже редко. Глухая ярость, с которой обычно вскрывал глотки отморозкам, поднималась из

глубин души, но сдерживаться нужно было. И так слишком часто выходил из себя в последнее время. Поэтому — вложить всю озлобленность в тихое, аккуратное выбивание трубки о перила.

— Не нравится, — цежу я, оборачиваясь, — что ты пытаешься мне навязать оседлый, приличный образ жизни.

— Не пытаюсь…

— Не нравится, что при этом всячески его избегаешь. Квартира, нормальная квартира на нас двоих, уже арендована. Насколько я помню, как и твоё место на кафедре.

— Ничего ты не понимаешь, — сжимает губы Агнетт и отворачивается от реки.

— Не понимаю. Я уже и не понимаю, кто ты вообще есть. В городе тысяча Агнетт, но понять, кто ты на самом деле, не могу. Ведь Агнетт, сидящая передо мной, никогда не назвала мне своей фамилии. И возраста.

Она молчит. Неподвижное лицо. Никаких эмоций. Этот вопрос давно назревал — и не прорвался бы наружу, если бы ваш покорный слуга не поверил всерьёз, будто он съедется с рыжей красоткой. И вот — пожалуйста, холодное молчание.

— Это всё?

Я сужаю взгляд. За месяцы работы с отъявленными отморозками пришлось научиться понимать чувства человека лучше окапи. Но Агнетт я понять сейчас не мог. Кусок льда под отличной обшивкой, украшенный рыжей гривой. Нет, не стоит. Всё–таки, первое правило штурмовика Марвина Дотса не зря гласило — лишнее дело связываться с женщиной, безумнее тебя самого.

Этот узел давно пора было разрубить. Я вздыхаю, неспешно укладываю трубку в футляр.

— Если тебе найдётся, что сказать — я к твоим услугам.

— Нечего. Не хочу подкармливать твою паранойю. И никто не виноват в том, что тебе не удается выйти на наркокартель. Даже ты сам.

Я не отвечаю. Просто застёгиваю плащ поплотнее, поднимаю воротник. Последний раз смотрю на закатное голубое небо. Бросаю взгляд на каменное лицо Агнетт. Крепкая девочка. Если и позволяет себе слезу, то на дальней, скрытой от моего взгляда щеке. Оно и к лучшему. Иначе мне захочется остаться.

Сделать первый шаг. Второй, третий. Деревянное покрытие тротуара скрипит под моими ботинками в полной тишине. Прислушаться, не услышать шагов следом. Меня никто не останавливает. Ускориться.

Не оборачиваться.

IV. Один отвратительный день

-

Глава 4.1

Место: Новый Город.

Локация: Бар «Двести двадцать»

Время: Понедельник, 05–22. Пять месяцев от прибытия Кандидата. Летний сезон.

Эрнест «включился» в самый неподходящий момент. Марв уже активно бил морду какому–то хлыщу, а Ленни пытался его оттащить. Получил по голове и сам ввязался в драку. Гаспар и его случайная спутница, как бы не старались, скрыть шока не могли. Впрочем, как и Ганс–Ове Нахт, коллега Эрнеста по оперативному отделу. Да, эта часть группы редко когда могла ввязаться в банальную кабацкую драку.

Как эта в высшей степени странная компания оказалась в этом заведении? Очень просто. Кабак в Старом городе, плохая новость, случайный обзвон контактов. Присоединиться к Жаку Гаспару, отдыхающему неподалеку, обронить Нахту про перспективное дело. И вот компания разбавлена. Два штурмовика, два детектива и юрист. Звучит как название примитивного до одури анекдота, но что поделать.

Когда два штурмовика, два детектива и юрист зашли в бар, он казался им весьма приличным. Нет, дополненную реальность для меню им не предложили. Но было в «Двести двадцать» в меру шумно и не в меру людно. Так что источающая табачный дым и ругательства компания кое–как, но смогла спокойно найти себе столик (после обстоятельного разговора месье Гаспара с управляющим). Куда более спокойно — заказать бутылку водки без уточнения и чуть менее спокойно — обсуждать текуие события в Городе.

Гаспар возмущался наглостью служб безопасности. Не сколько наглостью гражданской, то есть — жестокостью служак при задержаниях и «операциях», сколько наглостью финансовой. По его словам выходило, что СБ проводят «в белую» совсем малую долю своих операций. Остальное обналичивалось через мелкие фирмочки на субподряде.

— Ты даже не представляешь, сколько конкретно выводится через, скажем… службу клининга или заказ рекламной продукции, — меланхолично возвещал месье Жак, покачивая в руке заиндевшую рюмку водки.

— Ну давай в общих величинах, — взмахнул руками Марв, незаметно для юриста и самого себя перешедший на «ты» ещё с час назад.

— Скажем так, — решился Гаспар. Он закинул в глотку

рюмку ледяной и застыл. Потребовалось похлопывание штурмовика, чтобы француз продолжил. — Скажем так, представь, что весь твой гонорар… за боевые в том числе… месячный, пожалуй так. Утекает в чей–то карман буквально за один день. И формально он утекает не кому–то вроде Эрнеста или меня…

— Без обид, Жак, но лучше уж Эрнест, чем ты.

— Да какие обиды, — взмахнул руками месье Гаспар. — Но лучше уж мы, чем уборщица, не так ли?

— Уборщица? Да я её придушу за такой абзац!

— Хорошо если уборщица, — встрял Ленни. — А представь, что это кто–то вроде Малин, ну помнишь — жопа шириной с танк, губки алые как свежая кровь… Что, не очень в кайф? — захохотал безопасник, когда выходец из бедноты стукнул по столику.

На них начали оглядываться.

— Ленни, — коротко бросил Эрнест, — брось развлекаться.

— Принято, шеф, — качнул головой Ленни. — Извини, я пропустил, что Ганс там говорил последние минуты… две. Минимум.

Ганс–Ове встретил реплику пьяного безопасника спокойно. Пьяные собеседники — первое, с чем детектив начинает сталкиваться регулярно. А если начинает воспринимать всё происходящее на работе слишком близко к сердцу — сам становится таким собеседником. Рассеянным и вечно пьяным. Ганс–Ове не спился. Вопреки всем и всяческим слухам.

А Эрнест А. Н., оперативник с небольшим стажем, искренне надеялся, что пойдёт по его стопам. Стопам злого полустарика–немца, а не отдельных развалин, держащихся на службе в целом и, в частности, оперативном отделе исключительно благодаря старым делам и надежде на передачу опыта молодым.

Не передавали. Но деньги сосали — боги, помогите. Даже хитрые схемы мсье Гаспара так не могли. От них хотя бы возникало ощущение несправедливости.

От подобных мыслей сворачивались кишки в петлю, поэтому Эрнест жестом показал на долив. Старшие в лице юриста и старшего оперативника не возражали. Младший в лице Марва долил. Как обычно, обильно залив стол и свои пальцы резко пахнущей жидкостью. Стряхнув капли высококонцентрированного раствора этанола в воде, А. Н. провозгласил тост:

— За вечную и злую справедливость!

Мужчины опрокинули и вернулись к раздробленному разговору. Ганс–Ове уже третью неделю собирал доказательства банды, продававшей женщин — человеческих половозрелых самок — джосерам. Мерзость с одной стороны и оккультизм с

другой. Неизвестно, что было хуже.

Эрнест никак не мог ухватить за хвост один мелкий, но очень уж наглый наркосиндикат. Организаторы ввозили с «гостями» экзотические прекурсоры, самостоятельно их обрабатывали. И выкидывали на рынок большие объемы дешевого товара. Травы очень странного воздействия, «карандаши», старая добрая «пыль» с необычными добавками и, конечно же, «серебрянка». Следы указывали на объем химикатов, примерно равный таковому у трюма небольшого магистрального танкера. Но что удивительно, не реагировали ни «хозяева», ни улица, ни СБ.

Кстати, о последней. Ленни получил ефрейторские лычки и уверенно командовал отделением. Не так давно он выдал ордер на сотую депортацию, то есть, в своём роде, лишился моральной девственности. У него было всё куда проще, чем у остальных присутствующих (ну кроме Марва, так и остающегося на службе вдвоём со своим флогистоном) — патрули, отлов, опознание, выжигание юстиционной метки там, где субъект не сможет срезать без привлечения внимания. Апплодисменты после внесения очередного трупа на базу. Получение заслуженных денежных поощрений. Мрачное пиво по вечерам.

Словом, единственными, кто искренне развлекался без лежащих на фоне мрачных мыслей, были Марв и месье Гаспар. И то, насчёт одного из них Эрнест не был очень уверен. Всё же за спиной у мистера Марвина Микки было детство в Мыловарнях и половина семьи, оставшаяся по ту сторону закона. Было чему приходить перед сном и мучать, словом. А юристы — когда они волновались на тему совести?

Словом, так или иначе, но разговор перетек на животрепещущие темы. И Ленни, мечтающий об офицерском патенте, притих.

— За сколько соберешь базу, Ганс?

— Я бы управился за неделю. Только кто поверит папке с доказательствами, собранной за неделю. Ты бы поверил, Ленни?

— Ни за что, — усмехнулся безопасник.

— Вот видишь, — пожал плечами Ганс. Дождался, пока собеседники наконец закурят (сам он табак не признавал ни в каком виде), и, повернувшись к Эрнесту, вперил в него свой немигающий взгляд. — А ты, А Эн, искренне считаешь, что наши яйцеголовые поверят в существование ранее не засветившегося картеля?

— Вот поэтому, — ткнул в собеседника мундштуком Эрнест, — о его предположительном, подчеркну, существовании, знает человек пять, из которых три находятся за этим столиком.

Некоторое время собеседники переваривали смысл фразы.

Приходилось до конца мыслительных процессов слушать вспышки эмоций Марва. Ровно до тех пор, пока не начали говорить одновременно.

— Я лично считаю, что тут не обошлось без какой–то крупной и надежной крыши. Сам посуди, даже в «желтых» районах мы знаем о существовании подпольных оружейных мастерских. А химикаты проследить легче…

— А почему бы тебе не спросить одного юриста? Где–то бы большая компания так или иначе всплыла, нет?

— Стоп, ребята, — поднял ладонь Эрнест. Он очень не любил одновременно обрушивающиеся потоки информации.

— О, вы зря не верите в юристов, — встрял мсье Гаспар, отмахнувшись от мистера Марвина Микки. — Я правда больше по гражданской, а не уголовной практике, не обессудьте. Но если попадетесь — лучше звоните мне. Для вас, господа, консультация бесплатна. Слово юриста синей квалификации что–то ещё стоит в этом городе?

Хохот.

— Вы знаете, Жак, мой товарищ в чём–то прав, — решился Эрнест. — Мне нужно, чтобы вы воспользовались служебным положением.

— Насчёт подкупа власть имущих поговорим ещё через… три рюмки, — отрезал мсье Гаспар, жестом подзывая смазливую официантку. Вместо неё с соседнего столика припорхнула троица молоденьких девушек. С их ракурса было видно округлое лицо юриста, квадратное — Марва и слегка потрёпанное войной — Эрнеста. Уж что–то одно явно могло привлечь внимание.

Кроме того, как обратил внимание А. Н., хлестала их группка водку по двадцать жетонов за бутылку — дороже иного виски из метрополии. Словом, столик производил впечатление благопристойное. А что дамы не видели обрюзгшее лицо Ганса и словно вылепленную из желтой глины трикстерскую маску рожи Ленни — их проблемы. Внимательность — важный навык для жизни в Городе.

Слово за словом, и троица легкомысленных девочек устроилась меж заметно затихшими представителями разных веток власти. Одним говорить о делах в присутствии дам, пусть даже и накидывающих себе публично лет пять сверху реального возраста, мешала профессиональная этика. А вот другим — врожденная скромность.

И именно скромность, как потом себе твердил мучавшийся от треска в голове Эрнест, стала причиной следующих событий.

Дело в том, что (восстанавливая ход дела) троица девушек оказывала знаки внимания изначально совсем другой компании.

И вернувшись со свежего воздуха, где лишние ушки не мешали обсуждать серьёзные дела, они обнаружили пустой и даже остывший без женских попок диван. А так же запинающихся чертей, глушащих водку за двадцать урдалебских жетонов бутылка. С их, считай, законной добычей.

Дальше — просто, гормоны, адреналин от неудачной сделки, сперма в мозжечок. Попытка опустить тяжелую руку на плечо самого мелкого и невзрачного из компании. Ленни. У которого трупов на душе лежало с кладбище небольшого посёлка. Неудивительно, что попытка оказалась не очень удачной и закончилась рассечением от разрешенного Хартией короткого клинка.

Затем — попытка придушить другого ближайшего «невзрачного», мистера Гаспара. Тот продемонстрировал явный опыт грязных уличных драк и не тратил время на размышления о бренности и нарушениях законодательства. Он просто ткнул пальцами нападающему в глаз. А от удушающего захвата его спас незамеченный, как обычно, Эрнест.

Кастет в одну руку, беглый удар по скуле. Уклониться от второго нападающего, вложить левую кисть во второе литое изделие. Тычок левой, услышать вопль боли, запутаться в падающей даме, успеть уклониться. Кросс правой, доработать левой, понять, что удар пришелся вскользь. Получить мощный прямой удар в челюсть, закачаться и упасть на грязно ругающегося мсье Гаспара. Решительно встать, нанести удар наотмашь и услышать знакомый мат. Слишком знакомый.

Мистер Марв очень редко вступал в драки. Мало кто был готов драться на равных с почти двухметровым штурмовиком. Особенно — завидев следы жвал кордула на подбородке. Но вступившие в драку молодцы следовали за зовом члена, а не головы. Поэтому–то они и обратили внимание на ближних, а не дальних пропойц. И именно поэтому Ганс сейчас хлестким ударом нейрошокера окапи вызвал вопли чистейшего, животного ужаса у подоспевшего громилы, в то время как Марв продолжал махать кулаками, напоминающими древние пневмомолоты. А Эрнест…

Воспользоваться отвлечением соперника, взять его за грудки и врезать лбом по голове. Услышать хруст и что–то горячее, льющееся по лбу. Отпустить падающего соперника, понять, что помощь не требуется. Апперкот по медленно поднимающемуся «быку», не дожидаясь падения, доработать левой. Смазать удар, смазать ещё один. Перевернуть упавшего противника, нанести серию размашистых ударов. Остановиться после пощёчины.

Тяжелой, мужской пощёчины, а не хлёсткой женской. Свои.

— Ты увлёкся, Эрнест, — буркнул вышедший из–за спины Ганс. Он всё ещё не деактивировал нейрошокер, и разрядную часть длинного и тонкого оружия окутывало фиолетовое свечение.

А. Н. сделал несколько глубоких вдох–выдохов, чувствуя только отдаленное гуляние винных паров в голове. Оглянуться. Месье Гаспар трепал языком и откровенно заговаривал управляющего. Девицы сбились в кучку и откровенно уличали момент, чтобы смыться. Марв поочередно брал отключившихся нападавших и сажал на дальний диванчик. Второго, не до конца отключившегося и оттого вяло сопротивляющегося, ткнул головой о бетонную колонну и понёс дальше.

Посмотреть на руки. Разрешенное оружие покрыто хорошим слоем крови. Посмотреть на противника. Куча ссадин и рассечений, сломан нос и пару зубов, но жить будет. Эрнест встал с его груди и Марв аккуратно, чтобы не запачкаться, утащил его к остальным. Ленни, успевший вернуться за столик, усмехался непонятно чему, и рассказывал какие–то присказки робким девушкам. Он уже успел налить и опрокинуть. Эрнест проморщился и наконец снял кастеты. Ганс подал ему салфетку.

— Ты увлёкся, — повторил он. А. Н. кивнул, но ничего не ответил. — И уже далеко не в первый раз.

— И не последний, — попытался отрезать Эрнест.

— Лучше бы был последний. К мозгоправу не ходил? Гипнотерапия в последнее время творит чудеса.

— Им только дай залезть в мозги, как там и останутся, — сбивчиво ответил А. Н.

— Дело твоё, — коротко бросил Ганс и дождался подошедшего месье очень спокойного Гаспара. — Нам выметаться, как понимаю?

— О, что вы. Уснувших мсье вынесут минут через десять вышибалы. Управляющий убедился, что мы действовали в рамках городских законов и не сокрушили обстановку.

— У Ганса нейрошокер, — напомнил Эрнест, подняв бровь.

— Месье Бакстер согласился закрыть на это глаза, — кротко улыбнулся юрист.

— Во сколько обошлось? — сумрачно отреагировал Ганс, уже идущий к столику.

Мужчины расселись.

— Ни во сколько. Год назад я сильно срезал его алименты. А в моей профессии благодарность — не последнее слово.

— Тогда прими мою лично, — хохотнул упавший на диван Марв. — Давно так славно не разминался.

— О, не стоит. Месье Бакстер был одной из причин, по

которым я настаивал на этом заведении. Правда, я больше рассчитывал на скидку, но теперь не уверен, что получу её.

Страшная вещь всё–таки — осмотрительность.

Разговор мало–помалу раздробился. Ленни и Марв вовсю обрабатывали девиц. Два детектива всё так же продолжили обсуждать дела. Мсье Гаспар разрывался между нимфеткой и интересным разговором.

— Я вот чего не понимаю, — пробормотал Эрнест, сцапав с принесенной тарелки некую остро пахнущую и тонко нарезанную копчёность. Во сколько она обойдётся карману, он старался не думать. — Как этот неведомый картель узнавал про осведомителей? Это был уже третий, кто готов был выдать не сплетни, а точные имена.

— Ты регистрировал его в базе данных? — флегматично спросил Нахт, так же отдав должное мясу.

— Я, может, не особо опытный, но не дурак, — фыркнул Эрнест. Одного из его первых осведомителей убили именно из–за протечки. И А. Н. знал точно, кто продавал данные. Но УСБ до сих пор разрабатывала крысу, вместо того чтобы утопить в реке.

— А как платишь тогда?

— Есть свои методы, — туманно объяснил Эрнест и отвлёкся на женский хохот. Который прекратился от одного поднятого тяжелого взгляда. Дамы побаивались его. Ну и чёрт с ними, подумал А. Н. и потребовал: — Марв, не спать!

Опять — водка на стол и в рюмки, опрокинуть, схватить закуску. Однако девушки на наполненные рюмки смотрели довольно нерешительно. Наконец, одна решилась:

— Жаак, — томно протянула ближайшая к Эрнесту малолетка, обвивая руками пиджак юриста. Ты не возьмешь нам с девочками по коктейлю?

— Возьму, возьму, — отмахнулся француз, — выберете пока какой.

Когда вся женская стайка начала спорить и переругиваться, отрицая любую помощь Ленни и Марва, Гаспар повернулся к спутникам.

— Две рюмки уже прошли.

— Вы говорили про третью, месье Гаспар.

— А ты начни мне объяснять, прежде чем убеждать.

Эрнест колебался недолго. Француз был одним из первых знакомых Эрнеста в Городе, и хотя никогда не прикрывал по–настоящему — всегда помогал дельным советом. В конце концов, именно Гаспар придумал хитрую, многоступенчатую схему оплаты услуг осведомителей. И как успел проверить детектив, протечки информации наружу пока не случалось.

— Мне нужна рабочая схема отмывки денег.

— Какого объёма? — деловито осведомился собеседник, сцапав с тарелки тонко нарезанную копченость.

— Пару миллиардов марок в год, — негромко пояснил Эрнест.

Жак подавился. Нахт замахнулся, но юрист покачал головой. А. Н. наклонился поближе и тихо пояснил:

— Просто схема. Я знаю, это не ваш профиль, но попробуйте узнать о работящих специалистах в этой сфере.

— А более точные вводные данные? — улыбнулся Жак.

— Позже, — мотнул головой А. Н. Столику он доверял, нет. Но доверял до прихода невесть откуда взявшихся дам.

— Из тебя вышел бы плохой клиент, — мотнул головой юрист. — Ты даешь слишком мало данных, чтобы тебя можно было грамотно защитить.

— Поэтому я очень надеюсь, что защищать меня не придётся, — погромче и повеселее произнёс Эрнест. — Всё–таки вы гражданский юрист, а не уголовный.

Тихий смех, поддержанный Марвом и Ленни. Даже девушки заулыбались.

— Не забудь мне только написать детали, — ткнул пальцем Жак, прежде чем продолжить забалтывать девушку. Его вполне устраивала роль денежного мешка для случайной спутницы, а её — роль внимательного слушателя.

Посиделка всё больше скатывалась в бессвязный набор болтовни. Поболтать, а затем сильно поспорить с Гансом–Ове. Посмеяться с очередной глупой истории Марва, посочувствовать Ленни, которому на следующей неделе отправляться в патруль «на Ямы». Выйти покурить, услышать от оставшейся последней девушки сбивчивое признание в гм, молодых годах. Похлопать сочувственно по плечу, вернуться, хлопнуть водки. Ещё раз. Второй. Третий. Почувствовать, что походка становится сильно нетвёрдой, продекламировать:

— Что–то я многовато принял на грудь,

… и очнуться в квартирке. Полностью одетым. С адски болящей головой. Эрнест посмотрел на время: 17–23. Он проспал почти весь день. Вздохнув, А. Н. рывком встал на ноги. Голова отозвалась колокольным звоном. Что ж, все равно оперативная работа творится по большей части вечером. А судя по свету насыщенного жёлтого цвета, проникающему сквозь жалюзи на окнах, он уже настал.

Сбросить воняющую табаком, перегаром и женскими духами одежду. Проверить холодильник — пиво и купленный в лавке концентрат бульона ещё оставались. Проверить кобуру с

табельным пистолетом — на месте, оружие заблокировано. Как и должно было быть. Входная дверь — заперта. Шкаф не содержит в себе трупов. Одежда — заляпана пятнами крови так же, как и после драки. Налички стало сильно меньше, но большую часть Эрнест предусмотрительно оставил в тайнике дома.

Что ж, ночь обошлась без приключений.

Проверить коммуникатор. Малосвязные сообщения от Ленни и Марва. Короткое — от Ганса–Ове. «Молодец, что не болтал.» Точка, ничего больше. О чём не болтал? Эрнест потёр голову. От жеста мысли не потекли рекой. Нахт вывалил какой–то грязный секрет? К чёрту, все равно в голове ничего не осталось, лучше уж вскрыть бутылку «Урдалеба».

Щелчок, глоток, смотреть дальше. Какая–то из вчерашних миловидных девочек отписалась. Как она только нашла?.. Хотя, вспоминая лицо Жака, возможно именно он заложил про отсутствие старушки у Эрнеста. С учётом того, что месье Гаспар — весьма строгих самоограничений в плане девушек, с него могло статься и такое. Кстати, о юристе. От него тоже письмо. И куда более обширное, чем от остальных.

«Эрнест,

Вчерашний, точнее — сегодняшнее застолье было довольно познавательным, спасибо за приглашение. Мирта — очень милая девочка, но с учётом её возраста, могу воспринимать её разве что как внучку, поэтому не особо удивляйся куртуазному сообщению от неё самой, если таковое придёт.

Что касается твоей первой просьбы, то в приложенном файле ты найдешь список личностей, известных перекачкой наличности в электронные деньги и обратно. Многие из них держатся в тени, так что сам понимаешь, без болтовни.

По второй просьбе тяжелее было что–то найти. Не обессудь, я в обычной жизни редко встречаюсь с наркотиками. Однако один мой коллега, в разговоре за чашечкой кофе о «прачечных“, вспомнил о резко взлетевшем пушере из Бесильни, которому и понадобились такого рода услуги. Его фамилия — Беннет, и ему от двадцати двух до двадцати пяти. Другой информации я даже не пытался выудить, как ты и рекомендовал (четыре раза, если я правильно помню).

Если понадобится иная информация или же компания — звони в любое время.

— Ж. Г.»

Эрнест хмыкнул. О второй просьбе он совсем ничего не помнил. Впрочем, резко взлетевший торгаш — отличная цель на сегодня. Тем более, что его осведомители принесли на анонимный ящик только горсть «грязного белья».

В борделе на девятнадцатом «Б» переулке улучшили качество предлагаемых веществ, появились какие–то «гостевые» штучки. И цены — «божеские», что бы это ни значило.

Саладжо Рикарио из Лесопилки проболтался, что если кому нужны «карандаши» — он готов толкнуть по цене ниже рыночных. Ему пришла партия больше обычного за ту же цену, поставщик в ударе.

В Мыловарнях стало ещё больше наркоты, хотя лабораторий в числе не увеличилось. Местные царьки — в мыле и ищут конкурента, чтобы устроить ему передоз. Как минимум.

В Новом Городе «серебрянка» стремительно входит в моду. Адреса клубов, где её предпочитает приобретать корпоративная и художественная тусовка, прилагаются.

А вот в «Ямах», где это же вещество любили колоть бойцам как допинг, её стало больше. Цены, впрочем, не упали, однако местные воротилы запретили использовать данный вид дряни как допинг. Что само по себе говорит о многом.

Ну и откровенные доносы, куда без них. Кто неодобрительно говорит про СБ, кто своровал товар, а кто явно пушер. Эрнест поморщился и вздохнул. Всё это нужно внести в его собственную, личную базу данных, и, по–хорошему, перепроверить. Но времени нет, Вазаф требует результат. Хоть какой–нибудь. А что куда хуже, результат требует и Тиммерман. Причем он — результат быстрый и качественный. Плохие вводные, но других — тоже нет.

Загнав себя в душ, А. Н. думал: какой сигнал окажется наиболее перспективным? Работа над вариантом «серебрянки»? Лесопилка, Ямы или Старый/Новый Город? Точечные доносы редко приносили пользу, а Мыловарню с некоторых пор Эрнест крайне не любил. Впрочем, можно совместить одно с другим. Упомянутый в письме дом терпимости находился в Бесильне, там же обитал неведомый Беннет, который не мог не засветиться перед службами безопасности. Кто там держит этот кусок «Бесильни»? Если «Четверо бдящих», то туши свет. А вот если «Сыновья Аякса»… варианты есть.

Уцепившись за эту мысль, А. Н. вылез из душа. Спешно обтерся и принялся рассылать запросы. Официальные и не очень. Ополовиненная банка пива — отправил в раковину, место в руке занял «Трокадеро». Сейчас Эрнесту необходима была холодная голова. Бросил взгляд на часы — пятнадцать минут седьмого. Есть время совершить пару весьма необходимых звонков.

Глава 4.2

Место: Бесильня, Старый Город.

Локация: Мужской клуб «Игни», переулок 15b, дом35.

Время: Вторник, 19–12.

Эрнест был плохим курильщиком. Он выкуривал трубку за двадцать минут максимум, реже — сорок. Бывалые любители трубки только фыркали, глядя на бешеный расход табака у А. Н., и именно сейчас детектив их понимал. Он слишком быстро закончил с деловыми разговорами, оперативно нашёл нужный адрес и дошёл. Не то чтобы времени было слишком много — но А. Н. предпочитал сначала выждать, а уже затем нырять в гущу событий. Классические меры предосторожности (петли вокруг района, «случайные» срезки, проверка спецпрограммой повторяющихся лиц) заняли недолго, так что оставалось только купить единственный местный стритфуд — очередной «кабанос» в булке — и закурить. А трубку Эрнест А. Н. курил слишком быстро.

Лэндинг: Обыденность Старого

Заголовок: Проповедник совершил нападение на бордель

Одобрено Хозяевами: да

Вчера ночью Джозеф Конрад, миссионер неокатолического толку, совершил попытку крестного хода вокруг мужского клуба «Крошка». Именно что попытку — потому что охранник–джосер взбесился из–за запаха ладана и напал на почтенного падре. Впрочем, ему не привыкать, ведь мистер Конрад широко известен в Городе своими эпатажными акциями, в число которых входит освещение печально известной Тринадцатой ямы в соответствующем районе, отказом в отпевании жертвам очередного джосерского бунта и заявлением о божией сущности асакку. Характерно, что мнение асакку никто не спрашивал.

Смелости (или веры) падре не занимать. Ведь самый тупой из асакку знает, какую долю экономики занимают «чайханы», «мужские клубы», «массажные», «женские залы» и прочие заведения того рода, что готовы предложить по сходной цене мальчика, девочку или даже генномодифицированного монстра с признаками обеих полов и урдалеба в придачу. По сведениям наших источников, при желании вы найдёте даже проститутку–

лангуса — за соответствующую плату.

И да, всех всё всегда устраивает. Одни спускают порок в подготовленный клапан, другие зарабатывают деньги, третьи бьют по головам заигравшихся вторых, а почтенные Хозяева следят за тем, чтобы цирк не превратился в кунсткамеру. В противном случае — лазурных ленточек хватит на всех. И да, на священников тоже, пусть даже им и разрешают строить небольшие церкви в сабурбиях, да ещё ходит слух о соборе где–то в Пустоши, который вот–вот заложат.

Впрочем, мистер Конрад отлично понимает грани дозволенного, что не раз показывал. Ведь если бы он в своих пламенных проповедях покусился на привилегированную часть хартийцев или «хозяев», то давно бы уже отсвечивал костями в Пустоши или бы косплеил И. Х.Т. И.С. в одном из оккулаториев — только более кроваво и к куда большей радости собравшейся почтенной публики.

А пока нам остается только сочувствовать владельцем борделей, у которых под окнами воняет канифолью да орёт ополоумевший старец.

Впрочем, не станем ли мы такими же на старости лет?

«Игни» принадлежал к того роду борделей, которые пытались замаскировать сущность налётом вежливости и постоянной чистотой в номерах…простите, «кабинетах». Отчасти это помогало — у бандитов средней руки вести переговоры в дорогих «мужских клубах» считалось хорошим тоном.

Белые воротнички предпочитали бывать в них не сколько ради проституток, сколько ради «бонусов». Хорошие бильярдные столы, а не покрытые прожженным сукном. Приличный алкоголь в местном баре вместо дешевого пойла втридорога. Охраняемый вход глубоко в проулке. Регулярно приходящий на осмотры врач и скидка — у него же.

Перед докуривающим трубку Эрнестом лежал не дорогой мужской клуб, о нет. Обычный, среднего пошиба. Но имеющий, в частности, тот самый означенный охраняемый вход. В глубоком и не освещённом, в отличие от основных улиц и переулков, закоулке. Алая неоновая лампа у входа, светящаяся вывеска «Бильярд». Двое вышибал в серых костюмах. Эрнест потянул руку к двери, но рука толщиной с окорок остановила его.

— Тебе чего? Бильярд сегодня не работает, — спросил голос, сочетавший в себе писклявость и все возможные оттенки хрипоты.

— А снукер? — спокойно вернул пароль А. Н., подняв бровь. Рука убралась.

— А снукер будет жить всегда, — усмехнулся бугай. — Проходи, не задерживайся.

Короткий коридор с недостатком света. Ещё одна дверь, за которой звучат веселый гомон, хохот и не очень–то тихая музыка. За ней Эрнеста встретила максимально чопорно, «с иголочки» одетый администратор. Для начала плеснувший в стакан виски, а затем протянувший его гостю. Затем — наливший себе и слегка чокнувшийся с гостем.

— Добро пожаловать. Вы в первый раз, не так ли? — проницательно заметил мужчина, едва приложившись к стакану после гостя.

— Да, — хмыкнул детектив. — Это заведение мне порекомендовали друзья.

— Что ж, они вам говорили про порядок посещения?..

Эрнест покачал головой.

— Что ж, пройдём. Джей, присмотри за входом… — Эрнест отдал тренч и шляпу весьма пикантно одетой девушке с горящим электротату в виде «огонька». Получил жетон с номерком и, вместе с сопровождающим, прошёл зал наискось. В котором люди (зелёная сегрегационная метка, как–никак) наслаждались зарождающимся вечером.

На диванах шумная компания в окружении весьма игриво одетых девиц активно играла в карты. Под лестницей некий джентльмен при подтяжках на голом пузе тянул кальян. Две шлюхи сбоку активно изображали разврат. Джентльмена кальян занимал больше. Впрочем, не его одного — некий бородатый гигант со знакомой выправкой гадал на картах к восхищению гм, дам. А исключительно мужскую компанию сбоку, отмахивающуюся от проституток всех полов, развлекал нанятый бармен, лихо смешивающий коктейли со всех уголков Галактики.

Впрочем, детектива пока занимал больше вопрос безопасности. Случайные взгляды жгли затылок, словно каждый второй посетитель искал именно его. Эрнест подавил вспышку и огляделся. Вариантов отступления немного, но они есть. Лестницы. Чёрный ход. Панорамные окна за занавесками. Парадный выход, как обратил внимание А. Н., был задрапирован, однако некоторые особо плюющие на конспирацию заходили через него. Итак, как минимум два выхода уже есть, подумал Эрнест. Плюс окна второго этажа расположены не слишком высоко. Три выхода. Для начала хватит.

Наконец, они с администратором зашли в узкий отнорок, завершавшийся рядом дверей.

— За этими дверьми вас ждёт касса. Оплачиваете таксу, получаете карточку. Счёт можете пополнить там же. Внутри мы не принимаем денег, только клубную карточку. Чаевые приветствуются, но — не обязательны. В подвале — игровые комнаты. Нет, не подумайте дурного. Бильярд. Классический, снукер и даже русская пирамида. Играете?

— Не в пирамиду, — буркнул Эрнест.

— Зря, довольно требовательный к навыкам. Помогает развивать концентрацию, знаете ли, — хмыкнул служака и развернулся на каблуках. На первом этаже — общий зал, а так же бар и да, отдельные залы. Последнее — по предварительному бронированию. Второй этаж — малые залы и кабинеты. Третий этаж — кабинеты. Для предварительно забронированных свиданий. На крыше — бар.

— А…

— С сотрудницами можете подходить и знакомиться где угодно, если видите на запястье горящий значок огня. В противном случае знакомство запрещено, за досаждение вы будете выведены, — служащий повернулся, на этот раз — лицом к Эрнесту. — Холодное, огнестрельное и иное оружие просьба сдать в ячейку хранения, как и тяжелые наркотики. Мы — всеми руками за безопасность. Если возникнут вопросы — обращайтесь к администраторам. Прошу к кассе.

В кассе А. Н. оставил двести пятьдесят марок за членскую карточку (из которых только сто оказались на счету). Остальное, подумал Эрнест — оплата виски, видать. Он сразу закинул на карту ещё двести пятьдесят марок («всё равно входит в бюджет расследования») и отправился изучать местность.

Профайл Джонни Беннетта не говорил о его постоянном месте жительства, однако одной из установленных связей была стриптизерша, Токала Кесада. Как пробил по своей базе Франсуа, к которому обратился А. Н., она уже с полгода как работала в «Игни». Кем — не уточняется. Её фото прилагалось к справке, которую выдал француз. Ничего особенного, без яркого макияжа легко затеряется в толпе на улице. А под косметикой и псевдонимом — и в борделе.

Спрашивать по настоящему имени — бесполезно, подумал Эрнест. И подозрительно. Лезть к отдыхающим «мамашам»?.. Не стоит, могут вызвать охрану. Куда перспективнее поболтать с завсегдатаями, тугими на карман. Как раз один такой сейчас грел почти пустой бокал у стойки. Судя по неодобрительному взгляду бородатого бармена, этот бокал был первым.

— Бармен, виски, — поднял руку Эрнест. — На два пальца. Можно и чуть больше.

— Карту, — буркнул тот неприветливо. Увидел карту, плеснул. Ровно запрашиваемое количество, не больше, но и не меньше.

— Аптечная точность, — хмыкнул Эрнест. — Спасибо.

Бармен некоторое время соображал, не издевка ли это (а это именно она и была), но увидев добрый глоток, успокоился. По крайней мере, этот клиент не собирался греть напиток. Сосед Эрнеста по стойке кое–как отодрал взгляд от стакана. Сильно удивился. Поднял брови. Сложил губы трубочкой. Свистнул.

— Мужик, ты что, при деньгах?

— Скорее при проблеме, — покачал головой А. Н., не вдаваясь в детали. Драться после выхода из–за того, что его приняли за корпората — эта идея детективу не нравилась.

— О, друг, я как раз решаю проблемы. Тебе это любой скажет.

— За звонкую монету?

— Куда без этого, — широко улыбнулся сосед. — Спроси любого, и они скажут, что Сити Билли всегда делает работу, за которую заплатили.

— И почём же, — усмехнулся Эрнест, — услуги Сити Билли и какого же рода?

— Не знаю, слушай… но я становлюсь таким болтливым под виски, друг, даже не представляешь…

Эрнест, не меняясь в лице, дал знак бармену. Стакан Билли (или всё же Сити?) пополнился.

— Я слушаю что говорят на улице и в салонах. Знаю свежие новости раньше, чем их сливают в сеть. В техноштучках не силён, но могу свести с хорошими машинистами и теми, кто имеет редкое «железо», — он сделал глубокий глоток и умолк.

Эрнест покосился на опустевший стакан и дал знак бармену, который с любопытством ожидал чего–то. Того, когда Эрнест сдастся и перестанет кормить пропойцу? Но не будет же собеседник дальше выдаивать из него «бусины»?

— В физике я тоже не очень. Ну там, — он почесал за ухом, — могу организовать переломы, но не мокрое дело. Нет, — он отхлебнул виски. Не до конца.

— Начнём с простого, — Эрнест умолк и дождался усиления внимания Билли. Мне нужна определенная девушка в «Игни». Я не знаю её имени, только внешность.

— Я отираюсь тут регулярно и знаю всех постоянных сотрудниц, — развязно протянул осведомитель. — Если добавишь до двух пальцев до края бокала — получишь имя.

— Сначала описание, окей? Средней фигуристости. Лицо «сердечком», большие серые глаза. Электротату в виде виноградной лозы на левой руке и голотату — меж лопаток.

— Что изображает? — азартно спросил Билли, покачивая стакан.

— Туз пик.

Билли Сити широко улыбнулся и постучал бокалом. Внимательно слушавший бармен дождался кивка Эрнеста. И — долил виски до требуемого уровня.

— Её тут называют Изабелла, — начал осведомитель, не дождавшись, пока последняя капля упадет в стакан. — Она уже давно весьма фигуристая в самых нужных местах. Пятьдесят марок в час, весьма горячая. Любит трахаться под веществами.

— Серебрянка? — наобум выстрелил Эрнест.

— Упаси Господь, — покачал головой Сити Билли. — Так, таблеточки, попперсы, «карандаши». Травка. Особо не налегает, поэтому и держится.

— Где обычно её можно найти?

— На крыше. А если её там нет — найди женщину с таким же электротату на правой — именно что на правой — руке. Это её мамаша. Они похожи лицом, не перепутаешь ни с кем.

— Спасибо, друг. Бармен, следующий его стакан — за мой счёт, — сказал Эрнест и залпом допил свой напиток.

— Эй, приятель, как там тебя?..

— Эрнест, — ляпнул А. Н., одумался и поправился: — Игнацио Эрнест.

— Ну даешь, — хохотнул Билли Сити. — Не имя, а Джон Константин. И как мне тебя звать? Да и найти?

— Зови меня «мистер Эрнест». Можно на «ты». Я тебя сам найду, как понадобишься.

— Но ты же не знаешь мой номер коммуникатора?

— Зато знаю имя, — усмехнулся А. Н. и направился к лестнице, оставив смущённого бармена и радостного осведомителя наедине.

Местные продажные львицы были ухожены, ненавязчивы и не вызывали раздражения. Они могли коснуться проходящего мужчину рукой, но — ни в коем случае не удерживать. Разговоров не заводили, но ели взглядом, как удается не каждому урдалебу в сезон случки. Ни одной «лиловой», всем видом показывающей зависимость от химических пороков. Одно слово — выдрессированы. Наверное, в этом было отличие «мужского клуба» от банального притона, подумалось Эрнесту.

Барная зона на крыше была куда более шумной. Тут вовсю громыхала музыка, а к танцующим мужикам открыто притирались разгоряченные дармовой выпивкой девушки. Некоторое время Эрнест ненавязчиво околачивался с зажженной трубкой, однако Кесаду не заметил. В раздражении он пошел к

бару, хлебнуть виски, однако уже подходя, увидел знакомое лицо.

Дама сидела у барной стойки. Алое платье, длинный разрез показывает больше, чем обычно нужно. Чем обычно нужно для улицы, но не для подобного заведения. Однако внимание Эрнеста было привлечено вовсе не разрезом или открывающимся видом. Он заприметил руки.

Везение, сплошное везение, — отметил А. Н. и подошёл ближе. У женщины на руках горели электротатуировки. Виноградная лоза — на правой и огонёк — на левой. Любящая мать искомой цели.

— Позволите присесть? — осведомился Эрнест и дождался вялого ответного жеста.

— Если ты сейчас собирался меня обхаживать, скажу сразу: не стоит. Я слишком пьяна, чтобы деактивировать тату, и тем более — для потрахушек.

— Что ж, я уйду, взяв ровно один коктейль вам на выбор. Но мне все равно нужна дама на вечер, — улыбнулся А. Н., указав бармену (на этот раз — при драгунских усах) на пустой «харрикейн». Тот понял жест верно и сразу начал готовить новый коктейль.

— К твоему выборы все падшие девушки, — меланхолично произнесла Мамаша. — Даже Токала Кесада. Но не Киона Кесада. То есть я.

— У тебя дочь в деле? — поднял бровь Эрнест.

— Всё лучше, чем блядью в трущобах, — пожала плечами миссис Кесада. Она ещё не выглядела, что называется, женщиной «за…». Видимо — генетика спасала, но алкоголь, изнурительный график и наркотики скоро сделают своё. Клиентов станет всё меньше, а вот истерик — всё больше. И когда объем второго перевесит количество первых — её выкинут на улицу. А затем этот путь повторит дочь.

— И как она, свободна?

Мамаша отставила что–то едва начатое, яркое и слоистое. Достала из крохотной сумочки коммуникатор. Проверила в каком–то приложении активность.

— Да, — удивленно хмыкнула Кесада–старшая. Стоит на «мыске», наверное, курит. Что ей ещё там делать, не принца же ждать?.. — обратилась она в пустоту, но собралась и повернулась к собеседнику: — Огонёк горит, так что — вперед, джентльмен. Знаешь, где «мысок»?

— На углу? — проявил проницательность Эрнест. И дождался фырканья.

— На углу, как же. В общем, за баром будут беседки. За беседками, на углу противоположном входу — балкончик. Моя

меньшая будет ждать тебя там. Я ей маякнула. Не обижай её особо, — буркнула Киона и вернулась к поглощению алкоголя.

«Изабелла» вовсе не курила. Она откинулась на перила и смотрела на звёзды. Эрнест удивленно хмыкнул, подошел ближе. Увидел лежащий на перилах «карандаш», капли слюны. Присмотрелся в расширенные зрачки, подавившие радужку переливающегося серебристого оттенка. И понял — нет, ничего особенного. Просто кто–то чиркнул по дёснам и теперь в «приходе».

— Ты в порядке? — осведомился А. Н., подойдя на дистанцию вытянутой руки. Кесада–младшая опустила совершенно «плавающий» взгляд, оттолкнулась от перил и обняла Эрнеста.

— Ну, что ты… — нахмурился оперативник. Он любил внимание девушек, но — не такое.

— Забери меня на второй этаж, узнаешь, — игриво прошептала «Изабелла», облизывая дрожащие губы (первый признак пика действия «карандаша»). Эрнест решил не терять времени даром, и, приобняв девушку за талию, повёл мимо бара и танцпола. Она совсем не смущалась, кивала кому–то из товарок и прикусывала нижнюю, всё более сильно дрожащую губу. В лифте она и вовсе бросилась на А. Н., расцеловав его щёки, губы и шею. Пришлось аккуратно отставить.

— Ты… чего? — кротко спросила Токала, хлопая глазами. Эмне глушило ей все полутона, а заодно — заставляло нести всё, что только приходит в мозг. Это можно было использовать, пришло в голову А. Н. Но для начала следовало подавить недоверие.

— Не люблю делать всё в спешке, — тепло улыбнулся Эрнест. И поздравил себя с правильной тактикой: «Изабелла» прильнула ближе, но не пыталась разогреть больше нужного. Так, терлась задницей и посмеивалась, а уж это А. Н. мог спокойно стерпеть. Точнее — его разум.

На втором этаже их перехватил охранник и заставил Эрнеста погасить «огонёк» младшей Кесады. Проворчал насчёт слишком увлекающихся работниц, пояснил:

— Кабинет двести восемь свободен, — и отправился дальше следить за порядком.

«Кабинет» полностью соответствовал ожиданиям Эрнеста. Широкая кровать, небольшой кожаный диванчик, минибар (доступ — по карте). Небольшой терминал для пополнения карты с универсальным валютоприемником. Душ и туалет — в смежном помещении.

Едва хмыкнувший Эрнест закрыл дверь, как на него налетел ураган по имени «Изабелла». Повалил на пол, обдал облаком из

терпких духов, обвил руками. Уже положив руки на крутые бёдра, А. Н. начал искать повод для сделки с совестью. Через пару секунд, когда руки проникли под юбку, повод нашёлся.

Он, как–никак, должен выглядеть как обычный посетитель, в первое посещение ударяющийся во все тяжкие. Час с «Изабеллой» вполне себе подойдёт для маскировки, — уверял он себя, расстёгивая блузку. Аккуратно, мало ли — добавят к стоимости часа. Вскоре А. Н. было уже не до сделок с совестью, не до исчезнвушей из жизни бывшей — и уж тем более не до наркосиндиката. Хотя от алого «карандаша» он благоразумно отказался. На всякий случай.

Когда всё было кончено и уставшая, потная Токала откинулась на подушки, Эрнесту было немного не до дела. Скорее — до восстановления дыхания, обмена краткими междометиями и эмоциями. В подобном препровождении прошло ещё десять минут. После которых «жрица» осведомилась. В промежутках между выдохами:

— Ну что, мой герой, может ещё?

Эрнест уклончиво покачал головой. Он производил впечатление слишком занятого подтяжками. За которые и ухватилась всё ещё голая девушка.

— Если что, у меня есть «розовый» карандаш. Не пробовал? Он как обычный, но усиливает ощущения от секса. Это лучше попперсов, поверь.

— А где ты их берешь в таком разнообразии количестве? — удивлённо спросил А. Н. — «Розовый», насколько слышал, довольно редкая и дорогая вещь.

— Один бывший торгует ими, — хохотнула Кесада, дрожащими руками щёлкая зажигалкой. Действие «карандаша» почти закончилось. — Иногда, по договоренности с админом — даже тут.

— Не думал, что такое возможно. Админ на входе был весьма суров.

— Джерри? — рассмеялась Токала. — Он как раз и пускает его каждую свою смену. За процент, разумеется. Старый козёл… — она посмурнела. Подняла ноги на кровать и обхватила колени. — Он–то тебе и нужен, да?

— Джерри? Нет, мужчины меня не привлекают, — усмехнулся Эрнест и дождался грустного смешка.

— Я про моего дилера. Джонни, а не Джерри.

— Что ж, теперь когда ты назвала его имя, найти его смогу всегда, — хмыкнул А. Н.

— А хочешь? — насторожилась «Изабелла».

— Тебя — через пятнадцать минут. Пачку «карандашей»… —

Эрнест с хорошо изображенным сомнением покачал головой, — надо подумать.

— Бери, не пожалеешь! — горячо принялась убеждать девушка. Но убедила в первую очередь в том, что тоже имела свою скромную долю с продаж.

— Давай так, — «решился» Эрнест и потянулся за кошельком. — Я тебе даю урдалебский жетон сейчас. Один. Но — чаевыми. Лично тебе, — он двумя пальцами продемонстрировал описываемый предмет. — Ещё два получишь, если проведешь меня к этому твоему торговцу.

— Идёт, — Кесада потянулась за жетоном, но замерла.

— Что–то не так?

— Мне нужно одеться.

— Бельё можешь оставить тут. Мы ещё вернемся, — похотливо подмигнул Эрнест и дождался в ответ искреннего хихикания. Но в душе — откровенно поморщился. И это гадливое чувство откровенно перебивало отличное постельное послевкусие и предвкушение цели. Которая находилась где–то в этом здании. На расстоянии вытянутой руки.

Глава 4.3. Часть первая

Место: Бесильня, Старый Город.

Локация: Мужской клуб «Игни», переулок 15b, дом35. Третий этаж.

Время: Вторник, 19–02.

Токала собралась очень быстро. Эрнест отдал должное — так быстро не одевался во время службы в патруле. Даже по сигналу тревоги. Короткий поцелуй, блокирование комнаты, лифт. Кабинет «триста двенадцать», условный стук. Слегка приоткрытая щель. Небритое и помятое лицо.

— Джонни, это я. Тут есть… человек, который хочет с тобой увидеться.

— Хочет и хочет, мне плевать, у меня деловая встреча, — отрезал дилер и попытался закрыть дверь. Однако в щели уже был ботинок Эрнеста.

— Приятель, у меня есть пропуск в мир деловых встреч, — проникновенно выразился он и вытащил «бусину» на свет божий. Некоторое время Джонни Беннет раздумывал, затем открыл дверь.

— Заходи. Изабелла останется снаружи.

— Как скажешь, — пожал плечами А. Н.

Кабинет третьего этажа выглядел куда более скромно. Но только на первый взгляд. Мебель — менее крикливых расцветок, в наличии столик и несколько кресел (кожаных, разумеется). Минибар — таких размеров, что приближался к полноценному бару. Отдельный шкафчик с вином. В общем, действительно кабинет для деловых встреч определенного рода.

— У меня мало времени, — грубовато бросил Беннет, взяв бокал с коньяком. — Выкладывай, чего хочешь и в каких количествах.

— «Карандаши».

— Этого добра у меня хватит на контору писцов, — усмехнулся дилер. — Сколько?

— Для начала, пожалуй, по ящику разных цветов.

— Не многовато для залетного любителя шлюх?

— Самое то. У меня небольшая команда из ветеранов, и мы зарабатываем стартовый капитал.

— В Бесильне даже не стоит пытаться, — сумрачно ответил второй хозяин кабинета. — Все четыре СБ лютуют, хотя и закрывают глаза на наши мелкие шалости.

— Я сюда лезть не буду. Большие деньги, большие люди и нелюди — зачем оно мне нужно? Подумываю о Мыловарнях. Там,

слышал, был знатный шорох, может ухвачу квартал–другой.

— Мне твой бизнес–план ни к чему, — огрызнулся Джонни. — Кто может поручиться за то, что ты не безопасник?

— Винни из Лесопилок, — буркнул А. Н. Винни, мелкий и опустившийся мафиози, был крепко должен Эрнесту ещё со времен службы в патруле.

— Винни… — поморщился «второй». — Не думал, что он жив.

— Мы наведем справки о тебе, как там тебя,

— Игнацио Эрнест.

— Да хоть Эммануэль. Лучше покажи чем платить будешь. Мне в руки.

Эрнест достал «бусину» и кинул в руки пушеру. Тот передал напарнику. «Железо» в кисти засветилось, выбило из пальцев ультрафиолет. Над ладонью стали сверкать короткие, тусклые молнии. «Бусина» взлетела над кожей. Дорогой имплант, уважительно подумалось Эрнесту. Хорошо, что эта подделка — лучшая среди всех, которых он видел. Даже в лаборатории «АгниКорп» разбирались три часа, прежде чем поняли, что к чему. А уж импланту для экспресс–анализа валюты такую не взять вовек.

Наконец, «железо» погасло. Наркодельцы переглянулись, и в их взглядах А. Н. уловил то ли жадность, то ли уважение. А то и всё сразу.

— Итак, друг, какие цвета тебя интересуют? — небрежно осведомился Беннет, умело скрывая жадность.

— Смотря какие у тебя есть, — вернул небрежность Эрнест.

— Все, — веско ответил делец

— Все?

— О, да. Ставрос?

— Да, всех наберется. Ну разве что, — поименованный Ставросом потер бороду, — оранжевые. Их раскупают слишком активно. Но если готов подождать два часа — я свяжусь с кладовщиком и он раскидает, что почём. Иначе — через полчаса подходи к проулку за таким же домом на 14b.

— Только принеси ещё одну «хозяйскую» штучку, — подал голос Беннет. — Сам понимаешь — товар недешев, и мы и так тебе делаем хорошую скидку.

Эрнест почесал в затылке.

— Меня это устраивает. В целом.

— В целом? — саркастично брякнул Беннет. — Падопулос, нами недоволен клиент.

Ставрос скорчил вежливую мину. Эрнест проигнорировал явную насмешку. Не сейчас.

— Нужно обговорить детали, — кивнул А. Н. — Я приду с

напарником. Вы приходите вдвоём. Амбалы останутся вне переулка.

— А у тебя они есть?

— О, да. Или ты не слушал мой бизнес план? — поднял бровь Эрнест. И дождался хмурых кивков. Торговцы дурью подозревали подвох. Но они ещё не представляли, какой.

Лэндинг: ОБОРОНА от мелких тварей

Заголовок: Пушер пойман в водных садах

Одобрено Хозяевами: нет

Доброго–ого вечера, перцы!

А у меня для вас пренеприятная — или всё же ультра–, мега–, гиперприятная новость. Задержан не кто–то там, а ПУУУУШЕР!

Очередная мелкая тварь, червем сидящая на теле нашего возлюбленного Города, задержана. Казалось бы, что с этого нам, достойным жителям населённого пункта? Да вот только, скажу вам я, я и именно я, что задержали его в Водных Садах.

Да, прямо в сердце «лазурной» части города, где великодосточтимые «хозяева» и их приближенные отдыхают от денных тревог и забот. Возможно, юные старлетки, барахтающиеся в минеральных водах Садов и возмущены, но молчат в тряпочку, как последний асакку, ведь пушера, пойманного «Нокс», увели не кто–то, а стражи «хозяев», утащили в Цитадель и с тех пор его никто не видел. Как знать, возможно именно его крики вы услышите с очередным порывом ветра…

Но это всё лирика. А физика, перцы мои, в том, что наш город погряз в наркоте ничуть не хуже, чем в ксеносах. И я говорю не о досточтимых «хозяевах», почтенных урдалебкху или нас, порочных и полезных людях. Палочники поставляют в обход всех таможенных пошлин «карандаши», джосеры поставляют «сладкую смолу», а грязные экспаты рода людского из неведомой нечисти доят «спидолу». И это мы не вспомнили ещё про «серебрянку»…

Нет, нет, перцы мои, этот мир не идеален.

Но подумайте, не становится ли легче лесу после низового пожара, сжирающего сорняки и слишком агрессивную поросль?

Не стоит ли нам

<ОШИБКА ЧТЕНИЯ. ЛЭНДИНГ ЗАБЛОКИРОВАН ХОЗЯЕВАМИ. РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАТЕРИАЛА БУДЕТ

Эрнесту потребовался час на всё про всё. Быстрый, почти животный секс с Изабеллой, которой он зашёл оставить жетоны, да как–то и остался. Покинуть заведение, оставив щедрые чаевые. Поплутать по узким улочкам Бесильни, сбросить неумелый хвост. Два амбала и скользкий тип — неплохое трио для бандитских разборок. Но не поиска детектива, умеющего заметать следы.

Затем — прозвонить друзей и коллег. Особенно — Ганса–Ове, чей нейрошокер очень может помочь в расколе некоторых особо упрямящихся личностей. Забрать микроарсенал у заранее оплаченного служаки, извлекшего рюкзак из ячейки «Игни». На такси попетлять в потоках, заработать лёгкую форму морской болезни. Наконец, приземлиться во всё той же Бесильне. Но — в трёх кварталах от означенного места встречи. Но — вооружённым, трезвым и очень серьёзным. Выйти, бросить взгляд на окружающие крыши. Увидеть слабо замаскированную лазпушку, за которым лежала гигантская туша.

Хмыкнуть. Пройти в арку. Встретиться, наконец, с оперативником и «Сынами». Родное для А. Н. отделение, увы, частично было сражено тяжелым похмельем. Французы в этот раз были ещё более хмурыми, чем обычно. Они набросили длинные плащ–палатки на броню, а шлемы и вовсе спрятали невесть куда. Поручкаться со всеми собравшимися.

— Франсуа, не забудьте накинуть капюшоны, — буркнул Эрнест вместо приветствия. — Ваши бороды светятся за несколько кварталов.

— Не бойся, камрад, не первый раз, — хмыкнул француз. — Скажи лучше, что от нас требуется кроме пафосного позирования?

— Огневое прикрытие, — коротко ответил Эрнест. — Если увидите меня и коллегу падающими плашмя — валите их прикрытие. Но как минимум парочка дилеров нужна мне живой. Особенно горбоносый. Он — неизвестная величина и может выдать что–то особенное. И в драке, и в переговорах.

— Принято, обеспечим лучшим образом, — кивнул Франсуа.

— Ганс, ты изображаешь спеца.

— Так вот зачем ты велел мне полевой анализатор притащить.

— И для этого тоже, — уклончиво ответил А. Н. Анализатор играл важную роль в теории пыток, но на этой практике Эрнест его ещё не применял. Пока что.

Нахт коротко кивнул и отошёл в сторону, стреляя глазами во все стороны.

— Снайпер твой?

— Конечно. Я не мог оставить крыши без присмотра, а надежных людей на ранцах у меня пока нет. — Франсуа бросил небрежный взгляд в сторону переулка. Пожевал губами. Негромко буркнул, мотнув бородой в сторону жерла переулка. — Твои клиенты, кажется, на месте.

Действительно, в середине узкого проулка между домами стояла знакомая пара. На пушере в этот раз была украшенная крикливой светящейся вышивкой кожаная куртка, оптовик предпочёл менее выделяющийся бежевый тренч. Видимо, опыт давно убедил его в полезности незаметности. Эрнест не мог не согласиться с ним. Во время рейдов патрульные именно любителей меховых шуб, кибернейронных пальто с гибкими экранами фас–анфас–профиль хватали в первую очередь. А — и старомодных любителей костюмов–троек из эрханского переливчатого шёлка. Выходцы из низов очень любили транслировать окружающим свои деньги.

Чем службы безопасности очень активно пользовались. В том числе — и «Агни Корп». Да и вообще любая СБ, которая получала деньги за что–то большее, чем охрану бара в «Бесильне».

— Ганс, — мотнул головой в сторону проулка А. Н. Детектив нехотя двинулся. Он вообще молчал большую часть встречи, что было не слишком на него похоже. Не доверял французам? Вполне возможно. Впрочем, немец не прижимался к стенам, когда «Сыновья» прорывались сквозь набитое торчками здание…

— Чьим словом ты поручился? — тихо осведомился немец, когда они отошли от прикрытия на пять шагов. Он не уточнял, когда именно Эрнест должен был поручиться. Впрочем, вариантов ответа особенно и не представлялось.

— Винни, — так же тихо буркнул Эрнест и услышал шипящее немецкое ругательство.

— Чёртова итальянская свинья. Жадная и трусливая. Молись, чтобы он не решил тебя продать подороже, — негромко прокомментировал ругательство Нахт и зашагал чуть быстрее, не вынимая рук из карманов.

А. Н. промолчал. Как и большая часть человеческого населения, в богов как всемогущих личностей он не особо верил.

Прикрывали наркоторговцев пять весьма мутных личностей человеческого рода, одетых не менее крикливо, чем Беннетт. Даже слишком. Будь сейчас Франсуа или новоиспеченный младший офицер Ленни на патруле, то при первом виде он начал бы «вязать» всю группу, а потом разбираться, кто и зачем решил просто постоять у тёмной улочки. Хотя нет, одернул себя Эрнест, не пять. Шесть. Джосер на стенке, прикрытый пожарной

лестницей, вряд ли решил отдохнуть там случайно.

— Игнацио, — негромко проговорил Ставрос

— Ставрос, — склонил голову Эрнест.

— Неплохие быки. Твоя бригада или наемники? — ткнул подбородком державший руки в карманах Беннетт.

— Часть бригады, — усмехнулся А. Н. — Не поймите меня неверно, джентльмены, но я настаиваю, чтобы мы все с вами держали руки на виду. Мой снайпер очень нервный. Посттравматический синдром — дело такое.

Дилер показательно медленно вытащил руки и показал пустые ладони каждому участнику встречи. Включая собственного оптовика.

— Приступим к делам или дальше будем распинаться? — неожиданно хриплым голосом произнёс Нахт. Парочка «коллег» кивнула. Ставрос подал голос:

— Мы достали по ящику эмне. — Грек помолчал и добавил: — как ты и просил, каждого цвета. В том числе — эксклюзивные модели. За пределы нашей зоны они выходят редко.

— Дашь убедиться в качестве? — осведомился Эрнест, игнорируя информационную «приманку». Клюнул бы — и быки тут же дали бы залп. Ведь ни один детектив не пройдёт мимо информации о зонах влияния неведомых наркобанд.

Ну, в теории. А вот дельцов всегда в первую очередь интересуют приземлённые вопросы. Например — вопрос оплаты.

— Сначала — «бусины».

Эрнест медленно расстегнул тренч. Сунул одну руку во внутренний карман. Сначала звякнул мешочком там, затем вытащил его на всеобщее обозрение. Достал из мешочка две «бусины» (всё те же высококлассные подделки неизвестного происхождения) и кинул их торговцам. По одной. Ставрос сразу вставил в глаз полимонокль. Универсальная вещь, с уважением подумалось А. Н. Беннет просто глупо вертел «бусину» в руках. Видимо, такие большие деньги он держал крайне редко. Впрочем, Эрнест вообще кроме своей и конфискованной с месяц назад у крупного коррупционера (человек, бургомистр района, сдан хозяевам, дальнейшая судьба семьи неизвестна) — тоже.

— Мой человек может осмотреть товар?

— Да пожалуйста, — рассеянно буркнул грек. — Выбирай любой ящик. Они у стенки.

Всё его внимание завладела подделка, которую он медленно прокручивал в пальцах. Из шеи даже выдвинулся имплант универсального бесконтактного сканера. Впрочем, за него Эрнест был спокоен, словно джосер в засаде. Ведь сканеры СБ (а из шеи выдвинулся именно он) не смогли сказать точно, что в «бусинах»

было не так. Поэтому их и повезли в лабораторию после того налёта. Так и не поняли.

Ганс–Ове, ворча, подобрался к ряду длинному ряду контейнеров. «Быки» и Беннет напряжённо наблюдали. Немец прошёлся вдоль стенки. Хмыкнул. Ткнул в третий ящик с того конца, что был ближе к Эрнесту.

— Этот.

— У нас самообслуживание, дружище.

— Я настаиваю, — мягко возразил Нахт, выставляя ладони перед собой. — Фугасы на растяжке никто и никогда не отменял, старина.

— Ветераны, — вздохнул Беннетт и отдал свою «бусину» Ставросу. Тот поднял взгляд, коротко кивнул и вернулся к изучению.

Джонни отодвинул защёлки и открыл полипластовую крышку. Внутри снарядными штабелями лежали «карандаши». На улицах за один такой ящичек пушер мог выручить сотню жетонов. Или — пять тысяч земных марок. А уж если знать рыбные места с порченной молодежью…

— Третий ряд, четвёртый карандаш.

— Ну ты друг, даешь… — пробормотал пушер, но подчинился и достал искомое.

Ганс–Ове чиркнул «карандашом» по коже, рассмотрел след. Достал склянку чего–то, капнул на острие. Смотрел на дым, который из фиолетового стал ярко–синим. Удовлетворённо кивнул.

— Всё в норме.

Эрнест достал трубку и принялся её набивать. Подошёл к Ставросу.

— Что ж, тогда мы подгоним фургон, если вы не против,

Грек вздохнул и убрал бусины. Достал «дерринджер» и выставил его в грудь А. Н.

— Извините, ребята, но цены у вас слишком привлекательные.

— Сами понимаете, лёгкий навар, он такой, — расхохотался Беннетт, наводящий гигантский хромированный пистолет на Ганса.

— Нам в спину заходят пятеро, — прошептал в ухо Франсуа.

— За нас поручились, — тихо проговорил Эрнест.

— Винни? Не смешите. Мы ему отсыпем тысячу и он забудет про этот маленький инцидент. А тела сожрут арахниды, им не впервой.

— И бригады не боитесь?

— На них уже наведены стволы, дружок.

— Ждём сигнала, — проговорил другой, очень знакомый мужской голос. Где же его мог слышать я раньше, подумал Эрнест, но смог только громко заметить:

— Что ж, вы мне не оставляете выбора.

Рвануть вперед, принять разряд спрятанной под рубашкой кирасой. Сыпануть угли из трубки в лицо, сместиться правее, получить в бок второй разряд. Почувствовать боль, заставить тело работать. Всё, следующие выстрелы — через пять минут. Перехватить трубку, утопив горячую чашку в ладонь. Ткнуть мундштуком в глаз противника. Повалиться назад. Увидеть алый луч лазерного луча, услышать хруст падающего джосера и частые хлопки дробовиков «сыновей». Перекатиться с матерящимся греком на спину, двинуть ему в скулу один раз, второй, схватить хилую руку. Вывернуть запястье и удерживать.

Краем глаза увидеть, как держащий пушера на кончике нейрошокера Ганс–Ове разворачивает его спиной к «быкам». Пропустить удар лбом в скулу. Ударить лбом в ответ, услышать глухой хруст и вопли. Пнуть в пах, пропустить мат мимо ушей, оттолкнуть руку схватить за горло. С неотвратимостью механической клешни душить, невзирая на бесцельные и частые удары, пока оптовик, наконец, не ослабнет, выключится и упадет на грудь. Отталкиваясь ногами, уползти с ним под прикрытие полипластовых ящиков. Увидеть развязку.

«Сыновья» плюнули на конспирацию. Один их боец уже сидел, зажимая рану на бедре, однако остальные в упор перебили всех бойцов противника дробовым режимом. Теперь вспышки лазерных разрядов методично выбивали уличных бойцов, а пытавшихся убежать точно срезала лазерная пушка. Через минуту выстрелы затихли. Всё было кончено, и только Ганс–Ове Нахт пинал воющего Беннетта.

<ПЕРЕДАЧА ДАННЫХ ПРЕРВАНА>

Глава 4.3. Часть вторая

Место: Бесильня, Старый Город.

Локация: Переулок 16b, окрестности домов 45,47 и 49.

Время: Вторник, 19–02.

Патрульный биобот прилетел и улетел после короткого отбоя Франсуа. Приезд труповозки тоже удалось отсрочить, так что пока «сыновья» шлялись по переулку и добивали тяжелораненых противников, неспособных ответить на какие–либо вопросы. А. Н. спокойно слушал сухие хлопки, но вид гигантов, добивающих арахнида топорами, заставил его высказаться. Хотя бы Гансу–Ове.

— И это ты мне что–то говорил насчёт несдержанности, — проворчал Эрнест, переворачивая на спину оптовика.

— Тебе, — проворчал Нахт, укладывая отключенного пушера у стенки. — Потому что нам повезло, что у тебя «бульдог», а не «ливерпуль», иначе бы ты ему мозг пропорол. У тебя аптечка есть?

— Нет, откуда?

Ганс–Ове вздохнул и вытащил из кармана шприц–тюбик с транком.

— Лучше возьми мой набор, — буркнул подошедший Гийом. — У меня полный комплект нужного, а не только транк.

Некоторое время Эрнест колебался, но принял аптечку «сына», заметив краем глаза поджатые губы Нахта. Что ж, обижается — и пусть. Биогель, транк и бинт — лучше, чем один транк, неизвестно сколько болтавшийся в карманах оперативника. И неизвестно откуда там вообще взявшийся. Может, немец изъял его у наркомана год назад, и до сих пор забывал выбросить. Про стерильность в таких условиях говорить было нельзя.

— Как там твои? — спросил А. Н., не поднимая головы. Биогель уже сформировал защитную корку на глазнице, оставалось только перебинтовать и вколоть «быка».

— Один «тёплый», остальные в норме.

— Языки взяты? — деловито осведомился Нахт.

— В количестве пятерых штук, — сухо ответил француз.

— Я знаю оператора?.. — начал было А. Н., на которого накатила волна понимания, но был грубо оборван.

— Знаешь, — отрезал Франсуа. Эрнест не стал развивать тему, но осведомился:

— Шума не будет?

— Нет. В нашей сети мероприятие проходит как мелкая профилактика. Что будем делать с грузом?

— Что и собирались. Забросим в грузовик вместе с этой сладкой парочкой.

Лэндинг: Golosearch

Заголовок: БЕЗОПАСНОСТЬ НРАВОВ. Новый голосериал на ваших голоэкранах

Одобрено Хозяевами: да

<звуки, разрывающие барабанные перепонки>

<звуки выстрелов, перемежаемые сценами погони людей за ксеносами и наоборот>

Одетый по последней моде Монтаука (яркие цвета, классический покрой) хлыщ с избыточно длинными усами заглядывает в призмелившийся спортивный мобиль и спрашивает:

— Кто вы такие? Это частная собственность

Механодендрит выплывает наружу. В нём — чеканный жетон службы безопасности, играющий монографической голограммой. Камера отплывает, и зрителю виден опоясанный серебряной цепью биоскафандр на переднем сидении. Он провозглашает:

— Мы есть. Безопасность нравов. Я полагаю.

Диктор: — От создателей «Воина пустыни!»

Смена кадра. Играет медитативная электронная музыка в стиле «новое старое ретро». Зрители наслаждаются водной гладью водохранилища Сиппар, по которому несётся длинный катер. На заднем сиденье развлекаются с коктейлями красотки. На переднем небрежно курит сигару человек в пиджаке поверх футболки. Рядом — лангус в биоскафе засыпает окрошки фазиса в воду.

— Забытая революция в мире трукрайма!

Перестрелка. Временами непонятно, кто в кого стреляет, но можно понять — лангус мастерски уворачивается от пуль. Новая смена кадра — человек выбивает дверь. Ещё одна — он приобнимает биоскаф и декламирует:

— Разве Монтаук не прекрасен?

Смена кадра. Раздетые красотке, на линии декольте которых — белый порошок. Диктор бесстрастно комментирует:

— Смогут ли в атмосфере порока два совсем не похожих напарника…

Смена кадра. Лангус, забравшийся на пришвартованную яхту, шарахается от асакку.

— Санни. Это асакку. Вопрошаю?

— Табскахху, познакомся с Элвисом!

— … остаться собой и выполнять свой долг?

Человек, после мощного хука правой из неудобного положения:

— Безопасность нравов, лечь на пол!

— БЕЗОПАСНОСТЬ НРАВОВ! На ваших голоэкранах — уже сегодня вечером! Проникнитесь атмосферой НАСТОЯЩЕГО расследования!

Падопулос очнулся уже в полёте. С момента прибытия в Город десять лет назад грек испытал немало неприятных минут. Извещение о наступающей депортации. Первый визит рэкетиров. Первая стычка конкурирующих рэкетиров. Вербовка в синдикат. Однако происходящее уверенно брало лидерство в его длинном списке. До этого он ещё не приходил в себя, будучи в воздухе. И с выбитым глазом.

— Ты поплатишься за это, грязная крыса! Я вырву тебе глаза и скормлю кордулам, прежде чем отдать…

— Рано мы кляп вытащили, — проворчал Нахт и запихал грязный ком ткани обратно в рот оптовому торговцу. Перед брыкающимся греком, прямо на ящик с товаром, сел Эрнест. Раскурил запасную трубку. Поморщился — она была практически необкурена и сильно горчила.

— Ставрос, — проникновенно начал он, едва сдержав кашель. — На тебе висит уклонение от депортации и неуплата налогов. Плюс продажа наркотиков в особо крупном размере. Плюс нападение на членов службы безопасности, повлекшее за собой ранение средней тяжести. За первые три нарушения ты отделаешься дисциплинаркой первой степени. Но вот если прибавить последнее — и тебя пустят на органы для биобота.

Повинуясь движению А. Н., Нахт вытащил кляп.

— Чтоб тебя урдалеб в глаз драл, щенок…

Его несло и несло, а Эрнест, вздохнув, кивнул одному из «Сыновей». Тот открыл боковую дверь фургона, около которой и сидел Падопулос.

— Знаешь, что это? — подал голос А. Н., не найдя в глазах торговца страха. — Это нейрошокер. Очень полезная вещь. Может парализовать, может заставить мозг дать сигнал на сердечный приступ, вызвать галлюцинации. Однако сейчас он настроен на страх. Семь из десяти. Такая мощность прошибет даже твои засранные транком мозги.

Во взгляде Ставроса наконец мелькнуло что–то похожее на опасение…сменившееся диким ужасом, когда шокер коснулся его

ударным концом. Разряды высветили густую сеть нервов, кляп не мог сдержать глухой истошный крик. Сухое тело грека выгнулось дугой, откинулось в сторону открытой двери, и только вовремя подоспевшие французы спасли ублюдка от падения с высоты пары сотни метров.

— Ставрос, ты не боишься биопереноса? Мы можем тебе обеспечить тебе демонстрацию твоего будущего в роли бота. Фал достаточно прочный, чтобы удержать твою тушку в воздухе. Ну что, полетаем, или ты всё же сдашь склад и поставщика?

Торговец замер, раздумывая, но Эрнесту было плевать на промедления. Он ударил ещё раз шокером, выслушал вопли и скомандовал «сыновьям»:

— Ставьте его в очередь. Мы летим над Ямами, и там не удивятся трупам, падающим с неба. Я не верю, что из всей пятерки найдётся доходяга, желающий рассказать что–нибудь. Ставьте их всех, попробуем поговорить.

Французы деловито поставили на колени всех выживших в перестрелке. Шестеро. Не пятеро. Легкораненные вперемешку с целыми. Самый крупный — первый. И Ставрос — как бы «случайно» последний. Чтоб успел увериться в том, что время есть.

— Расскажи, кто поставлял вам товар.

В лицо полетел объёмный и несколько вонючий плевок. Эрнест утёрся и достал из кобуры лазпистолет.

— Ответ неверный, — хмыкнул А. Н. и всадил разряд точно в бульдожью челюсть «быка». Заряд был малым, так что в теории амбал мог выжить. До того, как Эрнест пинком отправил его вниз. К «Ямам». Не теряя времени — спросить следующего:

— А что насчёт тебя? — и услышать мрачное:

— Не узнаешь.

Удар нейрошокером. Стерпеть вой на повышающейся ноте. Судороги, скрежет зубов и вонь мочи. При первом же затихании спросить:

— Поставщик?

— Н..нее…

Недовольно буркнуть:

— Ну и катись к чёрту! — выкрутить шокер на максимум. Выслушать десять секунд безумных воплей. Стерпеть аромат пережжённых нервов. Вытолкнуть за борт всё ещё дрожащий труп.

— Камрад, не спеши, а то пленники закончатся, — несмело спросил кто–то из–за спины. Вроде даже — искренне, хотя сценарий Эрнест выложил заранее. Без деталей.

— Ну так пусть поговорят со мной, — яростно тряхнуть головой. — А то как кидать честного торговца — так все за. Итак,

что насчёт поставщика, — повернуть голову к третьему с конца. — Поставщик? Имя! БЫСТРО!

— Его… его зовут…

Рявкнуть:

— Ты не знаешь ничего!

Щелчок лезвия раубтира. Шипение и бульканье дыхания через разрубленное горло. Гулкие хрипы. Коротко выругаться, ударить раубтиром. Отрубить кисть незадачливого бандита, увидеть новую, ещё более глубокую рану на горле допрашиваемого — с показавшимися розовыми жилами и даже вроде чем–то белым. Замахнуться на ещё более кровавый, рубящий сверху удар. Сдержать ярость, просто ткнуть в живот. Вытолкать умирающего наружу. Повернуться к Беннету, ошарашенно наблюдающего за скатывающимся в безумие детективом. Прохрипеть:

— Ты. — Услышать панический вой пушера:

— Сдержите его кто–нибудь!

— Без обид, камрад, — флегматичное замечание Франсуа. — Мы только наемное прикрытие. Куда он спустит своё мясо — не наше дело.

— Имя?

Беннет давится, трясется, падает на колени. Наконец, вперед, дрожа, вываливается Ставрос и начинает что–то нести. На греческом.

— Мне кажется, камрад, он что–то хочет сказать, — заметил Франсуа.

— А я бы его ещё выкинул, — сообщил Ганс, чьим шокером и доставалось одному из пленников. — В конце концов, у нас есть ещё один, куда более сообразительный, — он кивнул на Беннетта, дрожашего от страха и пытающегося выдавить хоть что–то.

— Прижать к стене — распорядился Эрнест, подходя ближе к пушеру.

— Я всё скажу, всё! Но только тебе и только когда вы закроете чёртову дверь!

А. Н. коротко кивнул. Дверь закрылась.

— Парни, все в переднюю часть отсека. Дилера туда же. Я поговорю с греком, — тихо сказал Эрнест, не выключая шокер. И не убирая густо залитый кровью раубтир.

— Мы заблокировали двери, — сообщил Франсуа, кидая выразительный взгляд на пленника и подправив ус.

Убедившись, что все ушли достаточно далеко, Эрнест вздохнул. Включил не так давно купленный скремблер, сел прямо на пол, поставил механизм перед собой.

— Не доверяешь своим, а? — затравленно сделал попытку

моральной интервенции Ставрос.

— Не доверяю, — ровно проговорил А. Н. — И тебе не доверяю, поэтому первое, что сделал — установил место жительства твоих детей.

— Сукин сын, — сквозь зубы процедил Ставрос.

— Так что подумай крепко, прежде чем называть адрес. Вдруг ты ошибешься. Случайно, конечно. И тогда твари Ям снова увидят дождь из людей.

— Не ошибусь, безопасник, — буркнул грек, буравя взглядом спокойного Эрнеста. — Если ты отведешь людей от моих родственников.

А. Н. подумал и кивнул. Достал коммуникатор, отстучал что–то по экрану.

— Готово. Мои люди двинутся к складу как только ты назовёшь адрес.

— Четвёртая литейная, строение три.

— Мыловарни?

— О да, начальник. Мыловарни. Плохие воспоминания, да? — оптовик глухо рассмеялся. Покосился на шокер. На раубтир и умолк.

— Падопулос, мне нужен не только адрес. Мне нужны имена.

— Я не знаю их имён. Не пойми неверно — они пользуются кличками.

— Какими? — быстро произнёс А. Н., не давая одуматься.

— Ну там, Сигара, Хлыщ, Вояка.

— И кто есть кто?

— Вояка в основном приходит и орёт. Даёт нагоняй начальству и уходит. Это бывает нередко.

— Приметы?

— Баллистическая маска его приметы, — усмехнулся Ставрос. Эрнест поморщился.

— Остальные так же?

— Да. Хлыщ одет в дорогой костюм. Предпочитает маску с нанопокрытием. Сам знаешь — её ничем не просветишь. Да мы и не пытались. Он проверяет недостачи и чтобы никто не болтал, — торговец помолчал. — Мой предшественник болтал.

— Где прикопали его, случайно, не знаешь?

— Знал бы — сказал его жене, — ровно ответил Падопулос и продолжил: — И наконец, Сигара. Тоже наномаска, костюм попроще, болтает меньше. Широкий, как кто–то из этих, — торгаш кивнул на «сыновей». Когда курит сигару, видно маленький шрам на подбородке, как будто кто–то его пырнул. Он если не на верхушке, то наиболее близок к ней.

— С чего взял?

— После его визитов вся верхушка синдиката бегала как угорелая.

— Стоп, — нахмурился Эрнест. — А ты назвал не верхушку?

— Нет. Я назвал лучше — тех, кто её держит за шкирку. Всех, Жирного Вильяма, Черного Джима, Виктора Робертовского. Всех. Всю вершину наркосиндиката «Литейная».

Вот оно. Джек–пот. Название синдиката, адрес, имена и, наконец, неведомые кукловоды. Правда, имело смысл уточнить кое–что ещё.

— Так что на Литейной?

— Операционный склад. Нам не говорят, сколько их ещё, но не один и не два. Наш снабжает только Старый Город и Бесильни, но я знаю точно, что ещё по складу обслуживают пригороды и трущобы.

— Вот как… а Новый Город? А Цитадель?

— Туда мы не лезем. Либо мне об этом не говорят — не забудь, я не директор. Так, торговый представитель, иногда залетающий выше необходимого.

— Тут ты прав, — хмыкнул Эрнест и подошёл к оставшимся безопасникам. Ганс–Ове оперативно, одним ударом в нужную точку, выключил вертевшего головой Беннетта.

— Ты узнал нужно? — спросил он, даже не сбив дыхание. А. Н. кивнул.

— Накроем их сразу?

— Сначала мне нужно проверить информацию. Высадите нас на окраине Мыловарен.

— У «Последнего дуста» что ли?

— Да, на задней парковке.

— Уверен? — с сомнением спросил Франсуа.

— У меня есть доступ к ботам–охотникам и лазерный пистолет. За меня не волнуйся.

— А с пушером что делать?

— Считай его подарком за оказанную услугу.

Франсуа медленно кивнул.

Грузовик медленно снижался над гудящим Инсектарием.

Глава 4.4

Место: проём между Мыловарнями и Инсектарием.
Локация: Район бара «Последний дуст».
Время: Вторник, 22–34

Ховер–платформа приземлилась в отдалении от «Последнего дуста», прикрытая от него опускающейся тьмой и идиотски стоящей отдельной стеной. Вероятно, оставшейся от первой попытки заселения проёма и последовавшей за этим бойни. Эрнест напоследок дал удар шокером оптовому торговцу, коротко попрощался. И двинулся к постройкам, едва не таща на себе оптового торговца эмне. Через некоторое, условленное время, безопасники взлетели, так и не включив опознавательный маячок. Оставалось только надеяться, что в этой сети зарастающих кустарником руин не найдётся ни одного любопытного глаза.

С другой стороны — всё же «Сыны» идиотами не были. Вряд ли они высовывались из дверей, а внешне грузовик — обычный развозчик грузов, которых в Городе тысячи. Да и кто будет бродить по проёму между Мыловарнями и Инсектарием почти в одиннадцать вечера?

Некогда этот район был хилым пригородом на четыре улицы и девять кварталов. «Хозяева» не рекомендовали селиться у места, получившего впоследствии название Инсектарий, однако жадность вкупе с близостью реки, заводских районов и трасс маглева дала о себе знать. Так возникли район Лесопилка и небольшой поселок по пути в Мыловарни, даже не успевший получить какое–то особенное название.

Через сорок лет после закладки первого кирпича в основание здание, нынче известного как печально известный бар «Последний дуст», произошел бунт джосеров. Не первый в истории, но первый — на памяти человеческого населения. Но Лесопилка, бывшая в те времена ничуть не больше означенного района, сорганизовалась и забаррикадировалась. Вовремя попросила о помощи окапи, и те с удовольствием принялись отстреливать почти прорвавшихся арахнидов. Несмотря на жертвы, Лесопилке удалось продержаться до прихода хозяйских «ша'ше». И очень злого ополчения людей.

А вот местные отпор дать не смогли. И полностью были пущены на переработку улья. Выжили совсем немногие. А после подавления восстания мало кто захотел жить на развалинах. Так, постепенно, здания стали ветшать, гореть от костров случайных бродяг, и в итоге — разрушаться. Двадцать пять лет назад, ещё когда Эрнест был младенцем, район сняли с охраны магистрата.

Он стал «чёрным», и тут можно было встретить любую человеческую и нечеловеческую гниль.

Однако даже гнили нужно было как–то взаимодействовать с цивилизованным миром. Окраины Мыловарни, отделенные какими–то семиста метрами пустыря, подходили слабо. Там — хоть и «красный», но всё же охраняемый СБ район. А глубины человеческих руин, как и Инсектарий, подходил ещё меньше для нейтральных встреч.

Именно поэтому бывшая почта на самой окраине развалленного района и была перестроена в бар. «Последний дуст», одно из немногих заведений Города, не имеющего сегрегационной метки любого цвета. Квартал вокруг него был единственным обитаемым местом на ближайшие два километра и местом, где можно было нанять любого подонка. Взломщика, особо злого беглого машиниста, костолома. И конечно же — убийцу. Или — стать их случайной жертвой.

Именно поэтому «Сыновья» и Ганс–Ове очень неохотно высадили Эрнеста на средней оживленности парковке «Дуста». Однако А. Н. бывал уже тут раньше и играл роль охотника за головами средней руки. Поэтому выход с закованным в ручные кандалы пленником, ошалело глядящим в стороны и пытающимся вытолкнуть кляп, никого не удивил.

А что охотник за головами свернул не в сторону «Дуста», а Мыловарен… до этого никому дела не было. Там, в руинах бывшего доходного дома, А. Н. освободил от брезента старый мотоцикл. Обычный, бензиновый. Шумный, без возможности летать и с копеечной максимальной скоростью. Зато — незарегистрированный и с коляской.

Несколько раз Эрнест резко разворачивался на пустых улицах, но слежки не было. Биоботы кружились над подсвеченными ульями джосеров, там же где–то носились ховер–платформы с усиленной огневой мощью. Окапи снова отбили рейд молодых арахнидов, но на этот раз решили устроить показательную порку семьи. Скоро там запылает.

До окончания Четвёртой литейной дошли молча. А. Н. слушал, не разданется ли сзади тихого шелеста кордула, цокания окапи или же старых–добрых человеческих шагов. Но слышал лишь завывание ветра, несущего грязно–жёлтую пыль по старому, обесцвеченному асфальту.

Ставрос Падопулос же был ограничен в словах комком ткани во рту, поэтому в коротких «Мпрфх» Эрнесту слышались лишь множественные междометия и ругательства.

И только зайдя на территорию Мыловарен, Эрнест выдернул покрытый слюной кляп изо рта Ставроса и рассоединил жесткие

наручники.

— Дернешься лишний раз — убью, — сообщил А. Н. негромко, демонстрируя пистолет. Нормальный лазпистолет, не «дерринджер».

— Я же тебе не нужен! Отпусти, безопасник! — прошипел Падопулос.

— Нужен. Покажи мне ближайший к вашей бухгалтерии проход. Дальше я справлюсь сам.

— Он охраняется так, как тебе не снилось. У нас повсюду камеры, датчики движения, даже один биобот есть.

— Биобот? — насторожился Эрнест. — Откуда?

— Он списанный, — протянул Ставрос. — Уже кожа слезает, как с древнего дивана, а всё ещё летает. Сомневаюсь, что он сможет отлететь от ангара дальше, чем на квартал.

— Охотник или разведчик?

— Разведчик. Огневой мощи там и так хватает. Личинка нужна скорее чтобы припугнуть залётных налётчиков.

— Хорошо. Тогда покажи мне, у какой стенки находится бухгалтерия.

Ставрос и видом покорности судьбе повёл его вокруг квартала. Наконец, они подошли к искомому складскому комплексу, не доходя с квартал.

— Там. Прямо за коммутаторным шкафом.

— Отлично. Ждешь меня тут.

— Ни за что, я скорее…

Что «скорее» готов был предложить Ставрос, Эрнест не услышал. Да и не собирался слышать — он одним ударом отправил его в нокаут. Затащил за гору железного хлама, заковал в руки и ноги. Вернул в рот кляп.

— Извини, дружище, но так будет спокойнее, — приговаривал А. Н., пыхтя.

Разумеется, ни о каком лобовом штурме Эрнест даже не помышлял. Он не просто так вскрыл тайник — в его рюкзаке хранилось множество козырей. Одним из таких козырей была форменная куртка «Takashi Intercomminications», обеспечивающей связью больше половины пользователей в городе. Конечно, коммутационный шкаф вполне мог и не принадлежать «TI». И уж явно не имел отношение к складу. Но какую–то фору по времени он даст.

Уверенным шагом подойти к шкафу. Вскрыть универсальным инженерным ключом шкаф. Удручённо покачать головой пыли и сгоревшим схемам. Достать и приладить нечто, выглядящее как автоматизированный щуп для кибернетических систем. В реальности это был лазер, совмещённый с хитрой системой

закладки и маскировки «жучков». Хитрая машинерия, созданная под заказ одним умельцем–окапи.

Вывести на голографический модуль коммуникатора схему и показательно чесать в затылке, пока таймер в углу глаза отсчитывает время до гарантированной закладки следящих устройств. Четыре минуты. Ткнуть вольтметром, покачать головой. Плевать, что он ничего не показывает и не может показать, главное — не выходить из роли. Три минуты. Краем глаза заметить, что из калитки в стене выходит «бык» и окликает:

— Парень. Парень, чёрт тебя дери!

— Да, да, вы что–то хотели?

— Ты чего там копаешься?

— Этот шкаф состоит на балансе Такаши Интер…

— Я в душе не деру, на чьем балансе он состоит, но эта частная территория. Какого чёрта ты копаешься в частном шкафу?

— Мужик, я человек простой, меня направили, я и пошёл, — Протянуть удостоверение (почти настоящее). Минута.

— Ага, знаем мы этих простых мужиков, — не глядя на печати, буркнул главный. Тридцать секунд — Шомпол, Стабс — обыщите его,

Дальше время потянулось куда медленнее. Спокойно подпустить, держа руки на виду, чтобы бугаи подрасслабились и попредвкушали трёпку работяги, зашедшего не на ту территорию. Пятнадцать секунд. Услышать окрик главного, слушающего «улитку»:

— Что? Мы никак не относимся к «Такаши»? Парни…

Процесс завершён. Едва эти слова высветились в углу глаза, а начинавшие «включаться» бугаи потянулись за оружием, Эрнест отточенным месяцами службы в Патруле движением выдвинул ручной клинок. Ощутить укол лазерного выстрела из «дерринджера». Предупредительный. Должен был пропороть в плечо. Видимо, не увидели раубтир. Что ж — их проблема.

Откинуться в сторону. Дождаться второго выстрела. Рвануть вперёд. Ткнуть в шею ближайшего врага. Пнуть в пах второго. Прикрыться оседающим, пока Главный палит из кинетического пистолета. Всадить четыре разряда из лазпистолета. Не проверять, убита цель или нет. Активировать механизм саморазрушения в «щупе», разрядить батарею в выходящих бугаев.

Услышать грохот открывающейся крыши. Вой и треск старого биодрона. Перезарядить батарею, снова прижаться к стене. Увидеть облезшую округлую тушу, едва ли не чешущую крышу. Заметить хоботок лазерной пушки. Убедиться, что торгаш

обманул — дрон–охранник был вооружён. Припустить быстрее, нырнуть в переулок, пробежать под балконами и пожарными лестницами, услышать треск и шипение попаданий нелегального подвесного вооружения, резко нырнуть назад. С удовлетворением услышать сбивчивый вой — старый дрон сделал кувырок в воздухе, не в силах компенсировать торможение старым, сбоящим вычитателем массы.

Перепрыгнуть через один забор, другой. Наконец, оказаться в искомом проулке. Мотоцикл цел и невредим.

А вот Ставрос лежал с отрезанной головой.

— Сссука… — протянул Эрнест, но не стал миндальничать. Завёл мотоцикл и прибавил газ, даже несмотря на грохот, сопровождавший попытку древнего биобота взлететь из захламленного железом переулка.

Его никто не пытался преследовать. А дрон через три минуты попыток выбраться отключился — сели батареи.

Лэндинг: Чёрный листок

Заголовок: Стрельба в Старом Городе!

Одобрено Хозяевами: да

Добрый вечер, зрители!

Активно жестикулирующий и весьма неформально одетый ведущий берёт быка за рога и начинает говорить сразу же, как заканчивается заставка.

— Мы напоминаем вам, что вы и именно вы можете стать нашими соавторами, просто сняв то, что происходит у вас за окном! Прямо как хартиец Николас С., который получает свою тысячу марок за это видео! Старый город, уважаемые зрители, чуть в стороне от Бесильни!

Камера едва выглядывает над подоконником. Видны четверо, негромко переговаривающиеся вдалеке. Поблизости поигрывают кинетическим оружием громилы в очень кричаще выглядещей одежде. Громкий шёпот комментирует.

— Разборка двух картелей! Даже джосера притащили!

Громкая и очень холодная фраза:

— Что ж, вы мне не оставляете выбора.

Означенный джосер где–то с края кадра начинает двигаться, но уже через секунду падает. Где–то снизу рявкают дробовики. Камера трясётся, снимает облезлый паркет. Поднимается снова, чтобы заснять происходящее внизу. Арахнид бесполезно трясется пузом вверх.

Большая часть «быков» погибла, последний отстреливается, пока не вылезает слишком сильно и не получает заряд дроби от выплывшего гиганта в дождевом плаще с наброшенным капюшоном.

Кадр замирает. Возвращается «подпольная» студия, на этот раз рядом с ведущим — аналитик.

— Итак, Сэм, что скажете?

— Разумеется, это не разборки картелей. Они стараются делать свои дела подальше от зелёных районов. Я не могу сразу сказать насчёт погибавших, но вот их убийцы — печально известные профессионалы. Мы зовём их «пыльниками».

— Необычное название.

— Они прикрываются запыленными плащами, приходят из ниоткуда и возвращаются в пыль. Возможно, под плащом у них обычная одежда, но мы полагаем, что они оснащены устаревшими экзоскелетами — иначе бы пришлось поверить, что поголовно состоят из мужчин ростом выше стандартных двух футов…

<комментарий аналитика п.: они действительно имеют такой термин или только что выдумал?>

<комментарий аналитика к: действительно. сыновья просто не умеют обходиться без театральщины.>

Глава 4.5

Место: Старый город.
Локация: Таверна «У Гренн»
Время: Вторник, 24–28.

В бытность Эрнеста штурмовиком легендарной стодвенадцатой гвардейской пехотной терции где–то рядом нередко ошивались кирасиры. На базе или в пекле, на соседнем участке фронта или над тянущимися линиями пехоты на марше, но, так или иначе — неподалеку. Довольно безрассудный характер (видимо, внедрявшийся вместе с чипом боевого сопряжения) вкупе с внезапным появлением откуда–то с небес и всё таким же быстрым отступлением привело к появлению в среде пехотинцев устойчивое выражение «кирасирский налёт».

У выражения было несколько коннотаций. И сейчас А. Н., большими глотками заливавший раскаленную говядину (и, как следствие — желудок) ледяным пивом, разгребал именно негативную. Последствия, если точнее. Последствия ярости, лёгкого безумия и чертовски сильного азарта.

Он не вернулся в свой участок. Рванул сразу в централ. На базе сразу нагрянул к начальнику оперативного отдела. Выложил все карты на стол и сразу, дескать, так и так, возможно накрытие крупного наркосиндиката. Получил соответственную реакцию: мелко трясущееся правое нижнее веко, громкие отрывистые фразы, судорожно сжимающиеся в кулаки и пытающиеся набрать нужный номер на «улитке» руки.

Впрочем, возможно, Ковальски просто уже представлял, как получит «большую бусину» за явный стратегический успех. И было с чего. Как объяснил посмеивающийся Ганс–Ове, отиравшийся неподалеку, не так давно «хозяева» поставили СБ на вид отсутствие оперативных успехов именно в данном деле. По шее (не факт, что в фигуральном смысле) получили все — владелец АгниКорп, оперативный директор, директор службы безопасности… естественно, все вышеуказанные и даже не указанные лица выразили своё глубокое неудовольствие начальнику отдела.

А тут — как по заказу. Сильно уставший Эрнест, требующий санкции на силовую операцию и штурмовиков. Размахивающий декодером к сетевому хранилищу накопленной информации. Спасение, одним словом и «спасение, и благоволение Хозяев», если четыремя. Во всяком случае, так казалось всем, и не в последнюю очередь — самому А. Н.

Зря.

Бюрократия не могла просто отправить Эрнеста к чёрту, не тот был случай, но максимально затянула согласование. Почему? Как полагал А. Н., эту тайну знали только мёртвые и живые боги. Виза Ковальски, виза очень уставшего Кюсте, виза Свериге (которого искали пятнадцать минут), виза Тиммермана. Которого искали полчаса и всё ещё никак не могли найти.

А время не думало останавливаться, и ровно через час после прибытия Эрнеста данные словно отрубило топором. Не то чтобы А. Н. был не готов к такому повороту событий — внедрение получилось слишком шумным — но всё равно. Вид оператора Пэрра а-ля «побитый щенок» сильно раздражал.

— Потеря сети? — мрачно осведомился Эрнест. Оператор сокрушенно покачал головой.

— Я бы ставил на глушилку. Но при определенной доле везения они могли уже доломать стену и найти жучок.

— Проверь коммутационный шкаф. Они не могли его миновать, если долбили снаружи.

Быстрые жесты кистей по видимой только оператору голопанели. Ещё несколько. Короткое ругательство.

— Отключён?

— Отключён.

Длинное, заковыристое ругательство Эрнеста.

— Мы можем пробить выезд как защиту свинского городского имущества? — встрял в разговор вездесущий Нахт. Пэрр заметно колебался.

— Эта часть Мыловарни — «чёрная». В теории…

— Так можем или нет?

— Только если будет вызов с нашей зоны ответственности, — сдался оператор. — С конкретным указанием места.

Эрнест сплюнул. Чего обычно не позволял себе в помещении.

— То есть от местного туземца, — уточнил Ганс–Ове. Поигрывая желваками.

— Не важно, — отрицательно махнул головой Пэрр. — Инструкции позволяют нам принимать анонимные донесения, ты же сам знаешь.

— Не знал, что и из «чёрных» районов тоже, — на ходу прокричал немец, выбегая из помещения.

— Куда? — заорал ещё ничего не понимающий А. Н. Дёрнулся следом. Остановился, почувствовал на рукаве плаща руку оператора.

— Подождите. Что–то мне подсказывает — скоро будет вызов, — едва слышно пробормотал парень, не отрывая глаз от голопанели, — поверьте чутью старого машиниста. Я попросил перенаправлять на меня сообщения о наркотиках с Мыловарни.

Прошло несколько очень нервных минут. Пять минут. Десять. За это время несколько раз вбегали матерящиеся на невесть где бродящего Тиммермана. А Эрнест изменил себе и выкурил на пару с Пэрром несколько сигарет одну за другой. Для трубки стояла слишком липкая атмосфера скорого ожидания. Скрашивающаяся только втихую матерящимися операторами.

Наконец, вязкую тишину отсека нарушил тоновый сигнал. Пэрр отточенным движением подсоединился. Спокойно ответил, зарегистрировал звонок. И — перенаправил вызов коллегам. Ложная тревога, старик сообщает о пушерах. Ещё пять минут и ещё один — звонок–угроза. Из сердца «чёрной» зоны Мыловарен.

— Давно их не было, — фыркнул оператор, отключившись и выслушав угрозы расчленения, изнасилования и измазывания в дерьме.

— Неужели так часто угрожают? — поднял брови Эрнест, не спеша забивающий табак в трубку.

— По десять раз за день, не реже.

А. Н. покачал головой. Он несколько впал в апатию, и даже очередной посыльный с новостями об отсутствии Тиммермана и неуступчивости бюрократов не вводил в ярость, как это делали первые. Просто кривил один уголок рта, в остальном оставаясь холодным изваянием. Впрочем, к моменту третьего звонка А. Н. слегка оживился и даже начал раскуривать плотно забитую табаком трубку.

— Службабезопасностиагникорп слушает, — быстро протараторил Пэрр. Помолчал. Что–то нажал, и в «улитке» Эрнеста прозвучал тоновый сигнал. Подтвердив наручной консолью готовность к оперативному мероприятию, А. Н. поднял глаза, и увидел довольного оператора.

— Это был Нахт?

— Нет. И не его голос, измененный программным обеспечением. Не знаю, где Ове нашел этого еле говорящего доходягу, но у нас есть точное указание места предположительного склада наркотиков. На четвёртой посадочной площадке грузится в ховеры штурмовой взвод. У тебя три минуты! — последние слова оператор кричал в спину рассыпающему тлеющий табак Эрнесту.

К тому моменту, как А. Н. добежал до «вафельницы», две ховер–платформы уже взлетели. Третья поднимала рампу, когда на площадку, размахивая значком, вбежал Эрнест. После заметной заминки пилот остановил подготовку ко взлёту. Дождался сбивчивых объяснений запыхавшегося детектива. Коротко кивнул и взлетел с места, как есть, с полуопущенной рампой.

Тройка платформ неслась на максимальной скорости. За иллюминаторами свистел ветер, винты натужно выли, но машина не могла выдать больше возможного. Где–то на полпути две пары дронов обогнали ховеры и понеслись к цели. Ударные и разведывательные биоботы должны были просканировать склад и прилегающую местность, а так же огнём не дать выйти всем подозреваемым.

— Сопряжение? — спросил детектива незнакомый Эрнесту командир отделения. Тот кивнул. Вскоре командир читал спешно набросанный А. Н. рапорт на штурм здания, а так же другие оперативные наработки из того числа, что оперативник счёл пригодными к гм, «разглашению».

Зёрна подозрений никуда не делись с начала дела. Иначе бы под рубашкой не пряталась пластинчатая броня (которая весьма смутила шлюху в «Игни»). Без неё в последнее время Эрнест чувствовал себя неловко. Как и без рюкзака, в котором прятались не только документы, но и комплект, лежащий сейчас на коленях у оперативника.

Компактный углепластиковый кейс содержал в себе множество «примочек» для лазерного пистолета. Глушитель, коллиматорный прицел, прицел с дополненной реальностью (для блока сопряжения). Но сейчас А. Н. интересовали три дополнения. Батарея увеличенного объёма, короткий приклад и сменный ствол. С этими тремя пунктами пистолет превращался в отвратительной, но — лазкарабин.

Который по боевым качествам ненамного, но всё–таки превышал таковые, находящиеся на вооружении у банд Города. Отсоединить штатный ствол, извлечь батарею. Присоединить приклад, длинный ствол. Подумать, присоединить коллиматорный ствол. Всё–таки ситуации бывают разные и чип сопряжения может и отключиться. Отрегулировать на дальность. Вставить сменную батарею последней под одобрительные взгляды штурмовиков, давно не видевших обстрелянных реальным огнём оперативников. Загнать последней в оружие увеличенную батарею.

Закрыть кейс и убрать за спину.

Что бы ни произошло — Эрнест будет готов. Только бы не плазменная винтовка, невпопад подумал он после очередного сотрясения ховера. Плазменная винтовка прожжет его желудок насквозь, а кинетической энергии хватит раскидать отделение. А ведь он так сегодня и не попил пива. И не поел мяса. Полуфабрикаты из банок утром — не считаются. Особенно — пиво.

Ховер плавно начал снижаться. Пункт назначения был совсем

рядом. А. Н. судорожно нащупал запасные батареи в рюкзаке. Рассовал по карманам. Лазер потребляет немного энергии, но всё же — потребляет. Лучше встретить писк опустевшего заряда, будучи наготове.

Рампа опускалась на бетон в относительной тишине. Гармонию нарушало только завывание двигателей и глухие стуки ботинок высадившихся минутой ранее отделений. Эфир разрывали короткие вскрики и отчёты.

— Первое отделение, контакта нет! — рявкал кто–то в «улитке».

— Второе отделение, контакта нет!

— Третье отделение, контакта нет!

Эрнест кое–как вывалился, держась позади бронированных мужчин в костяной броне со своим жалким подобием лазерного карабина. Двор склада был частично завален различным хламом. А его бетонный настил — покрыт свежими, всё ещё вонючими следами шин. Кто–то не так давно с визгом колёс стартовал отсюда, подумал А. Н. Он осторожно осведомился по закрытому каналу у взводного:

— Что докладывают боты? Есть кто в помещении?

— Пара десятков фунтов плоти, все в главном здании в одном месте, — сообщил немногословный взводный и скомандовал: — Тактическая схема «Штурм-1», вперед, пошли, пошли!

Вскоре штурмовики уже выбивали ручным гидравлическим тараном ворота. Ржавое железо сорвалось с петель, полетело внутрь и с грохотом коснулось покрытия. Пыльный воздух разорвали предупредительные выстрелы, лучи наствольных фонарей и крики безопасников:

— Проходит полицейская операция!

— Всем лежать мордой в пол!

— Оружие на землю, живо!

Вот только слушать красочные разглагольствования было решительно некому. Не только двор был пуст, но и бетонная коробка какого–то кустарного цеха была также пуста. Ни одного ящика с «веществами», только кое–где разбросанные случайно при эвакуации «карандаши» и пакетики с «серебрянкой». Ни одной живой души. Ни человека, ни джосера, ни даже дохлого наммунга. Только груда ещё тёплой говядины весом с пару центнеров шевелилась в центре здания под удивленные ругательства штурмовиков.

А чуть поодаль, на единственном оставшемся в помещении столе, показательно на середине столешницы, лежала отрубленная голова Ставроса. Осведомителя, чья наводка

оказалась такой же, как и большая часть шлюх в «Игни» — красивой, многообещающей, но сокрушительно разочаровывающей.

Остатков, лежащих тут и там на бетоне, хватило бы на десять лет каторги каждому из роты усиленного состава. Но роты не было. Во всяком случае — очно. Кое–какие следы, возможно, учуют Спецы. Однако без бухгалтерии можно рассчитывать только на грузчиков, кладовщиков и, максимум, десяток мелких сошек вроде покойного грека.

Даже поймавшие легкий кураж штурмовики знатно сквернословили, чего уж говорить об Эрнесте. Однако весь путь обратно, в участок, он перенес стоически. Молча. Точно так же молча перенес выволочку от Кюсте, который–де напомнил и довольно неформальные методы работы, и кирасирский налёт на склад. И, конечно же, пьянки.

— В общем так, — помолчав, начал медленно Папаша Стеф. — Ты слегка перегорел. Не по своей воле, я знаю. Это чёртово дело высасывает все соки из всей службы. Но и позволить тебе пороть горячку я больше не могу. Ты отстранён. Пистолет и значок сдай в арсенал.

— И надолго? — хриплым от долгого молчания голосом осведомился А. Н.

— Пока на неделю. По возвращению сдашь комплексный экзамен на соответствие должности. И вот тогда посмотрим, продлять тебе чёртов отпуск или нет. Не смей уходить в запой, слышишь?

— И не собирался, — хладнокровно, слегка побелев, ответил Эрнест. Он никогда не был запойным алкоголиком. Прямой намёк Кюсте был перебором, даже будь он не оперативным, а руководствующим директором.

Если мне суждено будет уйти — сломаю ему рожу, решил Эрнест и тугой узел гнева развязался сам собой. К счастью, Папаша не заметил душевных бурь оперативника. Или же — не захотел заострять внимание.

— А теперь гони с глаз моих долой, — проворчал Кюсте, извлекая из стола изящный хьюмидор.

Эрнесту стоило больших усилий сдержаться и не хлопнуть дверью. Однако зерно сомнений, уже давно съедавшее его изнутри, требовало хоть и холодного, но подчёркнуто вежливого прощания. И аккуратно прикрытой двери.

Лэндинг: Соль и перец
Заголовок: Беспочвенные проверки усиливаются
Одобрено Хозяевами: да

> В очередной раз так называемые службы безопасности проверяют границы своих полномочий. На этот раз эсбэ «Агни Корп», основываясь на анонимном доносе неизвестного (возможно, аффилированного) лица вломилась в склад, принадлежавший добропорядочному бизнесмену Гричкавиасу. Последующий трёхчасовой обыск результата не дал.
>
> Остаётся только спросить — почему у любителей побряцать оружием настолько много полномочий? <…>

В Старый город он пошёл пешком. Не таясь и не идя, как обычно, «змейкой». Прямо и с прямой спиной. Застрелят так застрелят, плевать, равнодушно думал А. Н, сейчас важно только наличие у Гренн пива и говядины.

И то, и другое в таверне было в наличии, разумеется. Мгновенно вылакав гигантскую, полуторапинтовую кружку, Эрнест решил всё–таки обратить внимание на сообщение, пришедшее ещё в середине уличного пути. Итак. Текстовое сообщение. От Франсуа.

«Осторожнее с разговорами, вне зависимости от степени близости или родства слушающих ушей».

Спасибо, очень ясно, подумал, вздохнув, А. Н., и уделив внимание говядине. Та оказалась традиционно адски горячей, так что пришлось ждать пива. А едва новая кружка оказалась поставлена на стол, «улитка» вывела на экран иконку срочного разговора. Эльм Свериге. Старому чёрту–то что понадобилось от оперативника? Они проходят не по его части, и Эрнест уже давно вышел из прямого подчинения шведа.

Видеовызов не входил в планы А. Н., но политес — политесом. Пришлось отодвинуть сковородочку и прислонить к кружке коммуникатор.

— На связи, — коротко отозвался детектив.

— Эрнест, — проникновенно произнёс Свериге. Казалось, он воспринял происходящее слишком лично.

— Эльм.

— Сынок, я слышал, какой разнос тебе устроил Стеф.

— Я тоже, — с каменным лицом сыронизировал Эрнест.

— Не остри, хотел бы добавить — начал бы разговор иначе, — тяжело произнёс Свериге. Оставалось только склонить голову в знак согласия и вины. И вздохнуть — не факт, что собеседник видел голопроекцию.

«Сержант» набрал воздуха и начал:

— От дела с наркокартелем воняет за версту.

— Знаю.

— Плохо знаешь, — огрызнулся Эльм. — Картелю явно кто–то льёт информацию и этот «кто–то» — не один и не два человека. Они могут сделать твою работу и твою жизнь адом. Хочешь бесплатного совета?

— Бросить дело?

— Я бы выразился так. Передать другому и посмотреть, кто же с радостью решит окунуться в наркодерьмо.

— Совет лучше, чем я ожидал — потёр небритый подбородок А. Н. — Я крепко подумаю над ним после следующей кружки пива.

— Не увлекайся, — проворчал Свериге и отключился. Без каких–либо прощаний.

В раздумьях, медленном потягивании хмельного напитка, беглом просматривании сети и прочих бессмысленных делах прошла половина часа. Эрнест уже думал допивать кружку и идти домой. Гуляющие в голове спиртовые пары дёрнули проверить один, уже довольно давно заброшенный чат. Никаких новых сообщений в нём не наблюдалось. Только последние, неотвеченные.

За этим мрачным занятием его и застал Марв. Гигант источал крепкий запах перегара, глаза за очками не прятал и в целом был настроен весьма весело. Едва поздоровавшись, опрокинул в себя остатки Эрнестова пива, заказал повторить по поллитра. Потрепал по плечу:

— А ну–ка, не дрейфь, шеф. Вчерашняя пьянка была не такой уж плохой.

— Зато день оказался ни к чёрту.

— Это ты не знаешь, какое у меня похмелье, — осклабил зубы оператор тяжелого вооружения. — Даже детоксикант не сразу убирает.

— Мне бы сейчас детоксиканта для настроения, — проворчал Эрнест, косясь на дородную официантку, несущую пиво.

— Ну так, шеф, вот его и принесли. За то, что мы пережили этот день!

А. Н. мрачно ударил своей кружкой в кружку безопасника. Белая пена слетела с кружек, потекла по рукам и на доски стола. Пришлось воспользоваться тканой салфеткой из числа тех, что висели в таверне на каждом стуле.

— База гудит. Поговаривают, что Кюсте успел доложить о возможном успехе наверх, и теперь «хозяева» могут пустить его на рушт.

— Главное, чтобы только его, — вяло откликнулся Эрнест. Пива он отпил совсем немного.

— Не бойся, тебя не тронут, — широко улыбнулся Марв.

— С чего ты взял вообще, что говорил я о себе? — быстро проговорил А. Н., резко подняв взгляд. Но не голову.

Впрочем, гиганта из Мыловарни то ли этим нельзя было пронять, то ли он прекрасно понимал настроение оперативника. Не переставая улыбаться, он взялся за пиво, но, взявшись за ручку, сначала заявил:

— Говорю же, база гудит.

— Как–то громко она стала гудеть в последнее время, — обронил Эрнест, сделав хороший глоток.

— Просто шеф, без обид, но ты общался, да и общаешься, совсем не с теми, кто болтает. Надо болтать с операторами, диспетчерами и секретарями. Вот там да, язык до пола. Так что и о твоём деле, и об отстранении знают все, кому не лень.

— Очень приятно, — саркастически ляпнул в душах А. Н.

— Зато теперь все прекрасно осведомлены не в официальных, так сказать, причинах, отстранения, а в твоей роли. Как ты копал носом землю при похмелье, как поставил на уши базу в целом и три отдела в частности, и как согласовывавших личностей пришлось искать по половине Города. Хотя должны были они находиться на рабочем месте.

— Тем больше соблазн спустить всё на меня.

— Нет, — помотал Марв головой, — поверь, у меня есть надежная инфа, что тебя не тронут «хозяева». Но источник раскрыть не могу,

— Не можешь так не можешь, без проблем.

— Вот и славно.

— А делопроизводители ничего не говорят на тему того… откуда вообще взялись тысячи согласований?

— Я спрашивал. Но мелкие сошки только выполняют очень упрямый отдельный приказ, пришедший устно и откуда–то сверху.

— Без точного указания?

— О да. А такое бывает крайне редко, поскольку Тиммерман любит за устные распоряжения драть жестоко, словно шлюху из Ям.

Некоторое время они сидели молча. Наконец, Марв решился нарушить тишину столика.

— Веришь или нет, но от этого дела разит дерьмом.

— Разило с самого начала, — усмехнулся Эрнест.

— Бросишь?

— Не совсем. Меня натолкнули на идею получше. Но она пока оформляется тут, — он постучал по голове пальцем.

— И лучше её особо не выпускать, — хохотнул гигант. — Я в

ваших оперативных реалиях разбираюсь слабо, но если все болтают в отделе так же, как секретарши — твоя стратегия разнесется за пару часов после того как ты её ляпнешь за стойкой.

— Кстати, о стойке. Тебе что–нибудь заказать? Я, наверное, расплачусь и спать. Тяжелый день был.

— Нет, — покачал головой Марв и неловко начал: — Слушай, Эрнест…

А. Н. замер на полпути. Сел. Оператор флогистона Эрнестом называл его всего несколько раз. И каждый из них предварял неофициальную, но отвратительную новость.

— Ты с той рыжей…

— Давно не общаемся, — отрезал А. Н.

— И слава богу, — выдохнул гигант. — А то я её видел сегодня с каким–то щеглом в Бесильне…

Эрнест спокойно пожал плечами. Попрощаться. Расплатиться у барной стойки. Отдельно заказать себе «ирландскую автомобильную бомбу», выпить коктейль на месте. На ватных ногах выйти и направиться в сторону доходного дома Стэнтора.

Дома его ждала бутылка джина и очень длинная ночь.

Интерлюдия 4

Место: Пустоши.

Локация: «Логово».

Время: Четверг, 10–25

Вызов пришел, когда Радим наконец урвал свободный час и вернулся к любимой аналитике. Статистический бот, в принципе, мог автономно обработать любую загруженную информацию, мог даже выделить системные аномалии. А вот несистемные — только собрать или записать. На остальное всё ещё, как триста, четыреста, пятьсот и шестьсот лет назад — нужен был аналитик.

Вот Радим сидел и смотрел за мозаикой, складывающейся в результаты. Кто и где сколько потратил денег. Электронных, физических. Человеческих, урдалебских, и куда более экзотичных. Даже «бусины» попадали в поле зрения всемогущей программы. Они хотя и не могли быть отслежены физически — но, попадая в свободное обращение, вели к скачкообразной активности, расходящейся, словно круги по воде.

Вот и сейчас кто–то в районе Бесильни спустил бусину. Аналитик потянулся к голоинтерфейсу — запустить просчёт вероятного портрета кутилы, но удивленно замер. Круги экономической реакции затихали сильно раньше обычного. Словно «бусина» была бракованной. Интересно. А возможно, что–то не так не с бусиной, а с продавцом? Выглядит как нечто крайне перспективное — новая, неучтённая фигура всегда вносит приятное разнообразие в череду из участков развития и кризисов.

В предвкушении Радим потянулся. Отхлебнул ройбуша, глубоко вздохнул. Нет, вкус этого непонятного заменителя был прекрасен. Но — не кофе. А его как раз нельзя, приписанный к отделу врач Организации настоятельно порекомендовал отказаться от кофеина.

— Итак, кто же вы, мистер Икс? — негромко пробормотал Радим, занёс руку для запуска уточняющей серии скриптов. Замер, почувствовав вибрацию в закрепленном на запястье коммлинке. «Улитка» бы его уже соединила, но с такого рода имплантом в голове вход в «Логово» был заказан любому. Даже мастеру.

Итак.

Тоновый сигнал.

— Отдел три–восемь, аналитик…

— Радим, — прогудел сухой голос. — Знаю. Жду тебя через двадцать минут. Прихвати отчёт… сам знаешь по кому. Отбой.

Аналитик вздохнул. Снова Третий. Снова говорить

неизвестно о чём. Радим бросил тоскливый взгляд на программу–бота, заблокировал доступ к голопанели. Схватил папку и, бросив на ходу нечто невразумительное коллегам, понёсся к лифту.

Скоростной лифт. Остаток одиннадцать минут.

Дверь заперта, зато гермоворота открыты. Сканирование тела, сканирование радужки, сканирование чипа, проверка биоматериала. Пять минут. Проверка наличия в списке. Три минуты.

— Мастер ждёт вас в малой книжной гостиной. Найдете дорогу сами?

— Справлюсь, — бросил Радим и припустил, стуча каблуками по паркету.

Справляться вышло как–то не очень. По привычке аналитик побежал к атриуму (три минуты), на полпути свернул к кофейне, неподалеку от которой располагались три литературных гостиной — большая, малая и средняя.

Минута.

Наконец–то. Малая. Радим едва сбил шаг, попытался выровнять дыхание, как услышал за плечом вкрадчивое:

— Никогда не понимал любовь Организации к норам.

Аналитик ответить не смог. Занимался восстановлением дыхания. Третий продолжил сам, размышляя вслух:

— Даже современные климатические машины, даже все релаксанты–трансляторы нелюдей неспособны заглушить атмосферу замкнутого пространства. Первое время я ждал выхода наружу как самого желанного события. М-да…

— Полагаю, — наконец выдавил Радим, — что в первую очередь место выбрано из соображения безопасности. Мы можем выдержать даже сосредоточённый удар с орбиты.

— Ну не секретности же, — фыркнул Третий, усаживаясь в обитое красным сукном кресло. — Иначе мы бы переехали в один из сотен небоскрёбов Нового Города и спрятались бы за безликой вывеской. Итак, — указал он на «случайно» оказавшееся кресло напротив, — что у вас сегодня?

— Начать со сводок?

— Нет, Радим, увы, но сегодня мы обсудим только ведомый вами проект.

— Итак. Как всегда, выжимка?

— Вы абсолютно правы.

— У нас отсеялось ещё около четверти кандидатов.

— Причины?

— Девять процентов отошли в мир иной. Направление действий ещё десяти заставляет нас предполагать, что они не подходят нашим ценностям. Три — вернулись в метрополию по

тем или иным причинам. В оставшиеся пять процентов вплетены различные мелочи. Дисциплинарные наказания, вербовка слишком радикальными движениями, психические болезни.

— Их всегда можно исправить.

— Только если не речь об омёлах, — с улыбкой парировал Радим.

— Хм. Не ожидал, что они настолько распространились.

— Подробный доклад я не подготовил, но имеется некоторая тенденция к их распространению. Рост числа инфицированных составляет за последний квартал один и четыре процента. Немного, но на треть больше средних значений за пять лет.

Мастер побарабанил по подлокотнику.

— Ладно. Итак, что по оставшимся?

— Мой отдел пока не пришёл к единому выводу, но у меня есть на примете примерно тридцать человек, которые готовы перейти на следующий этап. Правда, некоторые из них вовлечены в ситуации, потенциально способные свести наши усилия на нет.

— И какие же?

— Несколько локальных, но очень шумных стычек. Пара громких дел. Вовлечение в преступную деятельность любого уровня. От мелких банд до пары зарвавшихся корпораций.

— Одно другое не дублирует? Какие критерии разделения?

— Дело — это дело. Вероятность, что наш кандидат умрёт или отправится на рудники из–за тяжелого проступка. А вот преступная деятельность — это то, что несёт опасность само по себе, физическую, психическую или медийную. Так, одна девушка находится в двух шагах от вовлечения в большую биржевую игру.

— Старая добрая схема Понци или что–то хитрее?

— Сложная система игр на понижение и страховочных бонусов.

— Уже хорошо.

— Но если игра провалится — она окажется звездой дня.

— Что ж, не она первая — не она и последняя. Это дело сильно подорвёт экономику Города?

— На год примерно… на два процента.

— Прилично, — присвистнул Третий

— Слишком. Мастера будут против того, чтобы настолько сильно навредивший городу человек оказался в числе агентов.

— Мастеров оставьте мне, юноша, — прохладно отсёк руководитель.

— Понимаю.

Радим склонил голову. Действительно, его дело — донести свои выводы. А уж как с ними работать — не его дело.

— И много таких потенциальных кризисов ваш отдел нашел?

— Около пяти.

— Я уже сегодня услышал про три. Ещё два?

— Один я пока не сформировал. Но наблюдается циркулирование странно влияющих на людей «бусин».

— Они всегда странно влияют на людей, — буркнул Третий. — Да и не только на них, если уж на то пошло. Что же необычного конкретно в этих?

— Я пока не готов сказать точно, — уклончиво ответил аналитик. — Но мне не нравится их циркуляция в экономике. Она слишком нестандартная. Даже для «бусин».

— Ладно, готовьте доклад. А второе дело?

— Похоже, картель «Мыловарни» скоро лопнет.

— Это судьба любого картеля.

— Но этот в себя вовлек слишком много кандидатов.

— Сколько?

— Суммарно от семи до двенадцати.

Мастер повернул голову. На мгновение Радиму показалось, что глазной имплант его повелителя гневно блеснул.

— Откуда такой прокол?

— Несколько проколов и стечение обстоятельств тяжелой степени.

— Насчёт стечения обстоятельств пусть мне рассказывают провинившиеся кураторы.

— Виноват.

— Да. Почему ранее не сообщили?

— Ситуация не выходила из рамок обычной опасной.

— Допустим. Итак, что вы предлагаете?

— Троих кандидатов нужно выводить быстро. Минимум троих, потенциально в поле события окажутся до девяти человек. Неважно куда выводить, но крайне срочно.

— Их дела у вас с собой? Так… любопытно. Очень любопытно. Тот, что в самом центре бури, так или иначе, но переживет. А вот ещё двое — совсем на грани. И все трое — связаны. Любопытное сочетание судеб, очень любопытное…

Радим молчал. Как и всегда в таких случаях, он успокаивал себя — судьбы этих людей не в его руках. В руках Мастера. Остальное делают они сами или ведомые кураторами агенты. Но все равно — ожидание развязки где–то в глубине души нервировало. Кто знает, может в один день разговор состоится и по поводу его, Радима, истории.

— Радим, ты свободен. Сообщи моему помощнику, чтобы тот вызвал Баттла.

— Принято.

Радим с облегчением собрал те папки, что Мастер отложил

на журнальный столик, выточенный из цельного куска красноватого кварца. Коротко кивнул и быстрым шагом направился к гермоворотам. Баттл — это серьёзно. Вероятно, прежде чем вытащить, он даст бедняге вдоволь покувыркаться в крови и дерьме. Но если в итоге кандидат сохранит остатки разума — окажется отличным приобретением для Организации.

Хорошо всё–таки, что кураторы очень редко применяются для отбора аналитиков.

Увлечённый своими мыслями Радим не заметил, как Третий задумчиво перелистнул очередную страницу дела «Мыловарни» и пробормотал себе под нос:

— Кто–то, похоже, заигрался в демиургов. Ну ведь предупреждали же…

* * *

Место: Старый Город.

Локация: Район пирса № 9

Время: Вторник. 24:15.

Пирсы Города тянулись по обе стороны реки. Тяжелые баржи занимали нишу, всё ещё не занятую монорельсом, летающим и стратосферным транспортом — перевозки большого объема очень дешевого товара на любые расстояния. Они двигались вверх и вниз по реке, между обеими берегами и вообще — в любую точку, покрытую достаточным количеством водной глади.

Стальные коробки людей, аналогичные, но более рубленные «хозяйские», обтекаемые гиганты урдалебов и мелкие, непропорциональные корабли наммунгов и асакку. Все так или иначе нарушали спокойствие воды великой реки. Кораблями, своими телесами или же — трупами, привязанными к песчаниковому блоку.

В общем, река была такой же частью ежедневной жизни в Городе, как восход Трио из–за горизонта или постоянная угроза бунта арахнидов. Кто–то просто привык, кто–то — даже любовался водной гладью. Гильдеш Цагеров же не имел ничего против реки. В конце концов, он же был докером, и чем больше кораблей — тем лучше для его семьи. Сын и красавица–дочка плюс жена на восьмом месяце.

Однако сегодня Гильдеш имел все шансы присоединиться именно к тем, кто корабли видит где–то из района водорослей. Не стоило ему ставить на того велоцераптора. Ой не стоило…

Собственно, слишком активное вливание денег в ставки на скачки давно подрывали семейное благополучие. И обычно

Гильдеш возвращал долг. Однако в тот раз речь шла о кроватке малыша, и, скрепя сердцем, он попросил отсрочки. Судя по забитым электротату мутным личностям, привязавшим докера к стулу часом ранее, букмекер его заявку отклонил.

Десяток быков. Кто–то покрепче, кто–то — более хилый. Но все — забиты тускло светящимися электротатуировками и имеют в глазах неестественно злой блеск. Отморозки, одним словом, даром что у каждого второго нейрохлыст в руке.

— Значит так, папаша, — заявил тот из них, что выделялся откровенной худобой. — Ты возвращаешь уважаемому букмекеру Дадаину две с халфом тысячи марок. И никто больше не пострадает, усёк?

— У меня нет таких дефег, — прошипел Гильдеш сквозь свежую щель на месте выбитого зуба. — У меня фемья, её кормифь нуфно!

— Так привлеки к делу, — проникновенно под тихий гогот заявил тощий. — Сынок твой вполне может чистить обувь, а девочка… — он встал и подошел к шипящей и брыкающей Раухе, — девица уже вполне на выданье. Сочная, как «хозяйский» фрукт. Можем пристроить в хорошие места.

Рауха плюнула в лицо худому. Банда загоготала.

— Тощий, а кошка–то с коготками!

Вожак повернулся к отцу и состроил одобрительную рожу.

— Знаешь, папаша, а ведь такие тоже кое–кому нравятся… — он легко провёл ногтем от шеи и ниже, до ночной рубашки, оставляя красный след. — Неужели мне нужно её забрать, чтобы ты оторвал жопу от стула и нашел проклятые две с халфом тысчонки?

Цагеров поднял взгляд. В нём не было смирения — только ярость, но это совсем не смутило Тощего Барри. Юный вожак смотрел в пасть джосеру, едва унёс ноги от самого злого безопасника на всех Мыловарнях, и какой–то там докер не мог его напугать. Особенно — теперь. Ударить нейрохлыстом, настроенным на страх? А может, по дочурке? Вон как судорожно дергается папашка.

Модная ухающая мелодия прервала складывание фирменной неприятной усмешки Барри. Он показательно облизнулся прямо перед Раухой, пояснил:

— Извините. Деловой партнер, — дождался, пока усмешки подчинённых стихнут.

И, наконец, принял «улиткой» вызов. Этот абонент был слишком важен для текущей ситуации. Даже несмотря на все косяки предыдущего сотрудничества в то время, когда от «кислых» было куда больше нынешних двух дюжин.

— Да.

— Рад слышать, что ты ещё жив, тощий, — сухо буркнул мужской голос по ту сторону соединения.

— А уж я как рад, дружище, представить себе не можешь, — протянул Барри.

— Могу.

— Да неужели?

— Именно. На три сотни урдалебских жетонов.

Барри едва не поперхнулся. Это было куда больше, чем весь его осколок банды заработал за прошлый месяц.

— Четыре сотни, говоришь?.. отличное предложение, дружище, просто отличное.

— Говорю триста двадцать, болван.

— Триста восемьдесят — это верхняя граница самоокупаемости, герр…

— Без имён! — рявкнул собеседник.

— Что ж, герр Безымянный, триста шестьдесят меня вполне устроят.

— Триста тридцать и порция армейского оружия.

Тощий Барри отошёл к окну и почесал покатый подбородок. Оружие в этом районе значит даже побольше, чем наличка. В отличие от Мыловарен, массовая торговля и столь же массовое разложение сил правопорядка пока не получили на Пирсах широкого распространения. Достать ствол без связей было очень тяжело. И очень дорого.

— Что ж, дружище, твой бонус заставил меня крепко задуматься. Триста пятьдесят. Кстати, что за дело хоть?

— Нужно пришить одного доходягу так, чтобы дело списали на уличную банду. Триста тридцать пять.

— Что ж, ты обратился по адресу, — растянул Барри, проигнорировав весьма щедрое предложение. — Мы одни сможем выполнить задание достаточно чисто. Но учти — «хозяина» мы не тронем.

— Это не хозяин.

— А кто ж тогда?

— Ты его знаешь. Шапочно, — Тощий не видел собеседника, но по манере говорить догадался, что тот криво усмехается. — Как–никак, два раза едва ли не отправил тебя на тот свет.

Эрнест А. Н. У Барри задергался уголок рта, и он мог только прошипеть:

— Лучше бы тебе сейчас не соврать, герр. Будет тебе твои триста тридцать пять. Но если оружия не будет — за себя не ручаюсь.

— Посмотрим, — неопределенно сказал собеседник и

прервал связь.

Окончание разговора застало Барри в несколько… возбужденном состоянии. Он для проформы отхлестал по лицу Цагерова неактивированным нейрохлыстом, бросил:

— Две с халфом папаша. А иначе…

Тощий подошёл ко всё ещё удерживаемому подростку. Провёл по едва оформившейся груди нейрошокером, выдержал ещё один плевок, выждал пять секунд и только после этого активировал оружие. Крик ужаса сотряс здание до основания.

— А это был даже не максимальный страх. И всего лишь механизм, тупая железяка, а не крепкий… Подумай, папаша, что может быть в следующий раз, — обратился Барри и пошёл к двери. Быки с силой отбросили девушку и сына в угол, сопровождая тумаками.

У выхода вожак послал семье воздушный поцелуй. Повторил:

— Подумай, что я могу сделать в следующий раз,

… и с разворота ударил ногой жену Гильдеша. Активировал лезвия, выставил перед собой, звериным чутьём почувствовав, что быки достали стволы. Захлопнул дверь и двинулся последним, спиной вперед.

Уже на улице, когда пришлось спрятать лезвия, а сумрачные отбойщики спрятали короткостволы, из группы бандитов раздался вопрос:

— Тощий, может это… не стоило жену бить? Беременная всё же.

— Ничего ты не понимаешь, Дорри, — хохотнул вожак. — Ты бы ещё спросил, не убью ли я этого доходягу. Нет, дружище, если бы я ударил по животу, то был бы выкидыш и бешеный докер. А так я всего лишь простимулировал почки будущей мамаше. Чисто по–соседски.

Банда, посмеиваясь, растворилась в толпе, предвкушая будущий куш.

* * *

Место: Ямы

Локация: Яма «Могила Бенни».

Время: Пятница. 04:15. Пять месяцев, одна неделя после прибытия Кандидата.

Я стараюсь идти как можно тише, но отвратительная жижа все равно хлюпает, хрустит и скворчит. Словно я иду не по обломкам костей и песчанику, а по грязи Подбрюшья. Впрочем, всё лучше чем идти по проходу и горланить. Ямы, они такие.

Лучше не привлекать к себе внимания. Везде тихо — молчи и крадись, везде ад — стреляй в воздух и прирежь кого–то. Но не выделяйся.

«Могила Бенни» была древним, маленьким и изрядно подточенным кратером. Время, многочисленные штурмы и драки сделали своё, и его края давно перестали быть ровными. Но сделанные некими неведомыми умельцами перекрытия и тоннель–вход- остались. Вот мне и остаётся с надвинутым «моноклем» идти. Слепо выставив пистолет перед собой. В надежде, что в конце действительно окажется схрон наркотиков, о котором мне говорил осведомитель.

Шаг. Второй. Третий. Никакого движения, никаких биологических объектов. Монокль начинает перестраиваться на чуть большее освещение, и я вижу устье входа. Облегчённо вздыхаю и допускаю ошибку зелёного новичка. То есть — уверенно выхожу. Если бы засаду на меня ставил мастер — меня бы уже спеленала «Арахна». Ну или пара тысяч паракорундовых шариков прошили бы моё вялое тельце. Но нет. На меня засаду ставил такой же идиот. Бенджамин Гуртак. Его нервное дыхание я узнаю из тысячи. Как и тихий тоновый сигнал о заряде конденсаторов, поднявший мне волосы на левом виске.

— Бенни в «Могиле Бенни», — спокойно говорю я. — Вот так сюрприз. Всё–таки купил новый тренч?

— С парой защитных фишек, — фырчет Бенджамин и выдавливает нервный смешок.

Видимо, по его влажным фантазиям, я должен был уже кататься и молить о пощаде. Вот уж дудки.

— И чего ты тут ищешь? — невзначай осведомляюсь я.

— То, зачем ты пришёл, идиот. Твой схрон.

Я поднимаю бровь как можно спокойнее. Возможно, Гуртак раскошелился на ПНВ, но стоит продублировать информацию устно.

— Нет. Вообще я пришёл проверить наводку одного информатора…

— Не ври! — ствол начинает гулять где–то на границе зрения и я загоняю подальше в подкорку идею достать трубку. Могут понять не так. — Ты можешь врать кому угодно, но не мне! Ведь я, я один догадался посмотреть в базу данных! Нет на тебе осведомителей! Надо было поступить так же — составлять ложные досье, а деньги за, ахаха, новости — просто класть в карман!

— Не будь идиотом, — говорю спокойно и веско. Гуляющий ствол — опасный фон для переубеждения. — Осведомители живут от силы месяц после регистрации в базе. Их сливают, ты же

сам знаешь.

— И теперь знаю, кто! Нет, всё–таки не зря мне шептали…

— Кто? — быстро вставляю я фразу. Под стволом или нет, но информация в этом Городе решает слишком многое. Было бы глупо не попытаться.

— Не твоё собачье дело, — неожиданно холодно отвечает Бенджамин.

— Ну ладно, — медленно киваю и расставляю руки я. — Веди меня к Тиммерману. Расскажи ему то же, что и мне. Он передаст дело в третейский суд СБ.

— Я-то поведу, — начал похихикивать Гуртак, пребольно тыкая мне в нос пистолетом, и поблёскивая голубым светом «монокля», в котором виднелся пляшущий взгляд. — только вот не факт, что ты дойдёшь. Я же тебя знаю, попытаешься сбежать, придётся пристрелить, и когда все увидят, что утечки…

Нет, похоже, до Тиммермана я не дойду. Что ж, стерпеть ещё один тычок. Сыронизировать. Дождаться замаха рукой. Наверное, это должен был быть кросс. Отставленная рука с пистолетом — направлена в пол. Идиот. Я приседаю, выхватываю пистолет. Понимаю, что рука возвращается на позицию. Понимаю, что если Гуртак решит стрелять — мексиканской ничьей не получится. Стреляю.

Чувствую, как бедро пропарывает три лазерных спицы, а карапас принимает на себя последний, четвёртый выстрел. Этот разряд должен был пропороть брюхо и недопереваренный мьёлле. Но я успеваю — чёртов новобранец падает. Пятым выстрелом попав в сочленение пластин, но — прежде чем очередь доходит до головы. Транк в бедро. Биогель. Взглянуть на тело.

Гуртак лежит. Он подёргивается, словно жук с оторванными надкрыльями — адреналин ещё не даёт ему умереть, но повреждения внутренних органов через минуту–две его доконают. Я могу вколоть «быка» и допросить его, а затем залить ствол со следами моего ДНК ферментатором. Или — дождаться смерти, обыскать и залить ствол. В общем, варианты есть.

Я дожидаюсь, пока транк растекается по моей крови, кидаю взгляд на всё ещё живого Бенджамина. Нащупываю в глубоком кармане аптечку. Встаю.

Подхожу ближе.

V. Один странный день

-

Глава 5.1. Часть первая

Место: Новый Город.

Локация: Офисный центр «Голсу».

Время: Четверг, 11:22. Пять месяцев три недели с прибытия Кандидата. Осенний сезон.

Эрнест сидел посреди комнаты. Его окружал прикрытый плёнками разнообразный строительный хлам, покрытый толстым слоем жёлтоватой пыли. Последняя жалкая попытка разоряющегося владельца здания привести в порядок коммерческие помещения. Регулярные наличные от оперативника он принимал без вопросов. Но с заметным облегчением.

Питаться горячей едой всем хотелось. Во всяком случае, всем из людей.

Офис девятьсот тринадцать был нелюбимым укрытием А. Н. Два месяца назад он просидел в засаде среди пыли почти неделю. Ожидалась встреча контрабандистов–окапи и мутных элементов из Ям. Большая партия оружия палочников переходила из спокойных лап в крайне неспокойные руки. Опасное для Города дело, в общем. На фоне объекта сделки такие вещи, как нездоровое питание, сон на тряпках и стирание одежды руками казались бытовыми мелочами.

Встреча сорвалась, и сорвалась отвратительно — стрельбой, уходом палочников с планеты и поголовным вырезанием второй стороны. Внеплановый рейд конкурирующей с «АК» службой безопасности. Строго говоря, Эрнест работал на их территории. Две недели питания концентратами и провонивания собственным потом — псу под хвост. Словом, впечатления от «Голсу» остались так себе.

Отчасти поэтому детектив спустил кругленькую сумму, но всё–таки купил в укрытие предметы первой необходимости. Матрас, раскладной столик, самую дешевую душевую инфралейку. Кабинку заменяла натянутая плёнка. Комбайн нашёлся в закромах хозяина «Голсу», месье ДеГатеано. Как уже упоминалось, он очень хотел есть регулярно и был готов к столь мелким просьбам.

Ещё три недели назад А. Н. потратил бы в два раза больше, но анонимно засел бы в, скажем, «Тощем Джонни» — вполне приличном мультицентре в двух кварталах к западу. А если бы столько денег не ушло на алкоголь и покупку сведений — потратился бы на ячейку в одном из сидящих под патронажем «хозяев» отелей. А уж «бусину» можно было вообще обменять на комфортабельную и анонимную лачугу за городом…

Впрочем, нечего ныть, одернул себя Эрнест. Сам виноват. Не надавил бы на бедного Гуртака, тот остался бы жить. А тебе, оперативничек, не пришлось бы избегать всеми силами встречи с герром Тиммерманом. Хотя могло быть и хуже — «завесу», программу сокрытия действующего сотрудника СБ, с А. Н. не сняли. Пока что.

Однако, как бы не бодрился беглец, но перед глазами встала картина застывшего, удивленного лица совсем ещё зеленого оперативника. Только–только купившего со второй зарплаты отличный тренч. Оседающего после сквозного пробития грудной клетки лазерным разрядом. Вероятно, он был просто спешившим карьеристом. Но ещё его могли пустить на горячее дело, как джосеры во время всех войн пускали туповатый молодняк по подозрительным местам. Проверить место на возможный подрыв.

Впрочем, всё в том деле шло не совсем по плану. Осведомители, биоботы, родная бюрократия. Нечего ныть. Надо сидеть, как джосер в засаде, и не щёлкать жвалами. Читать (всё равно собирался проверить свои остаточные знания), смотреть и слушать новости. Пытаться уловить в циркулирующих сетевых репликах признаки событий, связанных с его делом. Ждать, когда на незарегистрированный (и оттого купленный за неадекватные деньги) коммуникатор придёт хотя бы один звонок. От тех, кого он ранее считал если не друзьями, то товарищами.

Этот номер он передал далеко не всем. Многим — так и не доверил. Кое–кто соскочил самостоятельно. Франсуа отказался от встречи, заявив, что картель может раздавить не только его, но и его людей. Обидно, но честно. Письмо Гансу–Ове не отправилось из–за сетевой ошибки, и Эрнест посчитал это дурным знаком. Агнетт и месье Гаспар… не стоило их втягивать. А. Н. и не втянул.

Впрочем, ответные письма шли. Сырые данные статистики, утянутые аналитические записки. Конечно же, разнообразные слухи. Медленно, неохотно отправлялись сквозь кордоны всех возможных сетевых предосторожностей, через расположенный на другом континенте вычислительный центр. Время от времени на линиях возникали ошибки, и тихо матерящийся Эрнест повторял отправку. Сбор сведений опустошал не только карман Эрнеста, но и его нервы. Медленно, но — верно.

В дверь постучали.

Задвинуть коммуникатор под матрас, спрятать в тайник пухлую папку. Только после — набросить старое пальто, заменявшее в последнее время халат. Вытащить лазпистолет из кобуры. Бесшумно проскользить к двери. Глянуть на терминал, подключенный к автономному нейроскопу. Хозяин здания. Без

коммуникаторов, с вынутым чипом коммуникатора. Как и договаривались.

Потянуть на себя, открыть на небольшую щель. Упереть в дверь ствол как раз в районе обрюзгшего торса напротив.

— Мистер Агнецки, я собираюсь заказать еды в «хозяйском» ресторанчике неподалеку, — выдавил арендодатель.

Помятая одежда, некогда стоившая небольшого состояния. Мешки под глазами, поплывшие от долгих запоев линии лица. Одно слово — ДеГатеано.

— Нет, Авис, я не голоден. Спасибо, — пробурчал Эрнест.

— Ну ты смотри… там есть блюдо, вроде нашего севиче, но сильно острее. Бывшая подсадила на эту иноземную дрянь, теперь недели не могу прожить без экзотики.

— Язву получишь же, — вырвалось у А. Н. Зря. Подолгу не болтавший итальянец не остался в долгу:

— Ооо, мой друг, язву скорее мне прожгут черти из финансовой службы. Один работающий этаж не покроет все их счета.

— Я не могу платить больше, ты знаешь, — ответил Эрнест на невысказанный намёк. Он снимал всего лишь офис.

— Да я и не о тебе. Про первый этаж, чтоб им кордул ночью встретился. Вот взять например, хозяйку этого, вроде авторского, бутика. Кружева, мадонна миа, каждый по себестоимости сотни монеро, а продаёт их залётным красавицам..

Эрнест с вежливой миной некоторое время слушал. Что–то в словах арендодателя зацепило его, какая–то мысль. Бывшая? Нет, никто из них даже в руках не держал оружие до того, как А. Н. им его давал (намеренно или нет). Торговцы? Тоже нет… еда? Стоп. Севиче. Та’се-хьивиче. Лангус. Некогда его прижатый хвост был вытянут в Мыловарне Эрнестом, и теперь он может дать наводку на знакомых тёмных личностей.

А с недавних пор А. Н. очень стремился познакомиться. С различными тёмными личностями, не лангусами.

— Авис, — оборвал причитания оперативник. — Мне предстоят нервные переговоры.

— Так может хлопнем по бокальчику, ну, для успокоения совести? У меня есть бутылочка отличного Кьянти, кузен привёз из Метрополии по случаю… когда ещё сможешь попробовать? — собачьим жалостным взглядом добавил Авис.

— Нет, спасибо. Может, вечером, — добавил после паузы Эрнест, увидев разочарованное лицо ДеГатеано.

— Ну, раз так… смотри мне, вечером заявлюсь при бутылках!

— Напугал солдата арахнидом, — буркнул А. Н. — Я сам приду. У меня беспорядок.

Коротко попрощавшись, Эрнест закрыл дверь. Закрыл засовы и снова подтащил тяжелую тележку с цементом к двери. Достал из тайника папку, далеко не отложив пистолет. Пролистал, убедился что не связывался с лангусом, зацепился за несколько строчек, не дававших ему покоя.

Всю важную информацию с некоторых пор А. Н. доверял только бумаге. Сетевые протоколы ненадежны, железо — ненадежно, люди — уж тем более. Самый устойчивый сорт обычной, не «умной» бумаги разболтает свои секреты только тому, кто увидит их воочию. Пока видел только один человек. Сам Эрнест. Остальные о существовании Папки, разумеется, не знали. Им с недавних пор А. Н. доверять перестал.

Отложив кипу малосвязных сообщений, доносов и справок, Эрнест помассировал виски. Пошёл к маленькой электроплитке, поставил турку, давно уже как наполненную чистой водой. Вспомнил о коммуникаторе, отбил короткое сообщение Севиче. Что–то с памятью становится туговато, резанула А. Н. неожиданно пришедшая мысль. Отмести в сторону, поморщившись. Все проблемы — потом. Сейчас имеет значение только картель с Мыловарни.

Лангус ответил неожиданно быстро. Пожалуй, даже быстрее некоторых гм, друзей. На фирменном нестройном языке он сообщил, что–де с наркотиками помочь не может, зато знает очень скользкого торговца морепродуктами, слишком глубоко залезшего щупальцами в икру всех и вся. Включая икру человеческую, из сорта лиловых. А это именно то, что Эрнесту нужно. Он полагает.

Обороты поставили А. Н. в тупик. Ксенопсихологию в университете не преподавали, а на досуге Эрнест скорее кутил, чем занимался саморазвитием. Плоды чего теперь пожинал. Возможно, Севиче говорит о торговле людьми (детьми?). Возможно, это был более тонкий намёк.

Лиловая икра. Жаргонное название чего–то? Эрнест окунулся в память. Это не банды, хотя там было несколько банд с «морской» тематикой — Глубоководные, Водяные, Водолазники, те же Рыбаки Старого города и их злейшие враги Рыбаки Ям. Нет, не то. Какой бандит назовёт себя гм, тем, что мечут из заднего прохода?

Место? Нет, приречные районы не были связаны названием с морепродуктами.

Может, всё–таки наркотики? Ещё на заре службы в Городе он заучил всевозможные жаргонные названия, от «хмурого» и «мяу» до «тетры» (редкое название тетратранка) и «аргентины» (ходящее только в одном квартале именование «серебрянки»).

Нет, не то. Но что–то близкое.

Стоп, а если ключевое слово не «икра», осенило Эрнеста. Лиловые… «Лиловые покои», бордель в Новом городе. Ниточка? Нет, там все «феи» были полновозрастные. Не малолетние.

Щёлк–щёлк. А. Н. почувствовал резкий, знакомый прилив вдохновения, вызванного пониманием. Словно вдруг все шипы в сложной сборной игрушке наммунгов встали в пазы от одного мановения руки.

Лиловые. Слишком плотно севшие на дрянь наркоманы. Преступники, законченные наркоманы и конечно же малолетки. Пропавшие души, готовые на всё ради дозы. Дурная примета окраин Мыловарни. Лиловая икра. Ну вот, подумал Эрнест, турка только закипела, а половина работы уже сделана. Что бы было если бы почти год ты так не заливался алкоголем?

Засыпать ложку молотого кофе. Рысцой двинуться к «санитарной» части, где даже была закончена перегородка. Принять инфразвуковой душ (жалкое подобие нормального). Глянуть в зеркало. Щетина отросла до длины короткой бороды, но так даже лучше. Меньше узнаваемости. Вытираться на ходу. Снять турку с плитки, погасить электричество.

Если уж маскироваться, то по полной, подумал Эрнест. Кроме привычного отказа от «троки» нужно забросить тренч подальше. Тем более, что полы скорее мешались во время драк. Карапас вместо тельника. Свитер крупной вязки. Армейская куртка, старый друг. Укрепленные берцы. Не настолько хорошие, как купленные с три недели назад ботинки, но куда более неприметные. Шапка вместо шляпы? Пожалуй.

Так, сам не заметив, Эрнест вернулся к тому, гм, стилю, которого придерживался почти полгода назад. Когда вышел из терминала Б городского Хаба. Не то чтобы стиль помог ему избавиться от яда Города в венах, но точно — придал уверенности. Как и следует влиять чему–то позабытому, но некогда столь привычному.

Собрать рюкзак. Несколько не совсем легальных гранат. Они были списаны в последний рейд Эрнеста. Початая армейская аптечка. Кастеты — распихать по карманам. Наручное лезвие пришлось сдать в арсенал вместе с отстранением. Собственный пистолет — в кобуру. Папку — тоже в рюкзак. Её нужно спрятать в надежном месте. Жаль только, что на сто процентов ни одно место сейчас не может быть безопасным, отметил А. Н.

Слежка может быть везде, зудела мысль где–то на задворках мыслей Эрнеста. Единственное, куда картель не дотянется в любом случае — «хозяева». Они может, и безразличны к происходящему вне их районов, но вот любого нарушителя съедят

заживо. Значит, «синий» район. Цитадель отметает, у А. Н. нет разрешения на посещения, и делается оно… долго для текущих обстоятельств.

Впрочем, есть ещё отдельные микрорайоны — кварталы и куски кварталов, а так же даже отдельные личности, пользующиеся привелегиями, равными «хозяйским». Ну, кроме совсем уж высших почестей. И всеобщего страха, разумеется. Одну такую личность Эрнест очень даже неплохо знал. Как бы ему не хотелось остаться в стороне, но её придётся втянуть в дело. Точнее — его.

Но сначала нужно набросать небольшую аналитическую записку. Эрнест, в целом, имел представление о том, как широко раскинула наркоимперия свои сети. Как минимум несколько служб безопасности. Сразу после рейда на склад несколько «чёрных» зон в Мыловарнях были оперативно взяты под охрану несколькими мелкими фирмами. Их аффилированность из недоремонтированного офиса А. Н. не мог проследить.

Впрочем, при должных ресурсах это возможно. Главное — не переоценить силы. Некоторые уже допускали эту очевидную ошибку. Как правило они умирали, не успевая рассказать Эрнесту о том, что знали. Оставшиеся в живых тряслись, как палочник на сильном ветру. И ни толстая кипа марок метрополии, ни бирки окапи, ни жетоны урдалебов не могли пробудить в них былую разговорчивость.

В поиске разговорчивых и прошли те самые три недели. Удавалось в основном выцепить сущие крупицы. Слух там, разговор из «внутрячка» банд и СБ тут. Новости о дорожающих и дешевеющих наркотиках, влиянии уличных пушеров. Всё самое ценное доверялось бумаге и пряталось внутри Папки.

Выгодоприобретателей и руководителей А. Н. не мог установить. Он только набросал примерную схему. Мелкие пушеры–оптовики–руководство. Руководство контролирует «быков», ударную силу. А ещё — мелких рабочих и химиков. Вероятно, именно благодаря этому низовая часть иерархии до сих пор не попыталась отхватить кусок пирога побольше.

Но вот само руководство пока оставалось загадкой для Эрнеста. Какое–то лёгкое чувство узнавания его посещала, когда он видел их стиль работы. Жёсткий, эффективный и почти неприметный. Однако имена (как фальшивой, так и реальной личности) и внешность загадочной троицы с верхушки пирамиды оставались неизвестными. Хотя чёрт, вдруг осенило А. Н. Кто–то же говорил, ещё в середине дела…

Звонок прервал судорожное копошение в бумагах. Это был месье Гаспар.

— Эрнест, — мягко поприветствовал Жак.

— Месье Гаспар, — быстро начал А. Н. — У меня мало времени. Я должен оставить вам кое–что на хранение.

— Вы мои принципы помните?

— Разумеется. Никакого оружия, наркотиков и прочих запрещенных вещей.

— Я так понимаю, речь идёт о чём–то очень важном?

— О, да. Информации.

Некоторое время в трубке молчали. Эрнест думал уже осведомиться о наличии связи, но Гаспар сам начал ответ. Медленным, необычно тяжелым для него голосом.

— Я так полагаю, речь о том деле на несколько миллиардов?

— О том самом, боюсь, — кротко сообщил Эрнест.

— Вы меня в гроб загоните, — вздохнул Жак. — Если не алкоголем, который бьёт по моей старой печени, так этими вашими делами.

— Я не могу никому толком доверять, месье Гаспар, — спокойно ответил А. Н. чистейшую правду.

— Знаю, Эрнест, знаю, — вздохнул юрист.

— Откуда?

— Знаешь ли, держу руку на пульсе событий. Ты умудрился влезть в наиболее воняющую кучу навоза во всём городе. А если не заметил, здания тут и так пофанивают.

А. Н. фыркнул. К лёгкой вони трущоб он привык ещё со времен службы в патруле, а остальное не могло его впечатлить. А вот к вони людских дел он до сих пор не мог привыкнуть. Несколько поколебавшись, он подал голос:

— Так я могу на вас рассчитывать?

— Конечно можешь, — сварливо ответил Гаспар. — Я зря, что ли, приказал тебе в своё время звонить в любое время дня и ночи? Только если притащишь за собой хвост — дай знать заранее, и хозяйские бессмертные порубят их на фарш. Полагаю, это избавит нас с тобой от многих проблем разом.

— Разве что только от некоторых, — холодно отметил Эрнест, давно привыкший готовиться к худшему из вариантов.

— Соглашусь. Поэтому буду рад, если и в этот раз тебя будет прикрывать кто–либо. Даже кто–нибудь из твоих бывших сослуживцев.

— Верно. Где встретимся?

— Угол Четвёртой хозяйской с Пятой окружной. Деловая палата, первый этаж. Там есть пара десятков переговорных, нам никто не помешает.

— Окраина Цитадели? — удивился Эрнест. Даже переговорные в этом месте стоили бешеных денег.

— Там хорошая охрана. Плюс этот район примыкает к моему крошечному, но «синему» району. Даже джосер в период спаривания не рискнёт нам помешать.

— Во сколько встретимся?

— Как тебе будет угодно. Но соизволь избавиться от слежки заранее, хорошо?

— Обижаете, месье Гаспар. Давайте в районе трёх дня. Без обид, но у меня сегодня намечается плотный день.

— Просто напоминаю, — умиротворяющее проговорил француз, и Эрнесту даже почудилось, как собеседник поднимает руки. Разумеется, почудилось. Коммуникатор далеко не всегда передает картинку, и никогда — при защищённом соединении. — Надеюсь, осведомители несут информацию бесконечным потоком?

— Не Сена, но стабильный ручеек есть, — расплывчато ответил А. Н. Даже Гаспару незачем знать о глубине всей проблемы.

— Тогда до встречи.

— Предупреждаю, возможно, буду выглядеть не совсем… обычно.

— Напугали солдата арахнидом, — с хохотом парировал Жак. — Уж с подопечными анонимно я встречался едва ли не чаще, чем вы, молодой человек. А они пытались маскироваться даже под намму, не то что под другого человека. Приходите и ничего не бойтесь. Но отцепите «хвост».

— Понял. Принял. Отбой.

— Удачи, молодой человек. Отбой.

Отметка в мозгу. Гаспар был не первым и не последним пунктом программы на сегодня. Так уж сложилось. Хотя всю прошлую неделю Эрнест откровенно валялся в ожидании информации, на текущей приходилось приходить в офисный центр только для ночёвки. Вот и сегодня намечались сразу несколько встреч. Два пушера. Знакомый Генриха, с информацией по «Гагане». Севиче. Мальчишки–курьеры из числа тех, что решатся заговорить. Месье Гаспар.

И загадочный информатор лангуса. Который, возможно, выведет на новую ветку синдиката. А возможно — окажется очередной пустышкой, как и с десяток до него. В любом случае, пора дособираться и вызывать кого–нибудь из, гм, старой гвардии. Тех, что были с ним с начала жизни в городе и тех, кто был готов идти до конца.

<передача данных прервана>

Глава 5.1. Часть вторая

<передача данных возобновлена>

Место: Старый Город.

Локация: Пивная «dead end».

Время: Четверг, 14:22.

Первым в недлинном списке был Марв. Здоровяк даже без брони и флогистона был грозной боевой единицей. Вдобавок, он обладал редким чувством толпы и места, благодаря чему был своим как в Ямах, так и в наиболее дорогих заведениях Нового Города. Эрнесту иногда казалось, что затащи его в оккулаторий — и Марв спокойно будет потягивать жгучий алкоголь да вести светский разговор.

Дитя трущоб в лучшем смысле фразы.

Короткая кодовая фраза — в коммуникатор. Минута ожидания. Разбавление кофе сливками. Пять минут ожидания. Батончик мюслей. Десять минут. Вскрытая банка концентрата грибного супа. Пятнадцать минут, зашифрованный ответ. Марв был готов ко встрече хоть прямо сейчас — и обещал притащить с собой ещё одного человека.

Любопытно, зацепился Эрнест, кто это может быть. Ленни с его горячностью испортит дело, а Александер с его отстранённостью будет выглядеть подозрительно. Чего уж говорить о Генрихе, всю жизнь живущем вне трущоб… Впрочем, будь что будет. А. Н. назначил встречу в Водных Садах. Место шумное, всегда много, гм, людное. И находится в сердце «синей» части города.

С парой «безопасников» он собирался встретиться уже после месье Гаспара. Нет, Марву в целом он доверял. А вот неизвестной единице, собирающейся составить компанию здоровяку — очень даже нет. Это мог быть и верный на все сто процентов человек. А могла быть засланная пешка. Или — искренний, но очень зелёный дурачок, что ещё хуже.

Все три варианта могли притащить за собой группу наблюдения. А подставляться и, главное, подставлять Папку Эрнесту совсем не хотелось.

Выходил опальный детектив, по привычке, тихо. Пустой коридор. Проскользнть через порядком захламлённый задний ход, стараясь не попадаться на глаза ДеГатеано. Извини, старик, мелькнуло у распахивающего натужно поддающуюся дверь А. Н., сегодня не день для вина. Пожарная лестница. Та, что внутри здания, а не та, что открыта всем ветрам и прицелам.

Город встретил в этот раз не очень–то приветливо. Хотя Трио

уже часов с пять как прогревало воздух, низовой туман всё ещё гулял меж домов. Впрочем, сейчас именно неприветливая погода была на руку Эрнесту. Часть людей и чужаков постарается не подставляться погоде. Другая часть — не сможет разглядеть детектива. Особенно если тот постарается не попадаться всем и вся.

Некоторое беспокойство, конечно, внушали системы наблюдения и биоботы–ищейки. Электронике было, в общем–то, плевать на туман, на маскировку и на изменение стиля одежды. Старые системы наблюдения ещё могли обмануться хромотой, вызванной камешком в ботинке. Новые — нет. И именно поэтому нижнюю, бородатую половину лица Эрнест прикрыл наномаской.

С ней, конечно, не пустят в «синие» районы, да и в «зеленых» в заведения вряд ли пустят. Плевать. В «хозяйской» части города мало что его найдёт и достанет. А в остальных всегда можно найти нейтральное, плюющее на правила место. Например — пивная без имени в проулке где–то между Одиннадцатой «С» и Десятой «В». Обозначенная только древним знаком тупика.

Лэндинг: Между первым и десятым
Заголовок: Банды Пирсов наглеют
Одобрено Хозяевами: нет

Наш район жёлтый, так? Нет, он зелёный. Тогда какого чёрта, я вас спрашиваю, происходит?

Не проходит и дня без отмеченных случаев рэкета, грабежей и драк с кровавыми деталями, и не надо всё списывать на залётных джосеров — кто из них живёт в нашем районе, тот давно работает на пирсах, и им явно не до того чтобы после сухогруза ещё и прохожих грызть.

Где чёртовы безопасники, я вас спрошу, перцы? Почему я им плачу отличную такую, жирную таксу, но свою половозрелую дочь уже опасаюсь выпустить из дома после наступления темноты — ведь у неё длинные ноги, и отличная фигура, что делает её отличной такой целью для банд. Кстати, что это за банды? Зеленщик Тома, например, отказался им платить, дескать, его крыша — это безопасники (чистейшая правда). Через три дня ему сломали ноги и раздолбили лавку. «Шашечки» только разводят руками.

Я не подбиваю на бунт, нет. Мне просто интересно, куда смотрят ёбаные Хозя

<ОШИБКА ЧТЕНИЯ. ЛЭНДИНГ ЗАБЛОКИРОВАН ХОЗЯЕВАМИ. РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАТЕРИАЛА БУДЕТ ВЕСТИ К ПОСЛЕДСТВИЯМ>

Впрочем, «пивная» — весьма громко сказано. Низкая покосившаяся ограда с грубо намалеванным на куске жести зелёным кругом. Упомянутый знак «Dead End».Жестяной сарай с матерчатым навесом. Катушки от кабелей вместо столиков. Стулья — отсутствуют, во избежание излишнего травматизма принявших лишнее посетителей. Но вообще всё в заведении было с излишком — кружки исключительно «урдалебского» размера, вусмерть, до фиолетового носа пьяные тёмные личности. Что любопытно — либо излишне нище, либо вызывающе богато одетые.

Зато — очень неприметная калитка в дальнем заборе. Она вела к проходному двору, и ключ можно было приобрести при хорошем доверии. Зато — никаких камер, наноскопов и «жучков» (Эрнест проверил инструментальными методами). Зато — хозяину (он же бармен, он же уборщик, он же вышибала) было абсолютно плевать на наномаски. Зато — и на авторитетов (как и авторитеты) ему было тоже плевать. Потому что даже тёмным личностям нужно безопасное место для переговоров. Нейтральная зона.

И именно в глубине проулка, за дальним столиком, как поведал Эрнест мальчику–чистильщику, мистер Неизвестный принимал лиц моложе двенадцати, и несущих информацию. И только информацию, никаких наркотиков и вообще никакого товара, хоть химического, хоть живого, хоть представшего лично. Десять марок — рассказывающему. Двадцать пять — за особо ценный разговор. Десять — тому, кто приведет, ещё пять — чистильщику за каждого пришедшего. Деньги небольшие. Ведь даже в Старом Городе уличная детвора знала, что войдя глухой проулок, обратно можно и не выйти.

Но наиболее отчаянные сорвиголовы не откажутся от денег за какой–то разговор. И именно они с хорошей вероятностью могли услышать что–то необычное. Например, кто имел дело с пушером из «Игни». Тем самым, что недавно довольно дерзко говорил с Эрнестом. И тем самым, что две недели назад оказался найден загадочным образом убитым в собственной камере временного содержания «Агни Корп».

Оперативная пауза между уходом чистильщика и осведомителями сильно затянулась, так что А. Н. взял орешков. Пиво могло помешать анализу информации. Правда, смесь бобов оказалась пережаренной, слишком густо усыпанной солью и перцем. Может, к пиву и неплохо пойдёт. Но без него — отвратительно. Отсыпав из манерки нюхательного табака (вишня, мята и отвратительный цвет табачной пыли), детектив вдохнул горку никотина носом. Аккуратно промочил ноздри салфеткой,

спрятал в карман. Если кто–то умудрился снять его феромонный след — сопли с салфетки могли стать маркером. Уликой.

В голове Эрнеста ещё расходились волны никотиновой отравы, а в проулке появилась первая пара. Чистильщик обуви и вусмерть напуганный малец. Они мялись возле ограды, посматривая на А. Н., минут так пять. Посетители только тихо посмеивались да продолжали болтать. Бармен зыркал алым глазом, и не выдержал:

— Малые, вам что, пива плеснуть или помоев в рожу? — рявкнул он, пристукнув о прилавок

Посетители нестройно заржали, а пунцовые мальчишки проскользнули напрямик к дальнему столику. Где сбивчиво начали высказывать то, что знали. Так и пошёл поток информации. Нестройной и неточной, но — информации.

Первую пятерку Эрнест обрывал после полуслова. Страшные сказки про могущественных и безжалостных «иппи», как и о прожорливых кордулов и ленивых, но пожирающих людей урдалебов ему надоели давно. Следующие семь, шедшие гораздо медленнее, уже выдавали крупицы информации. Наиболее болтливого вихрастого мальчугана Эрнест наградил четвертаком. Не то чтобы оно того стоило, просто рыбу следовало прикормить.

Отослав последнего «докладчика», очень разговорчивого курьера по имени Берри, Эрнест не выдержал, и сообщил чистильщику:

— Лафа мне не нужна, малец. Так и скажи, десятку получит только тот, кто назовёт хотя бы одно имя или описание внешности, — хриплым голосом сообщил А. Н. Как бы случайно показав кобуру пистолета при доставании кошелька. Дождался, пока насупившийся малец убежал, всё–таки заказал пива.

Иначе бы его, чего доброго, всё–таки бы приняли за педофила. Расплатившись мятой купюрой, А. Н. жестом отказался от какой–либо закуски. Спокойно вернулся за свою катушку, ничем не показывая напряженность (одна из первейших красных тряпок на обитателей городских низов) или, тем более, страх (аналогичная тряпка, но уже для любых мутных личностей). Перегородил видимость остальным посетителям вид большим иноземным кустиком в горшке. Отхлебнул.

Хмельная и невероятно горькая дрянь отдала в нос запахом сивухи ещё когда Эрнест только–только открыл рот. А уж после осторожного, но глотка дрянной привкус распространился, как показалось А. Н., по всему желудочно–кишечному тракту. Неудивительно, что они тут все поголовно еле–еле переставляют ноги. Хорошо ещё, что вообще могут видеть — кто знает, какой конкретно спирт хозяин добавляет в брагу.

Некоторое время пришлось потратить на пункт «продышаться». Отчаянно хотелось курить, но трубка была слишком хорошей приметой. А курить дрянные папиросы Эрнесту отчаянно не хотелось. Оставалось только воспользоваться одолженным у арендодателя нюхательным табаком. И снова отчаянно дышать — он не рассчитал сил и вдохнул больше нужного. Табачная пыль, конечно, отдавала в пазухи вишней (как и обещал ДеГатеано), но ещё — лютым холодом. По которому А. Н. откровенно говоря, не скучал.

В общем, когда кто–то начал дёргать Эрнеста за рукав, он представлял собой не очень лицеприятное действие. Сморкающийся, плюющийся, матерящийся и слезящийся мужчина околосредних лет со сползшей с подбородка серебристой наномаской.

— Мистер! Мистер!.. — пытался достучаться слегка ломающийся голос. Чистильщик. Один.

— Ну что, малец, сдался? — прочистил горло Эрнест. Он сплюнул в салфетку и поморщился — в слюне было многовато крошек табака.

— Нет, мистер, — быстро возразил мальчишка. — Вам нужно кое–что важное, и я это расскажу.

— И что же расскажешь? — протянул детектив. Тринадцать видов «гостей» вместо десяти? Очередную байку про иппи?

— Зря вы так, — насупился чистильщик. — Уж мы–то видели их, только кто нам поверит?

— Допустим, — качнул головой Эрнест, натянув маску до глаз. — Это всё?

— Нет. Вы просили рассказать что–нибудь про…

— Плохих людей из…

— Ну да. Барыг из шлюшьего дома с огоньком.

Эрнест поднял брови. До этого никто из информаторов не говорил про «Игни». Во всяком случае — чего–то более конкретного, чем допубертатные фантазии.

— Это считать за шестьдесят марок? Ваши брови?

— Почему же шестьдесят? — быстро спросил А. Н.

— Ну как же. Информация, имя — уже двадцать пять, — принялся загибать пальцы пацан. Плюс двадцать пять за ценность и десять за то, что я привёл того, кого нужно.

— Гм. Допустим. У меня как раз осталась нужная купюра. Итак. Имя.

— Хм, у меня память плохо работает без чего–то в руке, но помню, что имя было какое–то южное… Маринадос? Сардинос?..

Эрнест спокойно вытащил десятку и положил перед чистильщиком.

— Ставрос, да! — изобразил просветление парень.

— И что ты можешь рассказать про беднягу Ставроса?

— Хороший мужик был. Постоянно заказывал у меня чистку обуви, не делал вид, что ему есть до меня какое–то дело. Болтал по коммуникатору постоянно.

— О чём?

Ответом было красноречивое молчание. Эрнест едва слышно вздохнул, достал бумажку в пятьдесят марок. Показал, положил на столик, прижал рукой. Чистильщик некоторое время раздумывал, но наконец набрал воздуха и начал говорить.

— О разном. О товаре, о шлюхах, о проверках и о тусах, — протараторил малец, постоянно повышая громкость. А. Н. заметил, что посетители начали коситься. Сделал знак, мол, будь тише. Негромко уточнил:

— С кем–то встречался? Или может, называл имена?

— Встречался. Как–то раз его буквально у кресла перехватил какой–то тип, барыгу чуть инфаркт на месте не схватил.

— Имя? — быстро вставил вопрос Эрнест.

— Он не представлялся, мистер. Даже если бы называл — не смог бы запомнил, честно, он всего один раз появлялся.

— Давно? Как выглядел?

— Выглядел как обычный мужик вроде тебя, — нахмурился подросток. — Только постарше наверное, да. Лицо слегка пропитое, плащ этот дурацкий носил.

— Двубортный? — поднял бровь Эрнест.

— Ага. Не понимаю, что вам в них нравится. Шляпа ещё, да.

— Волосы? Глаза какие, нос, может, шёл как–то необычно? — аккуратно принялся расспрашивать А. Н.

— Волосы не видел, шляпа же, — удивленно воскликнул малец, и Эрнест повелительно поднял палец свободной от прикрывания купюры руки. Чистильщик поднял брови, явное понимание, наконец, пробежало по его лицу, и он продолжил куда тише: — Лицо у него было совсем обычное, мужик. Ни шрамов, ни бороды, ничего. Только пьёт он видимо, много.

— Почему? — быстро спросил А. Н.

— Ну лицо… — замялся подросток. — Знаете, такое, как у долго пьющих мужиков. Как будто кто–то пластилин оставил под Трио минут на пять–десять.

— Ты знаешь, что такое пластилин? — удивленно спросил Эрнест и даже поднял руку. Чистильщик немедленно сдернул купюру. А. Н. не противился. Приготовившийся дать дёру малец остановился. Подошёл ближе и добавил:

— Да, он ещё говорил, что появление этого, второго, поставит под удар всех, кого можно.

— Ставрос говорил?

— Да. Я запомнил, потому что тот грек сильно вспылил, а такого никогда не было.

— Больше ничего не помнишь?

— Помнил бы — выдоил с друзьями понемногу, — признался чистильщик и сорвался в бег. Уже на ходу, давясь смехом, он прокричал: — А пластилин лепят в школе! В твоё время было такое, мистер?

Эрнест провёл его мрачным взглядом. Всего он потратил почти пятьсот марок. Когда–то ради подобных денег он ломал кости, а сейчас — спустил ради десятка мутных историй и ещё одной чуть менее мутной. Пиво отправилось в горшок с вялыми кустиками. Пластиковый стакан — в древний и сильно шумящий утилизатор. Кивнув вялому хозяину, Эрнест нащупал кастет и направился к выходу из проулка, каждую секунду спиной ощущая жгучие взгляды.

Он ждал нападения, когда сделал шаг за хлипкую ограду кабака. И когда проходил мимо забитого мусорного бака. И когда до нормальной улицы оставалось три шага. Но никто не бил кастетом, не стрелял из кинетического пистолета. Даже «хвоста» не прицепилось, о чем сообщало как чутьё, так и экспериментальная прошивка «улитки», сканирующая окружающих людей на повторяющиеся идентификаторы.

В своё время Эрнест вытащил одного зарвавшегося юного гения из передряги со снукером и большими ставками. Программа была достойной благодарностью, хоть и была сырой. Иногда сбоила и показывала в глаз откровенно незарегистрированные номера чипов. Ну или масштаб подпольной торговли идентификационными документами превышал все предполагаемые в СБ масштабы.

Впрочем, сейчас А. Н. беспокоился не за нелегальную торговлю данными. Описание, данное чистильщиком, было очень расплывчатым. Двубортное пальто — любимый предмет одежды львиной части мужского населения приличной части Города. Лицо без примет — неплохой признак оперативника любой службы безопасности. Как и обрюзгшее от тяжелого пьянства лицо.

Настораживал детектива один нюанс — под это описание вполне подходили в том числе и некоторые знакомые Эрнеста. В том числе те из них, что вроде бы были на его стороне. И именно это беспокоило опального оперативника куда больше остальных уличных побасенок, вроде зараженных паразитами «хозяев» и тех самых иппи.

<передача данных прервана>

Глава 5.1. Часть третья

<передача данных возобновлена>

Место: Старый Город.

Локация: Сквер «Выква»

Время: Четверг, 16:00.

Следующая встреча была назначена на границе Старого и Нового Города. Сквер у одного из немногих человеческих памятников. Вроде бы — основателю Нового Города, то ли первопроходцу, то ли дипломату, то ли редкостному мудаку. Вполне возможно, что неизвестная Эрнесту личность, запечатлённая в граните, была так сказать, триединой. Всё вместе и понемногу. Во все времена такое встречалось сплошь и рядом.

Эрнест присел на парапет, окружавший памятник. Мысленно поморщился холоду камня, достал блокнот, принялся неловко зарисовывать памятник. Глупый условный знак — с навыками А. Н. эскиз напоминал творение модного художника, но уж точно — не памятник. Впрочем, результат он дал.

— Говорят, памятник хорошо фонит радиацией. Не сидели бы вы так близко.

— Любой гранит фонит, вам ли не знать, — вернул пароль Эрнест и поднял глаза.

Стоявший перед ним мужчина заморочился с маскировкой куда меньше его. Смуглая, обветренная кожа. Псевдовоенная фуражка. Укрепленные перчатки. Вездесущий тренч, борода лопатой, легкая картавость. «Сын», не иначе. Впрочем, мысленно вздохнул Эрнест, кого бы ещё посоветовал Франсуа?

— Пройдём в более людное место? — легко осведомился А. Н.

— Не стоит, — слегка поднял ладонь оглядывавший окружающих памятник зевак неизвестный. — Моё сообщение краткое, но очень важное.

— Допустим, — быстро согласился Эрнест. Фразу про важность он слышал последнее время слишком часто.

— Я был двойным агентом. «Гаганы» и «Сыновей». Первым служил, вторых информировал. Ничего серьёзного, просто давал знать о некоторых коммерческих тайнах.

— Не мне судить вашу совесть, месье.

— Вот именно. И, к сведению — я не месье. «Сыновья» состоят не только из французов.

Эрнест лишь примиряюще поднял руки.

— Если вы тот, кем кажетесь, то наверняка слышали о том, что о проведении большой зачистки в Мыловарнях громче всех

настаивала «Гагана».

— Допустим, — буркнул А. Н., которого резануло «кем кажетесь». Вот тебе и маскировка, раздраженно подумал он.

Действительно, такой слух ходил. Обычно — в саркастичном духе, мол, за что боролись, на то и напоролись. В зачистку именно высокомерные «гинки» понесли колоссальные потери, после чего потеряли львиную долю влияния и контрактов. К облегчению конкурентов. И вящему разочарованию оптовых поставщиков оружия, поставлявших им новейшие и далеко не всегда отработанные образцы.

— Так вот, этот слух — чистая правда, — быстро проговорил незнакомец. — Я не могу назвать, кто конкретно давил на штаб, но это личности, приближенные к верхушке службы безопасности.

— А что штаб? Он прогнулся по какой–то причине или просто из–за некомпетентности?

— А штаб… — тихо и очень грустно усмехнулся собеседник, — поддержал со всем армейским рвением. Бывшие кирасиры, они такие, камрад. Думаю, ты понимаешь, о чём я.

Эрнест медленно кивнул.

— Местные загнали вас в ловушку?

— В ловушки. Но поверь, камрад, мои братья — не совсем идиоты. Просто кто–то вносил в штаб идиотские решения.

— Ты знаешь, кто именно?

— Знаю, — отвернулся собеседник. Помолчал несколько секунд. — Но всё ещё хочу жить. Так высоко никому из нас не плюнуть. Передай Франсуа — мой долг на этом искуплён. И не приведи тебя Богородица затащить его в это болото, — веско сообщил двойной агент, отворачиваясь к статуе.

— Болото само редко приходит, — заметил Эрнест. — Куда чаще в него вступают случайно.

— Знаю. Прощай.

Странный человек, странный разговор, подумал А. Н. И опять ничего нового, только дополнительные загадки. Судя по всему, какая–то часть синдиката проникла и в «Гагану». Возможно, и погром был лишь частью операции по прикрытию лаборатории. Много шума на юге, но никакого на севере. Вполне укладывается в картину, но такой план мог осуществить кто–то, обладающий дьявольски хорошим планированием. А верхушка СБ, как на своей шкуре ощутил Эрнест, им не обладала.

По–хорошему, надо бы всё это записать в папку, отметил опальный детектив, отмечая в памяти ключевые тезисы. Но некогда. Надо ещё дать знать Севиче, что его загадка разгадана. Потребовать, наконец, данные того самого осведомителя. Созвониться с Марвом, подтвердить встречу. Сдать папку месье

Гаспару. Где–то в перерыве, в укромном и надежном месте, выкурить хорошо забитую трубку.

Эрнест двинулся в сторону стыка Старого Города и Мыловарен. Там, неподалеку, располагалось идеально овальное и приличное по размерам и глубине Зеркальное озеро. Одна из шести колоний лангусов в пределах города и обычный район обитания Севиче. Прошлые беседы с ксеносом были достаточно тяжелые, но текущая обещала быть хоть в какой–то степени предметной.

Конечно, если чёртова креветка соизволит ответить на сообщение, раздраженно отметил Эрнест, нарезая круги по окраине Старого Города. На него уже стали коситься местные патрули СБ, поэтому пришлось свернуть в первый попавшийся кафетерий. На входе стянуть маску, заказать большой стакан кофе. Раф с хорошей дозой корицы. Самое то, чтобы не слишком насытиться кофеином и согреться.

За поглощением кофейного звонка его и застал звонок. Марв. С одной стороны, паранойя отчаянно сопротивлялась изменению плана. С другой стороны, врождённый азарт подсказывал — импровизация в рамках плана делала его существенно непредсказуемее. Опять же, любой «хвост» здоровяк стряхнёт. Физически. Лёгкое избиение в переулке — абсолютное оружие против большинства соглядатаев. Во всяком случае — людского рода.

После недолгих колебаний, Эрнест отпил ещё кофейно–сливочной жижи и ответил.

— На связи.

— Ну здравствуй, шеф, — пробасил Марв.

— Готов к делу? — осведомился А. Н. без предисловий.

— Всегда готов, — хохотнул оператор тяжелого вооружения. — Я тут кое–какое снаряжение позаимствовал, схоронил в самом центре. Если дашь немного времени, мы с Генрихом подтянемся поближе к точке встречи.

— Генрихом? — неожиданно. — Знаешь, пожалуй, именно вам двоим чертям дам.

— Вот и славно. В половину пятого, на Кварцевой аллее Водных садов. Как тебе мысль?

— Предпочту Мраморную.

— Ай–ай–ай, шеф, полюбили вы шумные места, — хохотнул Марв. — Но понимаю, в толпе проще затеряться, да. Не боитесь, мы с Генри стряхнем любых соглядатаев. Что–то много их стало в последнее время… В шесть.

Гудки пошли так же внезапно, как и начался этот разговор. Эрнест бросил взгляд на часы. До встречи оставалось ещё полтора

часа. Ещё оставалось время и поесть, и встретиться с юристом. Ну и, разумеется, встретиться с Севиче, если он соизволит всё–таки встретиться. Некоторое время А. Н. раздумывал, стоит ли заказать ещё напитка или двинуться к ближайшей кебабной.

«Мясо–хуртукуль», подсказывал коммлинк, имел великолепную репутацию среди местных жителей, причем в отзывах не появлялся ещё ни один отравившийся человек. Именно человек — окапи и лангусы мяса не потребляли (во всяком случае, публично), урдалебы и намму слищком ленились писать отзывы. Асакку слишком тупы для отзывов а кордулов ни один уважающий себя держатель ларьков не подпускал. Даже тот, у кого красовался красный круг. Поражение в правах в сочетании с отвратительным внешним видом и не менее отвратительной репутацией — резюме так себе.

Правда, джосерам мясо не нравилось — дескать, слишком пережаренное. Что ж, ещё один довод в пользу заведения — подтухшее мясо, любимое арахнидами, не способствовало санитарии. Значит, там и стоит перекусить, благо, пройти всего три квартала. Прохожие правда, активно разбегались. Ветер с пустошей нёс серо–стальные облака. Низкие и объемные, одним словом — явно несущие в себе хороший ливень.

Но Эрнесту было плевать на лёгкую панику обывателей. Судя по тому, что «хозяев» на улице не больше обычного — дождя не будет. Иначе бы они давно вытащили себя и потащились к синим камням, случайным порядком разбросанным по городу — в скверах, на площадях. У памятников и стен, даже, по слухам, минимум один торчал на крыше здания, обычно используемого урдалебами как кальянная экстра–класса. Обычно — то есть не в моменты дождя. Даже флегматичные моржи отказывались связываться с хозяевами мира.

За поглощением кебабрулле размером с локоть Эрнеста и застало сообщение лангуса. Севиче сообщил, что к шести часам сможет выбраться и передать необходимые сведения об осведомителе. Рациональное зерно было окружено славословиями в адрес лично А. Н. и его острого ума. А заодно — обширным ворчанием на соплеменников, которые слишком тупы и медлительны для того, чтобы освободить вовремя хотя бы один биоскаф.

Шесть часов, сделал себе отметку в памяти Эрнест. Значит, придется ехать на такси. Впрочем, оно и к лучшему — за пару лишних монет таксист и повиляет на эшелонах, и заложит пару лишних кругов. Можно оторваться от любой слежки, если таковая и прицепится после встречи.

Пару раз А. Н. казалось, что за ним следят. В кебабной он

чувствовал на себе внимательный взгляд со стороны, но определить направление не смог. Ранее у памятника и в кабаке многие косились на оперативника, однако то были случайные взгляды. А вот сейчас некто следил целенаправленно. И кто — непонятно, программа — трекер поймала только случайные совпадения людей, мимо которых он шёл во время петляний.

Выбросив недоеденную шаурму, Эрнест вклинился в реденький поток пешеходов. Попетлял, прошёл насквозь несколько дворов. Вышел четыремя кварталами западнее, поймал такси. Приказал лететь в «синий» район, но не прямо к точке встречи. Походил кругами, нашел пару путей отхода из деловой палаты. Проходя мимо, резко свернул ко входу, сдернув наномаску, идентифицировал себя охраннику. Прошёл внутрь. Сдал рюкзак, кастеты и пистолет. При себе оставил только папку, трубку и кисет. Ну и гаджеты, их никто не требовал оставить в ячейке хранения.

Здание было творением явно нечеловеческих рук. Шероховатый синий камень, закругленные углы, спиралевидные геометрические узоры. Строили явно «хозяева», и А. Н. на секунду почувствовал любопытство — что же сподвигло их отдать своё творение людям? Правда, сделав с десяток шагов, он заметил сразу несколько групп урдалебов со знаками отличия и собранными в ожерелье «бусинами», а в отдалении — даже две сутулые фигуры «хозяев». Место, похоже, предназначалось для тех, кто летает очень высоко. Точнее — для высокой деловой активности.

Некоторое время Эрнесту пришлось побродить. Он никак не мог найти зал с переговорными, пока услужливый швейцар–человек не подсказал направление. А. Н. чувствовал себя глупо — ведь кабинку они с Гаспаром не оговорили. Правда, уже на входе в зал коммуникатор завибрировал.

«Четырнадцатая кабинка». Ну что ж, четырнадцатая так четырнадцатая. Дверь мозаичного стекла со сложным узором. Внутри — столик, два дивана. На одном — месье Гаспар, читающий «умную» газету, выводящую какой–то новостной лэндинг.

— Добрый день, Эрнест.

— Добрый, месье.

Эрнест сел напротив. Почесал бороду и неловко начал:

— Я бы хотел для начала…

— А, да, безопасность, — серьёзно кивнул юрист. Достал чёрный ящик, сложил туда коммуникатор, «умную» бумагу. Отосоединил «улитку», положил в кейс. Вскоре его примеру последовал и Эрнест, закрывший ящик и положивший его в

сторону. Подняв глаза, А. Н. увидел на столе скремблер.

— Дорогой аксессуар, — заметил он, кивнув на гаджет.

— Необходимая предосторожность в моём деле, — махнул рукой Жак. — Вам, молодой человек, он тоже не помешает.

— Пока не было времени и свободных финансов, — деланно вздохнул Эрнест.

— Да, да, слышал…

— Откуда? — поднял брови А. Н.

— Я же не отшельник. Даже до Жетона иногда долетают кое–какие слухи. А ситуацию на рынке безопасности всё–таки люди моего круга стараются мониторить. Никогда не знаешь, к какому апокалипсису приведёт рейд или очень мутное дело.

— Например, моё?

— Ну, выражусь так: дело одного оперативника, связанное с наркотиками и коррупцией.

Эрнест горько вздохнул.

— Не представлял, что брызги дерьма долетят даже до Жетона.

— Что поделать. Я так понимаю, ты хочешь отдать мне на сохранение какие–то доказательства по делу?

— Если честно, больше набор свидетельств и слухов, скрепленных моей аналитикой. Не уверен, что это потопит виновников.

— Слово иногда бьёт сильнее меча. Ты сам это знаешь, Эрнест.

— Предпочту все равно иметь на всякий случай пистолет.

Гаспар расхохотался.

— Рад, что не теряешь присутствия духа.

— Иногда, — возразил А. Н.

— «Иногда» хватает в большинстве случаев, — улыбнулся Жак и взял папку. — Ты сделал копию?

Эрнест тихо ругнулся. Подобное ему в голову не приходило, о чём и сообщил вслух.

— Не волнуйся, — рассеянно проговорил Гаспар, перебирая листы. — Я позабочусь о копии. Она будет храниться у одного «хозяина» — юриста и всплывёт если что–то случится со мной или с тобой.

— Не знал, что среди них бывают юристы, — пробормотал А. Н., доставая трубку.

— Не верю, что детектив не знает делающего мьёлле… а, неважно. Среди них бывают и повара, и инженеры, и юристы. Их общество полноценно, в отличие от иных расовых сообществ. Ты уверен, что дополнений в папку больше не будет? — неожиданно перевёл тему Гаспар. — Я так понимаю, у тебя намечено ещё

несколько встреч.

— Я думал об этом, — признался Эрнест, выпуская к потолку сизый клуб дыма, быстро втянутый системой вентиляции. Автоматический освежитель воздуха исторг лавандовый запах, но лояльно относящийся к табаку Гаспар только вздохнул и отключил его. — Если вам будет несложно, мы можем встречаться раз в две или три недели. Я буду приносить дополнения.

— Лучше раз в неделю. Или вообще два. Ситуация может в любой момент пойти не по плану.

— Полагаюсь на ваше предчувствие.

— Это не предчувствие, молодой человек. Это опыт. Выпьем по бокалу бренди? Тут есть отличный коньяк из метрополии. Для резидентов — бесплатно, а я — резидент.

— Извините, но у меня на сегодня ещё несколько встреч. Когда всё закончится, мы с вами обязательно выпьем.

— Главное — остаться в живых, — неловко улыбнулся месье Гаспар, убирая папку в кожаный портфель. Встал, протянул пухлую руку: — Удачи тебе с этим, Эрнест.

— Удачи и вам, месье, — со всей возможной уверенностью пожал руку А. Н., кивнул на прощание и двинулся к выходу из здания.

До Садов он добрался быстрым шагом. Нужды в такси не было, как и слежки. Слегка попетляв для надежности по покрытым гравием дорожкам, Эрнест наконец вышел на Мраморную Аллею. В этот день посетителей было больше обычного. Приходилось выбирать маршрут и умудряться не вляпаться в вязкую разноцветную слизь — следы асакку и наммунгов. К тому же, под ногами носились роботы–чистильщики и различная мирная живность, вроде двоякодышащих, судорожно шлепающих ластами, рыб махку, гоняющимися за ними кошками и низко летающими птицами.

Вне зависимости от того, почему все пришедшие решили плюнуть на признаки приближающегося ливня и заполонили Водные Сады, происходящее было весьма удачным. Можно затеряться даже втроём, отметил А. Н., уклоняясь от облака брызг. Из терасс–бассейнов, регулярно выпрыгивала молодь лангусов, и их писки отражались от стен, перебивая даже шум водопадов и «водных деревьев» — изумительно красивых фонтанов, в которых направление и форма струй контролировалась ксенотехнологиями.

Лэндинг: Спектр эмоций
Заголовок: Водные Сады — жемчужина Цитадели!
Одобрено Хозяевами: да

Водные Сады — одно из самых посещаемых мест Города.

Некогда это место служило широким ровом, ограждающим сердце цивилизации наших уважаемых Хозяев от остального мира. Однако времена изменились, и теперь возможно заполнить сухой ров не отравляющими веществами, а лучшими образцами живого мира со всех уголков Вселенной.

Берёзы из человеческой метрополии. Декоративный флюгтанг джосеров — к счастью, эта вариация не желает никого проглотить сразу же. Каменные деревья Хозяев. Многочисленные фонтаны, скамейки и тихие аллеи. Наиболее бесстрашные из жителей могут искупаться в фонтанах или многочисленных тёплых источниках — это разрешено правилами посещения. Многие молодые люди пользуются либеральностью их положений.

Вниманию жителей нашего Города представлен весь спектр эмоций, которые только могут подарить тенистые аллеи парка, называемого Водными Садами. Оборудованы места для барбекю. кебаба, варгунэ, прулэ. Любой геностатус может найти себе развлечение по вкусу — мирное и нацеленное на взаимодействие с другими расами, населяющими наш любимый Город.

Марва Эрнест заметил издалека. Он и стоящий ко взгляду спиной мужчина тихо переговариваясь. Пара предусмотрительно не носила на виду броню, да и вообще была одета в видавшие лучшие времена одежду. Для проформы (или для души) оба ощупывали взглядами молоденьких девушек, повсеместно перемещающихся небольшими стайками. Оставалось искренне надеяться, что коллеги заметили слежку. Если таковая была, естественно.

— Чего встали, как два столба, — вместо приветствия буркнул Эрнест.

— А ты видел, сколько народу сегодня? — осклабился повернувшийся лицом Генрих, протягивая руку. — Как будто половина Бесильни решила мирно провести время.

Рукопожатие. Что ж, Генрих — это неплохо. Он достаточно хладнокровен, чтобы осадить в случае чего и Эрнеста, и Марва. Последний, к счастью, явился без любимого флогистона.

— Марв, — кивнул А. Н.

— Шеф, — гулко репетовал тот.

— Рад, что вы, ребята, не вырядились в броню, — саркастично ухмыльнулся детектив.

— Не вырядились в броню сразу, — поднял с улыбкой палец вверх Генрих. Под Чёртовым мостом у нас есть отличный тайник. Там есть всё нужное.

— Вы же не умыкнули боевую броню? В ней есть маячки, как и во всех полирежимках.

Троица двинулась прочь, не оглядываясь. Эрнест задавал направление, поэтому группа несколько раз плутала по тропинкам и аллейкам. Программа в «улитке» пищала, выдавая совпадения, но все они были в достаточной мере безобидными. Девушки, дети, безопасные виды нелюди.

Где–то на границе зоны детекции, правда, мелькнула пара джосеров. Слишком молодых для серьёзных дел — они напали бы сразу. Скорее всего, они проводят какой–то очередной сложный брачный ритуал вроде ловли определенного вида птиц.

— Ни в коем случае, шеф, — наконец вернулся к разговору Марв. — Но вот её отдельные элементы — умыкнули. Пластмышцами и пластинами старой брони мы обеспечены. Плюс три аптечки и десяток гранат.

— И как мы всем этим обвешаемся в «синей» зоне?

— У Чёртова моста есть старая купальня. Никто не удивится троим мужикам, раздевающимся или одевающимся. А тяжелое оружие не запрещено к выносу. Запрещено к вносу, а это, согласитесь, совсем другое дело.

Эрнест кивнул.

— Что с оружием, кстати? У меня только пистолет и набор по апгрейду — в рюкзаке.

— Кроме гранат мы взяли три лазерных карабина. Их списали ещё два месяца назад, но всё никак не сдавали. Мы решили, что ещё полгода не сдадут, и умыкнули вместе с остальным. Они достаточно древние, чтобы в них не было хитрой электроники.

— А дополнительно в них ещё порылся знакомый машинист. Он почистил железо от лишних защитных программ.

— Вы хорошо поработали.

— Знаем, шеф, — усмехнулся Генрих.

Схрон нашли быстро. А вот с переодеванием вышла накладка. Горячие источники уже были заняты шумной и голой компанией, которая была явно не против гостей. Особенно — парочка прелестных особ женского пола, не очень фигуристых, зато — очень свежих лицом и телом. Общее дружелюбное настроение было тому причиной или хорошие дозы травы — троицу не интересовало.

Они вежливо отказались — сегодня был плохой день для подобных приключений. Кряхтя, убежали от выбежавших обнаженных девушек подальше. Отошли в неприметные и очень

густые кусты и переоделись прямо на морозе, путаясь в одежде. И посылая тихие маты в адрес неожиданных визитеров купальни.

— Куда теперь? — осведомился Марв после того, как троица, показав лицензию на оружие троим «хозяевам» — стражам, вышла за ограду. Нелюди проворчали что–то на своём языке, переглянулись. Но выпустили из Садов. Оставалось надеяться, что они далеко не сразу сообщат в «АгниКорп», что трое их сотрудников бродят вне зоны своей компетенции с лазерными ружьями в рюкзаках. И что один из роящихся над Цитаделью биоботов не будет направлен по их души.

— Нас ожидает одна встреча, после которой двинем к информатору. Если всё пройдёт нормально — вы свободны.

— Тю, — разочарованно вздохнул здоровяк. — А разговоров–то было, как будто идём брать штаб–квартиру синдиката штурмом. Я даже думал флогистон захватить.

— Хорошо, что не захватил, — проворчал Эрнест, выходя на «вафельницу» и поднимая руку. Через минуту потрёпанное такси спикировало на покрытие. Через две — оторвалось, набирая высоту с места.

Его взглядом провожал потрёпанный временем человек в двубортном плаще. Отрицательно покачав головой на просьбу прохожего о сигарете (мужчина не курил), он набрал на коммуникаторе известный только ему номер и сообщил идентификатор такси.

Глава 5.2

Место: Старый Город.

Локация: Окрестности Зеркального пруда.

Время: Четверг, 19:22.

Втроём безопасники привлекали слишком много внимания. На ходу не удалось придумать подходящей маскировки, пришлось импровизировать. В первой попавшейся лавке старьевщика Эрнест и Генрих купили нарды. Генриха пришлось учить играть на ходу. Учитывая в игре, что один кубик отсутствовал. Вдобавок, некоторые фишки побледнели или потемнели настолько, что их реальный цвет в сумерках было крайне тяжело разобрать.

Марв же применил весь опыт жизни в трущобах и притворился спящим бродягой на соседней лавочке. Лёг, обнял забитый легальным и не очень легальным оружием рюкзак, накрылся плащом размером с маленькую палатку. Прикрыл глаза, так что чёрная голова слилась с плащом и сероватым деревом скамейки. Вышло довольно убедительно. Проходивший патруль поморщился, но ничего не сделал. Тарифный план этого микрорайона не предполагал охоты за бродягами. Нарды местных безопасников тоже не особо заинтересовали. Они одолжили у Генриха папирос на всех, осведомились

— Вас не беспокоит тот идиот?

— Спасибо, мужики, уже успели привыкнуть, — усмехнулся Генрих.

На этом самая нервная часть ожидания и закончилась. Генрих и Эрнест даже успели закончить игру, прежде чем вдалеке показался ковыляющий «аквариум». Марв мгновенно прекратил храпеть. Пока А. Н. складывал набор для нард, Генрих вытащил из кустов два рюкзака. Проверил оружие, подал винтовку детективу. Впрочем, Эрнест был спокоен.

— Только не говори, что это твой информатор, — буркнул Марв.

— Не совсем, — уклончиво ответил Эрнест. Все свои карты он пока не собирался раскрывать.

— Скажи, а это случайно не та креветка, которую мы… — начал Генрих, но осекся. Лангус уже был рядом.

— Тишины вашему океану, — проскрипел голосовой декодер лангуса.

— Тишины и твоему омуту, уважаемый Севиче, — глубоко склонил голову Эрнест. За время вынужденной самоизоляции он семимильными шагами преодолел курс базовой ксеноэтики, откладываемый всё время эмиграции в городе. Не каждый экспат

вообще одолевал его за время жизни — было проще обращаться к чужакам, как к тупым людям. Вне зависимости от наличия головы, количества ног и так далее.

— Ваш боевой косяк. Левая и правая клешня. Полагаю, — бесстрастно произнёс лангус, внутри водной капсулы поворачиваясь к Марву и Генриху.

— Да, — снова склонил голову А. Н. — вы правы. Верные, словно продолжение рук, — добавил он скорее для друзей, чем для себя.

— В таком случае несколько ваши руки диспропорциональны. Полагаю, — рассудил Севиче. Генрих едва сдержал смешок. Он был на две головы ниже негра.

— Мне уже нравится эта креветка, — негромко фыркнул Марв.

— Креветка имеет отлично настроенные аудиосенсоры. Полагаю, — невозмутимо произнёс лангус и подошёл ближе. — Восхищён остротой твоей головной губки, офицер. Вам нужен знающая тёмные воды личность. Определенного рода. Полагаю?

— Тёмные мыльные воды, несущие яд икринкам, — спокойно уточнил Эрнест.

— Мыльные воды. Приемлимое. Полагаю. Наименование. У вас будет имя. Утверждаю.

— Уважаемый Севиче, могу спросить? — Пауза. Обязательная — и для лучшего понимания человеческого языка, и для сдерживания ругательства. — Когда?

— Ты уже задал его. Полагаю.

Эрнест набрал в лёгкие воздуха и медленно выдохнул. Ему было всегда тяжело общаться с ксеносами.

— Проблемы с воздухом? Отрицательная надежда, — несколько беспокойно пробормотал Севиче, поворачиваясь внутри скафандра.

— Отрицательно. Несколько взволнован.

— Зря. Полагаю. Имя личности давно в головной губке моей личности, готов её вам преподнести. Полагаю.

— Буду рад получить, — искренне ответил А. Н. и ляпнул: — Полагаю.

Марв и Генрих вовсю лыбились, наслаждаясь происходящим. Пока встреча сильно отличалась от того, что они себе навоображали в ожидании Эрнеста. Неловкий и косноязычный лангус совсем не смахивал на злодея всегородского масштаба.

Лангус издал какой–то неопределенный звук, то ли бульканье, то ли вздох. А может и вовсе — баг генерирующего голос оборудования. Биоскаф затрещал и откуда–то выползла недлинная лента. Что–то вроде тёмно–зелёного пластика.

Покрытого вполне себе человеческими буквами.

— Известное мне именование личности. Что интересует вас. Утверждаю.

— Обширные планктонные благодарности, уважаемый Севиче, — коротко поклонился Эрнест.

— Когда у вас будут более материальные благодарности. Обращайтесь незашифрованно. Полагаю. Запрашиваю извинения. Скафандр моей личности всегда нужен косяку. Вынужден уйти. Обстоятельствами.

— Да–да, спасибо, уважаемый Севиче.

— Пожалуйста, — ровно проговорил биоскафандр, уже разворачиваясь.

Стук металлических ножек–манипуляторов по крупной бетонной плитке раздавался ещё долго. Некоторое время безопасники молчали. И только когда лангус скрылся за пределы поля зрения, Марв не выдержал:

— Скажи, что это был не розыгрыш, шеф.

Эрнест ответил не сразу. Он присел на лавку. Внимательно прочитал ленту с информацией. Спросил Генриха:

— У тебя есть доступ к служебной базе данных?

— Разумеется, — буркнул тот, не сводя глаз с направления, по которому ушёл Севиче. Стук биоскафандра ещё раздавался, хотя и весьма тихо. — Но о моём местоположении сразу узнает отдел собственной безопасности. Ты же знаешь, как они тебя любят.

— С меня должок будет, — с чувством произнёс А. Н. Марв же длинно выругался и встал перед оперативником:

— Так что это было, шеф? Мы вооружались до зубов, маскировались, словно на пятках сидит по «хозяину», а в итоге говорили с креветкой!

— Нам только что дали точную наводку. На человека, который видит почти все нужные нам ниточки.

— И Генри?..

— Сейчас узнал точно, где этот человек живёт, — поднял голос искомый Генрих, отрываясь от коммуникатора. В километре отсюда. Если начнём идти сейчас, проскочим очередной местный патруль, даже не придётся упаковывать оружие.

Троица переглянулась и двинулась быстрым шагом. Не убирая винтовки с плеч.

— Мы не можем вломиться ему в квартиру просто так, — заметил Эрнест.

— Я назначил ему встречу от имени службы безопасности, — отрывисто произнёс Генрих.

— У нас хватает полномочий на такое? — поднял бровь А. Н.

— Теоретически, он на самой границе нашей зоны ответственности.

— Теоретически? — обратил внимание Марв.

— Ну, — поморщился Генрих, — там район обслуживается по минимальной страховке. Мы можем вломиться, но если это выплывет — рвение никто не поймёт.

Страховка. Святой термин в Городе. Если твой район, квартал, дом или квартира обслуживается по «алому» тарифу, то ты не платишь не марки. Но и защищать тебя будут только в случае прямого пинка сверху. Никаких оперативных мероприятий по поиску угнанного мобиля. Никаких профилактических рейдов вне необходимости. Только нечастые патрули. Закрывающие глаза на бродяг, шлюх и пушеров. А то — и на мелкие банды, как неоднократно успел почувствовать на собственной шкуре Эрнест.

Прохожие шарахались от троицы, как от бешеного джосера. Никто даже и не думал тянуться к коммлинку или «улитке». Район ещё не превратился в трущобы, но его жители уже были привычны к насилию. И людей с оружием. Сейчас это было только плюсом, но в будущем, возможно, у Севиче и его товарищей начнутся проблемы. Бедность и нелюбовь к чужакам (нелюдской и людской) идут всегда рядом, «книжки» Мыловарен не дадут соврать.

Искомый дом. Давно побуревший кирпич. Тусклые, видавшие многое стёкла. Архитектура простая, но «с претензией». Ворота здания ведут в сквозной двор. Генрих сообщил, что нужный субъект ждёт именно там. Эрнест был не в восторге от того, что придётся совать нос в место, из которого он не знает запасных выходов. Но и время поджимало — через полчаса Агникорп точно встанет на уши.

А через сорок минут их накроет усиленная рейдовая группа. Которая не будет разбираться, что в компании с уголовником делает трое безопасников во главе с Эрнестом А. Н., разыскиваемым свидетелем по делу о гибели детектива Гуртака.

Эрнест дал условный знак. Напарники прижались к стенам по обе стороны от ворот. Натянуть закрытый капюшон баллистической ткани. Так себе коиф. Даже не десантный шлем. Но лучше, чем ничего. Снять винтовку с предохранителя. Услышать щелчки переключателей у соратников. Забросить в приоткрытую щель бота, смахивающего на бильярдный шар. Сжать зубы от приглушенного резиновой оболочкой стука шара о пол. Услышать умиротворяющий тоновый сигнал. Облегчённо выдохнуть.

Кивнуть, мол, чисто. Хладнокровно наблюдать, как набравший воздуха Марв сдерживает могучий крик (привычка

штурма помещения) и молча влетает в проём. Нырнуть следом, отметя облегчение. Не отставать, пока здоровяк врывается во двор, проверят выходящие во двор окна в поиске торчащих стволов, прицелов или хотя бы нейроскопов. Наткнуться взглядом на спокойного, словно джосер в засаде, посредника. Опустить ствол.

— Насколько помню, речь шла не о задержании, а о разговоре, — хладнокровно ответил сухощавый лысый мужчина, окруженный очень нервными «быками» при кинетическом оружии.

Его взгляд был мертвее паковых льдов. Железо и современная псевдокожа оптических имплантов могли многое. Построить правдоподобную внешность — легко. От модельных изумрудных глаз «а-ля Агнетт», до глаз с неровными пятнами бельма. Идеальную картинку — немногим сложнее, в любом разрешении и в любом оптическом диапазоне. Сложно, но некритично — интеграция боевых систем и сканеров. Но импланты глаз, несмотря на все хитрости и уловки, всё ещё были железом. И никакой «случайный» алгоритм не мог подобраться к имитации тонкостей человеческого взгляда.

Впрочем, в данном конкретном случае глаза — дело не первое. Искалеченное лицо посредника само по себе не выдавало никакой информации. Кроме той, что оставляла физических следов, разумеется. Почти сгладившиеся ожоги, мелкие следы от осколков (стекло? мелкие куски суббоеприпаса), настолько давно залитые биогелем, что оставившие только контуры. Аккуратно подогнанный стык мёртвой кожи и кожи живой около уголков глаз. Исправленный нос.

И при этом всём — практически университетские манеры.

— Именно о нём, — хрипло выдохнул Эрнест. — Прикажите своим людям опустить стволы.

— Только после вас, господа, — едко усмехнулся посредник.

А. Н. недолго колебался. У каждого безопасника в кармане было по несколько «умных» гранат того рода, что сами выпрыгнут и рванут к цели. Опущенные лазерные винтовки ничем не грозят. Он отмахнул жест и сам опустил первым оружие. Через одно очень длинное мгновение его примеру последовали «быки».

— Вы знаете, на кого наехали? — осведомился охранник лысого.

— На будущего мертвеца по кличке Лаэрас.

— Это имя записано в моей ID-карте, не спорю, — прищурился посредник.

— Но это не значит, что оно настоящее, — усмехнулся Генрих, — не так ли, Ру…

— Довольно, — спокойно кивнул Лаэрас. — Я вас понял. Чего вы хотите?

— Искреннего разговора, — встрял Марв.

— Лично со мной, — уточнил Эрнест.

Лаэрас некоторое время сопел, затем кивнул в сторону детской площадки. Показательно повернулся спиной, дошёл до подёрнутых ржавчиной каруселей. Первым сел на потёртые, но пока не развалившиеся качели.

— Я знал, что рано или поздно, но этот день настанет, — проговорил Лаэрас, глядя в проём за детективом. — Кто тебя навёл?

— А это имеет какое–то значение? — поднял бровь А. Н.

— Сейчас нет. Но в будущем я больше не буду иметь дел с этим человеком. Как минимум так.

— Обычно люди вроде тебя говорят о кровавой мести.

— Я — нестандарт, — веско произнёс Лаэрас. — Мой бизнес состоит из тонких материй и взаимовыгодного общения. Молчание обеих сторон в нём является важной составляющей.

У Эрнеста в голове начала складываться нехитрая комбинация. Этот посредник может быть полезен. Вдобавок, в чём–то они да схожи.

— На тебя слишком много материала, Рудольф.

— Твои коллеги уже достаточно получают, — повёл челюстью Лаэрас, словно собираясь сплюнуть. Сдержался. — И до этого момента не выделывались.

— Не очень удивлен, — честно ответил детектив и пошёл на блеф. — Ты прокололся. «Хозяева» ещё не заинтересовались тобой, но только потому что Вазаф судорожно думает, как бы спрятать концы в воду понадежнее. Я не могу тебе предложить имя, — начал А. Н. предложение. Посредник фыркнул, — но могу предложить своё невнимание.

— Ты упомянул «хозяев». Понимаешь, что они могут сделать за нарушение служебных обязанностей — и всё–таки полез на рожон.

— Естественно, полез. Причина была достаточно веской. От меня не откупиться деньгами, только информацией. Правда, и ответная услуга будет куда дороже.

— Вот как? — правая бровь вздёрнулась.

— Я буду тебя прикрывать. Ты безобиден, как асакку на отдыхе, и так же нужен городу. Я тебе — ты мне. Всё просто, как видишь.

Лаэрас поморщился. Потер бритый подбородок. Неловко хохотнул.

— Нестандартный ты безопасник, командир. Не удивлюсь,

если ты ещё и с нелюдью общаешься на равных.

— Этим не каждый может похвастать, — уклончиво пробормотал Эрнест.

— И всё–таки, — добавил любопытства в голос посредник. — Что тебя интересует?

А. Н. собирался спросить о картеле из Мыловарен, но предчувствие, засевшее в мозжечке, в последний момент кашлянуло. И он спросил:

— Что ты знаешь такого об «АгниКорп», чего не знает рядовой её служака?

Собеседник на мгновение потерял самообладание. Его искусственные веки расширились, рот приоткрылся. На мгновение. Вскоре взгляд опустился, посредник достал дорогую сигарету. Закурил. И Эрнест снова услышал ровную фразу.

— Ты продолжаешь меня крепко удивлять, командир. Ладно. С чего бы начать?..

— Удиви меня. Как осведомлённый посредник неосведомлённого безопасника.

— Ну допустим. Ты знаешь о такой вещи, как «контрольный»?

— Первый раз слышу.

— Разумеется. Ты ведь командир отделения или был им? Ну, до того, как тебя выдернули из грязи, возможно — через академию, не так ли? — не дождавшись прямого ответа, Лаэрас продолжил: — Значит, именно ты и был целью «контрольного». В случае бунта или противодействия линии руководства ты бы получил укольчик «стимулятора». Час времени — и от малейшего потрясения ты получаешь разрыв сердца. Ни один транк не поможет, даже тетратранк.

— Любопытно, — хладнокровно произнёс Эрнест, спуская ярость в желваки. — Но пока ничего нового. Начальство солдат всегда не ставило в грош.

— О нет, безопасник, — с бледной улыбкой произнёс посредник, прикладывая сигарету ко рту, — новое — это то, что ваше начальство не просто там «не ставит в грош». А то, что ради своих целей оно готово вас развеять по ветру. Пустить под струю флогистона, если угодно.

— Патрон! — не скрываясь, заорал «бык» со штурмовой винтовкой, свесившийся с крыши во двор. Биобот в квартале отсюда! Охотник!

— Ну вот, — усмехнулся Лаэрас, — сейчас ты узнаешь значение «нового» на своей шкуре.

— Стой! — рявкнул А. Н. — Я ещё не всё спросил!

— Зато я всё ответил! — рявкнул посредник, выкидывая что–то из кармана.

Позже Эрнест с горечью признавал, что произошедшее было целиком и полностью его виной. Он недооценил противника, поскольку обычно уличные дельцы отличались самоуверенностью и бедным оснащением. Но Лаэрас был не таким. Именно поэтому в его карманах оказались две компактные диверсионные светошумовые гранаты. Размером чуть больше грецкого ореха. Но производящие шум как полноценные армейские.

Только инстинкт спас глаза Эрнеста и заставил его отбить сигнал тревоги в «улитки» соратников. Краем взгляда, уже падая, он видел, как падает Марв, а Генрих, плюнув на винтовку, закрывает уши и зажимает глаза. Хлопок. Тонкий звон в ушах. Картинка сильно осветлена. Убегающие люди, луч света гуляет по крыше. Очередь вспышек. Быки пытаются сбить биобота кинетическим оружием? Возможно.

Марв что–то орёт, но слух не возвращается. Генрих соображает быстрее и отбивает сообщение «улиткой».

«Охотник прилетел. Пора делать ноги.»

Точно, пора. Но не просто так. Рывком встать на ноги. Проверить винтовку, проследить за направлением эмоциональных жестов Марва. Двор хоть и был закрытым, но не замкнутым. Никаких «внутрянок» или замкнутого кольцом строения. Просто заборчик, не особо высокий и без защитных шипов. Напрячь пластмышцы, прыгнуть на несколько метров по параболе. Не думать о возможной встрече по ту сторону. Приземлиться не очень удачно, перекатиться с несколькими ссадинами на руках.

Оглянуться, увидев Марва и Генриха, летящих откуда–то сверху. Жестами увлечь за собой. Увидеть сообщение.

«Они двигаются Корзинному переулку к реке не сворачивая»

Отбить ответ взглядом.

«Видимо, катер. Перехватим.»

Почувствовать, как звук возвращается длинными очередями верных «быков» и короткими сухими разрядами биобота. Пока что дрон был увлечён бандитами, но стоит оператору засечь ID Эрнеста — и его путь перегородят всплохи разрядов. Рвануть в первый попавшийся проулок. Перебежать пустую улицу. Перепрыгнуть забор. Второй. Третий.

Понять, что выбрались на параллельную улицу чуть по диагонали. Взять старт с места бегом того рода, который могут выдать только пластмышцы. Как урдалеб на случку, в общем. Услышать маты Марва. Пространно выругаться в ответ, поражаясь приглушённости собственного голоса. Понять, что группа посредника осталась где–то сзади. Уйти вправо, наперерез. С удовлетворением видеть, как запыхавшиеся бандиты вываливаются прямо перед лицом.

— Я не хочу стрельбы, но ты мне должен!

— Ни хера я никому не должен! — рявкнул Лаэрас и вскинул лазерный пистолет. Вскоре устье переулка утонуло в очередях.

Упал бык, получивший от Марва очередь почти в упор. Посредник спрятался за мусорным баком и редко, но метко стрелял, попадая правда в скрытую броню безопасников. Генрих вытащил гранаты, кинул сразу две. Вой короткоживущего двигателя. Два взрыва, сливающихся в один. Программа слежки удовлетворённо пискнула. Лаэрас остался один.

— Мы одни! Ты не сможешь убегать дальше!

— О нет, безопасник. Мы совсем не одни, — громко расхохотался посредник, пока Эрнест подходил. И у самого мусорного бака А. Н. понял, что имеет в виду лысый. Но предупредить товарищей не успел.

Выплывший с грацией взбесившейся коровы биобот некоторое время поводил хоботком–стволом. Взял на мушку группу Эрнеста и плюнул поток когерентного излучения.

Генрих даже не успел вскрикнуть. Разряд, второй, третий прошили его тело насквозь, словно и не заметив брони. Марв прыгнул в сторону и только нечеловеческая мощность пластмышц спасла его. Биобот пошёл на вираж, готовясь зайти к слепой зоне с новой стороны. Эрнест в бессилии заорал.

— Какая дальность у гранат?

— Метров двадцать!

— По моей команде кидай все что есть! И отдай часть этому дегенерату!

— Ты уверен?

— Абсолютно!

Лаэрас не противился и не попытался угрожать. Когда дрон выплыл из–за крыши, сметя несколько антенн, он прыгнул и кинул свою пару гранат. Наводимых Эрнестом на чёртову личинку–охотника. Треск двигателей, позволявших гранатам взлететь максимум на пятнадцать метров. Высоту слишком опасно пикировавшего судорожно трясущегося тела личинки. Оператор пытался скомпенсировать занос, но не смог. И в тело выращенного в чане гомункула врезались шесть гранат, размолотивших лоснящееся тело в клочья.

Но прежде лазер плюнул ещё очередь навскидку. И один разряд нашёл свою цель. Марв медленно осел на землю. Его бедро было обуглено и лишилось хорошей части мяса. Закрепленная на бедре аптечка исчезла, не оставив после себя даже уголька. Аптечка… Эрнест потянулся к своей. Она была целой.

— Ты помнишь, как выглядит «контрольный»? — прохрипел

А. Н., раскрывая меднабор.

Посредник бросил взгляд на раскрытую сумку.

— Тут её нет. Будь спокоен, второй умер мгновенно. Ему такое не понадобится.

— Знаю, — рявкнул Эрнест, вкалывая транк чёрному гиганту.

— Я вызову медслужбу, — негромко произнёс посредник, снова фокусируя взгляд. — Независимую. Не волнуйся, данные АК они просто так не сдадут.

— Почему? — поднял взгляд А. Н., отрываясь от заливания ожога биогелем.

— Потому что это «синяя служба»…

— Нет. Почему ты вызвал?

— Ты мне спас жизнь. Я такое не забываю, — веско произнёс посредник. Опальному оперативнику ответить на это было нечего.

Ховер–платформы с усиленным штурмовым взводом прибыли через пятнадцать минут. Но медицинский биобот — через пять. Он самостоятельно загрузил Марва. Получил уточнение по останкам Генриха. И давно улетел к тому моменту, когда ругающийся последними словами Тиммерман рыскал по переулку между трупов.

К тому времени Эрнест уже оттащил избил Лаэраса до нескольких рассечений. Несмотря на вызов медиков — ему всё ещё нужна была информация. И если бы посредник выдал её сразу и без трюковых эффектов — Генрих бы наверняка остался жив.

— Говори, сука, проклятый посредник, отрыжка кордула…

— Я и говорил. И это не принесло счастья, не так…

Удар. Ещё удар.

— Твои кастеты — не нейрошокер. А я выдерживал и его.

Удар.

— Ты потерял как минимум одного друга, но это не повод срывать злость на мне.

Удар. Удар. Ещё один удар, но уже — в стену. Отлетающие куски кирпича. Пластмышцы способны на многое.

— Я могу смешать кости твоего лица в кашу, Лаэрас — прошипел Эрнест. Его левое веко дёргалось. Отставленный, «нерабочий» правый кулак судорожно дрожал.

— Можешь, — спокойно согласился посредник. — Но будешь ли?

— Буду, — со всем возможным хладнокровием ответил А. Н. Разум возвращался к нему, однако химия бессильной злобы всё ещё требовала крови. — Мне не станет от этого легче, но я закончу встречу с тобой так или иначе. Ты расскажешь мне самую

чёрную грязь об «АгниКорп». После этого я извинюсь и уйду, не оборачиваясь. Можешь всадить мне лазерный разряд в спину — приму и это. Но не расскажешь — и я буду избивать твоё тело до самого рассвета. Вне зависимости от того, сколько жизни или плоти в нём останется.

Лаэрас вздохнул. Прокашлялся, сплюнул выбитый зуб.

— Тяжелый ты человек, безопасник. Никогда бы не назвал сына в твою честь, да только ты и не представился.

— Тебе оно ни к чему.

— Всегда нужно знать имя почётного врага, — тряхнул лысой головой посредник.

Эрнест помолчал, тяжело дыша. В отдалении выли ховерплатформы. Улитка разрывалась от сообщений во внутренней сети до определенного момента. После которого А. Н. словно отрезали от внутренней сети. Похоже, Рубикон пройден. Оперативник вздохнул. И произнёс:

— Зови меня мистер Эрнест.

— Эрнест? Неплохое имя. Уж лучше Рудольфа, кхе–кхе… — тяжелый кашель. — Самое чёрное дерьмо, говоришь… я расскажу. Но сначала ты мне поставишь пива — хотя бы за последние три удара.

А. Н. поднял взгляд на окровавленное лицо Лаэраса. Вздохнул и протянул руку.

— Сначала нужно тебе обработать рожу биогелем. Иначе нас не пустят ни в один кабак.

Глава 5.3

Место: Старый Город.
Локация: Мужской клуб «Игни»
Время: Четверг, 22:34.

— Если ты ведешь подозреваемого в бордель, то я боюсь за твою жёнушку, — наконец пробормотал Лаэрас. Первые его слова с того момента, как Эрнест поднял его с земли.

Они сидели в конфиденциальном кабинете на третьем этаже. А. Н. хотел просто убраться с улицы в место, не подверженное быстрым обыскам — и нашёл его в виде знакомого заведения. Охрана, конечно, осталась не в восторге от окровавленного пиджака посредника. Биогель уже сработал — от ссадин и рассечений остались только розовые шрамы. Одежду почистил знакомый мальчишка–чистильщик, получив очередные пятьдесят марок. Подобная такс в «Игни» не сработала бы, однако стопка жетонов вполне сработала за пропуск.

В Бесильне так часто — пока есть деньги, тебе открыты все двери вне зависимости от презентабельности. Особенно — для хартийцев без откровенно нарушающего законы багажа. А рюкзак с наиболее нелегальной частью оружия был надежно спрятан ещё на входе в Бесильню. На аптечку и броню скрытого ношения только кинули взгляд, но не более того. Парадокс, но, похоже, наличие пластмышц никогда не волновало вышибал.

А. Н. удалось кое–как отказаться от шлюх. С каменным лицом уклониться от предложения управляющего пойти к снукеру. Но от пива уклоняться он не собирался и заказал сразу бочонок. В текущем наадреналиненном состоянии оно все равно пилось как вода. Без ощущения львиной доли вкуса, не приводя ни к малейшему опьянению.

Вот и сейчас, прежде чем ответить, Эрнест для начала сделал очень добрый глоток пшеничного светлого. Фирменной варки мини–пивоварни с соседней улицы. Утёр пену с бороды. Зажег трубку и заметил:

— Я не женат. А был бы женат — уже развёлся бы. Знаешь ли, девушки, даже моего возраста, не очень–то лояльно относятся к длительным засадам, новым шрамам и встречам в блядушниках.

— Понимаю, — мрачно кивнул посредник и отхлебнул пива. На его безымянном пальце А. Н. заметил давно потускневшее золотое кольцо.

Некоторое время они молчали. Наконец, Лаэрас отставил опустевший бокал и произнёс:

— Ненавижу эти высокие стаканы. Почему все эти заведения

с претензией их так любят, а не банальные, но очень устойчивые кружки?

— Кружками можно разбить кому–то голову, — заметил А. Н. — Их тяжело разбить и получить штраф. Их тяжело опрокинуть и заказать лишнее, незапланированное пиво.

— Пожалуй, ты прав, командир, — опустил уголки губ посредник. — Итак. Тебе мало грязи, и ты хочешь ещё.

— Именно.

— Что ж… Ты знал, что большая часть эсбэ крышуют ту или иную группировку?

— Это ни для кого не секрет. «Контрольная группа», как такое называет собственная безопасность.

— Даааааа, — протянул Лаэрас, вытряхивая из инкрустированного яшмой портсигара тонкую чёрную сигариллу. Некоторое время он хлопал по карманам, пока Эрнест не бросил ему свою универсальную зажигалку. Закурил. Бросил взгляд на спокойного, словно джосер в засаде, А. Н. и продолжил: — Только мало кто додумывался о большем.

— Хозяева режут зарвавшихся СБ себе на ужин каждый год, — заметил детектив, потягивая трубку. — Поэтому времени задумываться у них нет.

— Только слишком коррумпированных и играющих в мафиози, — покачал головой посредник. — Но зачем превращать место, где спишь в хлев с криминалом? Если его можно создать чуть в стороне, приходя только иногда?

— Чтобы разгрести накопившееся дерьмо и потыкать вилами в свиней… — протянул Эрнест.

— Смекаешь, — удовлетворённо кивнул посредник. — Некоторое время назад мои клиенты стали обращать внимание, что одна конкурентная… назовём это так, фирма, не прилагая никаких к тому деловых усилий, резко нарастила объемы продаж и производство. А её соперники стали очень часто попадаться безопасникам.

— От тебя просили покровительства?

— Нет, что ты. Скорее найти контакты глав этой фирмы, чтобы выставить претензии и недоумение. Сам понимаешь, рынок ограничен, игроки очень нервно воспринимают тихую дележку пирога.

— Ты говоришь так, словно речь об обычном рынке товара.

— В целом ты прав, — легко улыбнулся лысый, обнажив идеальные зубы. — Принципы работы схожи с обыкновенным, только очень диким капитализмом. Веришь или нет, но когда–то я защитил по нему диссертацию.

— И тебе это помогает в работе? — осведомился Эрнест.

— Очень. Внесистемная, аномальная дичь в экономике происходит крайне редко.

— «Чёрный лебедь», — пробормотал А. Н.

— Не совсем, — Лаэрас глубоко затянулся. Сигарилла резко накалилась, алая обугленная часть опасно наклонилась. Посредник стряхнул пепел и продолжил: — Впрочем, ты в чём–то прав. Появление нового, анонимного и очень рьяного игрока с неизвестным покровительством — именно что «чёрный лебедь». Стали поговаривать, что «хозяева» приложили руку к «Мыльному синдикату». Но всё оказалось проще.

— Я так понимаю, кто–то из АгниКорп создал наркокартель. Но не могу понять, кто.

— Да ладно, — вытянулось лицо посредника, а брови устремились к потолку. — Значит, окраинный склад был вывезен просто так, а все связанные оптовики и работники склада были вырезаны просто так?

— Я об этом не знал, — тихо ответил Эрнест.

— Мало кто об этом знает, — проворчал лысый. — Ведь яму с трупами нашли на окраине «чёрного» джосерского сектора. Расследование вела (и, насколько знаю, ведёт) «Нокс», одна из немногих человеческих СБ с лицензией…

— Лицензией работы в «синих» районах.

— Рад беседовать с осведомлённым человеком. Трупы были обработаны высокотехнологичным оружием, так что версию с джосерами отмели сразу. Анализ ДНК позволил выявить несколько личностей и ты не поверишь, кто был среди них, — усмехнулся Лаэрас, затянувшись.

— Ставрос, — выдохнул А. Н.

— Он самый. Бедняга под самый конец жизни понял, в какое дерьмо ввязался и попросил меня поискать связи наверху, чтобы сдать эту шайку сразу оптом, будто вагон «карандашей».

— Почему он тогда мне не сказал? Ни слова о своих руководителях?

— А ты уверен в этом? — вкрадчиво осведомился Лаэрас. — Никаких знакомых описаний людей?

Эрнеста словно ударили обухом по голове. Сигара, Хлыщ, Вояка. Эльм, настоятельно просивший А. Н. бросить дело. Отсутствующий в самый важный момент Тиммерман. Стефан Кюсте, любящий сигары больше жизни и носитель рыжей бороды. Как он этого не заметил?

— Чёрт, — простонал Эрнест.

— Странно, мне говорили о тебе как о проницательном и перспективном человеке, мистер Эрнест, — негромко произнёс посредник. — Неужели ты так быстро врос в систему АгниКорп,

что сразу не заметил неладное? Вооружённый биобот, прилетающий по первому зову недовольных граждан, медленная скорость реакции бюрократии и предельно быстрая — наркодельцов. Это, по твоему, реалии нормальной работы СБ?

А. Н. яростно потер бороду. Встать, померять шагами комнату, обругивая себя последними словами. Подойти к бочонку, налить себе полный бокал пива. Опорожнить в желудок. Не сходя с места, пополнить. Вернуться к тлеющей трубке, затянуться вишнёвым дымом.

— Не думал, что «хозяева» могут допустить такое, — признался наконец Эрнест. — Я думал только на одного руководителя. Не на трёх сразу.

— Я тоже не думал. И стараюсь не думать. Ситуация дошла до крайнего предела, троица готова сшибать головы направо и налево до тех пор, пока им самим не укоротят шеи хуртукулем.

— У тебя есть предметная информация?

— Ничуть. Только запись разговоров со Ставросом, где он достаточно подробно намекает на личности его работодателей. А, ещё на какую–то бухгалтершу, которая достаточно сильно нервничала, чтобы пытаться скрыться в трущобах. Как ты понимаешь, она уже исследует райские кущи.

— А информация конкурентов?

— Без обид, безопасник, но на следующий день после её передачи я покойник, — затяжка. — Хочешь получить их — пришей сейчас, только дай сигариллу домучать, — сообщил Лаэрас ровным голосом, пуская очередной клуб дыма.

Эрнест всерьёз задумался над его предложением. Без предметных доказательств его развернут в Цитадели, а на выходе найдётся биобот, «неизвестный снайпер» или вовсе совершенно случайно подвернувшаяся банда. Синдикат продолжит своё существование, скатывая в болото всё больше районов. Возможно, жизнь одного «злодея по должности» стоит того. Или же нет.

Размышление прервал короткий тоновый сигнал коммуникатора. Не звонок. Сообщение. Эрнест вывел его в глаз.

«Эрнесту Андреасу Н

Уведомление.

Сообщаем, что ваш статус по делу 07/2345 изменён на «подозреваемый“. Кроме того, вы фигурируете в качестве подозреваемого по делу 05/0341 (смерть офицера и тяжелый ущерб здоровью другого офицера при исполнении). Неявка в течение суток в ближайший участок любой службы безопасности приравнивается к отягчающим обстоятельствам.

Сообщаем так же, что на время расследования протокол «Завеса“ не может быть применён к вам.

— отдел делопроизводства службы безопасности Agni Corp Inc.»

Протокол «Завеса» снят. Блеск. Лучшего подарка от родной конторы ожидать было трудно, отметил А. Н. Никакого принципа «кровь за кровь», никакой тайны жизни вне работы. Теперь любая желающая мразь сможет узнать, где живёт опальный безопасник, просто обратившись к общегородскому справочнику. А уж что–что, а нарабатывать себе врагов Эрнест научился слишком хорошо.

— Судя по твоему лицу, о тебе не забыли, — произнёс Лаэрас, глядя в потолок.

— Ты чертовски прав, — буркнул Эрнест. — Рекомендую тебе свалить из города на время.

— Не учи учёного, — хмыкнул посредник. — Если тебе нужно, у меня есть свободная хибарка неподалеку от водохранилища. Триста жетонов — и она твоя.

— Спасибо, пока обойдусь, — поморщился А. Н., набрасывая куртку.

Он ушёл, не прощаясь, но очень часто косясь по сторонам. Рюкзак оказался на месте и даже — не заминирован. На ходу Эрнест рассылал просьбы о помощи, но никто не отвечал. Пока. Некоторые, впрочем, лучше бы не отвечали. Ганс–Ове посоветовал сдаться, дескать, начальство разберется, что к чему, а то слухи по базе ходят совсем разные. Обматерив немца, Эрнест поймал такси и приказал заложить петлю до Ям и обратно, до причалов.

Уже в такси Эрнест получил запрос на вызов от Франсуа.

— На связи, — буркнул А. Н.

— Слышал про твои неприятности, — протянул француз.

— Есть чем помочь? — осведомился бывший детектив.

— Только добрым словом.

— Без обид, но доброе слово и полирежимка были бы куда лучше.

Негромкий смех.

— Знаю. Но то, что ты задумал, приведёт только к славной смерти. Без какого–либо смысла.

— У тебя есть предложение получше? — напрягся Эрнест. Предложение о сдаче он ожидал от кого угодно, но только не от Франсуа.

— Есть. Сам ты не сможешь одолеть противника. Обратись к тем, кто выше их сидит по ветке.

— Выше по ветке как раз противник и сидит, Франсуа. А через этаж мне не прыгнуть.

— Я бы на твоём месте так не считал.

— Что имеешь в виду?

— Думай, орденоносец, — обронил тяжёлую фразу «сын» и дал отбой.

Чем дальше в Пустоши, тем толще кактусы, флегматично отметил Эрнест. Француз говорил всё туманнее и туманнее, раньше этого за ним не наблюдалось. Что ж, перед атакой будет небольшая пауза. Надо бы вспомнить, с кем из влиятельных людей и нелюдей имел дело Эрнест. Не Севиче же…

Что касается же причалов… в том районе у него было несколько дел. Там, в глухом околоречном пакгаузе, был давно прикормленный торговец нелегальным оружием. Что–то совсем тяжелое он не продавал, нет. За звуковую пушку или тот же флогистон можно было отправиться на переделку в биобот. А вот за гранаты, лазерные винтовки и кинетические пугачи — не факт, можно было отделаться и каторгой.

Винтовка у А. Н. была, а вот с батареями и гранатами после побоища у Лаэраса было туговато. На это, а ещё одну полную армейскую аптечку Эрнест спустил весь оставшийся запас наличности. В нескольких тайниках осталась мелочь, ну и ещё да. «Бусина». Последний довод. Видимо, придётся её выложить за схемы безопасности административного крыла «АгниКорп». А мелочь — за необходимые для проникновения механизмы.

А во–вторых, именно там располагалась третья лёжка. Не так давно Эрнест присматривал место, когда Агнетт едва не решилась на переезд. Тихий неприметный район, «внутрянка» старого дома. Две комнаты и нормальная кухня. Дешево, но не критично. Лаконично, но уютно. Не сложилось. Агнетт после очередного, естественно, кровавого возвращения Эрнест с рейда упорхнула и больше не отвечала на сообщения и звонки. Что же касается квартиры, то А. Н. всё–таки снял её за чёрный нал. На крайний случай. Видимо, он настал прямо сейчас, судя по паническим и несвязным сообщениям ДеГатеано.

Оставалось только надеяться, что итальянца не убьют. Вряд ли порча настолько сильно поразила компанию, чтобы штурмовые группы убивали случайных свидетелей. Или нет? Чёрт, осенило Эрнеста. Марв жив только потому, что лежит в медбоксе несвязанной с АК фирмы. Иначе — «контрольный», почётные похороны, плюс один труп на дело А. Н. Пожалуй, хорошо, что с Агнетт он расстался ещё в самом начале этого чёртового дела.

По вросшей в кости привычке конечный пункт такси находился чуть в стороне от цели. Бывший детектив отметил в голове несколько целей — любимую лавку уличной еды, надежный продавец, удобные места для срезки пути. Запустил программу–трекер, отслеживающую подозрительные совпадения

среди сигнатур имплантов. Проверил батареи пластмышц. Убедился в нормальном заряде. Решительно вышел из мобиля, обстучав трубку о корпус.

Заложить петлю вокруг кварталов, обнаружить «хвост». Троица разновозрастных оборванцев (или же — «оборванцев»). Попытаться стряхнуть их, двинувшись дворами. На выходе из очередного — уткнуться в ещё одну троицу, явно направленную на перехват Эрнеста. Выматериться про себя. Прохрустеть суставы. Дом слишком высок, чтобы его можно было перепрыгнуть. Придется подраться, как говаривал иногда Ленни.

— Мужики, не загораживайте проход, — негромко обратился А. Н., подходя ближе и вкладывая кисти в кастеты. В запасе не больше пяти–семи минут, прежде чем подойдёт вторая тройка и дело примет коричневый оттенок.

— Как же ты меня достал, папаша, — произнёс знакомый голос. Вперёд вышел некто худощавый. Откинул капюшон. — Когда моим ребятам приказали тебе обрезать голос, я не смог не нарадоваться, Эрнест Андреас Н.

— Появились деньжата на импланты? — осведомился Эрнест и резко выбросил вперед левую.

Не обращать внимания на хруст кости и улетевшего вожака. Двинуть по быку справа. Не обращать внимания, тело дёргается на предсмертных инстинктах. Получить удар нейрошокером. Плевать, броня почти полностью поглотила разряд. Пнуть в пах атакующего. Удивиться высоко летящему телу. Получить удар чем–то тяжёлым по голове. Едва не проморгать какую–то быструю тень, надвигающуюся с края обзора.

Тощий оказывается, действительно потратился на импланты. Укрепление черепа и два лезвия в руках. Раза в полтора длиннее стандартного наручного. Левое уже прорезало куртку, оставило глубокую борозду в броне, правое метило прямо в грудь Эрнесту. А череп выдержал прямую левую, укрепленную псевдобионическими мышцами. Чем могла похвастаться не каждая стена в Городе.

Отпрыгнуть, услышать:

— Ты даже не представляешь, какие! Новые руки! Новые боевые импланты! Защита сердца! Никто не смеет унижать Тощего Барри!

Понять, что вожак явно под адской смесью стимуляторов. Отпрыгнуть назад, едва не упасть, получить удар трубой по голове. Собрать волю в кулак, произвести кулаком мощнейший хук, от которого голова «быка» лопнула, словно перезревший арбуз. Подождать, пока звон пройдёт, быстро перемещаясь в горизонтальной и вертикальной проекции. Время есть, а

противников осталось всего трое.

Во время очередного прыжка зацепиться за водосточную трубу. Не обращая внимания на издевательские реплики, упереться ногами в стену. Оттолкнуться, не обратить внимания на обрывающуюся трубу и горящие следы попаданий на спине. В падении ударить собирающего лазерную винтовку бандита. Вырвать винтовку вместе с руками, сплюнуть горячую кровь, залившую искаженный в гримасе ярости рот. Получить два заряда из «дерринджера» последнего «рядового».

Что–то горячее заливает руку — не критично. Палец не сжимается — критично для стрельбы. Выронить винтовку — заряд скользнул по бицепсу. И, видимо, кисти. Выбросить правую. Промахнуться — экзоскелет слишком медленный. Отмахнуться — лишь бы нападающий отпрянул. Не отпрянул, ткнул напоследок чем–то вроде стилета. Ещё удар. Ещё пропущенный тычок. Получить рубящий удар по спине, всё–таки пробивший броню.

Заорать, отмахнуться кроссом, попасть в кибернетическую руку, с глубоким удовлетворением услышать хруст полипласта и железа. Ощутить очередь пуль, впивающихся в карапас, перекатиться к винтовке. Вскинуть к бедру, дать длинную очередь, не глядя, просто в сторону стреляющего. Наконец–то не услышать ругательств. Оглядеться. Заорать от злости и бессилия.

Тощий всё–таки сделал ноги. Под самый конец драки он вспомнил то, что Эрнест знал, только выходя из проулка. Пластмышцы были предназначены для суточных боёв. А вот боевые импланты — нет. Боевая эмна заканчивалась куда быстрее батарей. И если бы «быки» приказали долго жить раньше цели атаки (как случилось, например, сейчас), он остался бы один на один с очень, очень злым оперативником. Тощий Барри понял это и в разгар схватки дал дёру, пока Эрнест отрывал руки и ноги.

Хотя, подумал Эрнест, морщась и поливая на ходу себя остатками биогеля, все было бы гораздо проще, если бы в кармане вместо одного кастета был лазерный пистолет. Прыжки точно помешали вестибулярному аппарату. Он остановился у первой попавшейся урны и туго сблевал. Послал по матери громко возмущающегося прохожего. Пробежал петлей ещё несколько раз.

Только после третьего круга Эрнест понял, что раны перестали кровоточить, а возможных преследователей он только что перебил. Взяв у недоверчиво смотрящего лоточника пару банок «Веселого Урдалеба», оперативник оценил текущую ситуацию. Можно было всё–таки зайти в несостоявшийся дом. Объясняться со старой, плохо слышащей и не менее плохо соображающей консьержкой откровенно не хотелось, поэтому

Эрнест, подойдя вплотную к небольшому участку забора в переулке, просто прыгнул.

Приземление оказалось так себе — без автоматики боевой брони удержаться на ногах после прыжка сможет не каждый. Особенно после очень тяжелого и длинного дня. Не удержался и «подозреваемый». Упал лицом в пыль, с ругательствами поднялся. На удивление, внутри двора не было обычной детворы, а на наружных лестницах и площадках не было курящих молодых и играющих в нехитрые игры стариков. Странно. Впрочем, программа насчитала вполне стандартную численность обитателей дома. Значит, если гости и пришли — их немного.

В квартирах второго этажа было умеренно шумно. Кто–то звенел посудой, кто–то залипал в голопанель. За одной дверью надрывно, со стуком и, пожалуй, излишними звуками, трахались. Вряд ли кто–то сидел и наводил на всех жильцов стволы.

— Она симулирует! — крикнул Эрнест и быстрым шагом поднялся на свой этаж.

Вот она, квартира три сотни восемь. Желтоватая пыль на пороге и наружних подоконниках. Его «метка» в виде неприметного кусочка ржавой проволоки всё так же торчит в щели между дверью и косяком. А. Н. вздохнул и вставил ключ.

Глава 5.4

Место: Старый Город, набережная.
Локация: Доходный дом «Десятый причал».
Время: Пятница, 03:50.

Пролёт ключ–карты по пазу не вызвал взрыва, вылета отравленных дротиков или прочих картинно–смертельных явлений. Щёлкнул главный замок, после нажатия на потайную утопленную кнопку — щёлкнул и вспомогательный. Обитая давно потускневшей медью слегка подалась навстречу Эрнесту. Тот сначала прошёлся дрянным «моноклем» по пространству за дверью, ничего определенного не увидел.

У дальней стены просматривался объём биоматериала, близкого по составу к человеческому. Но его было мало, так что текущее по трубам к утилизатору дерьмо было более вероятно, чем человек. Это мог быть кордул, но кордула распознает даже самый примитивный сканер. Разве что наркокартель заполучил первого в своём роде убийцу–лангуса.

А. Н. переступил порог. Вслушался, вгляделся, а главное — внюхался. Запах всегда выдавал лучше, чем потревоженная пыль, и его нельзя вывести — только замаскировать новым. Который всегда будет чужеродным в привычной палитре ароматов старой, воняющей старым деревом и старыми кирпичами квартиры. Нет, ничего нового или необычного. Похоже, паранойя может слегка расслабиться. Хотя бы ненадолго — по крайней мере некоторое время из оставшегося до рассвета Эрнест собирался потратить на пункт «подремать».

Положить сумку в нишу, потащить пиво в смежную с прихожей небольшую, но всё же отдельную кухню. Холодильник был откровенно пуст, только две коробки сухпайка «на самый крайний» лежали в углу. А. Н. вздохнул, вытащил одну. Распрямился. Все чувства Эрнеста предупреждали об опасности. Хотя всё его «железо» молчало. А самым громким из фоновых был разговор на повышенных тонах ссорящейся парочки со второго этажа.

— Какая карта самая опасная в карточных играх?

Голос. Глубокий и гулкий, словно кто–то говорит в бочку. Эрнест медленно развернулся. Пригляделся. Глаза уже привыкли к полутьме, нарушаемой только прорывающимся сквозь жалюзи рассеянным светом. Итак.

На его любимом кожаном кресле сидел очень, очень массивный мужчина. Шея даже свисает с туго накрахмаленного воротника рубашки. Галстук — весьма дорогой, судя по

переливающейся ткани. Гость давно вошёл в возраст «солидного мужчины» и оставался в нём неопределенно долго. Хотя любая деталь внешности намекала о солидной продолжительности всего жизненного цикла.

Лысина — симметрично прикрыта редкими прядями волос. Скорее для проформы, наверное. Морщины у глаз, бульдожьи щёки. В опоясанной неброскими механическими часами руке — небрежно наставленный на хозяина лазерный пистолет. Присматривается через толстую линзу монокля.

Потратив мгновение на оценку ситуации, А. Н. понял — отвечать придется. До рукопашной дело не дойдёт, расстояние слишком большое. Вдобавок, гость оказался чудовищного телосложения — костюм едва ли не рвался на большом теле, которое можно было бы назвать толстым, если бы не бугрящиеся под рукавами мышцы. Такие окорока Эрнест последний раз видел в мясной лавке одноногого испанца кое–где в старом городе.

А если это виднеются не натуральные, а пластмышцы, то опального оперативника не спасёт и карапасная броня. Незнакомец просто разорвёт его, как грелку. Две части — в стороны, брызги портят обои, бабке снизу кровь марает штукатурку потолка. Не лучшая перспектива, словом.

— Я не играю в карты, — небрежно бросил Эрнест. — Предпочитаю бильярд, знаете ли.

— Даже в «дурака»? — поднял бровь гость. Ту, что не зажимала монокль дополненной реальности.

— Даже в дурака. Мне поднять руки?

— Нет, не стоит. И всё же, прежде чем вы пройдёте вглубь квартиры. Я настаиваю, чтобы вы ответили. Удовлетворите моё любопытство.

— Не знаю… — замялся А. Н. — Джокер?

Посетитель фыркнул и повёл стволом, мол, проходите.

— Не забудьте выложить по пути дерринджер. И тот кастет, что вы умудрились не потерять при вечерних событиях.

Откуда он знает? Впрочем, разницы совершенно никакой… Эрнест выбросил оружие из карманов и остановился перед креслом.

— Могу присесть? — поднял бровь опальный детектив.

— Пожалуйста. Так вот, Эрнест Андреевич Н., самая опасная карта — та, что лежит ближе к концу.

— Не понимаю, — буркнул А. Н., плюхнувшись в кресло.

— Джокер — опасность привычная и, не побоюсь этого слова, предсказуемая. Однако мелкие карты никто не принимает всерьёз. Считает слабыми. Скидывает в самом начале. Однако, попадая в нужное время в нужные руки, она способна спасти

игру, или же — утопить игрока.

— Понимаю. Некоторое время назад оказался как раз в роли такого игрока.

— Игрока? — гость искренне, громко расхохотался. — Извините, но льстить себе вам не стоит. Вы — простая карта. Взбесившаяся козырная семерка, которая пришла в руки некоторым игрокам и жгла им руки так сильно, что ни одна мазь окапи не могла бы унять их боль.

Эрнесту сильно хотелось курить. Последний раз он прикладывался к трубке при ожидании Севиче.

— Я могу?.. — спросил он, подняв кисет.

— Закурить? Нет, извините, не люблю табачный дым.

— А?..

— И воздержитесь от алкоголя, пока что. Но не возражаю против кофе. В возмещение неудобств могу предложить вам парУ.

— Простите?

— Электронный испаритель, — спокойно сказал гость. — Рекомендую сочетание ежевики и красной смородины.

— Спасибо, обойдусь кофе, — пробормотал Эрнест. — Позволите поставить на готовку кофемашину?

— Вы тут хозяин, — радушно проговорил мужчина, не отпуская пистолета. Когда А. Н. встал, «монокль» приподнялся и повернул кресло так, чтобы не выпускать Эрнеста из виду. Он дал несколько секунд форы, но безопасник… бывший безопасник даже не успел дёрнуться. Этот носорог был слишком быстр.

Турка, плита. Кипятком можно было бы плеснуть в глаза, а затем треснуть посудой по лысоватой голове. Нет, не вариант. Обычно у таких здоровяков (взять того же Марва) череп такой толщины, что скорее турка превратится в блин. Хотя вариант с кипятком неплох.

— Одного не могу понять, — негромко произнёс Эрнест, — как вы обманули сканеры? Вы же наверняка не один в здании, но я не засёк никого лишнего.

— Не обижайтесь, Эрнест, — произнёс толстяк, выпуская облако розоватого пара, — но даже сканеры служб безопасности, равно как и большей части армейских, не смогут засечь человека, находящегося под прикрытием моих людей. А уж ваш антиквариат — и подавно.

— Понимаю, — скривил уголок рта А. Н. Потраченных денег ему жалко не было. А вот потраченных совсем впустую — очень даже.

— Нет, вы ничего не понимаете, — мягко произнёс гость, указывая на Эрнеста стволом. — Пока что на вас накатила своеобразная форма облегчения. Не нужно больше никуда бежать,

не нужно тратить деньги, не нужно бояться потерять близких. Это пройдёт. Не очень скоро, но пройдёт.

— Спасибо за сочувствие, — саркастично ответил А. Н.

— Не стоит благодарностей, — поднял ладонь мужчина. — Видите ли, моё время — ценная валюта. Поэтому предлагаю вам проскочить фазу облегчения и вернуться к рефлексии. Совсем ненадолго, уверяю вас.

— Что ж, я в вашем полном распоряжении, — развёл руками А. Н. — Позвольте принести вам…

— Не стоит.

Незнакомец сделал лёгкое движение руки. Турка плавно поднялась в воздух. Ещё одно — и кофе полился по небольшим чашкам. От неожиданности Эрнест даже на несколько секунд забыл, что летающий в воздухе предмет являлся его главным шансом на спасение. На несколько длинных секунд. Язык сам ляпнул:

— Что бы это ни было, люди такой технологией не владеют,

— Поздравляю вас, Эрнест. Первый вопрос, который даже не сформулирован как таковой. Прекрасно. Не владеют, вы правы. Но внесу небольшую поправку: обычно не владеют.

— А вы кто–то вроде исключения? — понимающе усмехнулся А. Н.

— Именно так.

— И зачем такое необычное исключение нанесло визит вежливости к подозреваемому в убийстве?

— Бросьте. Убийств на вашей душе и так много, от одной или двух тяжелее не станет.

— Не вам судить, — прорычал Эрнест.

— Может быть, что и не мне. Но видите ли, судьба козырной семерки всегда интересует того игрока, у которого игра построена на мелких картах.

— То есть вас, мистер?.. — А. Н. замялся. Его собеседник, видимо, обладал достаточной силой, чтобы проигнорировать прямой вопрос. А такое Эрнест стерпеть не сможет. Хотя и получит по роже. Из–за такой двойственности вопрос и повис в воздухе. Впрочем, ненадолго.

— Называйте меня мистер Баттл, — понимающе кивнул гость. — Да, меня. Вы отлично обожгли руки бедняге Кюсте. Он долго не понимал, что с вами делать. Слишком умный для патруля, слишком вьедливый для оперативника, слишком принципиальный для того, чтобы занять место по достоинству.

— Он сам говорил, что штаб — не моё.

— Точнее, легальный штаб. Вы вполне могли бы занять место за столом одного известного вам здания.

— Хватит загадок! Хотите убить — валяйте, но возвышенную муть я терпеть не намерен. — рявкнул Эрнест, подходя к креслу. Вышло не очень, слишком хрипло для крика и слишком громко для рыка. Впрочем, как успел ранее убедиться за многие разговоры с осведомителями А. Н., в разговоре с ними важно было хоть как–то направить беседу в конструктивное русло. Судя по поднятой брови и каменному лицу, вышло не очень. Пришлось выдавить: — Уж извините.

— Извиняю. Но вынужден продолжить, иначе вы будете переспрашивать меня раза три. Итак, карта жгёт руки. От неё хотят избавиться один раз, выкинуть под стол, однако крупье не дурак и замешивает её обратно, а игрокам бьёт по лбу. От неё избавиться путём грязного сговора, но карта режет руки и возвращается на всеобщее обозрение.

— Звучит как завязка к Эдгару Алану, а не криминальной повести, — ляпнул Эрнест.

— Если вы знаете, кто это, то знаете и о том, что сделал мистер По для криминального жанра. Что бы вы сделали с картой, мистер Н?

— Разыграл бы её. Что будет от простого ввода её?

— Возможно, все игроки спасуют и банк останется у крупье. А возможно, самый незаметный игрок заберет всё. Поэтому бедный Кюсте так боялся оставить вас наедине с собой. А вы всё уворачивались и уворачивались, словно не человек, а наммунг какой–то. В рейде на Мыловарни вы избежали смерти трижды, вы в курсе вообще?

— Звуковая пушка, плазма и гнев «хозяина», — отмахнулся А. Н. — В курсе.

— Нет. Ополченцы, которым было приказано спровоцировать СБ к жёстким действиям, несмотря ни на что. «Контрольный» шприц с указанием непременно вколоть с позволения сказать, командиру, — саркастично, брызнув слюной, произнёс по слогам Баттл, — если он вдруг ослушается тихого совета товарища. Впрочем, свинцовая болванка двенадцать миллиметров в поперечнике считала иначе и разнесла гнилую голову. Впрочем, уже на базе вас могли убить при «попытке к сопротивлению», да только вот беда. Некстати нагрянул хозяин.

— Откуда вы всё это знаете?

— Обязанность крупье, — развёл руками гигант. — До поры до времени происходящее нас забавляло. Вы ходили кругами, подбирались к разгадке и то отходили сами в сомнениях, то вас отпихивали максимально наглым образом. Но сейчас–то, надеюсь, Эрнест А. Н. понимает, кто был всё это время важными игроками в наркотической игре?

Баттл опустил пистолет. Достал портфель из кожи некоего чешуйчатого гада. Клац–клац. Четыре толстых папки. Первая папка.

— Стефан Кюсте, — произнёс Эрнест, ещё не взглянув на каллиграфически выведенное название дела. Открыл, увидел фото Папаши в окружении четырёх весьма разыскиваемых оптовиков. Скривился, не успел закрыть, получил папкой по руке. — Тиммерман. Даже смотреть не нужно, его выдает манера поведения с подчинёнными. — Ещё папка. — Эльм Свериге, который постоянно отговаривал меня лезть.

Пауза, более тонкая папка. Эрнест знал, кто окажется в ней, но надеялся ошибаться

— Это… Франсуа Лакруа.

— Нет, — жёстко ответил Баттл. — И вы знаете это.

Открытая на закладке папка. Мужчина в бежевом тренче командует погрузкой. Слегка обрюзгшее лицо, на фоне — дыра от проникновения «червя». Много табачного дыма, но мужчина в центре кадра только брезгливо морщится.

— Ганс–Ове Нахт, — поморщился Эрнест.

— Неудивительно, что вы теряли доказательства прямо в руках, не так ли?..

— Я думал… считал… — произнес в пустоту А. Н. Медленно встал с кресла. — Раз вы пришли не от них, то могу продолжить сборы?

— Сборы к чему? — слегка удивился Баттл.

— К резне, — тяжело произнёс Эрнест, глядя в окно.

— Резне? Упаси боги. Вы настолько отчаялись, что готовы схватиться врукопашную, неизвестно как проникнув на территорию базы?

— Я готов купить за любые деньги инженерные планы. В том числе — у вас.

— И об этом сразу узнает мистер Тиммерман.

— Обитатели базы меня знают и не начнут стрелять сразу.

— А когда начнут — расстреляют издалека.

— Все знают, что врукопашную лучше не стоять у меня на пути.

— Поэтому отойдут под прикрытие огня.

Эрнест поднял взгляд. Его кулаки сжимались и разжимались в ярости. Хотя, строго говоря, толстый гость был прав. Не гранатами же прорываться в поднятую по тревоге базу?

— Итак. Вы в бегах, о чём знает каждый патрульный. Их доказательства — почти железные, ваши — косвенные. Они готовы вас расстрелять, а вы — зарубиться вблизи и надеяться на почётную смерть кого–то из целей. Однако я знаю, рубки в

рукопашную становится слишком много в последнее время, что говорит о сильнейшем психологическом шоке. Сначала начали пить запойно, затем алкоголь ушёл из жизни. Чуть не женились, а последнее время потеряли всяческую разборчивость.

— Разборчивость я не потерял.

— Но притупили изрядно. Погоня за местью притупляет вашу личность. Хотя признайтесь, именно в отрыве от гнилой и громоздкой системы работалось лучше всего, не так ли?

— Так. Но от революционных агитаторов всегда отказывался. А ваши лозунги ими явно пованивают.

— Мы — не какие–то агитаторы. И вы отказаться не сможете. К тому же, вы в методах очень близки с методами приснопамятного мистера Кюсте. Синдикат «Мыло» тоже начинался с этого. Потом уже подтянули теорию «контролируемых бандитов», слышали о ней?

— Разумеется, — обронил Эрнест. Происходящее напоминало ему дурную драму, и в глубине души начало подниматься раздражение.

— Тогда понимаете, о чем речь. Только если ваших начальников в сторону противодействия толкал холодный расчёт, то вас — эмоции. Прямо как сейчас.

— Даже если я не смогу одолеть вас и ваши технологии чужаков — вам придётся тащить меня волоком от оперативной базы АгниКорп.

— Эмоции, — поднял палец Баттл. — Где–то в глубине души вы боитесь, что сдали отца в дом престарелых согласно излишне холодной логике, и именно поэтому, несмотря на внешний холод, стараетесь действовать импульсивно…

— Хватит, — зарычал А. Н.

— Вот и сейчас. Вы ведь сами думаете, что люди, способные спрятаться от любого взора в городе и стереть любого человека из баз данных не побоятся волока. Нет. Так зачем слушать эмоции? Мы можем оставить вас на виду, а можем — всё так же оставить на виду и заставить всех врагов беситься от невозможности достать.

— Если вы всерьёз думаете меня рассердить, то вам следует придумать кое–что получше.

— Кое–что получше? Я могу от лица моей организации предложить это ваше «кое–что лучше», Эрнест. То, чего не смогли предложить армия, Агнетт и АгниКорп, вместе взятые.

— А вот её… — неожиданно тихо начал А. Н.

— Затрагивать не собираюсь, — холодно отрезал гость. — Хотя вам было бы очень любопытно, уверяю вас.

Пауза. Вставшие мужчины некоторое время смотрели в упор

друг на друга. Эрнест — снизу вверх. Наконец, Баттл сел (кресло жалобно скрипнуло), и взял чашку. Он ещё всасывал остатки гущи, когда экс–комбатант сел напротив, решительно достал трубку и начал забивать. И ещё не успел открыть рот, как услышал:

— И что же ваша организация способна мне предложить?

— Действия, столь же неприятные морально, насколько и нужные.

— Кому? — негромко осведомился А. Н.

— Всем.

Пауза. Голоса в доме стихли. Эрнест оглянулся. Поднял бровь.

— Скоро на шум сбежится весь квартал. Не боитесь?

— Не боюсь. Мои люди в каждом помещении этого здания.

А. Н. смутился. Он вспомнил страстную парочку.

— Даже?..

— Даже они, — кивнул мистер Баттл. — Ваше замечание они учтут.

— Что ж… И какие у вас условия? — А. Н. потёр лоб. — Зарплата, страховка?

— Материальные блага вас перестанут волновать уже очень скоро. Но если вы так переживаете за них — то хоть завтра переезжайте на Жетон. Мы всё оплатим.

— Вы сейчас иронизируете или говорите всерьёз?

— Если не проколетесь за 48 часов и выполните тестовое задание — это легко можно устроить, — пожал плечами Баттл.

— Что от меня требуется? Договор кровью и душа в залог?

— Душу в залог вы сдадите сами. Не сразу. А что касается крови… подписи не берём, но без этой жидкости или её подобия в нашем деле обходится редко. Так что и за неё определенно не волнуйтесь.

Эрнест принялся мерить шагами комнату. Страшно хотелось курить. Происходящее не предвкушало ему удовольствия. Но и перспективы остаться снова наедине с картелем — тоже. Да, картель. Точно.

— А что насчёт картеля и АгниКорп? У нас с ними, похоже, некоторые разногласия в видении будущего.

— И первых, и вторых вы временно оставите в стороне. Они пока что нужны для дела, хотя по лбу кое–кому дать и нужно. Привести, так сказать, ситуацию к привычному status quo. Однако, когда приносимые ими проблемы перевесят полезность, вы сможете лично пустить троицу на кебаб. Но только тогда.

— Троицу? — насторожился Эрнест.

— Вы внимательны, мистер Н. Голову мистера Нахта в

качестве жеста доброй воли могут принести через десять минут. А пока мы с вами обсудим детали будущего сотрудничества, в ближайшем ресторане, или же — в нашем офисе.

— Нет, — веско произнёс А. Н.

— Нет? — поднял бровь Баттл.

— Я должен сам нанести ему визит.

— Понимаю вас.

Пауза. Эрнест сделал шаг к двери и замер.

— Вы ведь наверняка знаете его запасные норы, верно? Вы ведь следите за картами.

— О да.

— Не подбросите? После моего небольшого расследования карманы пусты.

— С удовольствием. Но я бы предложил сначала навестить проверенного доктора.

— Зачем?

— Видите ли, спекшиеся воедино из–за биогеля пластмышцы, куртка и карапасная броня рано или поздно станут приносить дискомфорт. Хотя, если вы хотите стать броненосцем — у нас есть отличный набор опробованных биомодификаторов.

Интерлюдия 5

Место: Архипелаг Высадки.
Локация: Остров Жирафья Шея
Время: Пятница, 01:50

Барри использовал возможности начинённого боевой эмной тела по максимуму. Лавируя между немногими оплатившими наземную таксу мобилями, он пробежался напрямую до первого пирса. Сдержал острое желание прыгнуть в воду прямо там, свернул влево и бежал вплоть до изгиба реки. Там, ближе к противоположному берегу, лежал самый северный, небольшой островок из группы Высадки. Слишком узкий и слишком болотистый для того, чтобы на нём строили хоть что–то.

Зато заросший мелким кустарником, с развалинами особняка. В котором был последний невскрытый схрон весельчака Димми. Он очень хотел уйти на покой. Но не успел, ха.

Ливень застал Тощего на середине реки. Химия в крови бурлила, мешая получить переохлаждение. И, разумеется, попасть под винты судов, проходящих мимо. В каждом отдалённом жужжании Барри, широко загребавшему руками, слышались летящие по его душу биоботы. А в каждом недовольном фырчании урдалеба, выплывшего на вечерний моцион — насмешка от врага.

Эмна отпустила как раз тогда, когда Барри уже подплыл к песчаному берегу Жирафьей Шеи на расстояние вытянутой руки. Силы мгновенно ушли, и течение понесло его вдоль берега. В сторону фарватера. Завыв, Барри двумя рывками подобрался ещё ближе проносящегося берега. Рывок. Ещё рывок. Наконец, зацепился за ракушечный пляж, чувствуя, как ноги уносит ниже. Вытащил себя. Почувствовал ледяные капли, бьющие по всем открытым частям тела.

Захохотал.

Может, он и потерял всю банду, вместе с ней — всяческое влияние. Но главное — общая касса и резерв на крайний случай — всё ещё с ним. Причём последнее — надёжно спрятано на этом самом острове. Сейчас Барри встанет и пойдёт искать ящики. Разложит маскирующую палатку, которую заметит лишь сильно продвинутый разведывательный биобот. В своё время она стоила целой горы жетонов.

Отогреется, поест.

А завтра с новыми силами станет восстанавливать мощь банды. Потому что иначе ему не достать всех своих врагов — подставивших его благодетелей, службы безопасности, и, конечно

же, душку Эрнеста.

Но сначала он вдоволь насмеётся.

* * *

Место: Пустоши.

Локация: «Логово».

Время: Пятница, 07–25

Бетонные тюбинги обделки уже начинали раздражать.

Нет, не подумайте, мне уже давно пришлось привыкнуть к подземельям. Во время службы в армии я неделями не вылезал из укрытий, пока джосеры не переставали долбить артиллерией. Пару раз спускался в их ирригационные туннели. Пережил много неприятных часов в городском Подбрюшье.

Но всё равно — чугунные или хрен пойми из чего сделанные тюбинги меня уже достали.

Несколько часов незнакомые доктора кололи тело вашего покорного слуги. Тыкали какими–то датчиками. Отдирали прикипевшие благодаря биогелю пластины брони. Подключали к давно заросшим разъёмам имплантов провода, хмыкали и отправляли дальше. Заставили спать в ванне с какой–то синеватой дрянью. Одно радовало — после неё усталость ушла вместе с львиной дозой нервозности. Оставалось только надеяться, что это был не тетратранк. В противном случае — печень и почки можно было выкидывать.

Я как раз принял чистую одежду (ничем не отличающуюся от моего обычного облачения), когда в палату вошёл Баттл.

— Эрнест, — как ни в чём не бывало кивнул толстяк.

— Коммандер.

— Называй меня с этого момента куратором.

— Принял. — Куратор, так куратор. Не самое идиотское из всех прозвищ или титулов. — Чем могу быть полезен?

— Тебя хотят видеть.

— Кто? — поднимаю бровь.

— А вот это тебе пока знать не положено, — Баттл фыркает, словно волкодав, и выходит за дверь. Я поправляю ремень и выхожу следом, набросив на руку тренч. Если на меня нападут — его можно кинуть на противника. Он не сдержит лазерный заряд (да всё остальное), но при рукопашной это может помочь.

Мы проходим несколько длинных коридоров, обшитых металлоизоляцией. Отходящие в бок гермодвери задраены. Из–за них слышен глухой шум людского улья. Видимо, в «Логове» постоянно находилось несколько сотен человек. Если не

несколько тысяч.

— Они все живут здесь?

— Кто? — возвращает нехитрый вопрос Баттл.

— Люди. Врачи, которые меня чинили. Охранники в полной силовой броне. Ну и те, что шумят за гермодверьми. не знаю и знать не хочу, кто это.

— Некоторые. Но далеко не все. Человек не сильно приспособлен к постоянному обитанию под землёй.

Я коротко киваю. Вспоминаю, что иду вообще–то позади, и сопровождаю кивок неопределенным звуком. Ещё одна дверь. Разумеется, снабженная всеми возможными средствами защиты. И — часовым. Мужчина проверяет отпечатки пальцев, радужку и, похоже, феромонный след. У Баттла — тоже.

— Я не сдавал феромонный след, — мрачно говорю я, подозревая худшее.

— Нет, — кивает Баттл, пока у него берут экспресс–тест ДНК. — Но мы его взяли. Как и образец ДНК. Так что извольте встать на проверку.

Разумеется, я подчиняюсь. Время геройству откровенно не соответствовало.

Убедившись, что все показатели соответствуют, солдат кивает глухим шлемом. Дверь открывается автоматически. Я прохожу через проём. Останавливаюсь, как вкопанный. Мы словно находились на дне гигантского стакана, по какой–то строгой системе заставленного живыми каменными деревьями, какими–то композициями и явными зонами отдыха. Видимо тут, на самом нижнем уровне цилиндрического блока Организация организовала атриум.

Баттл идёт в дальний угол, отделённый абстрактной округлой композицией. Невысокой, но явно — очень дорогой. Резьба наммунгов, не иначе. Ещё один глыбоподобный охранник. Ещё одна проверка. И только после этого — внутрь отделённого пространства. Где человек в строгом френче и головой, покрытой куфией зачарованно смотрит на водопад. Тонкие водные потоки текут по грубым камням, достигая небольшого бассейна.

— Не любите природу, мистер Эрнест? — глухо произносит мужчина, не представившись.

— Мне такого не понять. Я как–то больше привык к явной красоте. Каменные деревья хозяев. Резьба наммунгов. Ну и подобное.

— А как же вкусное пиво и скрытая красота девушек? — осведомляется собеседник, и в его голосе я слышу очень лёгкую усмешку.

— Это другое, — фырчу я.

— Нет, суть та же, — возражает человек, сопровождая слова жестом. И разворачивается. Тёмная кожа, архаичный имплант вместо правого глаза. Пристальный взгляд глаза натурального. — Я — третий Мастер.

— Всего лишь третий?

Баттл кашляет за спиной. Но этот Мастер, кажется, был спокойным, как джосер в засаде. Он лишь кивает куратору:

— На язык остёр даже перед лицом превосходства. Как мне и передавали. Отлично, — он поворачивает голову ко мне. — Скажи мне Эрнест. Что ты чувствуешь сейчас?

— Пока только жгучее желание мести.

— С этим придётся подождать, по крайней мере частично. Ты можешь далеко зайти, А. Н. Но только если усмиришь в себе гордыню и эмоции. Сможешь — и в этом случае Организация достойно вознаградит за труды. Речь не о каких–то блестяшках вроде золота, или бусин, а о вещах более высоких. И более ценных.

— Я уже наслышался этого дерьма за время службы в армии…

— Ты уже убедился влюбиться в город и разочароваться в нём же, — обрывает меня Баттл, — и теперь самое время действовать, чтобы не дать городу погрузиться во тьму. Действовать — шантажом, убийствами и не только. Действовать так тонко, как только позволяет ситуация. Говорю сразу. Твоё отказ — не будет проблемой.

— Таких, как я, много?

— Нет. Поэтому тебе сотрут память и вольют новую. Ты будешь убивать кого надо — и даже не вспомнишь своей реальной жизни. Но видишь ли, в текущем виде ты как оружие куда полезнее.

— А вы уверены в моей лояльности?

— Вопрос хороший. Поэтому сейчас ты пойдёшь в арсенал и выберешь оружие по вкусу. У нас для тебя вступительный бонус. Три неотслеживаемых убийства, которые Организация прикроет.

— Могу убить кого угодно? — деловито спрашиваю я и уже представляю, с каким наслаждением сожгу флогистоном всю троицу, руководящую Агни Корп. На малом режиме плазмы.

— Ничуть. Баттл тебе уже говорил, что руководство АК нам пока нужно?

— Так точно, мастер. Но попытаться стоило.

— Ты прав. Поэтому выбирай цели аккуратно. От этих убийств зависит, выйдешь ли ты следующий раз отсюда со своей памятью, или же с подправленной.

Я киваю. Вижу, как Третий Мастер возвращается к водопаду,

бросаю взгляд на Баттла. Тот указывает взглядом на выход из «живого уголка», и я подчиняюсь.

— И да, ещё один вступительный бонус, — негромко говорит Мастер, не отрывая взгляда от водопада. — Маленькая мелочь. По твою душу нанят отряд наемников. Все как один — грамотные головорезы. Учти это при подборе снаряжения.

Я киваю. Благодарю неведомого пока мне повелителя и ухожу прочь.

Мысленно составляя список того, чем именно прибью кое–кого одного.

* * *

Место: Особый квартал номер четырнадцать. Старый Город
Локация: Кондоминиум «Марк Валькнут II»
Время: Пятница, 10–46

Ганс–Ове Нахт нервничал. Отборные безопасники, ветераны многих кампаний, вышли на дело больше четырёх часов назад. У них были биоботы–ищейки, высокоэнергетическое оружие. И мотивация в виде горки урдалебских жетонов. Годовая зарплата каждого — за одно убийство. Нахт давно приметил этих осевших вольных художников, и когда чёртов Тиммерман нажал — пустил их в дело.

Он знал, что при провале вся троица умрёт. Зная Эрнеста, он убьёт их на месте и не станет пытать. Хотя — не факт, агентура поговаривала, что бывший детектив слегка изменил образ действий. Мог уподобиться «хозяевам» и содрать кожу, словно повязанному лазоревой лентой. Опять же, нейрошокер никто не отменял. А дальше — простая загадка. Сняли ли отставники модуль сопротивления пыткам с его автоматической смертью? Или нет?

Мда… дерьмо. Как оно есть.

Ганс–Ове первый раз за последние двадцать лет взял в губы сигарету. Закурил. Не с первого раза. Отвык уже. Нет, руки не тряслись. Но вот желание не сидеть в квартире оставалось. Хотя весь запас козырей Нахт уже выложил. Дергаться можно было, но — бессмысленно.

Квартира в самом дешёвом «синем» островке? Снята.

Убийцы? Наняты.

Сфальсифицированные, но такие правдоподобные улики в банковской ячейкой при завещании? Сделано, а инфа — распространена среди потенциального окружения Эрнеста.

Оружие — куплено. Отличный плазменный пистолет

производства окапи просто сдует бывшего коллегу с поверхности планеты. Правда, потенциально может и разрушить стену. Но кто не рискует — тот не пьёт шампанского, подумал Нахт и выругался. В своё время именно этим он руководствовался, ввязавшись в казавшуюся когда–то копеечную авантюру.

Из–за которой Тиммерман и взял детектива на крючок. Продвигал, защищал, но никогда не забывал использовать свою любимую креатуру. Всегда оговаривая условия и желаемые результат — но и не давая альтернативного решения. Как и в случае с Эрнестом А. Н., который должен был умереть сразу несколько раз, и, каждый раз по мнению собственной безопасности — наверняка. Попав под разьярённого и явно биомодифицированного кордула. Попав под пули охраны. Попав под лазерные разряды собственных коллег.

Где–то у него должна была слабость, ухватился Нахт за слабую надежду.

Он активировал коммуникатор. Пролистал данные по известным личностям, так или иначе связанным с Эрнестом. Коллеги? Нет, детектив всегда был одиночкой и не брал напарников. Друзья? Скорее нет. В наиболее опасные дела старался не связывать, особенно после кейса с гибелью друга в глупой засаде… даже Гансу–Ове, во времена наиболее тесной связи, он не звонил и не доверял. Нет, точно не то.

А, может, дамы? А. Н. слыл тем ещё бабником, но несколько дам задержались надолго. Жаннет Дюбуа, Хильдур Йонсдоттир. Ещё десяток шлюх на один раз. И, конечно же, загадочная Агнетт. Не раз и не два Тиммерман пытался подобраться к ней, заветной слабости А. Н. Но пока подбирался, парочка разошлась. Может быть, рыжая не откажет в небольшом разговоре коллеге Эрнеста, некогда успокаивающем девушку, пока детектив полез в очередную крысиную нору?

Короткий набор известного номера коммуникатора. Гудки. Каждый казался Гансу–Ове вечностью. Наконец, пауза. Глубокий женский голос:

— Слушаю.

— Агнетт?

— Я слушаю, — сухо ответил голос. Странно, раньше она была куда более живой, подумал Нахт, но решил идти ва–банк.

— Агнетт, тебя беспокоит коллега Эрнеста.

— Вас слишком много в последнее время, всех и не запомнишь.

— Агнетт, Эрни в опасности. Он слегка не в себе и слишком повёлся на свою собственную паранойю. Слушай, мне нужна помощь…

— Нет, слушай ты меня, сопляк. — Рыжая говорила неожиданно властно, так что Нахт мгновенно заткнулся. — Эрнест большой мальчик и выпутается из временных сложностей.

— Но…

— Не перебивай, — голос Агнетт окатил Ганса–Ове ледяной волной.

— Слушаю, — кротко ответил детектив.

— Если ты ещё хоть раз позвонишь по этому номеру, жалкий червь, то я вырву твоё гнилое сердце и скормлю его ближайшему джосеру. Слышишь?

— Слышу, — глухо произнёс Нахт. Заготовленная фраза рассыпалась пеплом от холодных фраз Агнетт.

— Вот и не звони. Жди своей судьбы, какой бы она не была.

— В жизни больше не позвоню.

Гудки.

Гудки отсекают его последнюю надежду.

Нахт сжал в кулаке ещё тлеющую сигарету. Смял, ударил об стол. Нет, так дело не пойдёт. Если А. Н. смог пережить встречу с работодателем и сложит два и два, то сначала разберётся с основой всех проблем. То есть — триумвиратом «Агни Корп». Но вот потом он точно вспомнит о старом друге Гансе–Ове Нахте, вечно снующем рядом и вечно подсказывающем самый перспективный и самый опасный путь решения проблемы…

Нужно что–то делать. Какие слабости есть ещё у Эрнеста? Гражданские. Да. Он никогда не трогал шлюх, мелких воришек и случайных свидетелей. Почему бы не скомбинировать? Нахт судорожно перебрал сайт эскорт–услуг. Вызвал сразу двух шлюх — чтоб наверняка. Блондинку и рыжую. Весьма привлекательные, подходят вкусу и его, и его потенциального убийцы.

Ожидание феечек Нахт скрасил бутылкой чёрного рома. Терпкий алкоголь даже начал действовать к тому моменту, как неловкие женщины постучались в дверь его квартиры. Все уплаченные через агенство урдалебские жетоны они отработали сполна. Два часа долгого, животного секса, сдобренного эмной, алкоголем и табаком. Ганс–Ове брал от жизни всё.

Понимая, что каждая минута, проведённая со случайным свидетелем, продлевает его жалкую жизнь.

Он докуривал одну из последних сигарет, обхватив гладкое плечо блондинки, когда умный замок двери сдался гаджету и с щелчком открылся. Ганс успел сообразить. Не мозгом и не членом. Подкоркой спинного мозга, что пришли именно за ним. Он рывком освободился от объятий, но было слишком поздно.

Эрнест А. Н. выбил ногой дверь и держал наготове лазерный пистолет.

Выстрел. След от яркого луча отпечатался на зрачке Нахта.

Блондинка с широко распахнутыми глазами ничком повалилась на белоснежную простыню. Окрашивая её алым.

Выстрел. Веки закрыты, но след всё ещё горит белым.

Вторая проститутка получает точный выстрел аккурат в середину белого лба и откидывается на пухлую подушку. Ганс–Ове вслепую, инстинктивно, тянется за плазменным пистолетом, лежащим на тумбочке. Не успевает.

Выстрел. Яркая вспышка.

Раскаленные осколки высокоэнергетического оружия окатывают руки и лицо Ганса–Ове. Плазменный пистолет, ближайшая надежда Нахта, разлетелась в клочья. Теперь его и спокойного, как лёд, Эрнеста отделяет лишь простыня.

— Здравствуй, Ганс, — спокойно бросил А. Н., проходя внутрь квартиры. — Не хотел тебя прерывать. Но иначе ты бы развлекался до тех пор, пока у тебя бы на счёте не образовалась пустошь почище загородной.

— Эрнест, ты ничего так и не понял, — хрипло начал Нахт. — Тебя использовали, прямо как я этих шлюх…

— Знаю, — эхом ответил Эрнест, меряя шагами комнату. И не сводя дымящийся ствол пистолета с Нахта. — Знаю, как вы со всей верхушкой пытались натравить меня на наиболее опасных тварей Города. Знаю, как ты спустил на меня наемников, а когда попытка не удалась — бандитов.

— Я не настолько идиот, чтобы пытаться тебя ликвидировать обычной уличной бандой, — со всей возможной твёрдостью заявил Нахт, вставая с постели. Вставая как есть — голышом и без оружия.

Эрнест сделал два длинных шага. Выбросил правую руку вперёд. Кастет, зажатый в его кулаке, сокрушил челюсть бывшего коллеги. Кастет, некогда подаренный самолично Гансом–Ове Нахтом.

— Не пытайся, — прошипел А. Н. — заговорить мне зубы. Ты расскажешь мне всё, что знаешь. А затем — умрешь. Но не раньше.

Нахт выплюнул выбитые мощным ударом зубы. Всё было бесполезно. Всё было зазря. Он попытался выпрямиться, но получил лишь ещё один удар по черепу. Эрнесту А. Н. было плевать на степень его вины. Он пришёл вершить возмездие. Наверное, подумал Нахт, ощутив резкую боль в основании черепа, он и вырвал «улитку» прямо с разъемом. Либо он просто перестраховался по профессиональной привычке, мелькнуло у детектива в мозгу.

Последнее, что осознанно увидел Ганс–Ове Нахт, детектив

корпорации безопасности «Агни Корп», был распрямившийся Эрнест А. Н. с нейрошокером в одной руке и выдвинутым раубтиром на другой. Он выкручивал настройки мощности по максимуму и настраивал ощущения на страх.

И ему было совершенно плевать, что услышат или не услышат соседи Нахта по кондоминиуму.

Заключение

Место: Особый квартал номер четырнадцать. Старый Город
Локация: Кондоминиум «Марк Валькнут II»
Время: Пятница, 14–41

Служба безопасности не приехала ни через пять минут, ни через пятнадцать. Я успел спуститься в лавку на первом этаже, купить ящик «Веселого урдалеба» и вернуться в разгромленную квартиру Ганса–Ове. Да, собирался взять «Троки». Но, взвесив все «за» и «против», решил, что «пиво перед смертью» звучит неплохо. И куда лучше, чем «апельсиновая газировка перед арестом».

Отдельные, особо смелые личности решились высунуться из конур, но увидев мою мрачную харю, спрятались обратно. Ведь даже в Старом городе иногда могли убить за косой взгляд. Чего я, признаться честно, не знал раньше.

Раньше…

Полгода назад ветеран, мнивший себя повидавшим разное, приехал в Город. Дал себя обдурить, дал себя влюбить в синий камень «хозяйских» построек, ар–деко и облупленный, побуревший от времени кирпич. То время было красивым, беззаботным и очень, очень глупым. Полным алкоголя, уютных баров и добрых компаний. Оно прошло, как туман под первыми тёплыми лучами.

Алкоголь служил самонаводящимся мороком, чертовски приятным, но скрывающим вещи, очевидные с самого начала. Ложные улыбки друзей, чёрные районы в самом центре. Коррупция, апатия и жадность в человеческих верхах. Если честно, стоило потратить два убийства на кого–то сверху. Девушки ведь могли и промолчать, не так ли? Но что сделано — того не отыграть.

Снарядить трубку отличным табаком с вишнёвым ароматом.

Мне плевать на то, кто придёт по его душу и придёт ли вообще. Я крайне доволен уже тем, что прибил того из врагов, до которого мог дотянуться. Насчёт остальных были получены недвусмысленные намёки. А Эрнест А. Н. не понимает намёки только от женщин. И то, признаюсь честно, не всегда.

Я успел сделать пять или шесть затяжек, прежде чем снаружи раздались тяжелые шаги. Через секунду дверь распахнулась, и внутрь зашёл «коммандер» Баттл. Сложил гигантский зонт и вошёл внутрь, постукивая тростью. Хмыкнул, осматривая устроенный вашим покорным слугой погром: три трупа, много крови и одна пустая банка. Из–под пива «Весёлый урдалеб».

— Поздравляю вас, мистер Эрнест, — глубоко кивнул Баттл,

словно перед ним и не располагалась адская картина. — Красивая месть, хоть и несколько кровавая.

— Спасибо, — вяло киваю я, оторвавшись от банки с хмельным.

— Могу осведомиться кое о чём? — поднимает брови Баттл. Я удивляюсь, что монокль не выпал из его глазницы.

— Валяйте.

Коммандер проходит к середине комнаты. Древний паркет натужно скрипит под его массивной тушей. Он осматривает уже коченеющие тела шлюх, поддевая их тростью. Прежде, чем продолжить, хмыкает:

— Вы дождались, пока покойный мистер Нахт закончит предаваться утехам с этими бедными девушками. Но всё–таки убили их первыми.

— Хотите знать, почему?

— Если вас не затруднит.

— Не затруднит. Они могли закричать.

— Естественная реакция для напуганного человека.

— Для меня она была бы фатальной. Крик мог способствовать вызову службы безопасности. А главное — тому, что Ганс–Ове встретил бы меня, Эрнеста А. Н. выстрелом в грудь. Как вы можете заметить по ошмёткам плазменного пистолета, мне и так дико повезло.

Баттл глубоко кивает с непроницаемым лицом. Осматривает последнее пристанище грязного детектива. В основном — тыкая тростью. Я заканчиваю первую банку «Урдалеба», откидываю в сторону прохода. Вскрываю вторую и делаю глубокий неспешный глоток. Всё–таки не знаю, каким временем располагаю. А значит — его нужно потратить продуктивно.

— Вы несколько кровожадны, Эрнест.

— Не без причины.

— Позвольте осведомиться, что было первичным — жажда крови или причина?

— Причина, — бурчу я, понимая намёк. — Эта скотина была рядом и постоянно направляла меня к смерти.

— У него был выбор?

— Выбор есть всегда, мистер Баттл. Он его сделал. Если бы вы мне дали убить верхушку «АК», то Нахта я бы просто пристрелил. По старой дружбе. А так за каждый свой грех он оплатил по полной таксе.

Баттл шагает дальше. Острый кончик его трости погружается в одну из многочисленных ран скорчившегося детектива.

— Вы обнажили плечевой нерв?

— Ну да. Хотелось, чтобы он прочувствовал на себе всю мощь

нейрошокера.

Представитель Организации понимающе улыбается. Но — едва заметно.

— Вкололи тетратранк, полагаю?

— Всего лишь «бык». Усиленного действия, правда.

— Удивительно, что сердце выдержало до того момента, как вы его вскрыли горло.

— Он был крепким сукиным сыном.

— Согласен. На будущее — вам стоит умерить кровожадность. Даже в таких делах. Они не будут замечены на общем фоне, но умный человек всегда найдёт след. Мы обычно действуем куда тише.

— Это угроза? — угрюмо спрашиваю я.

— Это замечание к оценке, — снова улыбается Баттл. — Пройдём к мобилю. У нас масса дел.

— Приму к сведению. А что насчёт тела?

— Им займутся.

Я хмыкаю. Допиваю банку и отшвыриваю её в сторону. Набиваю трубку, прежде чем пойти за Баттлом.

Если меня и везут убивать — то я успею воткнуть мундштук противнику в глазное яблоко.

Напоследок.

<передача закончена>

Информаторий

Применяемые сокращения.

Г. — Город:

жарг. — жаргонизм;

СБ — служба безопасности.

х. — Хозяева.

Места.

Бесильня — часть Старого Города (см. далее) на границе с Новым, состоит в основном из старых человеческих кварталов. Основное место развлечения большей части населения Города. Слабо сегрегированно, широко криминализировано.

Внутрянка, внутренность (жарг.) — специфические постройки жилого предназначения, характерные для некоторых районов Города. В отличие от внешних строений, расположенных на «красной линии», «внутрянки» построены в глубине двора по самому простому проекту. Нередко наличие вместо лестничных площадок наружных, не застеклённых галерей. Двери квартир в таких строениях выходят именно на них.

Водные Сады — парковая зона, разбитая «хозяевами» (см. далее). на месте старого рва. Сочетает в себе парк в традиционном, человеческом смысле слова, а так же «хозяйские» культовые места и отдельные зоны, привычные «гостям» как места отдыха. Считается «синей» зоной и охраняется исключительно хозяйскими воинами. Очень редко к несению службы привлекаются отборные группы человеческих СБ.

Высадка — группа островов (один крупный и несколько мелких), располагающихся посреди реки, а так же наименование наиболее крупного из них, служащего местом отдыха городского населения в тёплые сезоны.

Город — главный, но не единственный город окрестностей. Основное место действия цикла. Город изначально основан «хозяевами», но в данный момент является важным транспортным и экономическим центром, а так же местом пересечения множества культур освоенной части вселенной.

Жетон — небольшой остров, располагающийся севернее остальной части Высадки. Застроен элитной недвижимостью, считается синонимом броской, безвкусной роскоши.

Инсектарий, жарг. *Ульи* — обособленная северная часть города, основное место обитания ряда рас Гостей. Рекомендуется к посещению исключительно с сопровождающими лицами.

Метрополия — главная человеческая система, средоточие власти, экономики и львиной доли населения.

Монтаук — курортный городок вне Г., у главного водохранилища *Сиппар*, питающего население. Населен в основном людьми и немногими жрецами «х.».

Мыловарня — район, занимающий географически промежуточное положение между Новым городом и Инсектарием. Состоит из старых промышленных предприятий, а так же отдельных жилых вкраплений. И первые, и вторые — как «гостевого» и «хозяйского», так и человеческого генезиса. Достаточно неоднородно заселена.

Новый город — часть Г., основанная людскими колонистами. Наиболее плотнозаселенная часть города, средоточие людской деловой активности. Граничит со Старым городом на юге, Бесильней там же и Мыловарней — на севере.

Проём — общее название для слабозаселенных районом, располагающихся между Сабурбиями (см. далее) и остальным Г.

Подбрюшье — общее название для сети подземных коммуникаций, располагающихся под городом.

Пустоши — полупустынная местность между океаном и Г. Несмотря на суровые условия, имеет устойчивое население в силу более слабого контроля Хозяев и богатых залежей полезных ископаемых. Кроме того, там же сосредоточен ряд предприятий, как горно– и машинопромышленных, так и агропромышленных.

Сабурбия — жаргонное название пригородов Города, застроенных в основном малоэтажным жильем. В отличие от других районов, население С. жёстко регламентировано «х.», что отчасти является причиной социальной стабильности проживания в данных районах. Расположены в основном с западной стороны Города, в некотором отдалении. Однако, первая С. находится к юго–западу, прижимаясь вплотную к реке. Она давно уже приближается по элитности проживания к Жетону, но определенная дистанция все равно остается.

Сиппар — водохранилище в трёхста километрах северо–западнее города. Основное предназначение — сохранение воды для Города и окружающих поселений. Один из самых зелёных оазисов Пустоши, традиционная рекреационная зона.

Старый город — часть Г., основанная ещё до прихода «гостей» и людей. Ранее была населена преимущественно х., однако постепенно вкрапления людских кварталов разрослись и перекрыли по площади большую часть старых участки. Вплотную примыкает к Цитадели, от остальных районов отделена Новым Городом (см. далее). Однако некоторая часть на севере расширяющимся «языком» идёт вдоль реки вплоть до Мыловарен, отделяя их от более приличных районов.

Стеклянные Пирамиды — обширный восточный пригород на

левом берегу реки без постоянного населения. Наличие такового запрещено хозяевами. Играет роль скорее туристического аттракциона и своеобразной Мекки человеческих ксеноархеологов — считается, что «хозяева пирамид» были первыми «гостями». И первыми, вырезанными «хозяевами». Рекомендуется к посещению всеми без исключения туристическими обозревателями.

Хаб — главный транспортный узел Города, концентрирующий в себе основные грузовые и пассажирские перевозки. Подчинен «хозяевам» скорее экономически, чем физически. Находится с юго–востока города, в некотором, но небольшом отдалении от основной части.

Цитадель — запретная часть с. г., посещение которой разрешается исключительно с разрешения «Хозяев». От остальной населенной части отделена Водными Садами — обширным парком на месте рова.

Ямы — слабозаселенный пригород к югу–югозападу от города. Название получил из–за наличия старых крупных котлованов неясного происхождения кратерной формы. Одной из основных достопримечательностью Я. является стена высотой около четырёх метров и толщиной в два, собранная исключительно из черепов различных видов разумных видов. Район — «чёрный» и решительно не рекомендуется к посещению.

Расы.

Асакку — земноводная раса, напоминающая мечехвостов. А. предпочитают селиться во влажных низинах. Крайне созерцательны и пассивны. По сложившемуся в обществе мнению, обладают достаточно низким интеллектом. Благодаря этим особенностям нередко используются как дешевая рабочая сила. Тем не менее, освоили межзвёздную торговлю. Построенные ими биосимбионты и грузовые биокорабли славятся своей надежностью.

Гости — колонисты и путешествующие расы, не принадлежащие к постоянному населению Города. Под этим термином так же объединяются негуманоидные обитатели Города. Имеют ограниченные общественные и экономические права. Политические права имеют только в строго определенных районах.

Джосеры — стайные арахниды. Степень разумности отличается в зависимости от касты и стаи. Обитают в «ульях» на окраине города, многочисленны и быстро плодятся (по разным оценкам, от 15 до 30% биомассы). В отличие от многих других рас, не удовлетворяются «гостевыми» правами и регулярно бунтуют. Их размножение сдерживается как жестокими акциями

подавления со стороны «хозяев» и СБ, так и низкой квалификацией дж., которые берутся за любую опасную и травматичную работу. Передвигаются в основном на шести конечностях, хотя в обществе высшие особи пытаются ходить на четырёх. Отдельная каста, «просвещённые», посвящают жизни интеграции д. в общество Города и ходят на двух конечностях.

Кордулы — немногочисленная губоногая раса «гостей». За 150 стандартных лет до получения людьми резидентских прав совершила попытку вторжения и практически полностью истреблена «хозяевами». В данный момент обложена многочисленными ограничениями и поражениями в правах. Обитают в основном в нескольких анклавах в Инсектарии. По упорным слухам, несколько колоний кордулов до сих пор обитают в малонаселенных районах на границе пустошей.

Лангусы (жарг.) — водная раса, вне воды перемещающаяся в специальных «биоскафах» (см. далее). Напоминают лангустинов, отчего и получили своё прозвище. Одержимы поиском планеты–океана, в их мифологии считающейся землёй обетованной. Разговаривают на инфразвуковых тонах. Их «ложная икра» — ценный ювелирный материал.

Люди — колонисты человечества. Играют важную роль в жизни города, а так же в населении. По численности занимают примерно 35–40% населения города. Имеют прозвище «наземники» среди «Гостей».

Намму, ед. л. *Наммунг*, они же «слизни» — брюхоногие гости. В целом напоминают слизней, но — различных цветов и длиной в стандартный метр. Имеют развитые хвостовые отростки, используемые как конечности. Небольшая община н. живёт в отдельном анклаве у Хаба, где занимается преимущественно декоративными искусствами.

Окапи, они же «палочники» — специфические «гости». По яростно отрицаемым о. слухам — дальние родственники или по крайней мере, соседи Дж. Крайне немалочисленны, в основном живут в своём анклаве — «Лесопилке», находящемся на окраине города. Оружие о. крайне ценится среди всех слоёв населения г.

Омёлы — симбионты, предположительно, родственные царству грибов. Гостевых прав не имеют, но и поражения в правах — так же. Выглядят как покрывающая носителя паутина из прочных чёрных побегов. В силу особенностей биологии и религии не могут захватывать произвольно тела, поэтому активно проповедуют Слияние. Хотя носители заметно крепче «базовых» представителей своей расы.

Рет — раса паразитов–гостей. Захватывают тела как «х.», так и людей, обладают ярко выраженной эмпатией. Питаются живой

плотью антропоморфных существ, предпочитая человечину. Сторонятся себе подобных, довольно немногочисленны. Уязвимы к ряду химических соединений.

Урдалеб, они же «коровы» — массивные земноводные млекопитающие, обладающие интеллектом, оценивающимся как примерно равный человеческому. В основном живут вне города, в обособленной фактории в одном из дальних водохранилищ. Несмотря на то, что основали факторию и получили хартистские права ещё раньше людей, в основном играют пассивную роль в жизни, иногда выбираясь на светские рауты. Из–за этого имеют репутацию бездельников и почти всегда относятся к «гостям», хотя и не являются таковыми с формальной точки зрения.

Хозяева — автохтонные обитатели Города. Антропоморфны, имеют несколько конечностей. Поклоняются воде и синим камням. Интересуются астрономией. Повсеместно распространёнными среди них искусствами считаются наложение звёздных рисунков и художественная трактовка текущих событий. Крайне одарённые камнерезы. Не имеют валюты для внешней торговли, предпочитая бартерные контракты, в том числе под залог и процент от прибыли. Несмотря на вышесказанное, имеют средство поощрение — «*бусины*». Основное табу — показ лица чужакам в «нечистой» среде (т. е. любая без присутствия воды). Обитают в основном в Цитадели и Старом Городе.

Понятия.

Анкимул — особая комната в оккулатории. Предназначена для вдохновения при наблюдении за звёздным циклами. «Хозяева» собирают в них связанные с астрономией и астрологией артефакты, но иногда и используют их по прямому назначению.

Биобот — в широком значении: любой кибернетический симбионт, базирующийся на биоматериале живого существа. В узком значении — универсальная автоматическая беспилотная платформа «Мелугхуль», широко применяемая силами безопасности. Способна нести различный набор оснащения, от грузовой платформы небольшой вместимости и ремонтного инструмента, до разведывательного оборудования и тяжелого вооружения.

Биогель — универсальный армейский препарат комплексного воздействия BGS-08.03. Обеспечивает местное обезболивающее, антисептическое и восстанавливающее воздействие. Не обеспечивает полной регенерации потерянных или поврежденных тканей, из–за чего получил прозвище «заморозка».

Биоскаф — скафандр жизнеобеспечения, используемый лангусами для перемещения вне водной среды.

Бусины (жарг.) — средство поощрения «хозяев», большей

частью Города признаётся как наиболее ценная валюта. Представляют собой яйцевидные полированные камни с отверстиями для пропускания веревки, нитей и т. д. Нередко содержат гравировку, узор которой обозначает повод ля поощрения. Делятся на «малые» («*затур*»), размером с крупную обыкновенную человеческую бусину, и «большие» («*загаль*»), размером доходящие до куриного яйца. Камни могут быть как производства ксеносов, так и вполне объяснимого. Материалы некоторых, «больших» бусин, неизвестны даже самим Хозяевам и из–за этого являются предметом бешеной охоты.

Бык (жарг.) — 1) препарат комплексного действия, призванный держать в сознании человека. Не рекомендуется к повторному введению в течение недели после использования. 2) Жаргонное название для грубого, неотёсанного члена банды низового статуса.

Вафельница — укрепленная и расширенная часть дороги, предназначенная для посадки различных видов транспорта без нарушения наземного сообщения.

Веселый урдалеб — название распространённого лагера, а так же — кружки объёмом 1.3 литра.

Голопанель — краткое название голографической панели, универсального мультимедийного средства.

Дерринджер — двухствольный карманный лазерный пистолет. Из–за компактности его скорострельность и запас энергии сильно ограничены.

Дрон — беспилотный аппарат (кибернетический, биологический или симбиот).

Дыра в стене — общее жаргонное название для дешевых баров, рюмочных и кафе, настолько тесных, что барная стойка занимает большую часть заведения. Посещение подобных заведений рекомендуется строго по рекомендации и при сопровождении опытного знакомого.

Железо — обиходный термин для несъёмных имплантов.

Жетон урдалебский — одна из нескольких валют, имеющих официальное бартерное хождение в городе. Выполнена в виде круглых пластиковых монет крупных размеров, благодаря чему и получила своё неофициальное название.

Карандаш — наркотическое вещество «вирф'охэй», импортируемое окапи. В качестве основного способа воздействия людьми используется втирание спрессованного порошка в слизистые оболочки. Основной формфактор — тупозаточенный брусок. Из–за него к. и получил своё жаргонное именование.

Каэл — уважительное обращение «хозяев» к личностям, не принадлежащим к их расе.

Коммуникатор, коммлинк — мультимедийное средство связи, как правило, выполняемое в виде запястного планшета

Кости (жарг.) — разговорное прозвище службы безопасности Agni Corporation, данное из–за бледно–бежевой расцветки формы и брони.

Креветки (жарг.) — см. Лангусы

Монеро — 1) провалившаяся попытка человеческих финансистов создать «универсальную валюту», равноценную для всех рас Города 2) (жарг.) насмешливый эпитет для чего–то малоценного 3) (жарг.) любые деньги вообще.

Нейрохлыст — общее жаргонное название *нейрошокера*, оружия, воздействующее на нервные окончания. Обычно под н. подразумевают «посох душ» или аналогичное по функциям оружие окапи, вызывающее мощную психофизическую реакцию пораженного организма.

Оккулаторий — отдельное строение, предназначенное для наблюдения за звёздами и религиозно–театральных представлений хозяев. Одно из немногих зданий «хозяев», в которые разрешен доступ всем биологическим видам, вне зависимости от сегрегации. Тем не менее, реальный доступ осуществляется только по приглашениям, что делает о. популярным местом для светских встреч высшего класса Города.

Отработкадисциплинарная — основной вид наказания на территории, контролируемой хозяевами. Всего содержит четыре степени и может перекрываться только смертью. Более низкая степень наказания — штраф.

Палочники (жарг.) — см. Окапи

Пластмышцы — псевдобионический экзоскелет местного крепления, предназначенный для усиления физической силы носителя.

Полирежимка — полирежимное оружие, то есть сочетающее в себе несколько физических принципов воздействия. Как правило, этот термин ассоциируется с человеческим оружием, сочетающим в себе кинетический и лазерный режимы огня. Тем не менее, существуют и другие сочетания.

Поражение в правах — законодательное ограничение в финансовых и общественных правах обитателей Города. Может применяться на отдельных лиц, группу лиц по определенному признаку, или же — определенную расу.

Раубтир — холодное оружие, крепящееся на запястье. Как правило, оснащено механизацией, позволяющей лезвиям скрываться в наручах. Так же — жаргонное название импланта с аналогичными свойствами.

Сегрегационная метка — знак, обозначающий минимально

необходимый статус для допуска в заведение. Нарушение с. м. жёстко пресекается — как обществом, так и службами безопасности.

Сегрегация — допуск к общественным привилегиям (как правило, частное) в зависимости от статуса расы. Внутри города распространена «цветовая» сегрегация, в зависимости от «цвета» расы: синяя (хозяева и возвышенные до них), зеленая (хартийцы), желтая (гости), красная (поражение в правах), и чёрная (отсутствие любых прав). Поддерживается как централизованно, так и децентрализованно, на местах.

Серебрянка — жаргонное название агрессивного химического соединения, используемого в качестве тяжелого наркотика с резким седативным действием. Имеет серебристый цвет как в порошкообразном, так и разведённом состояниях, что отражается в уличных наименованиях.

Слизни — см. Асакку; Наммунги

Сопряжение, боевое — обмен данными, получаемыми бойцами в режиме раельного времени. К данным относятся как оперативные, то есть аналитические отчёты и рапорты, так и боевые, то есть получаемые непосредственно перед боем оперативной разведкой или дронами. В основном распространено среди армейских подразделений человечества, несколько реже — внутри различных служб безопасности.

Сороконожка — см. Кордулы

Спидола — жаргонное название агрессивного химического соединения на базе нескольких эндоканнабиоидов. Технология производства с. не принадлежит людям, хотя именно они наиболее активно потребляют его.

Сыновья — жаргонное прозвище службы безопасности «Fils d'Ajax».

Тёмные — жаргонное прозвище службы безопасности «Nox», данное из–за приверженности матово–чёрной униформе.

Транк — в узком значении: армейский препарат комплексного воздействия TKF-49.02., обеспечивающий как седативное, так и обезболивающее воздействие. В более широком значении: любой транквилизатор, выполненный в форме шприц–тюбика или шприц–пистолета. *Тетратранк* — мощнейшее седативное средство TKF-49.08, предназначено для погашения синдромов досрочного выхода из фуги. Широко распространено на чёрном рынке как наркотик.

Улитка — коммуникационный имплант, закрепляемый позади ушной раковины. Как правило, предназначен для использования совместно с коммуникатором, «автономные» улитки довольно редки и дороги.

Фазис — лёгкий наркотик растительного происхождения. Употребляется всеми без исключений расами Города в том или ином виде.

Флогистон — переносное плазменное оружие. Выпускает конус узко- или широконаправленной плазмы. Рекомендуется к аккуратному использованию подготовленным оператором.

Фуга, криогенная — способ сохранения тела и разума человека во время дальних перелётов.

Хартия — коллективный или индивидуальный акт, дарующий право на общественную, политическую, деловую и вооруженную активность в Г. Выдается «хозяевами», может быть личной или наследуемой. Люди — вторая раса хартистов после урдалеб. Все остальные получают только индивидуальные хартии личного, редко — наследуемого характера.

Хуртукуль — традиционный универсальный инструмент «хозяев» с недлинным прямым тёмно–серым клинком. В основном применяется ими как камнерезный ритуальный инструмент, но в городском легендариуме он пользуется славой «абсолютного» меча.

Шашечки — жаргонное прозвище службы безопасности «Ao_Ao Group», данное из–за характерной расцветки наплечников у штурмовых групп.

Эмна (от шв. *kemiska ämnen*, химические вещества) — жаргонное название любых наркотиков вообще или «чужих» в частности, в зависимости от контекста.